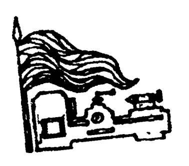
НОВАТОРЫ

Сборник

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 12
(519)

МОСКВА
1972

Сборник

НОВАТОРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

331
Н72

В нашей стране всякий труд должен превращаться именно в искусство изменения страны, украшения ее словом, делом, вещами.

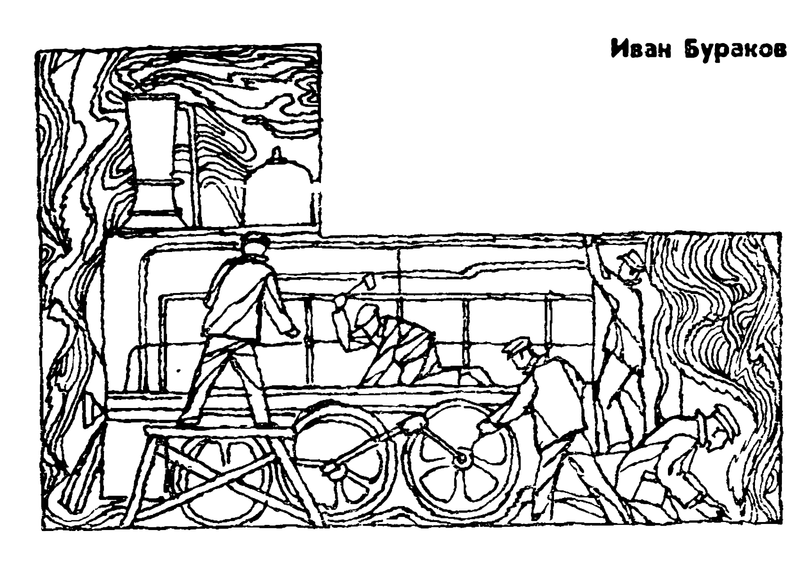
В процессах мирного социалистического строительства мы видим, что масса все более героизируется, непрерывно выдвигая из плодотворной своей среды сотни Изотовых, Стахановых, Демченко.

М. Горький

Составитель Л. РОГАЧЕВСКАЯ

7—2
336—71

Иван Бураков

В районе Соколиной Горы есть улица Буракова, с именем которого связана незабываемая и героическая страница истории нашей Родины — первый коммунистический субботник. Это событие, по определению В. И. Ленина, «имеет бо́льшее историческое значение, чем любая победа Гинденбурга или Фоша и англичан в империалистической войне 1914—1918 годов». Владимир Ильич рассматривал субботники как ростки нового отношения к труду, как «фактическое начало коммунизма, как зарю коммунистического труда».

На улице, носящей имя Буракова, раскинулись корпуса паровозного депо станции Москва-Сортировочная Казанской железной дороги. На двери одной из комнат в здании депо висит дощечка со скромной надписью:

КОМНАТА-МУЗЕЙ
ВЕЛИКОГО ПОЧИНА

В этом небольшом музее нам довелось встретиться со старым большевиком, бывшим машинистом депо Яковом Михайловичем Кондратьевым. Переходя от одного экспоната к другому, он рассказал об одном из славных событий в истории нашей Родины:

— Разве можно забыть 1919 год — один из самых трудных для молодой Советской республики? Страна со всех сторон была блокирована интервентами. Она испытывала острую нужду в металле и топливе, сырье и хлебе. Многие фабрики и заводы остановились. Железнодорожный транспорт разрушен.

Зима в ту пору выдалась суровая, снежная. На улицах лежали груды мусора. Трамваи не ходили, здания не отапливались. Бани не работали. Чтобы согреться и вскипятить воду, москвичи разбирали и жгли деревянные заборы, ветхие дома.

Рабочие получали по осьмушке (50 граммов) хлеба в день. Бывали дни, когда хлеба совсем не давали. Даже мороженый картофель считался лакомством. Спичек и керосина, мыла и соли, сахара и чая почти не было.

Не удивительно, что в таких условиях в Москве и по всей стране начал свирепствовать тиф. В то время по предложению коммунистов на станции Москва-Сортировочная был оборудован санпропускник, который оказал немалую помощь в борьбе с тифозными заболеваниями.

Да, тяжелое было время, — воскрешая в памяти давно минувшие события, говорит Яков Михайлович Кондратьев. — Бывало, посмотришь на карту — и жутко станет: кругом враги, только девять губерний находились в руках Советской власти.

Весной 1919 года империалистические государства организовали новый поход объединенных сил белогвардейцев и иностранных интервентов против Советской России. 4 марта хорошо вооруженная армия адмирала Колчака, именовавшего себя «верховным правителем» России, начала наступление по всему Восточному фронту. Колчаковским войскам на первых порах удалось далеко оттеснить части Красной Армии. В апреле бои велись в 85 километрах от Казани и Самары и в 100 километрах от Симбирска.

Одновременно на юге 100-тысячная армия генерала Деникина захватила Северный Кавказ, Донбасс и приближалась к Волге. На севере активизировали свои действия отряды англо-американских и французских интервентов и белогвардейская армия генерала Миллера. А на границах Прибалтики зашевелилась армия Юденича.

Со всех концов
блокады кольцо
и пушки
смотрят в лицо, —

писал о тех днях поэт революции Владимир Маяковский.

Тяжело было на фронте. Но не легче и в тылу. И фронт, и тыл должны были отдавать все, чтобы отстоять Советскую республику.

...Апрель 1919 года. На станции Москва-Сортировочная Казанской железной дороги царили разруха и хаос. В депо, на подъездных путях стыли «больные» паровозы. Десятки вагонов ржавели и рассыхались.

Положение с железнодорожным транспортом было настолько тяжелым, что Советское правительство вынуждено было временно отменить пассажирское движение, с тем чтобы наладить регулярную доставку продовольствия и военных грузов.

3 апреля 1919 года председатель ячейки большевиков депо станции Москва-Сортировочная Иван Ефимович Бураков был внезапно вызван на чрезвычайное заседание пленума Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов. Спокойный, выдержанный, неутомимый в работе, обладавший организаторским талантом и огромной силой воли, он был настоящим большевистским вожаком.

Трудную и суровую жизнь прошел этот человек. Сын крестьянина деревни Старая Тяга Можайского уезда Московской губернии Иван Бураков родился в январе 1888 года. Семья большая, жили впроголодь. Отец, Ефим Васильевич, не мог землею прокормить семью. Стал искать приработка на промыслах. Вначале он был чернорабочим, по 12 часов в сутки катал тяжелую тачку, потом слесарил. И в конце концов нашел свое место на Киевской железной дороге, проработав там 22 года.

Девятилетним мальчонкой пошел Иван в двухклассную приходскую школу в деревне Копцево. Учился успешно, грамота давалась ему легко. Любознательный и смышленый, Иван рано приобщился к ремеслу.

«Бывало, бежишь из школы, — вспоминал он впоследствии, — а у деда над кузницей синий дымок вьется — так тебя и тянет к нему, поглядеть, как это из ржавого железа выходит подкова либо, скажем, ухват. Самому страсть как хотелось сделать что-нибудь. Дедушка Ники-

фор заметил, что тянет меня к железу, возьми и скажи: «Что, Ванюшка, видно, подуть охота? Ну подойди, подуй!» — и бросал мне веревку, черную от сажи и копоти. Потяну я за ту веревку, в горне как зашумит, как затрещит, скопом искры летят... Ну и стал я заходить каждый день, помогать деду. То клещи подержишь, то зубило подашь. Дед показал мне весь кузнечный инструмент, объяснил, как им пользоваться. Потом научил орудовать напильником и клещами, бить в такт ручником. Крепко я полюбил дедово ремесло. Помню, первая вещь, которую я сам отковал, был косарь. Лучину щепать. Принес его матери; она обрадовалась, похвалила: «В отца да в деда пошел!» С той поры сколько лет прошло, а как вспомню деда Никифора, всякий раз говорю ему от всей души спасибо... Мне думается, что иному политику не так желалось стать министром, как мне повелителем металла».

Проработав с год подручным у деда в кузнице, четырнадцатилетним мальчонкой отправился Иван в Москву — потянуло на большой, настоящий завод. В Москве поступил учеником в столярную мастерскую Молодцова, что в Марьиной роще, но пробыл там недолго. Не полюбил столярную работу. Когда исполнилось шестнадцать, был принят на завод несгораемых шкафов. После этого, переменив несколько предприятий, наконец устроился слесарем в депо по станции Сортировочная Московско-Казанской железной дороги.

В 1905 году Иван Ефимович начинает революционную деятельность, участвует в забастовках, в нелегальных митингах, поддерживает связь с передовыми рабочими московских мастерских. От них он узнал о партии большевиков, о Владимире Ильиче Ленине. Познакомился с революционной литературой. Подпольная работа увлекла. Стал выполнять различные поручения: расклеивал листовки на заборах, в курилках, раскладывал их в инструментальных ящиках, собирал членские взносы и пожертвования на газету «Правду», в фонд помощи семьям бастующих. На похоронах Николая Эрнестовича Баумана принял первое «крещение»: рубцы от казацкой нагайки остались на всю жизнь.

В марте 1917 года вступил в большевистскую партию, а в апреле организовал ячейку РСДРП(б) в депо Москва-Сортировочная.

Нелегкое это было дело — организовать деповскую большевистскую ячейку. Враги пролетариата пугали на-

род большевиками, называя их изменниками родины, немецкими шпионами. В этих трудных условиях, связанных подчас с риском для жизни, Иван Бураков упорно агитировал деповцев за большевистскую партию, разъяснял ее цели. Рабочие соглашались, но стоило заговорить о вступлении в партию, как одни отвечали:

«Что ты, Иван, мы же темные, совсем неграмотные. Нам ли в партию вступать?»

«Погоди чуток, дай оглядеться», — говорили другие.

И Иван Бураков ждал, но не просто ждал, а терпеливо разъяснял.

Шло время, и как-то незаметно стал Бураков признанным вожаком и организатором деповских рабочих. Товарищи уважали и любили его, враги ненавидели и боялись. Теплые и задушевные беседы сделали свое дело.

Оформление новой партийной ячейки происходило в волнующей и торжественной обстановке. Прибывший на собрание представитель райкома зачитал и обсудил с собравшимися программу и устав партии.

— Все ли понятно, товарищи? — обратился он под конец к присутствующим.

— Все ясно, — ответили деповцы.

— Нет возражений против вступления в Российскую социал-демократическую партию большевиков? — переспросил представитель райкома.

— Кто же будет возражать против самого себя? — ответил Бураков.

Так родилась славная большевистская ячейка деповских рабочих, на века прославившаяся своими героическими делами. Председателем ячейки единогласно был избран Иван Ефимович Бураков.

В августе 1917 года он создает отряд Красной гвардии, который к Октябрьской революции вырос до 120 человек. От рабочих депо Бураков был избран членом Московского Совета рабочих депутатов.

...Забежав на минутку в вагон партячейки, чтобы сбросить засаленную куртку, Бураков прямо с Соколиной Горы отправился в Моссовет.

Москва выглядела суровой, несмотря на весеннее солнце. Весело журча, бежали мутные ручейки, тихо шумели ветки еще голых деревьев. Всюду пахло весной. Но Иван Ефимович не замечал этого. Его мысли были поглощены

предстоящим чрезвычайным заседанием: кто там выступит и о чем будут говорить?

Пришел точно к открытию пленума. С докладом о внешнем и внутреннем положении Советской республики выступал Владимир Ильич Ленин.

Ильич говорил о том, что над республикой нависла опасность, что на молодую страну со всех сторон идут враги, которые хотят дать последний, решительный бой.

Царский адмирал Колчак рвется к Волге, к Москве, изнутри страну раздирают контрреволюционные заговоры, заодно с мятежниками действуют предатели — меньшевики и эсеры. Необходимо зорко следить за всеми происками врагов и не давать им никакой пощады.

Вот почему создавшееся положение требует от нас сознания трудности положения Советской республики.

Затруднения в продовольствии и транспорте, подчеркивал Ильич, делают наше положение особенно трудным. «...На работу по продовольствию и транспорту нужно привлечь больше сил. Работа по транспорту стоит так, что на востоке России, за Волгой, у нас несколько миллионов пудов хлеба... но мы не можем его подвезти».

Ивана Ефимовича Буракова особенно взволновало то, что в своем докладе Ленин исключительное внимание уделил транспорту, без чего нельзя было улучшить ни продовольственного, ни военного положения республики.

«Работа по транспорту требует величайшего напряжения, — говорил Владимир Ильич. — Нужно, чтобы рабочие на каждом собрании ставили себе вопрос: чем мы можем помочь транспорту?..

Но разве мы не видим, — продолжал Ильич, — что только рабочие, вынесшие на себе всю тяжесть нашей разрухи, когда борьба сменилась белогвардейскими нашествиями, когда они вследствие этого на себе испытали всю тяготу и приобрели этим большой опыт, — только эти рабочие, только эти наши передовые отряды могут нам помочь!» [1].

...Через несколько часов Иван Бураков вернулся прямо в депо, где его с нетерпением ждали. Обступили, заговорили все разом, засыпали вопросами:

— Ну как?

— Зачем вызывали?

— Что там было?

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 248—249, 251—252.

Бураков не спеша ответил:

— Ильич выступал. Помочь просил. Соберемся после работы, все обсудим.

И вот субботний день подходит к концу. В нетопленном депо люди торопятся закончить работу, чтобы уйти поскорее домой.

Прогудел гудок, возвещая окончание работы. Изнуренные голодом, продрогшие до костей рабочие стали покидать депо. Остались лишь коммунисты. Сегодня экстренное партийное собрание.

В ту пору партийная ячейка депо станции Сортировочная была невелика, но, несмотря на малочисленность, влияние ее на беспартийные массы было огромно.

Собрались в вагоне № 16. Это был старый, вышедший из строя вагон. В один из декабрьских дней 1917 года коммунисты привели его в порядок, оборудовали, на стены повесили лозунги и плакаты. Здесь и разместилась партячейка депо, где проходили все собрания, где можно поговорить о последних новостях, почитать газеты, погреться у «буржуйки».

Хотелось поскорее узнать, о чем говорил Ленин.

Иван Ефимович — высокий, сутуловатый — некоторое время стоял молча, как бы собираясь с мыслями. А задуматься есть о чем. Низка производительность труда в депо: вместо положенных 18 давали под составы 3—4 паровоза в сутки. Где выход? Нажать на сверхурочные, но ведь сам же поднимал при царизме рабочих на забастовки против сверхурочных.

«Плохо же нам... Ох как плохо, — думал он. — Вот и Ильич говорил об этом».

— Ленин предупреждал, что мировой империализм собирается этой весной дать нам смертельный бой. Нам нужно во что бы то ни стало продержаться в эти трудные месяцы. А там уж нас голыми руками не возьмешь. А для этого надо трудиться, трудиться с полной отдачей сил до окончательной победы над врагом.

Внимательно слушали коммунисты, и невольно их взоры устремлялись на стену, где висела карта с линиями фронтов. Куда ни кинь взгляд, всюду фронт: на севере и на юге, на востоке и на западе. А в стране нет топлива, остановились многие заводы, нерегулярно работает транспорт, голодают рабочие и их семьи. Восьмушка хлеба со жмыхом в день! Какая тяжелая весна!..

— Понимаю, трудно. Но ведь Ильич надеется на нас,

верит в нас. Он так и сказал на пленуме: «Вся надежда на сознательность рабочих!» Вспомним, как дорожники Казанки в годы первой русской революции помогали сражавшейся Пресне.

А Октябрь 1917 года! — продолжал Бураков. — Встала Москва на кровопролитный бой с контрреволюцией. Оружия, патронов не хватало. Штаб Красной гвардии Московского железнодорожного узла приказал во что бы то ни стало захватить находившиеся на станции Сортировочная вагоны с винтовками. Приказ выполнили.

— Все ясно, Ефимыч. Надо, так надо. Но как и с чего начать? — раздались голоса.

— А что, если остаться после смены, — неуверенно начал Бураков, — и всю ночь проработать, пока хватит сил, бесплатно? Мы помогли бы и фронту и тылу. Ведь несколько паровозов — это составы с войсками и хлебом.

— Дело говоришь.

И порешили в один из выходных дней поработать бесплатно.

Суббота, 12 апреля 1919 года. Рабочий день подходил к концу.

— Бураков! Где председатель? — раздался звонкий голос дежурного по станции.

Разыскав Ивана Ефимовича, он сообщил ему, что на станцию только что прибыли два эшелона с питерскими и московскими рабочими-добровольцами и балтийскими моряками. Эшелоны направлялись на Восточный фронт. Нужно было в срочном порядке отправить их дальше. Но как? Исправных паровозов на путях не было. Бураков послал созвать коммунистов, кто еще не ушел со станции. Налицо оказалось лишь 13 и 2 беспартийных, сочувствующих коммунистам.

— Маловато нас.

— Ничего, — отозвался Бураков. — Побеждают не числом, а уменьем.

Никто не пошел домой в ту памятную ночь. Участница первого субботника Аксинья Васильевна Кабанова рассказывает:

«Идут веселые, а ведь знаю — истомленные, голодные.

— И я с вами! — кричу им.

— А что делать будешь, Ксюша?

— Все, что потребуется».

Отобрали среди «больных» паровозов три пригодных для ремонта, подобрали необходимые запасные части.

Трудно было: во всем депо горел всего один лишь керосиновый фонарь, работали при свете факелов, сквозь щели стен и раскрытые двери проникал холодный ветер, пронизывая до костей.

«Разбились мы тогда на две бригады, — вспоминает Я. М. Кондратьев (одной руководил Иван Бураков, другой — Андрей Усачев), — и приступили к промывочному ремонту паровозов. Ремонтировали арматуру, поршни, золотники, подшипники, тормоза, меняли рессоры.

Старались перегнать друг друга; тот, кто выполнял свое задание, помогал товарищам. Помню, выбивали мы с Михаилом Кабановым шкворень упряжной рессоры, а он никак не выходил. Тогда на помощь к нам пришел Андрей Каракчеев. Был он ростом высокий, в плечах — косая сажень.

— Ну-ка, друзья, дайте я попробую, видно, шкворень вам не подчиняется... — шутил он.

Размахнулся Андрей кувалдой, ударил раз, второй и выбил шкворень.

Шутки, песни то и дело раздавались в депо. Вот весельчак и песенник Михаил Кабанов громко запел:

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут...

Дружно подхватили припев.

К утру ремонт одного паровоза был закончен. Кочегар напустил воду в котел, растопил его, поднял пары. И вот предрассветную мглу наступающего нового дня прорезал тонкий, заливистый гудок. Это машинист Иван Пименович Бабкин давал знать: все готово, можно трогать.

Бросились к воротам, распахнули их настежь, и паровоз вышел с громким шипением, обдавая рельсы мощной струей пара.

— Гляди, гляди, пошел, парует, идет! Ура!.. — раздались ликующие голоса, и радость осветила закопченные, уставшие лица рабочих, гордых сознанием выполненного долга. А паровоз, оглашая апрельское утро протяжным гудком двинулся к эшелонам. С заспанными глазами,

еще не поняв, в чем дело, выскакивали из теплушек бойцы. Но при виде катившего паровоза, улыбки появились на их лицах.

Тут же состоялся митинг, с напутствием выступил Бураков. Свою краткую речь он закончил такими словами:

— Стойте крепко, стойте дружно! Смело вперед на Колчака!

Красноармейцы горячо благодарили рабочих, обнимали их, сердечно пожимали им руки. На прощанье начальник эшелона сказал:

— Мы отправляемся бить Колчака, а вам, товарищи железнодорожники, желаем хорошо трудиться. От ваших успехов во многом зависит скорейший разгром врагов Советской власти.

Оглушительно проревел прощальный гудок. Эшелон с рабочими-добровольцами и балтийскими моряками укатил на восток. На вагонах большими буквами было написано:

«СМЕРТЬ КОЛЧАКУ!»

И не успел еще скрыться в предрассветной утренней дымке последний вагон, а Бураков снова повел рабочих на свои места — ремонта ждали другие паровозы...

Так 15 рабочих депо Сортировочная, руководимые Иваном Ефимовичем Бураковым, в грозные дни иностранной интервенции и белогвардейщины, разрухи и голода зажгли огонь коммунистических субботников.

Вот имена этих героев:

Иван Ефимович Бураков — бригадир слесарей среднего ремонта, председатель ячейки, комиссар депо.

Яков Федорович Горлупин — слесарь.

Василий Евграфович Апухтин — слесарь.

Петр Степанович Кабанов — слесарь.

Михаил Антонович Кабанов — слесарь.

Яков Михайлович Кондратьев — машинист.

Андрей Иванович Усачев — бригадир слесарей.

Петр Иванович Шатков — слесарь.

Алексей Андреевич Сливков — машинист.

Андрей Васильевич Каракчеев — слесарь.

Василий Иванович Наперстов — слесарь.

Петр Семенович Петров — слесарь.

Федор Иванович Павлов — котельщик.

Аксинья Васильевна Кабанова — песочница, сочувствующая.

Василий Михайлович Сидельников — слесарь, сочувствующий.

Эта горстка людей за 10 часов вне рабочего времени бесплатно отремонтировала три паровоза и тем самым положила начало тому не виданному ни в одной стране мира событию, которое получило название «коммунистические субботники».

Первый успех вдохновил рабочих депо Сортировочная, вселил веру в их силы. Огромную роль в этом сыграли «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта».

В них партия сказала всему народу правду о том, что успехи войск Колчака на Восточном фронте создают чрезвычайно грозную опасность для Советской республики, а в связи с этим всем партийным и профессиональным организациям нужно взяться за работу по-новому, по-революционному, с полным напряжением сил и возможностей, чтобы победить Колчака.

— Интересы революции, — вспоминает Кондратьев, — были для нас выше всего, ведь многим из нас в Октябре 1917 года пришлось с оружием в руках биться за власть Советов. Разве могли мы поступить иначе и уйти со своего поста в этот решающий момент? Конечно, нет.

19 апреля 1919 года коммунисты депо Сортировочная провели новый субботник — по наведению чистоты на производстве. В этом субботнике участников было втрое больше, чем в первом. Убрали грязь, лед, мусор, очистили ремонтные канавы, протерли верстаки и окна, посыпали песком пол. Рабочие, пришедшие в понедельник в депо, были поражены. Кругом было чисто, опрятно, верстаки прибраны, инструменты разложены по местам.

— Кто все это сделал? — спрашивали они друг друга.

Когда же узнали, то стали хвалить и укорять нас:

— Молодцы большевики! Ну что же вы не сказали нам, мы бы помогли. Свое рабочее место каждый из нас в порядок привести может.

Быстро разнеслась весть о делах коммунистов депо Сортировочная. В среду 7 мая 1919 года состоялось собрание коммунистов и сочувствующих подрайона Московско-Казанской дороги. На собрании выступал Бураков. Он рассказал о делах своей партячейки. С волнением слушали его присутствовавшие и решили в субботу 10 мая про-

вести субботник по ремонту паровозов, вагонов, а также по погрузке и разгрузке вагонов.

В протокол записали:

«Ввиду тяжелого внутреннего и внешнего положения, для перевеса над классовым врагом коммунисты и сочувствующие вновь должны пришпорить себя и вырвать из своего отдыха еще час работы, то есть увеличить свой рабочий день на час, суммировать его и в субботу сразу отработать 6 часов физическим трудом, дабы произвести немедленно реальную ценность. Считая, что коммунисты не должны щадить своего здоровья и жизни для завоеваний революции — работу производить бесплатно. Коммунистическую субботу ввести во всем подрайоне до полной победы над Колчаком».

О ценном почине на Московско-Казанской железной дороге скоро узнала вся страна. Дело, начатое коммунистами депо Сортировочная, разрослось в массовое движение.

В июне — июле субботники стали проводиться не только на железных дорогах, но и на фабриках и заводах Москвы и Петрограда, Тулы и Иваново и многих других городов, вовлекая все новые и новые отряды рабочих. Субботники стали мощным всенародным движением. Теперь они ставили перед собой более сложные задачи, чем ремонт и наведение порядка.

...В августе 1919 года зачинатели первых коммунистических субботников обсуждали на партийном собрании вопрос о продовольственном положении в стране.

— Трудящиеся Москвы и Петрограда голодают, — с болью говорил Бураков, — в то время, как за Уралом зерно лежит в закромах. Эшелон надо свой создать и отправить за продовольствием.

— Хорошо, паровоз мы отремонтируем, — возражали некоторые коммунисты, — дело привычное. А где вагоны взять?

— К соседям, перовцам, обратимся за помощью. Разве не вместе штурмовали мы кадетские корпуса? Думаю, ради такого дела они не откажут нам.

— А на что хлеб покупать будем?

— Обратимся к профсоюзам, пусть по складским закромам пошуруют. Соберем гвозди, например, подковы, железные полосы. Наделаем ведра, заслонки, зажигалки. Кому поручим это ответственное дело? — заключил Бураков.

— Дятлову и Рыжкову, — раздались голоса.

Под лозунгом «Хлеб Москве!» отремонтировали во внеурочное время паровоз и 36 вагонов. Начальником поезда назначили машиниста первого класса Ивана Ивановича Рыжкова и комиссаром Павла Петровича Дятлова.

«Получив в Наркомпроде мандат, я с машинистом Рыжковым отправился в Моссовет за разрешением на выезд, — рассказывал Дятлов. — Там нам сказали, что скоро прибудет Владимир Ильич Ленин. Нас попросили не уходить.

С нетерпением ожидали мы встречи с вождем. Быстрой походкой, с кепкой в руке вошел Владимир Ильич. Он поздоровался со всеми за руку, попросил сесть и, взглянув на нас, спросил, откуда, зачем пришли.

Робость наша сразу исчезла от простоты и задушевности его обращения. Мы рассказали, как у нас возникла мысль об эшелоне, как мы сами отремонтировали паровоз и вагоны и куда собираемся ехать. Владимиру Ильичу понравилось, что эта идея исходит от самих рабочих, предупредил, что путь опасный, чтобы мы были осторожны. Попрощавшись, он пожелал нам счастливого пути.

Из Моссовета обратно мы не шли, а летели. Казалось, что никакие трудности и опасности пути нам были не страшны»...

В октябре 1919 года, после длительного путешествия кружными путями, «поезд Ленина», так его называли в народе, благополучно вернулся. Он доставил голодавшей Москве целый эшелон муки.

Вскоре по примеру коммунистов-железнодорожников Сортировочной из Москвы по всем дорогам пошли маршрутные поезда за хлебом и топливом.

Коммунистические субботники, возникшие в те памятные апрельские дни, распространились по всей стране. Если в мае 1919 года на железных дорогах страны было проведено только 3 коммунистических субботника, в которых участвовал 451 человек, то в августе в 5 субботниках участвовало 2645 человек. В октябре было проведено 16 субботников, и в них приняли участие 15 063 человека.

Состоявшийся в марте 1920 года IX съезд РКП(б) отметил значение коммунистических субботников и в оказании помощи фронту, и в социалистическом строитель-

стве. В специально принятой резолюции «Об очередных задачах хозяйственного строительства» говорилось:

«В соответствии с великой очередной задачей социалистической революции съезд постановляет:

Превратить международный пролетарский праздник 1 Мая, выпадающий в этом году на субботу, в грандиозный Всероссийский субботник».

В ответ на это решение во всех уголках нашей страны развернулась подготовка к предстоящему Всероссийскому субботнику. В Москве была создана Центральная первомайская комиссия, на местах — местные комиссии, призванные руководить подготовкой и проведением субботников.

И вот наступило 1 Мая. В этот день А. М. Горький, обращаясь со страниц «Правды» ко всем участникам первомайского субботника, писал: «Прекрасная идея — сделать весенний праздник рабочих праздником свободного труда!»

В этот замечательный день Москва оделась в яркий наряд. Улицы и площади были украшены алыми стягами, шелестели, развеваясь на ветру, кумачовые знамена, повсюду гремели оркестры. С раннего утра в одиночку и группами стали подходить рабочие и служащие к местам сбора. Все жители столицы — от наркома до чернорабочего — вышли на улицу. С курсантами Кремлевских пулеметных курсов и сотрудниками ВЦИК и Совнаркома Владимир Ильич Ленин трудился на расчистке Кремля от бревен, досок, камней, разбитых повозок.

Участвовали во Всероссийском субботнике и рабочие станции и депо Москва-Сортировочная. Рядом с депо, на пустыре, они заложили новый клуб.

— У русских есть традиция, — говорил Бураков при закладке фундамента, — класть в углы дома деньги, чтобы крепче стоял. Но деньги бывают разные, и люди тоже. Богатые клали золотые, бедняки — медяки. Теперь иные времена. И я предлагаю заложить в память этого знаменательного для нас события нечто иное.

И Бураков заложил в фундамент здания дощечку с надписью: «Клуб вольного труда». А чуть пониже: «В труде — залог победы».

Здание клуба было полностью построено во внеурочное время. При клубе организовали вечернюю школу для взрослых. Работницы депо охотно стали ходить в кружки кройки и шитья. Были созданы музыкальный и хоровой

кружки. И во всем чувствовалась рука Буракова. Его любили, к его голосу прислушивались, с ним советовались.

Однажды, отправляясь на работу, Бураков увидел на улице чумазых ребятишек, копавшихся в грязной куче. Жалость к обездоленным детям переполнила его сердце.

Вечером Бураков собрал коммунистов, рассказал про случай на улице и предложил:

— Помочь надо детям.

— Но как и чем, Ефимыч?

— В клубе мы организовали много различных кружков, а вот про детей забыли. Почему бы не организовать детские кружки, заинтересовать и занять детей полезным делом?

— Дельное предложение, — поддержали коммунисты.

Кружок создали. С детьми разучивали стихи и песни, придумывали новые игры, организовывали утренники. А малышам устраивали угощения с чаем, бог весть откуда доставая дефицитную белую муку, сахар.

У входа в клуб по распоряжению Буракова положили пару двухпудовых гирь. Этот первый примитивный спортивный инвентарь положил начало деповскому спортивному коллективу. Более трехсот деповцев вовлек Иван Ефимович в клубную самодеятельность.

Казалось невероятным, откуда у этого человека столько энергии. Выполняя большую работу как депутат Моссовета, Иван Ефимович находил время заниматься такими делами, как организация столовой для рабочих, создание здравпункта, благоустройство служебных помещений. Требовательный к себе, он добивался того же и от других.

...Отгремели кровопролитные бои на фронтах гражданской войны.

Переход к мирному строительству совершался в трудных условиях.

Но партия верила, что рабочий класс в братском союзе с трудовым крестьянством совершит чудеса на пути строительства новой жизни. «Если в голодной Москве летом 1919 года голодные рабочие, пережившие тяжелые четыре года империалистической войны... смогли начать это великое дело, — писал Ленин в своем знаменитом

произведении «Великий почин», — то каково будет развитие дальше, когда мы победим в гражданской войне и завоюем мир?»[1].

Предсказание вождя сбылось. Массовое движение ударников, а затем социалистическое соревнование превратилось во всенародное движение.

...В 1928 году Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет первым из московских предприятий наградил депо Сортировочная Московско-Казанской железной дороги орденом Трудового Красного Знамени. Наградная грамота и орден долгие годы хранились в застекленной витрине деповского клуба.

...В 1938 году на станции Сортировочная проходило торжественное собрание, посвященное открытию Дворца культуры железнодорожников. Первое слово было предоставлено Ивану Ефимовичу Буракову.

— Около двух десятилетий назад, — начал он, — когда здесь, у горы Соколиной, мы открывали свой первый рабочий клуб, мы дали обещапие построить со временем храм культуры. Наши враги кричали: «Не видать хамам храма!» Но мы, как видите, претворили мечту в жизнь и говорим сегодня каждому из вас: смело входи в этот дворец! Ты здесь не гость, а хозяин.

По единодушной просьбе коллектива депо Дворец культуры был назван именем В. И. Ленина.

Иван Ефимович Бураков в последующие годы работал в райкоме партии, председателем исполкома Сокольнического районного Совета, на хозяйственной работе. На протяжении 10 лет был членом бюро Сокольнического райкома партии. Несколько раз избирался членом МК ВКП(б) и членом Моссовета. От Московской партийной организации был делегатом на XIV и XV съездах партии.

Несмотря на большую общественную загруженность, Иван Ефимович много читал. Его хорошо знали все сотрудники библиотеки имени Грибоедова. «Бывало, проснешься ночью, — вспоминает жена Ивана Ефимовича Любовь Николаевна Буракова, — а он читает. Даже не знаешь, когда и спит». Очень любил своих четырех дочерей — Марию, Ксению, Людмилу, Нину. Знал обо всех их делах в школе, помогал в учебе, рассказывал о далеких и трудных, но героических днях своей юности.

Любил Иван Ефимович встретить утреннюю зарю на

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 22.

берегу реки с удочкой в руках или с ружьем побродить по Подмосковью, вдыхая аромат земли и прелых листьев и любуясь неповторимой красотой пробуждающейся природы.

В 1940 году по состоянию здоровья Иван Ефимович Бураков ушел на пенсию. Но когда фашистские полчища напали на нашу страну, угрожая ее существованию, коммунист Бураков, несмотря на слабое здоровье, не мог сидеть сложа руки.

Он вновь возвращается на железнодорожный транспорт, к своей старой профессии, чтобы оказать посильную помощь фронту. Работая слесарем-инструментальщиком, не забывал и о партийной обязанности: он был заместителем секретаря парторганизации механических мастерских. И после окончания войны до последних дней своей жизни продолжал трудиться этот неутомимый человек.

А случилось это в один февральский морозный вечер 1952 года. Иван Ефимович, как обычно, возвращался после работы домой.

И вдруг резкая боль пронизала все его тело. Качнувшись, он грузно осел, повалился на снег. Дала о себе знать скрытая прежде болезнь.

Больница. Операционная. Но врачи уже не могли спасти его.

Этот замечательный человек всю жизнь отдал делу служения партии и народу.

Он умер, как и жил, на боевом посту.

Владимир Ильич Ленин в почине железнодорожников увидел зарю нового, ростки коммунистического труда. Он писал, что «ростки коммунизма не зачахнут, а разрастутся и разовьются в полный коммунизм».

Александр Салов

Московский автомобильный завод имени Ивана Лихачева. Кто не знает этого первенца отечественного автостроения?

Однажды познакомиться с прошлым и настоящим автозавода пришли ученые-историки. Они осмотрели огромные корпуса, оснащенные передовой техникой, выслушали интересный рассказ экскурсовода — ветерана труда Александра Петровича Салова. Заканчивая экскурсию, Александр Петрович сказал: «А хорошо было бы, если бы вы, ученые, помогли осуществить нашу мечту — написать историю родного автозавода». Историки обещали помочь. Началась совместная работа.

...Последняя встреча с Саловым состоялась в мае 1962 года, незадолго до его смерти.

— Александр Петрович, скажите, какой этап своей жизни вы считаете самым интересным, самым значительным?

Подумав немного, Салов ответил:

— Много интересного пережил я в своей жизни: были и удачи, и трудности. Но, пожалуй, самыми памятными остались годы первой пятилетки.

Старый рабочий замолчал, а потом продолжал:

— Да, действительно, организация первой ударной

бригады в рессорном цехе нашего завода, самом отсталом и трудном цехе, борьба, как говорится, не на жизнь, а на смерть, была кульминационной точкой в моей жизни.

Салов улыбнулся, глаза его сразу помолодели.

...Шел 1929 год. В цехе работало много «бывших», сеявших смуту на заводе. Да и положение в стране сложилось тяжелое. Не хватало хлеба, одежды: вводились продовольственные карточки. Но, несмотря на трудные времена, люди не унывали. Наоборот — начиналось ударное движение. Вести об организации первых ударных бригад приходили со многих фабрик и заводов.

— Стали поговаривать об ударничестве и на нашем заводе, кое-где даже приступили к организации таких бригад. Только в цехе, где я работал уже четыре года, дело не клеилось. Цех не выполнял плановых заданий. Рабочие частенько прогуливали и пьянствовали. Казалось, ничто не сможет помочь. Ан нет! Наладилась в конце концов работа, и лучшим лекарством стала ударная бригада.

...Конец 20-х — начало 30-х годов. «Ударник», «ударная бригада», «ударничество» — эти слова не сходили с газетных полос. Трудные задачи ставили перед собой ударники — на том же оборудовании, при тех же нормах и расценках дать наивысшую производительность труда, показать личным примером, как надо работать и строить по-новому, по-социалистически.

Одним из первых ударников, награжденных правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени — был Салов. Он организовал ударную бригаду в рессорном цехе АМО летом 1929 года. Было ему тогда тридцать лет.

Тяжелый жизненный путь прошел Александр Петрович. Осиротел в восемь лет, когда, надорвавшись на тяжелой работе, умер отец — крестьянин-бедняк. И пришлось мальчонке с котомкой за плечами пойти нищенствовать. Ценой унижений доставался каждый кусок хлеба.

В 14 лет Салову повезло — взяли матросом на пароход общества «Ока». В 1916 году он уехал в Архангельск, где служил на судах торгового флота.

Во время гражданской войны боролся с интервентами на Севере, был тяжело ранен и после демобилизации в 1920 году приехал на родину в село Жайск. Односельчане

выбрали его секретарем сельсовета. За отзывчивый и добрый характер, веселый нрав, удалую игру на гармошке полюбила его жайская молодежь, но оставаться долго в деревне не мог. Подлечившись, уехал в Нижний Новгород, где поступил рулевым на пароход по рейсу Москва — Нижний Новгород. Два года плавал Александр на пароходе, а в 1924 году пароход был поставлен на ремонт и команда уволена. Остался без работы. С грустью вспоминал Александр Петрович те времена. Получить новое место в пароходстве он не смог, также тяжело было найти работу и на предприятиях города. Истосковался по работе и решил поехать в Москву, попытать счастье. Здесь в Рахмановском переулке встал на учет Биржи труда. Однажды его вызвали на биржу и предложили:

— Иди, Салов, на завод АМО. Хотя завод и небольшой, но с перспективой: будет самым крупным автомобильным заводом в стране.

— Но ведь я же матрос. у меня совсем другая специальность, — ответил Салов.

— Ничего, научишься и этому делу. Не робей.

Подумав немного, Салов согласился. Получая направление на АМО, он спросил:

— А как добраться до завода, где он расположен?

— Симоновку знаешь, а Спасскую заставу, Тюфелеву рощу тоже не знаешь? Тогда, парень, поезжай прямо в Замоскворечье и там спроси бывший Симоновский монастырь — любой покажет, его далеко видно. Вот там, в тех краях и найдешь завод АМО.

И Салов поехал, узнав у людей, что завод до революции принадлежал братьям Рябушинским — крупнейшим русским капиталистам. которые в разгар мировой войны решили построить первый автомобильный завод в России. Но их замыслы не осуществились. Лишь несколько цехов и мастерских было построено. Все остальное еще предстояло сделать.

В 1924 году завод АМО — завод Автомобильного московского общества — осваивал выпуск полуторатонных грузовиков типа «фиат». Впоследствии этот автомобиль стал называться АМО-Ф-15. Первые машины было решено выпустить к седьмой годовщине Великой Октябрьской революции.

Когда Салов пришел на завод, ему сразу же бросилось в глаза объявление:

«СЕГОДНЯ ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ.
Вопрос о выпуске 10 машин АМО-Ф-15.
Доклад тов. Королева».

Салова сначала определили в кузнечный цех. Кузница, недостроенная при Рябушинских, не имела штамповочных молотов, и штамповать приходилось вручную. Работа была тяжелая, люди горячились, ругались, бросали клещи и молот от злости, но задания выполняли. Вскоре его перевели в рессорный цех, который спешно достраивался. Сюда ежедневно по два-три раза заходил директор завода Королев. Впоследствии Салов вспоминал о том времени:

«Бывало, подлетит Королев к самому лучшему рессорщику Абросимычу и говорит ему:

— Ну как? Скоро? Ведь срок кончился. Давайте скорее, оставайтесь ночами, а лонжероны чтобы через два дня были готовы.

— Через... д...ва дня будет готово, — спокойно отвечал старый рессорщик (Абросимыч заикался).

И действительно, Абросимыч приготовил лонжероны раньше срока на 12 часов».

Первый автомобиль был собран в ночь на 1 ноября 1924 года. Около машины собралось много народа. Все ждали, когда работа будет завершена. Наконец все готово — один из слесарей-сборщиков повернул заводную рукоятку на пол-оборота. Мотор сразу же зашумел, но тут же заглох. В цеху стало тихо-тихо. Со второй попытки мотор завелся и с шумом заработал. «Ура!» — пронеслось по цеху. Кругом все радостно шумели. Вместе со всеми ликовал и Салов.

Десятая машина была собрана днем 6 ноября. Машины покрасили в красный цвет — цвет знамени Советской власти. Утром 7 ноября они выехали во главе заводской колонны, двинувшейся на Красную площадь. На первой машине был лозунг: «Рабочий-хозяин строит автопромышленность, которой не было у капиталиста-хозяина»; вторая была украшена плакатом с лозунгом: «Обеспечим советским автомобилем детище революции — Красную Армию».

«На одну из машин посадили уборщицу — бабку Марью, — рассказывал Александр Петрович, — когда-то служившую прислугой у Рябушинского».

На Красной площади колонна амовцев была встречена аплодисментами.

На завод возвращались на своих новеньких машинах.

Промчались через всю Москву буквально за полчаса. «Вот это техника, — думал Салов, — вот это машины!»

Вечером в клубе состоялся торжественный вечер. В президиум выбрали лучших рабочих, представителей Моссовета, ВСНХ, Металлотреста, делегацию крестьян из подшефного села.

После торжественной части выступала заводская самодеятельность: пели, плясали, драмкружок показал спектакль. Допоздна царило веселье на заводе.

Тот день произвел на Салова неизгладимое впечатление: впервые он явственно ощутил силу коллектива, силу коллективного труда и счастья.

Дома он сказал жене Надежде Ивановне, которую незадолго до этого привез из Жайска, о намерении вступить в ряды коммунистов.

— Так ты же малограмотный, — удивилась она, — да с хозяйством у нас туговато. Надо бы денег поднакопить, свой угол заиметь, а то вот живем у чужих людей, каморку снимаем, а у нас дите скоро будет.

— Ничего, Надюша, трудом все можно добыть — это я сейчас здорово понял. А что малограмотный, так на курсы пойду. Выучусь.

В партию Александр Петрович вступил в 1925 году. Тогда же записался в школу малограмотных, посещал коллективные читки «Ленинской библиотеки», стал выписывать газеты. Все больше и больше увлекала общественная работа. Стал рабкором заводской газеты, организатором местного отделения общества «Безбожник», а вечерами занимался на литературных курсах при ВЦСПС. Научился смотреть на жизнь глубже, шире. Стал понимать, что дела цеха и завода — это и его дело: что он тоже в ответе за все, что делалось в коллективе.

29 октября 1926 года на открытом партийном собрании завода утверждалась кандидатура нового директора Ивана Алексеевича Лихачева. Слушая биографию Лихачева, Салов сравнивал ее со своей: директор был всего на два года старше Салова, так же, как и он, начал рано трудовой путь. Был слесарем на Путиловском заводе, служил на флоте, потом — контузия и увольнение в запас. Принимал участие в организации рабочих дружин.

«Наш, рабочий, — думал о новом директоре Салов, —

такой вытянет завод, работу наладит». Вместе со всеми проголосовал за решение: «Постановление МК о назначении тов. Лихачева директором завода считать правильным. Оказывать коллективное содействие тов. Лихачеву в его работе».

Рессорный цех был одним из самых трудных на заводе. Командовал здесь Мохов, в прошлом владелец нескольких крупных заводов, выпускавших рессоры и пружины. Лишь острая нужда в специалистах заставила руководство завода пригласить Мохова на АМО мастером в рессорный цех. Мохов воспользовался отсутствием квалифицированных рабочих, собрал вокруг себя приятелей, которые в штыки встречали любое начинание в цехе, а сам потихоньку проводил свою линию: срывал работу, потакал прогульщикам и лодырям. Нередко в канун религиозного праздника отпускал рабочих на несколько дней в деревню к родным. Плохо было с трудовой дисциплиной. Работали не более пяти-шести часов, а остальное время тратилось на пустую болтовню, хождение по цеху, курение. Нередко бывала пьянка.

Со всем этим надо было решительно бороться, и коммунисты (а их было всего четыре человека) решили дать бой моховской компании, подобрать своих ребят и обучить их рессорному делу. Специальность рессорщика — сложная, пять лет готовил Мохов раньше учеников. А Салов и его товарищи решили обучать новичков за год. Подобрали рабочих, поставили их к плитам. Моховские приятели отговаривали:

— Слушай, братишка, брось, все равно не выйдет.

Мохов же ругал рессорщиков: зачем допустили неучей к плитам?

Но уже первые результаты были обнадеживающие. За пять месяцев овладел специальностью рессорщика Захаров, а за ним еще несколько молодых рабочих стали рессорщиками.

Однако традиции компании Мохова сломать было нелегко. Моховцы открыто мешали работе, а потихоньку даже вели антисоветскую пропаганду. Как-то произошел такой случай.

На Курский вокзал прибыл большой состав вагонов с хлебом. Потребовалась срочная выгрузка. Завод должен был послать 150 человек. Из рессорного цеха выделили 10 желающих.

Первыми записались Салов и мастер Бахов.

— Давай, Сергей, пойдем к рессорщикам Мохова и им предложим, — сказал Салов.

Бахов согласился. Когда они подошли к плите Куликова, там уже собралось несколько человек, и Салов услышал:

— Ребята, в деревнях наших отцов грабят, а здесь наш же хлеб заставляют выгружать! — Это говорил Агейкин, друг-приятель Мохова.

Салов сразу же вступил в разговор.

— Агейкин, если ты не хочешь ехать на выгрузку — это твое дело. Но не провоцируй. Зачем агитируешь других.

Агейкин покраснел и злобно набросился на Салова:

— Иди отсюда подобру-поздорову!

Его поддержал рессорщик Желтиков:

— Пусть весь хлеб сгниет, а выгружать не пойдем!

В сердцах Салов сказал:

— Эх, вы! Ну и сидите здесь, мы и без вас управимся.

Эту сцену видел Захаров — один из лучших рабочих. С обидой он сказал Салову:

— Долго еще будем терпеть их безобразия?

— Ничего, Алексей, — ответил Салов, — не расстраивайся. Наша задача — их перевоспитание, и мы это обязаны сделать. Они поймут и пойдут за нами. А пока смотри, сколько ребят записалось — шестнадцать вместо десяти.

Летом 1928 года на завод приехал Алексей Максимович Горький. Вместе с сыном Максимом он осматривал цехи, отделы, интересовался производством, жизнью рабочих, условиями их быта. Пояснения давал директор Иван Алексеевич Лихачев, подробно рассказывавший о генеральной реконструкции АМО.

В обеденный перерыв в цехе «Шасси» состоялся митинг. Все проходы между верстаками и полусобранными автоматами были забиты людьми. Горький поднялся на трибуну, которой служила платформа взятого со сборки грузовика. Дружное «ура!» прокатилось по цеху. Когда приветствия смолкли, Горький сказал:

— Ну что вам сказать, товарищи? Удивляет меня все это. Удивляет, как это вы ухитрились за столь короткое время построить такое предприятие, а самое главное — самих себя перестроить...

— Приветствую вас от всей души, молодые созидатели новой жизни, приветствую! — закончил он свою речь.

Затем на трибуну-грузовик поднялся молотобоец Алексей Карпов. От рабочих он преподнес Горькому подарок — автомобильный поршень с шатуном, на котором были выгравированы слова: «Двигателю нашей литературы».

— Пусть этот подарок будет символом нашего движения вперед, — сказал Карпов.

Горький взял шатун и, улыбаясь, ответил:

— Перо бы мне такое!

После митинга к Алексею Максимовичу подошли рабкоры; среди них был Александр Петрович Салов. Завязалась беседа о работе и учебе рабкоров. Кто-то сказал:

— Мы хотим организовать литературный кружок на заводе.

— Поверьте мне, — ответил Горький, — пройдет какой-нибудь пяток лет, и русская литература будет насыщена голосами рабочих, голосом таких, как вы, рабкоров.

Беседа с Горьким запомнилась Салову на всю жизнь. Особенно совет писателя о том, что надо побольше показывать наши достижения и не смаковать недостатки, которые подхватывает и раздувает буржуазная пресса. Слова Горького: «Надо поменьше себя бичевать. И побольше показывать хорошее» — глубоко запали в душу.

Приезд писателя вызвал большой интерес к его книгам. В цехах в обеденный перерыв проводились коллективные читки рассказов и повестей Горького. Особенно зачитывались романом «Мать».

Шел 1929 год. Страна жила новыми мыслями, заботами, настроениями. Советский народ приступал к выполнению первого пятилетнего плана. «Пятилетка»! Это новое слово, подобно словам «большевик» и «Советы», вошло в мировой словарь лингвистов без перевода.

Уралмашстрой, Магнитогорскстрой, Кузнецкстрой, Сталинградский тракторострой, Днепрострой...

Вся страна превращалась в огромную строительную площадку, строились новые предприятия, полностью реконструировались старые. Тогда же правительство приняло решение о генеральной реконструкции завода. Постановлением предусматривался выпуск 25 тысяч автомобилей в год (в 1927 году было выпущено 425 машин, в 1928 — 580 машин).

— Перед нами стоит задача, — говорил директор завода Иван Алексеевич Лихачев, — к пуговице пришить новое пальто.

Коренная реконструкция АМО была включена в ударные стройки страны.

20 января 1929 года в газете «Правда» была впервые опубликована статья В. И. Ленина «Как организовать соревнование?». Она была написана два месяца спустя после победоносного вооруженного восстания в Петрограде. В этой работе вождь писал, что только при социализме для простого рабочего впервые появляется возможность проявить предприимчивость, смелый почин, творчество.

26 января 1929 года «Комсомольская правда» обратилась к рабочей молодежи с призывом осуществить на деле заветы Ильича, развернуть Всесоюзное социалистическое соревнование комсомола и несоюзной рабочей молодежи за снижение себестоимости и улучшение качества продукции.

Массовое социалистическое соревнование и движение ударников было ответом рабочего класса на призыв партии работать по-новому, напрячь все силы на строительство социализма, на осуществление ленинского плана социалистической индустриализации. Еще в первые годы реконструкции народного хозяйства, когда маловеры кричали: «Не осилим!», «Не сможем!», «Не поднимем!», рабочие твердо заявили: «Через индустриализацию придем к социализму!», «Все на стройку социалистической промышленности!». Ударное движение родилось в то время, когда практически решался вопрос «кто кого?», когда схватка с буржуазией, внутренней и международной, приняла форму экономической борьбы. Рабочий класс на деле должен был доказать, что он способен, что он может построить новое, более прогрессивное общество. Борьба за ударные темпы работы, за увеличение производительности труда, за укрепление трудовой дисциплины выдвигалась на передний план. В ударных бригадах формировались новые производственные отношения, ковалась социалистическая трудовая дисциплина, здесь вырастал новый рабочий, который своим собственным трудом доказывал необходимость работать по-новому.

Ударные бригады были лучшей в те годы формой сознательного «труда на себя», продолжателями замечательных традиций коммунистических субботников. Недаром народ назвал их «передовыми бригадами социализма».

На плечи ударников ложилась огромная ответственность. Они прекрасно понимали, что и другие пойдут за

нями, если они выполнят поставленные задачи. А если нет? Тогда можно загубить все дело, подорвать веру в новые формы труда. Вот почему так мужественно и стойко отстаивали они правоту своего дела. Им приходилось вести упорную борьбу с обывателями, которые увидели еще в первых ударных бригадах грозную силу против прогульщиков и лодырей.

На заводе АМО, после того как председателем вновь созданной общезаводской комиссии был избран двадцатилетний энергичный комсомолец, фрезеровщик Владимир Рябчиков, ударники появились во многих цехах. Отличная ударная бригада была создана коммунистом, кадровым рабочим Иваном Николаевичем Поваляевым, а затем ударные бригады были образованы Тарасевичем, Орловым, Шаймовичем, Макеевым.

В рессорном цехе, где в то время секретарем партийной ячейки был Салов, коммунисты решили, что настало время покончить навсегда с отставанием цеха, вырвать его из-под влияния моховской компании.

В то время цех перевели в новое помещение — большое, светлое. Но порядки оставались прежние.

Предложение Салова об организации ударной бригады рессорщики встретили в штыки.

— Ударная, тоже выдумал! Вот ежели бы расценочки увеличить, побольше деньжат зашибать, а то ударная, — говорили одни.

— В деревне семья... Вторая корова нужна, нужно крышу железом покрыть, — вторили им другие.

— Мы и так ударные, двенадцатифунтовым молотом ударяем.

Но Салова это не остановило. Он решил начать соревнование с укрепления трудовой дисциплины. Впоследствии он вспоминал, что взял кусок мела и написал крупными буквами на доске, которая стояла посреди цеха: «*Салов,* по статистике заводоуправления, за 5 лет ни одного часа не прогулял и не болел и вызывает на соревнование злостных прогульщиков Сабаева, Мусатова, Титова, Зайцева, Горшкова, Андреянова». Прогульщики ответили на вызов лишь руганью.

Александр Петрович понимал, что создать ударную бригаду из квалифицированных рабочих-рессорщиков, которые были воспитаны на моховских традициях, пока невозможно. И он решил собрать бригаду из чернорабочих. Их было семь человек. Затем присоединились мастер Ба-

хов, рессорщик Митин и помощники Салова — Бирюков и Кузьмин. Всего собралось 12 человек.

«Даешь ударную бригаду» — таково было единодушное решение рабочих. На другой день в цехе появилось объявление. На большом листе краской было написано: «Бригада Салова снижает добровольно расценки всех изделий на 30 процентов и вызывает пружинщиков Полшкова и Шейду».

Снижение расценок дисциплинировало рабочих: был уплотнен рабочий день, совершенно исчезли прогулы, значительно уменьшились простои, улучшилась организация труда. А в результате значительно возросла выработка и увеличилась заработная плата.

Авторитет бригады рос изо дня в день, из месяца в месяц. В бригаде появились свои рационализаторы и изобретатели. В цехе явно происходила перегруппировка сил; многие рабочие уже с симпатией наблюдали за работой ударников, пошли разговоры о необходимости организации новых ударных бригад. Лед тронулся, можно было начинать большое дело.

Но моховская компания, даже потеряв своего начальника (Мохов умер), готовилась дать последний бой. Решили отыграться на Владимире Хлюстове. Молодой рабочий, изобретатель, он не раз помогал рационализаторам-ударникам.

Изобретенный Хлюстовым штамп позволял повысить производительность труда вдвое, на 50 процентов снизить себестоимость продукции.

Старые рессорщики косо смотрели на это изобретение.

— К старой работе привыкли, на новую не перейдем, — заявляли они.

Моховцы открыто издевались над первыми неудачами при испытании нового штампа. Они говорили конструкторам и рабочим, которые собирали штамп.

— У Мохова нашего такой штамп был и не работал. И вы бросьте себя мучить. Ведь этот Хлюстов наполовину сумасшедший.

Салов, который в то время был избран председателем цеховой производственной комиссии, отстаивал изобретение Хлюстова, доказывал, что создать первые 10 автомобилей тоже было нелегко, но ведь создали.

— Так же и штамп Хлюстова. Дело новое. Не вышло сразу — надо исправить раз, другой, и пойдет, — горячился он.

Когда штамп готовили к третьему испытанию, Хлюстов подошел в конце смены к Салову и сказал:

— Давай, Саша, останемся вечером испытание делать.

— Хорошо, — согласился Александр Петрович. — А лучше, если останется вся бригада. Дела хватит: кто наметку будет править, кто греть, кто поддавать, вертеть колесо, закаливать.

Бригада осталась.

До ночи возились со штампом, но опять неудача. Требовалась еще кое-какая переделка.

Утром рабочие узнали, что штамп опять не работает. Решили пока прекратить работу над штампом. Это подбодрило моховцев. Они решили окончательно опорочить изобретение Хлюстова и ударную бригаду. Расчет их был прост:

— Не суйтесь не в свое дело. Переделать порядки в цеху вам не удастся. Работать по-новому не будем.

И вечером после смены моховская компания стала готовить «похороны» изобретения и изобретателя. Смастерили крест из досок, намазали мелом стальные прутья, которые должны были изображать свечи, сделали из всякого тряпья голову, глаза, нос, руки, ноги. Устроив все это, положили «покойника» на плиту между штампами, а на лоб вроде венца прикрепили бумажку с надписью: «Упокой раба божьего Владимира Хлюстова».

По бокам поставили свечи из прутьев, в ногах — крест, на котором был прикреплен кусок фанеры с надписью: «Помер во цвете лет молодой изобретатель тов. Хлюстов».

Утром проделки моховцев первым увидел мастер Бажов. Он буквально остолбенел. Начали подходить рабочие. Собралось человек 50. Смех, ругань, крики...

О случившемся доложили директору. Иван Алексеевич дал распоряжение помочь Хлюстову. Новый штамп был изготовлен через два дня. Испытания дали прекрасные результаты: изобретение позволило снизить себестоимость передней рессоры с 2 рублей 80 копеек до 1 рубля 62 копеек. За год использование нового штампа дало экономию в 12 тысяч рублей.

Хлюстова премировали — это был праздник всей бригады. А вскоре в заводской многотиражке появилась заметка «Осиное гнездо», в которой резко осуждалась «моховщина».

На открытом собрании цеха крепко досталось мохов-

цам. Уже тогда всем стало ясно, что времена Мохова ушли безвозвратно.

Собрание единодушно приняло решение: учитывая, что виновные в травле изобретателя Хлюстова раскаялись, оставить их на заводе (раньше думали их уволить), а Титову, как организатору, объявить строгий выговор.

Салов шел с собрания домой, и мысль о том, что коллектив поручился за виновных, не покидала его. «Теперь весь цех в ответе за их дела», — думал он.

На следующий день Александр Петрович собрал вокруг себя активистов.

— Хорошее решение мы вчера приняли, — сказал он. — Не карать, а воспитывать людей надо. Думается мне, что вчерашний урок не пройдет даром ни для кого.

— Хорошо бы объявить наш цех ударным, — сказал кто-то.

— Не готовы мы еще к этому. Ведь до сих пор живем по-старинке: «Каждый за себя, один бог за всех».

— А ты бы, Александр Петрович, — весело предложил кто-то, — принес в цех свой баян. Говорят, играешь знатно. К музыке всегда народ тянется. Вот и соберем всех в красном уголке.

Так и порешили. На другой день в обеденный перерыв из красного уголка разнеслась звонкая песня. Собрались рабочие вокруг Салова.

Впоследствии Александр Петрович вспоминал: «Баяном мы приучили народ к красному уголку и взялись за дело посерьезней». Здесь же, в красном уголке, стали проходить занятия по политграмоте. Желающих набралось немало.

Изо дня в день цех набирал темпы; и когда цех зубчаток вызвал рессорщиков на соревнование, Салов предложил объявить рессорный цех ударным и, в свою очередь, вызвать на соревнование прессовщиков. «Признаться, боялся я, — рассказывал потом Салов, — что рессорщики не примут такого предложения. Но большинство меня поддержало и утвердило организатором ударных бригад».

В рессорном цехе, в котором работало 66 человек, было создано 10 ударных бригад. Бригадирами назначили самых опытных рабочих, коммунистов и комсомольцев.

Ударники взяли обязательства: уменьшить брак до $1/2$ процента (раньше он был 2 процента), изжить прогу-

лы до нуля, обучить двоих или пятерых чернорабочих работе рессорщиков или пружинщиков, снизить себестоимость продукции на 12 процентов, вести всем членам бригад общественную работу.

Среди рационализаторов был и сам Александр Петрович. Одно из его предложений ускорило выпуск на рубке и обжимке пружин в три раза, но самое ценное в его работе было то, что он мог организовывать и воодушевлять людей. По его инициативе рессорщик Кокорев изобрел новый штамп, второй штамп для задних рессор сделал Володя Хлюстов, мастер Бахов внес семь предложений... В результате всего этого три пружинщика стали выполнять работу шестерых. Большой экономический эффект дали и другие рабочие предложения.

Еще один вопрос очень волновал Салова, «Что значит соревноваться, — думал он, — и не знать результатов соревнования? Это значит идти вперед с закрытыми глазами и не видеть своих достижений. Я стал подумывать о том, как поставить учет соревнования в своем цехе».

И вот что было придумано — в цеху повесили большую доску и отмечали на ней всю жизнь коллектива, чтобы каждый рабочий видел результаты своего труда: как выполняется план, много ли рационализаторских предложений внесено, кто делает брак, а кто прогуливает. Такие же доски завели и по бригадам. Дали бой прогульщикам. Их обсуждали на рабочих собраниях, крепко отчитывали по-своему, по-рабочему. И это было лучшим лекарством. Прогулы полностью исчезли. Но цех имел свои «традиции», и сразу искоренить «моховщину» было трудно. Разные применялись меры, и одним из способов было полное доверие к людям. Руководителем ударной бригады рессорщиков было решено назначить Агейкина, который когда-то принимал активное участие в организации «похорон» изобретения Хлюстова. Ответственное назначение совершенно изменило человека. Его бригада стала одной из лучших: ни брака, ни простоев, а сам Агейкин считался лучшим рационализатором цеха.

Доверие, внимание и товарищеская взаимопомощь изменили не только Агейкина. В ударных бригадах люди перерождались буквально на глазах. Уходили в прошлое индивидуализм, злопыхательство, производственное хулиганство. Например, Желтиков и Сабаев — тоже из числа организаторов тех самых «похорон» — стали ударниками и рационализаторами.

— Для меня, как парторга цеха — рассказывал потом Александр Петрович, — самой главной тогда была работа с людьми. Какое счастье видеть, как на глазах перерождались люди! Вот, например, Сабаев — сын кулака, был известен на заводе до 1929 года как хулиган и дезорганизатор производства. А потом совершенно переменился: в 1936 году был награжден орденом Ленина. А таких, как Сабаев, много.

Постепенно рессорный цех из отстающих переходил в передовые. Успешно выполнялись обязательства.

Уже в июне или июле 1929 года цех дал удвоенную программу. В этом большую роль сыграло соревнование за снижение расценок. Как-то подошел кузнец Галанкин к Салову и сказал: «Я вот также хочу по твоему примеру рабочий день уплотнить и расценки снизить. Боюсь только, как бы не смеялись».

Салов его поддержал и предложил вызвать на соревнование бригаду Зайцева. На следующий день в цехе висел плакат: «Бригада Галанкина снижает добровольно расценки на 15 процентов и вызывает на соревнование бригаду Зайцева».

— Ну как, Горшков, — спросил Зайцев, — ответим, что ли?

— Гляди. Тебе, как бригадиру, виднее.

Вскоре появилось новое обязательство — бригада Зайцева снижает расценки на 18 процентов и вызывает бригаду пружинщиков. Приняв вызов, пружинщики вызвали на соревнование рессорщиков.

Как ответят рессорщики? Ведь в свое время они категорически отказывались. На этот раз все согласились, да как — некоторые снизили себе расценки на 37—42 процента. Больше всех в цехе!

В 1930 году рессорный цех занял в соревновании по заводу второе место и получил большую премию. «Рессорщики, — пример всему заводу, — писала заводская многотиражка. — Будьте смелыми, решительными и напористыми, как они, изучайте их опыт».

В успехах цеха, в том, что весь коллектив стал работать по-ударному, большая заслуга принадлежала секретарю партийной ячейки Александру Петровичу Салову. Его личный пример, образцовая ударная работа вызывали желание и у других давать самые высокие показатели. Всего за год партийная организация цеха выросла

с 4 до 22 человек. 12 молодых рабочих стали комсомольцами.

1 октября 1930 года рессорный цех рапортовал партийному комитету завода:

«Мы, рессорщики, рапортуем не потому, что хотим похвалиться своими успехами, а для того, чтобы рассказать о своем опыте, помочь отстающим цехам догнать рессорный.

Год назад рессорный цех пользовался плохой славой. Настроение рабочих было самое нездоровое. Трудовая дисциплина была расшатана вконец. Из-за ничтожной производительности труда цех едва справлялся с производственной программой».

Рессорщики добились многого. План выполнили на 140 процентов, себестоимость продукции снижена примерно на 25 процентов, и зарплата возросла. Все ударники добровольно снизили себе расценки, исчезли полностью простои и прогулы.

В ноябре 1930 года за достигнутые успехи, за организацию и развитие ударничества в рессорном цехе Александр Петрович Салов был представлен к правительственной награде.

Тогда же завод выделил Салову квартиру из двух комнат в новом доме. Комнаты были просторные, светлые. Особенно понравилась жене Салова Надежде Ивановне кухня с газовой плитой. Потом она призналась, что поначалу боялась «новой техники»: а вдруг газ вспыхнет и случится пожар? А затем привыкла к своему домашнему «чуду».

Веселое было новоселье в квартире Саловых. Много подарков принесли друзья, и среди них — маленькая белая эмалированная дощечка с надписью: «Салов». Ее любовно прикрепили к дверям квартиры.

А через несколько дней, 8 ноября, Александра Петровича провожали в поездку вокруг Европы на теплоходе «Абхазия». И тут позаботился завод о своих ударниках. Перед поездкой Александру Петровичу выдали талоны на пальто, костюм, рубашки, ботинки, даже о галстуке не забыли. Всем был доволен Салов, только шляпа не понравилась.

«Поеду в кепке», — решил он.

10 ноября красавец теплоход, строительство которого закончилось всего пять дней назад, отплыл в свой первый

далекий рейс, взяв курс к берегам Германии. На его борту были 257 лучших рабочих страны.

Еще не скрылся Ленинградский порт, еще доносились звуки оркестра и возгласы «ура!» с берега и со стоящих в гавани судов, а туристы взялись за работу. Выпускали газету «Догнать и перегнать!», помогали команде: мыли палубу, драили до блеска краны и полы. А по вечерам собирались на палубе и пели. Вот когда пригодился баян Салова! Раскатисто и звонко играл баянист, и все пели, нередко переделывая песни на свой лад:

Все выше, и выше, и выше
Поднимем хозяйство страны,
И выполнить план пятилетки
В четыре мы года должны!

14 ноября «Абхазия» прибыла на свою первую стоянку в Гамбург. Не успел теплоход причалить к берегу, как послышались приветствия:

— Рот фронт! Рот фронт! Рот фронт!

Один рабочий-грузчик на ломаном русском языке кричал:

— Да здравствуют ударники Советского Союза!

Но тут все увидели полицейских, которые стали грубо разгонять грузчиков. Полицейские тоже пришли «встречать» советский теплоход.

Гамбург — первоклассный европейский порт, морское сердце Германии, но в ту пору порт чуть дышал. Всеобщий экономический кризис, охвативший Европу и Америку, сказывался и здесь. Большинство мощных кранов стояло. Десятки тысяч рабочих были уволены. Особенно сильное впечатление получили наши ударники от посещения кварталов, в которых жили безработные.

— Больно было сознавать, — рассказывал Александр Петрович, — что здесь живут люди. Дома дряхлые, вот-вот развалятся. Страшная вонь, перемешанная с запахом карболки. Нищета глядит из всех щелей. Мы видели истощенные лица детей. Несмотря на холодную погоду, они бегали босиком, в рваных рубашонках.

С тяжелым сердцем покидали советские туристы Гамбург.

Но вот снова «Абхазия». Предстоял длинный переход из Северного моря в Средиземное. К вечеру подул сильный ветер, начало качать, а на другой день разыгрался шторм. Ветер все усиливался — на палубах почти никого

не осталось, все попрятались в каюты. Лишь небольшая кучка молодежи, собравшись в салоне, распевала комсомольские песни под баян Александра Петровича. Но их тоже скоро укачало.

Трое суток не стихало море. Многим было совсем плохо. Тогда решили мобилизовать всех здоровых в бригаду «Рот буксир». Эта бригада помогала врачу обслуживать больных, разносить по каютам пищу, фрукты, стремилась поднять настроение, а некоторых выводили на верхнюю палубу, на свежий воздух. Шторм все усиливался, даже опытные моряки с трудом переносили удары моря, на палубах уже никого не было. Рассказывая на страницах заводской многотиражки о путешествии, Салов писал: «Мне стало обидно за наших кинооператоров. Все трое лежат больные, а можно было бы использовать богатый момент — заснять бурю.

Я решил это сделать за них. Взял одного боевого паренька, уговорил оператора Самсонова подняться с постели. Взяли аппарат, ремни.

Идти на самый верхний мостик невозможно — сильный ветер сбивал с ног. Пришлось передвигаться ползком и тащить за собой аппарат и ножки. С большим трудом удалось установить и привернуть аппарат, пришлось уцепиться ногами за перила, а руками держать аппарат и связанного ремнями оператора, чтобы его не отбросило ветром. Волны были настолько велики, что теплоход уходил носом в пропасть. Капитанский мостик и нас с аппаратом обдавало то и дело водой. Больших трудов стоила эта съемка. С мостика мы спустились до нитки мокрыми».

Пять дней терзало море туристов, лишь в Гибралтарском проливе выглянуло солнце и прекратился шторм.

26 ноября «Абхазия» прибыла в Неаполь. С теплохода хорошо был виден берег. Кто-то крикнул:

— Смотрите, смотрите, вон из машины выходит высокий старик в сером костюме. Уж не Максим ли Горький?

Все бросились с носа на корму. Точно, Горький! Алексей Максимович подошел к теплоходу совсем близко. Спустили трап. Невообразимый шум поднялся на корабле. Когда приветствия стихли, Горький сказал:

— Товарищи, такой радостной встречи в моей жизни еще не было. Когда я вижу вас, передовиков, ударников Советского Союза, я не нахожу слов от радости. Великое время мы переживаем сейчас. Вы молодцы! Вы герои, которые творят чудеса!

Потом к Горькому подошел Салов и передал ему свою книжку «Рождение цеха». Алексей Максимович взял книгу, крепко пожал Александру Петровичу руку и сказал:

— Сегодня же вечером обязательно прочитаю.

На следующий день, встретившись с Саловым, писатель говорил:

— Книжку вашу прочел с большим интересом. Писать вы можете. Надо больше работать над собой. Учиться надо...

В Неаполе теплоход стоял трое суток. Все эти дни Горький был их неизменным проводником в музеях, в городе, в окрестностях.

Познакомились и с жизнью итальянских рабочих. Несмотря на большие трудности, им все-таки разрешили побывать на «Неаполитанской мануфактуре». На фабрике вместо 10 тысяч человек работало только пять. Остальные были уволены из-за сокращения производства в результате экономического кризиса. В недалеком будущем ожидалось новое сокращение рабочих, так как склады были завалены готовым товаром, не находившим сбыта, — кризис терзал европейский пролетариат...

О возмутительном случае, происшедшем на глазах наших туристов, писал Салов: «В ткацком цехе ученица не смогла разобрать подплетины. Когда это заметила мастерица, она тотчас же влепила ей увесистую пощечину, ни капельки не смущаясь нашим присутствием. Очевидно, здесь это дело привычное».

Тяжелую картину представляли рабочие кварталы Неаполя — настоящие трущобы.

29 ноября «Абхазия» покидала Неаполь. Накануне устроили прощальный вечер. На корабль пришел Максим Горький. Туристы перед отъездом на корабле дали вечер самодеятельности. Пели песни, танцевали. Вместе со всеми пел и Горький.

Подойдя к Салову, Горький похвалил его.

— Хорошо вы играете. Чем-то русским, родным веет от вашего баяна.

В заключение вечера Алексей Максимович сказал:

— Мудрый был человек Ленин и не ошибся в вас. Мы, писатели, пытаемся показать в литературе нового человека, в вас я вижу этих новых людей, творящих чудеса.

С ответным словом выступил один из ударников:

— Алексей Максимович не любит, когда про него го-

ворят. Но я скажу. Он наш родной, пролетарский писатель.

В самом начале декабря «Абхазия» была уже в Стамбуле. Осматривали мечети, дворцы султанов, любовались панорамой Босфора. Но так же, как и в Гамбурге и Неаполе, больше всего поразило тяжелое положение пролетариата Турции. На одной из крупнейших текстильных фабрик в Стамбуле, где побывали наши ударники, они спросили хозяина:

— Сколько у вас зарабатывают рабочие? Какова продолжительность рабочего дня?

Он ответил:

— Мужчины — 85 копеек в день, женщины — 60 копеек, подростки — 50 копеек. Продолжительность рабочего дня — 12 часов.

Далее ударники узнали, что рабочие не имели отпусков, социального страхования также не существовало, как и рабочего законодательства, и охраны труда. Молодые рабочие о таком знали только по рассказам.

«Абхазия» вернулась на Родину 6 декабря.

Салов много рассказывал на заводе о путешествии, о встречах с Горьким. Пружинщик из его бригады, Алексей Захаров предложил избрать Алексея Максимовича почетным ударником. Эта мысль вызвала одобрение всех. И 15 февраля 1931 года на имя Горького была выписана «Книжка ударника», которая была вручена писателю, когда в мае он вернулся в Советский Союз из Италии.

1931 год был особым годом в жизни Салова. В конце февраля Президиум ЦИК СССР принял постановление о награждении лучших ударников Советского Союза.

Их было всего 15 человек, и среди них Александр Петрович.

Тогда же по решению ВЦСПС в московском Парке культуры и отдыха имени Горького была создана Аллея ударников. Заводу АМО предоставлялось право первым назвать свою кандидатуру. Коллектив АМО назвал Салова. В течение двух лет стоял бюст Александра Петровича в Аллее ударников, а затем его передали на вечное хранение в Государственный музей изобразительных искусств.

Трудом велик человек. Это сказано про Салова. И где бы он потом ни работал, опыт первых творческих исканий всегда помогал ему. В 1933 году Салов был избран в завком на освобожденную работу.

Мечтой Салова было массовое изобретательство. Его гордостью был технический кабинет, открытый во Дворце культуры автозавода. Здесь демонстрировались новые изобретения автозаводцев, сюда для технической учебы и взаимного обмена опытом собирались заводские стахановцы.

Познакомиться с техническими нововведениями и поучиться у товарищей приезжал и прославленный стахановец, кузнец Горьковского автозавода Бусыгин.

...В 1937 году Салов снова в своем родном цехе. Он старший мастер пружинного отделения.

Но вот пришла война. Каждый день на фронт уходили сотни автозаводцев. Ушел на фронт и сын Салова Валентин.

Сутками не выходил с завода Александр Петрович: налаживал выполнение военных заказов, отправлял на фронт первые платформы с минами, снарядами и минометами.

Обстановка становилась все напряженнее. Враг приближался к Москве.

15 октября получили решение правительства об эвакуации завода в Ульяновск.

Салов вместе с первой группой товарищей выехал туда, чтобы подготовить прием заводского оборудования.

«Трудная и тяжелая была эта работа, — вспоминал он позднее. — Зима в тот год выдалась ранняя и холодная. Морозы достигали сорока градусов. Ноги в ботинках замерзали, и приходилось заматывать их в мешковину. Обогревались у костров, которые постоянно горели на берегу Волги».

Трудности не помешали москвичам в короткий срок построить автозавод. 30 апреля 1942 года был выпущен первый ульяновский грузовой автомобиль. С тех пор автомашины ежедневно грузились на железнодорожные платформы и отправлялись на фронт. Так было до Дня Победы.

Еще два с половиной года после окончания Отечественной войны трудился Салов на волжском заводе. Лишь в начале 1948 года семья Саловых вернулась в столицу. Поселились они в уютной квартире в бывшей Тюфелевой роще. Для жены и сына Александра Петровича автозавод — второй дом. Более двадцати лет проработала здесь Надежда Ивановна. По примеру отца стал автомобилестроителем и Валентин Александрович Салов.

34 года проработал Салов на Московском автозаводе,

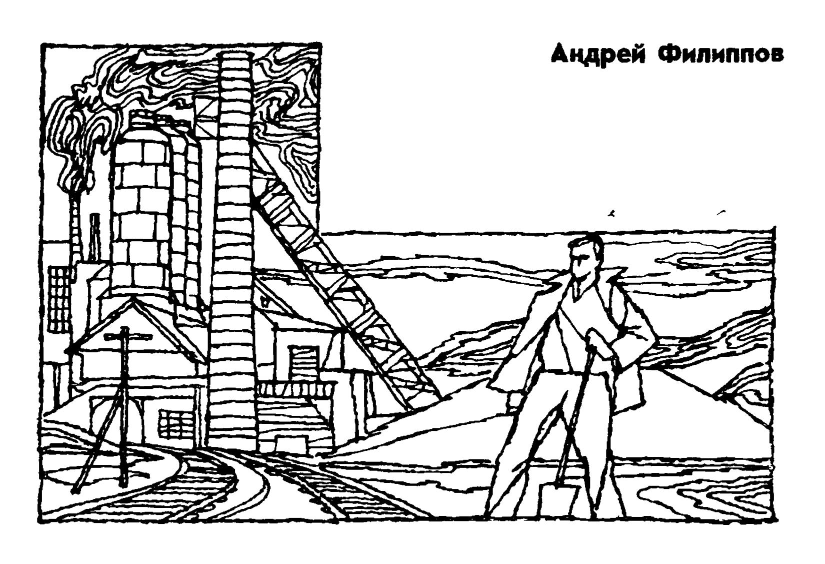
трудился на разных участках, занимал различные должности — от молотобойца до старшего инженера цеха. Не жалел сил, щедро делился знаниями и опытом, умножал славу родного завода.

В 1957 году ушел на пенсию. С трудом привыкал к новому образу жизни. Решил поехать в родное село Жайск. Увлекся рыбной ловлей, сбором грибов, ягод. Но остаться в деревне надолго не смог. Манил завод. Хотелось увидеть родной цех, услышать привычный шум станков. И он не выдержал и пришел в партком — просить поручение. Ему, как члену Совета пенсионеров, поручили сопровождать экскурсии по заводу.

20 августа 1962 года Салова не стало. В некрологе, помещенном в заводской многотиражке, его товарищи писали: «Ушел от нас человек огромной инициативы, верного служения интересам партии и народа».

Во Дворце культуры автозавода есть небольшая комната с табличкой: «Комиссия парткома по истории завода». Ее посещают и ветераны труда, и молодые рабочие, ученые и журналисты, делегации из городов нашей страны и зарубежных государств. Здесь бережно хранятся все рукописи, материалы и фотографии, оставленные Александром Петровичем. К «фонду» Салова еще много раз будут обращаться историки и литераторы, изучающие славную деятельность советского рабочего класса.

Андрей Филиппов

Он проснулся, как всегда, сразу. Замешанная на густом запахе свежеиспеченного хлеба, сохнущих портянок, лежалого сена и еще чего-то своего, домашнего, темнота избы начала слегка разбавляться. В окно пробивался серый рассвет. Рядом тихо дышала жена. В дальнем углу за ситцевой занавеской ворочались во сне ребятишки, шуршал под ними сенник. С минуту полежал неподвижно. Плечи, ноги и поясница ныли. Особенно ноги. «К дождю», — с досадой подумал Андрей Севастьянович. Уже лет пятнадцать ломота в суставах служила ему верным барометром. Сказались годы работы на приисках, когда долгими часами приходилось стоять в шурфе по колено, а то и по пояс в холодной грунтовой воде.

Поднялся рывком. Под жалобный скрип половиц прошагал к двери, толкнул ее и жадно вдохнул прохладный утренний воздух. Было часов пять. В соседнем дворе прокричал петух. Где-то хлопнул ставень. По проселку прогрохотала телега. Деревня Бессоново просыпалась.

Утро действительно оказалось ненастным. С запада, со стороны Старцевой гривы, дул порывистый ветер. Он гнал низкие, набухшие влагой тучи. Первые крупные капли взрывали фонтанчики пыли на плотно утоптанной тропинке.

Андрей Севастьянович спустился по ней к берегу. Аба медленно бежала меж камышей, таща вниз, к Томи расходящиеся кольца дождевой дроби. На мостках было удобно. Андрей Севастьянович нагнулся, окунул в воду голову и плечи.

Когда вернулся, в избе уже не спали. На столе дымился добытый из печи горшок с крутой пшенной кашей, стояла крынка с парным молоком, лежала коврига хлеба.

Ел, как всегда, не спеша, обстоятельно. В огромной его руке деревянная ложка казалась игрушечной.

Когда поднялся, утерев полотенцем губы, стало будто теснее в избе. Без малого двухметрового роста, широченный в плечах, он олицетворял спокойствие.

— Вот мы и снова дома, женка, — повернулся он к хлопотавшей у печи женщине. — Пойду на работу наниматься.

А через час уроженец этих мест, вернувшийся в родные края после двадцати лет скитаний по шахтам, приискам и дорожным стройкам Сибири, землекоп Андрей Севастьянович Филиппов стоял у стола в деревянном бараке, на фасаде которого косо висела жестяная табличка: «Рабсила». Это было 21 мая 1929 года.

Три десятилетия спустя Андрей Севастьянович с доброй иронией в глазах говорил:

— Часто писатели, журналисты, историки добиваются: «Думал ли ты тогда, что предстоит строить первенец сибирской металлургии, что стал участником создания индустриальной базы социализма?» — «Так я скажу, — думал. — На то он и человек, чтобы мозгами шевелить. Только, помнится, в тот день думы мои попроще маленько были. Мечталось о хорошем заработке. Тогда у меня семья большая была — четверо ребятишек, жена да старики — мать с отцом. А еще думал: наступит ли конец кочевой моей жизни? Ведь с тех пор, как батя меня мальчонкой на прииски увез, так и жилось: то в казармах, то в землянках на дорожном строительстве, то в шахтерском поселке... Есть работа — живешь, кончилась — дальше подался. Вот и мечталось мне, чтобы на сей раз работы и на лето, и на зиму хватало, чтобы к месту прирасти, ребятишек в школу послать. Сам-то я тогда неграмотный был, хотя тридцать лет уже стукнуло».

...То была памятная весна. Накопив силы, страна приступала к штурму. С листов чертежей контуры будущих

заводов-гигантов перешагнули на строительные площадки, зримо стали проступать в линиях котлованов, фундаментов. Ленинский план социалистической индустриализации начал претворяться в жизнь.

Застучали первые топоры и на левом берегу реки Томь, против старинного сибирского городка Кузнецка. Кузнецкстрой начинал жить. Рабочих было совсем немного. На площадку потянулись крестьяне-отходники из окрестных сел, прибыло несколько специалистов во главе с главным инженером строительства Иваном Павловичем Бардиным. Велась подготовка к большому наступлению. Но выглядела она пока прозаично.

...От станции тянулись подводы с бревнами. Длинная их вереница с хлюпаньем месила тягучую глину только что проложенного тракта. Около одной из подвод шагал Андрей Севастьянович. Вытягивая с усилием сапоги из болотной жижи, он прикидывал, сколько ходок удастся сделать в этакую распроклятую слякоть. За каждое бревно платили по 15 копеек.

Дорога пошла в гору. Раскисшая под дождем, она стала скользкая, как каток. На крутизне лошадь, подавшись вперед всем своим корпусом, налегла на оглобли. Спина ее выгнулась, гривастая голова на широкой короткой шее низко опустилась. Копыта беспомощно заскользили, а крупный, с синевой глаз с укором косил на хозяина.

Андрей Севастьянович досадливо крякнул, подпер плечом передок и поднатужился. Уйдя по щиколотки в грязь, ноги нашли твердую опору. Телега медленно двинулась вперед. На взгорке начиналась будущая Тельбесская улица. По обе стороны поднимались первые венцы барачных срубов. Площадка готовила жилье к приему новых рабочих. Разбрызгивая грязь, бревна скатывались на землю.

«Больше не обернуться», — подумал Андрей Севастьянович. Сгущались сумерки. Возчики сгрудились под дощатым навесом у хилого костерка. Коренастый паренек с заткнутым за кушак топором, сидя на корточках, подкармливал огонь смолистой щепкой и с интересом прислушивался к разговорам.

— Бают мужики, — басил ладно скроенный, с окладистой черной бородой дядька, — будут, однако, Бессонову нашу изводить, дома снесут, посевы тоже. Непорядок это! Прадед мой тут землю пахал, каждый колышек в плетне своими руками вколочен. А теперь прахом все по миру

пустить? Я так думаю, согласия на то давать не след. Его, заводище-то, строить можно и в стороне малость. У Советской власти земли много. А если ѐ вовсе не тут, так оно для миру еще лучше будет!

Многие одобрительно зашумели.

— Твоя правда: здесь помирать надо бы, — поддержал щуплый возчик в натянутом на голову и плечи промокшем мешке. — И то по полю дорогу проложили, хлеба топчут!

Паренек у костра поднял голову. В отблеске пламени сверкнули задором чуть раскосые глаза.

— Не мутил бы людей, Михеич, — повернулся он к бородачу. — Сказали же в конторе: где деревня стоит, выстроят город — дома каменные, в три этажа. И деньги, и рабочих на перенос дадут.

Андрей Севастьянович подошел к навесу.

Паренек был Мишка Ионов, деревенский столяр, заводила в комсомольской ячейке. Мишу Филиппов уважал. Даром что безусый, но работящий и грамотный.

Бородача тоже узнал. Пятистенный, из лиственниц срубленный домина Михеича сверкал крашеными ставнями через один двор от его избы. Был Архип Михеич Кузин прижимист и изворотлив. Держал раньше по 50 и больше голов скота, приторговывал продуктами, обирая старателей. Потом притих, хозяйство свернул. Зажиточный середняк да и только. У него купил Андрей Севастьянович Гнедка за 65 рублей, когда вернулся. Деньги немалые, но конь добрый, выносливый.

Спор у костра продолжался.

— Ты, паря, помолчал бы, — отвечал бородач Мишке. — Что тебе терять? Штаны и то одни. За перевоз недорого отдашь. А протирать их на собраниях с девками в любом месте одинаково!

Кто-то прыснул в кулак.

Симпатии Андрея Севастьяновича были на стороне Миши. Но и мужикам он сочувствовал. Переселение означало, что и свою избу придется перевозить, а куда, еще неизвестно.

День понемногу угасал. Дождь усилился. Он стекал с навеса тонкими ручейками. Отблески пламени подкрашивали их, и поэтому казалось, что вокруг до самой земли свисают нити стеклянных бус. Сквозь эту завесу вдруг прорвался мужчина в брезентовом плаще — десятник Юрецкий.

— Севастьяныч, — обрадовался он, — тебя-то и ищу! Зайди в контору. Ты ведь землекоп? Хватит бревна возить! Завтра пойдешь в карьер.

С чего начинается большое строительство? С земляных работ, сооружения подъездных путей, строительной базы, жилья для рабочих. Так бывает всегда. Но в каждой стройке проступают зримые черты эпохи. Кузнецкстрой начался с землянок и бараков, с первых десятков землекопов-грабарей и плотников, с карьера, где добывался песок и гравий, с маленькой кузницы и первой «электростанции», мощностью в... 3,5 киловатта. Движок для нее строители обнаружили на старой мельнице в Кузнецке.

«...Трудно было тогда работать. На собраниях кулачье бузотерило. А лезло оно на площадку пачками. Приедет грабарь с лошадью — кто станет документы его проверять? Грабарь и грабарь, «временно работающий»... Выступали одни и те же крикуны — человека три-четыре, мы их хорошо приметили. Поддержка им была со стороны грабарей. Основные рабочие были всегда против крикунов», — писал в своих воспоминаниях один из первых коммунистов Кузнецкстроя, Трофим Степанович Гурьянов.

Так случилось и на том, памятном Филиппову собрании. Было это в конце мая. Ненастье кончилось вдруг, и на смену дождям пришли жаркие солнечные дни. Отправился Андрей Севастьянович на карьер с утра пораньше. Работалось хорошо. Любовно отделанный им самолично черенок лопаты ладно лежал в руках. Грунт легко поддавался. Как обычно, часа через два почувствовалась первая усталость. Солнце стояло высоко и изрядно пекло, когда раздалась звонкая дробь ударов колотушки по рельсу: обеденный перерыв.

Андрей Севастьянович распрямился и отер тыльной стороной руки капли пота со лба.

— Здорово работаешь, дядя!

Парень лет двадцати стоял рядом. Очевидно, он уже давно наблюдал, как будто играючи, без видимого усилия ходит лопата в могучих руках Филиппова и с каждым ее взмахом растет на бровке рыхлый земляной холм.

Андрей Севастьянович заприметил его еще с утра. Оголенный по пояс, невысокий, но плотный, паренек трудился недалеко, по ту сторону бровки. Налегал он на лопа-

ту всей своей тяжестью, трудно вгоняя ее вглубь, потом с напряжением поднимал, отбрасывал вынутый грунт.

Получалось по-крестьянски старательно, но бестолково. Сразу видно было, что земляные работы для него в новинку.

Филиппов сощурился в улыбке. Концы усов под мясистым, таким же крупным, как он сам, носом дрогнули и поползли вверх.

— А у тебя, что же, не получается? Ничего, не горюй, паря. С мое покопаешь, научишься. — В лице парня, в его восхищенном, немножко завистливом взгляде было что-то привлекательное. — Тебя как зовут-то?

— Дзендзель моя фамилия, а звать Сергеем...

Говорил Сергей с непривычным мягким акцентом, слегка коверкая слова. И этот акцент тоже показался Андрею Севастьяновичу приятным.

— Вот и хорошо, вот и познакомились. А теперь, Сергей, давай шабашить. Обедать пора. Потом я тебя, если хочешь, подучу малость. Ведь лопату держать всяк может, а вот землекопом быть не просто. Это тебе не огород копать.

Ели вместе. У парня оказалась лишь краюха хлеба. Андрей Севастьянович аккуратно развернул тряпицу с вареными картофелинами, куском посоленного сала, крупной луковицей. Как Сергей ни отнекивался, разделил все пополам.

К столам, где сидели землекопы, подошел десятник и сказал, чтобы после смены не расходились: будет рабочее собрание.

Снова застучали по рельсу. До вечера Филиппов и Дзендзель работали рядом. Андрей Севастьянович несколько раз подходил к Сергею, показывал, как лопату ставить, куда нажать, как сподручнее размахнуться, чтобы подальше отбросить землю. Ученик оказался способным. Рабочий день подошел к концу.

У тех же столов под открытым небом собралось человек двести. На таратайке приехал представитель Кузнецкого райкома партии.

Когда все разместились и притихли, он встал у торца стола и рассказал о работе XVI партийной конференции.

«Тогда у нас еще не было клубов, — вспоминал о том первом собрании на площадке Андрей Савастьянович. — Собрались под открытым небом. Но слушали рабочие внимательно. Я не во всем тогда разбирался, но одно мне

запомнилось: партия говорила, что построить хорошую жизнь можно только общими силами, при повышении производительности труда каждого рабочего, что необходимо организовать социалистическое соревнование, ударные бригады... Слушая, я вспоминал годы изнурительного труда своего на приисках и шахтах, хозяевами которых были богачи — иностранцы, и думал, что так оно, наверное, и есть: рабочим людям нужно самим ковать свое счастье...»

Докладчик прочитал обращение конференции к рабочим и крестьянам и начал рассказывать, какой огромный завод будет построен здесь, на площадке, какие дома и клубы вырастут в городе, как изменится, обогатится родная Сибирь. Представить себе все это было трудно. Но верить хотелось.

Потом выступали рабочие. Особенно горячо говорил Миша Губкин — комсомолец из плотничьей артели.

— Пополнения ждем на площадку дня через три. А жилье подготовить успеем ли? Я предлагаю не по восемь, а по десять часов работать!

Рабочие оживились, зашумели. Послышались реплики, то одобрительные, то насмешливые.

От группы молчаливо сидевших в стороне сезонников к столу подошел мужик.

— Чего придумали еще! Народ измотать хотите? Не выйдет, время не царское, не каторжное! На кой нам тот завод и металл сдался? Жрать его не будешь. Нам вот что надо, — и одной рукой он подергал себя за полу, а другой похлопал по животу.

На него зашумели, и мужичонка юркнул обратно к своим.

Домой возвращались в сумерках. Сергей шел рядом и скупо рассказывал о себе:

— Почему у меня выговор такой, интересуетесь? Так я ведь не здешний. Еще два года назад в Румынии жил.

И перед Андреем Севастьяновичем понемногу развертывалась судьба этого полюбившегося ему с первого взгляда парня.

...Десять лет исполнилось Сергею, когда он, сирота, оказался один в родном Кишиневе, оккупированном боярской кликой Румынии. Его детство чем-то напоминало детство самого Филиппова. Непосильная работа в кузнице, горькая доля батрака... Время шло. Юноша-украинец в поисках заработка исходил города и села по берегам мно-

говодного Дуная. Был грузчиком в Галаце, брался за любой, самый тяжелый труд, лишь бы не помереть с голоду. И росла в душе Сергея ненависть к миру, в котором одни купались в роскоши, а другие — большинство — обрекались на полуголодное существование.

Зверская палочная дисциплина, побои и издевательства, которым подвергали унтер-офицеры и офицеры насильно мобилизованных в армию, переполнили чашу терпения парня.

Темной осенней ночью 1927 года девятнадцатилетний Сергей Дзендзель, бывший румынский солдат, переплыл Днестр и оказался на берегу, где, как он слышал, рабочие и крестьяне строили новую жизнь. Здесь его и подобрали советские пограничники. А в 1928 году он, уже рабочий Карской экспедиции, сплавлял лес к берегу океана.

Когда до него дошла весть о начале строительства Кузнецкого металлургического комбината, парень не задумываясь поехал в Кузнецк.

— Приехал я сюда в феврале, — спокойно говорил он. — И не жалею. Только специальностью овладеть хочется.

Потом с улыбкой добавил:

— Верите, Андрей Севастьянович, когда в первое утро в бараке проснулся, никак голову от нар оторвать не мог. В чем дело? Потом сообразил: волосы примерзли. Теперь-то здесь хорошо, жарко, как будто из нашей Молдавии и не уезжал!

Долго в ту ночь ворочался Андрей Севастьянович. Никак не мог заснуть. Думалось о том, что ждет впереди, о Сергее Дзендзеле, о том, каким будет завод. Наконец усталость взяла свое. И приснился Филиппову необычный, никогда не виданный город с домами, поставленными друг на друга в несколько этажей. А он шагает по нему и почему-то поет.

Утром, проснувшись, бросил жене:

— Хватит думать! Будем на новое место, куда укажут, избу перевозить. Здесь земля стройке нужна.

Прошел год. Многое изменилось на площадке. Полным ходом шло сооружение вспомогательных цехов, широким фронтом проводилась планировка территории, начались земляные работы на котлованах под фундаменты основных цехов.

Особенно ускорились темпы после XVI съезда партии.

Решение съезда предусматривало как важную народнохозяйственную задачу, притом в короткие сроки, строительство новых и реконструкцию существующих заводов черной и цветной металлургии. А строительство на Востоке второго основного угольно-металлургического центра страны являлось задачей первостепенной важности. Кузнецкстрой стал всенародной ударной стройкой. Со всех концов страны мчались сюда эшелоны с материалами, оборудованием, людьми. Это были посланцы партии и комсомола — представители рабочего класса крупнейших промышленных центров: Москвы, Ленинграда, Украины. В коллективы строителей они внесли пролетарскую закалку, напористость, партийную принципиальность.

В ответ на призыв ЦК ВКП(б) всемерно форсировать строительство Урало-Кузнецкого комбината ЦК ВЛКСМ объявил его подшефной стройкой комсомола.

Площадка напоминала огромный муравейник. Механизации почти никакой не было, все делалось вручную. Основным орудием земляных работ была лопата. Тысячи землекопов, плотников, бетонщиков делали свое нелегкое дело. Подобно гигантскому сепаратору стройка впитывала тысячи людей, отбирала все ценное, способное и как пустую породу отсеивала налетное, случайное. Углублялись котлованы, поднимались леса, в напряженном труде выковывался коллектив строителей.

На площади у строящегося здания заводоуправления выросла деревянная трибуна с высокой мачтой. На вершине ее — пятиконечная звезда. Право зажечь красный огонь получали победители в соревновании.

Не раз уже доводилось протягивать руку к заветному рубильнику Андрею Севастьяновичу. Его знали сотни людей. С ним советовались, просили помочь, когда предстояли особо сложные и срочные земляные работы.

Когда он работал, нередко у котлована останавливались вновь прибывшие на стройку. Нельзя было не любоваться скупыми, четкими движениями землекопа, за которыми скрывались огромный опыт, природная смекалка и удивительное «чувство земли». Там, где обычно землекоп откалывал грунта на лопату, Андрей Севастьянович одним ударом умел обрушить огромную глыбу. Казалось, он работал не спеша, размеренно. Но когда в конце смены замерялись результаты, люди диву давались,

а прораб поначалу даже не верил: вместо 7 кубометров по норме Филиппов умудрялся вынимать из котлована 20 и больше кубометров грунта.

Как-то у траншеи, где он работал, остановился один из американских инженеров, работавших на Кузнецкстрое. Немного понаблюдав, он через переводчика спросил: «Какая у вас выработка за смену?» И выслушав ответ, воскликнул: «Это удивительно! Вы, мистер Филиппоф, есть человек-экскаватор!»

Так и прикипело к Андрею Севастьяновичу с легкой руки иностранца это «человек-экскаватор».

Люди строили завод и в совместном труде изменялись сами. С того памятного собрания что-то перевернулось в душе Андрея Севастьяновича. Лошадь он продал. И хотя по-прежнему был заинтересован в заработке, больше не высчитывал, как когда-то, сколько получится сегодня. Все чаще волновали его другие, поначалу непривычные мысли. Однажды поделился ими с несколькими ребятами из артели:

— Понимаете, работаем вроде и хорошо, но ведь можно куда лучше. Что такое артель? Один с сознанием трудится, а другой, вроде Федора Лисина нашего, так и старается где полегче пристроиться. А учета никакого. Всем поровну.

— Прав ты, Севастьяныч, — согласились землекопы. — А как быть?

Филиппов сморщил лоб и перебил товарища:

— Погоди, Антон, не к тому я, что лодырь у меня лично кусок хлеба крадет. Он государство обкрадывает. Ведь когда все добросовестно работать станут, насколько быстрее завод пустим? А лодырей, по моему пониманию, одними словами не устыдишь! Их и по карману не грех тряхнуть!

С ним согласились. И на одном из собраний Андрей Севастьянович предложил разбить артель на звенья. Каждому звену начислять по результатам работы, наладить между ними внутриартельное соревнование.

Кадровые рабочие поддержали. Но артель была большая. случайных людей много. Они и зашумели: «Что же это получается, в деревне коллективизацию проводим, людей объединяем, а Филиппов рабочий коллектив разлагать вздумал!» Так ни до чего не договорились, разошлис

Шагая домой, Андрей Севастьянович переживал оби-

ду. «Прав ведь я, — думал, — только высказать так, чтобы поняли, не смог. Хотя, чего там! Кто хотел, тот понял. А те... они что, сегодня здесь, завтра не будут».

Он оказался прав. Вскоре на стройке широко начал внедряться хозрасчет. Вместо артели сформировали бригады. И не кого-либо другого, а его избрали землекопы своим бригадиром.

— Да что вы, ребята, — смутился Андрей Севастьянович, — неграмотный я, трудно мне будет.

— Справишься, — уверенно ответили ему. — А где надо — поможем.

Теперь Андрей Севастьянович приходил домой поздно. Бригадные дела отнимали немало времени. В течение смены работал вместе с другими, а после обходил участок, прикидывал со звеньевыми, как сподручнее завтра людей расставить, как организовать работу, чтобы никому не пришлось простаивать.

Бригада была большая — 60 человек. И о каждом приходилось думать, к каждому присмотреться. Действовал он больше примером. Заметит что не так, подойдет, возьмет в руки кайлу или лопату и на деле покажет, как нужно сделать.

Авторитет бригадира рос, нерадивые или взялись за дело, или ушли. И дела быстро пошли в гору. Через два месяца бригада впервые выполнила сменное задание на 130 процентов. О ней заговорили на стройке.

Но и дома, после изнурительного дня Андрей Севастьянович не находил покоя. Он стал строже, часто задумывался.

— Что ты, Андрей, хмурый ходить стал? — спросила как-то жена. — Не захворал ли часом?

Он повернулся к ней, минуту подумал.

— Знаешь, трудное это дело, людьми руководить. Боялся сначала. Теперь вижу — получается. Но и беспокойство все время. Не оплошать бы, доверие народа оправдать.

Иногда он подсаживался к старшему сыну, когда тот склонялся над учебниками. Сидел молча, наблюдал. А однажды, всегда уверенный, спокойный, с явным смущением спросил: «А трудно это, сынок, читать выучиться?»

С тех пор так и завелось, что сынишка каждый день понемногу стал заниматься с отцом.

И однажды Андрей Севастьянович, который раньше

кресты ставил в бумагах, удивил прораба. Взяв в руки карандаш, старательно вывел в наряде: «Филиппов».

Все больше ощущал бригадир, как необходима ему грамота. Впоследствии он вспоминал:

«Когда пришел на стройку, представление мое о будущем заводе было самое что ни на есть смутное. Думал, что он похож на тот кирпичный спиртоводочный завод, который видел я в Кузнецке. Но когда развернулись работы, покрылась огромными выемками земля, стал я понимать, что такой махины, как эта, которую мы строим, мне не только видеть не доводилось, но и представить себе трудно.

И когда я наконец понял, какие великие дела творятся здесь, захотелось мне узнать больше. Любопытство великое проснулось во мне. Гляжу, бывало, на рабочего, который, шевеля губами, уткнулся в газету — и зависть меня берет. Сколько интересного небось написано! Да какой я и бригадир, коль неграмотен.

Тридцать восемь лет мне стукнуло, когда первый раз на занятия ликбеза пришел. Труднее мне сначала показалось карандашом водить, чем лопатой землю кидать. Смену отработаешь — рубаха сухая. А вот, пока читать, писать научился, не раз пот со лба рукавом утирал. Но осилил я грамоту все же, хотя другой раз на сон времени мало оставалось.

Зато когда первый раз сам по слогам в газетке разобрался, как будто второй раз на свет народился. Словно бельмо какое с глаз снял. Сейчас, наверное, другой студент, когда диплом получает, не испытывает такой радости, какую я тогда испытал».

Бригада пополнилась молодежью. Андрей Севастьянович внимательно присматривался к ребятам. Хотя настоящих навыков у них еще не было, привлекали бригадира комсомольский задор, горячее желание сделать больше и лучше. Ставил он их к опытным землекопам, следил, чтобы старики передавали свои навыки.

Те поначалу ворчали:

— Что это ты, Севастьяныч, детский сад разводишь? Морока с ними, а толку чуть. Только заработки падают.

Филиппов отмалчивался, но однажды не выдержал. Отозвал в сторону особо несговорчивого землекопа.

— Ты, Иван, брось парня на побегушках держать. Тебя мама, поди, сразу землекопом с лопатой родила?

Нет, говоришь? Тогда сделай для парня то же, что когда-то другие для тебя сделали, — делу учи.

И уже сурово добавил:

— А не захочешь — без тебя бригада проживет.

Разговор стал известен в бригаде, и отношение к молодежи изменилось. Постепенно ребята втягивались, перенимали опыт. Заводилами среди них были комсомольцы Ваня Гордиенко и Антон Щетинин.

Однажды Антон остановил бригадира.

— Андрей Севастьянович, у ребят предложение есть.

— Какое такое предложение? — насупился бригадир.

— Давайте создадим в бригаде комсомольское звено.

Мысль Андрею Севастьяновичу понравилась.

— А что же, давайте. Только, чур, от стариков не отставать!

Щетинин широко улыбнулся:

— Что вы, Севастьяныч, мы вам еще на пятки наступать будем.

Звено работало отлично, и о нем заговорили.

Но затея с молодежью обернулась и неожиданной стороной.

Как-то в конце смены непоседливый Щетинин подошел к бригадиру.

— Андрей Севастьянович, наше звено решило после смены на воскресник идти. Надо комсомольцам с литейного помочь.

К тому времени строительство фасонно-литейного цеха, от пуска которого зависело строительство остальных основных цехов, было объявлено подшефной стройкой комсомола. Филиппов об этом знал, но предложение сразу насторожило.

— На литейном намотаетесь, а завтра скиснете. Духу по-настоящему работать не хватит.

Парень не растерялся.

— А вы бы тоже нам пособили. Тогда быстрее управимся.

— Ишь, шельмец, что задумал! Еще и нас втравить хочешь. Не выйдет!

На этом разговор кончился. Но когда ребята строем двинулись к площадке литейного, бригадир не утерпел. Подмигнул землекопам и спросил:

— А мы что же, хуже? Айда с ними.

Кое-кто остался, но большинство пошло за бригади-

ром. На литейном работа спорилась. К Филиппову подошел прораб — совсем молодой парень. Лицо его показалось знакомым.

— Андрей Севастьяныч, здравствуйте! — обрадованно воскликнул он. — Вот уж такой подмоги не ждал. На том котловане никак не справимся. Земля трудная. Может, пособите?

— Никак Дзендзель? — удивился Андрей Севастьянович. — Ты что же, уже в прорабах?

— Да вот видите, — смутился тот. — Я курсы кончил. Поставили. А вашу первую науку до сих пор помню.

Люди принялись за работу. К вечеру котлован был готов.

Стало смеркаться, закапал несильный дождик. Кто-то разжег костер. Вокруг собрался народ. Запели, парень и дивчина пустились в пляс, но на скользкой земле коленца не получались, и танцор во весь рост хлопнулся в грязь. Кругом весело засмеялись. Потом притихли. К огню подошла девушка в красной косынке и начала читать стихи.

Через четыре часа возвращались по домам. Усталые до предела, но неугомонные комсомольцы шли с песнями, прибаутками. Незаметно для себя бригадир стал подтягивать. Под песню шагалось легче.

Расставаясь со старым землекопом Бессоновым на перекрестке, Андрей Севастьянович вдруг засмеялся.

— Ты чего это? — удивился тот.

— Да вот, понимаешь, подумал, что всю жизнь привык за свою работу деньги получать, а тут даром полсмены отмотали и — скажи ты! — не жаль. Приятно даже.

...Воскресники и субботники все шире входили в жизнь площадки.

«С тех пор так в бригаде и повелось, — вспоминал Андрей Севастьянович, — что после работы обязательно бесплатно еще несколько часов в «кошелек Кузнецкстроя», как это тогда называлось, отработаем. И не то чтобы нехотя, а с радостью. Все мечтали скорее завод пустить».

Бичом стройки была текучесть кадров. Особенно к зиме сотни рабочих-сезонников и приезжих из других городов покидали площадку. Многие боялись суровой сибирской зимы, трудностей с жильем, питанием.

По предложению коммунистов и комсомольцев нача-

лось движение за самоконтрактацию до окончания строительства. Бригада Филиппова законтрактовалась одной из первых.

О ее делах появилась статья в газете «Большевик Кузнецкстроя». Другие бригадиры стали приходить, чтобы посмотреть на организацию труда, научиться, перенять опыт.

Это тоже было необычным. Старые землекопы привыкли, что тайны своего мастерства передавать на сторону не следует. Покажешь секреты — против тебя же и обернется. А теперь оказалось, что заботиться надо не только о своей работе, а и о том, чтобы и другие трудились не хуже.

Однажды Андрея Севастьяновича пригласили в райком партии. Встретил его секретарь райкома Рафаил Мовсесович Хитаров. Познакомились они давно. Рафаил Мовсесович был из тех, кто не любил просиживать в кабинете. Ежедневно, в любую погоду его можно было увидеть на площадке, среди рабочих. Этого подвижного черноволосого мужчину с внимательным взглядом, простого и какого-то своего в обращении любили и уважали все.

Андрею Севастьяновичу рассказывали, что еще совсем юношей он сидел в тюрьме за революционную деятельность, потом вынужден был бежать в Германию. Потом работа в Исполнительном комитете Коммунистического Интернационала Молодежи в Москве и, наконец, Кузнецкстрой. Владел он почти всеми европейскими языками, и Филиппов не раз сам слышал, как Хитаров свободно разговаривал на площадке с иностранными специалистами.

Рафаил Мовсесович усадил Андрея Севастьяновича на стул, сам сел рядом. Улыбнулся.

— Хочу вас поздравить. Из Москвы позвонили, что вы награждены Почетной грамотой ЦИКа. Вручим всенародно.

И заметив растерянность в глазах землекопа, добавил:

— Нечего смущаться. О таких, как вы, не только Москва — вся страна скоро знать будет!

Потом, погасив улыбку, добавил:

— Но я не только об этом. О важном деле посоветоваться с вами хочу. Ходят к вам в бригаду поучиться другие землекопы. Но ведь всех не пошлешь. Их тысячи. А если бы другие стали работать так, как вы, намного лучше пошли бы у нас дела. На днях мы начинаем учебу

бригадиров и прорабов по земляным работам. Вот и хочу попросить: подготовьтесь выступить. Хорошо было бы рассказать о том, как людей расставляете, как организуете работу бригады, о ваших приемах на тяжелых грунтах.

Андрей Севастьянович по мере того, как говорил секретарь райкома, все больше бледнел.

Наконец не выдержал.

— Какой из меня лектор, Рафаил Мовсесович, — взмолился он. — Я уж лучше десять раз в котловане покажу, чем на словах объяснять!

— Не робей, Андрей Севастьянович, — понимающе сощурился Хитаров. — Что страшно тебе — это хорошо: значит, понимаешь ответственность. А получится у тебя хорошо, наверняка получится.

...Три ночи сидел Андрей Севастьянович над выступлением. Что-то чертил, писал своим каракулистым, неуклюжим почерком, пыхтел.

— Рехнулся, старый, — ворчала, проснувшись ночью, жена.

Андрей Севастьянович только отмахивался. Не клеилось у него дело. Ложился под утро — и тут сон не шел. В растревоженном мозгу бродили мысли, отрывочные фразы, но стройно укладываться они не хотели.

Напряженная работа мысли дала плоды. Лежа без сна, Андрей Севастьянович неожиданно осознал, что смотрит на свою работу как бы со стороны, что нашел то самое главное, о чем нужно будет сказать.

Назавтра в зале, оказавшись против десятков устремленных на него глаз, Андрей Севастьянович сначала растерялся. С минуту с трудом, чуть ли не по слогам пытался читать свои записи. Потом запнулся, махнул рукой, отодвинув в сторону бумажку.

Мысль заработала ясно, как накануне ночью, и, не заботясь о форме, стал говорить просто о продуманном.

— Что вам сказать, товарищи? Попросили меня поделиться опытом. Опыт этот годами возни с землей накоплен. Много у нашего брата приемов есть. Но не в них главное. Главное, я так думаю, по пальцам пересчитать можно: первое — любовь к своей работе нужна, равнодушный с душой работать не сможет; второе — правильно организовать фронт работы, чтоб было где развернуться; третье — хорошо подготовленный инструмент. Лопата и кайла всякие бывают; и четвертое — интенсивность труда.

Андрей Севастьянович сделал секундную паузу и по одобрительному гулу интуитивно понял — слушают. Сразу стало легче. Речь полилась плавно. Будто беседовал с товарищами. Рассказал, как организовано дело в бригаде, как расставляются люди.

Два часа прошли незаметно. Когда кончил, посыпались вопросы. Долго ему хлопали. А у выхода Хитаров крепко пожал руку бригадира и, улыбаясь, сказал:

— Да ты оратор, Андрей Севастьянович, а говорил — не получится!

1931 год вошел в историю Кузнецкстроя как год сооружения основных объектов завода.

Там, где недавно еще зияли лишь глубокие ямы фундаментов, поднялись ввысь ажурные сплетения доменных печей, трубы мартенов, переплеты прокатных цехов.

Андрей Севастьянович со своей бригадой трудился на самых ответственных участках стройки. В августе бригаду перебросили на рытье выемки шлакового путепровода. Работа была сложная. Приходилось копать землю в глубокой траншее, а фронт выемки был узким — сразу много людей не поставишь. Так и этак прикидывал бригадир. Советовался со звеньевыми. Приняли решение работать в три смены звеньями. По дну траншеи проложили рельсы, а вынутый грунт в вагонетках увозили на территорию шамотно-динасового цеха, где требовалась подсыпка.

Отработав с дневной сменой, Андрей Севастьянович пришел однажды вечером посмотреть, как идут дела у сменщиков. Встал на краю, нагнулся, заглядывая вниз. А ребята уже приловчились: за считанные минуты нагружали вагонетки в забое, успевай только откатывать.

Позади раздались шаги. Оглянулся бригадир — и дух у него перехватило. Будто с портрета сошел, к траншее подходил в сопровождении руководителей строительства наркомвоенмор Климент Ефремович Ворошилов.

«Растерялся я, — вспоминал о том дне Филиппов, — а он подошел к траншее, заглянул вниз, полюбовался немного, а потом и говорит: «Молодцы ребята, хорошо работают!» А глаза у самого улыбчивые, добрые. Так я тогда и не нашелся что сказать. Язык отнялся.

А после смены все строители собрались на площади послушать наркома. Хорошо он говорил. Поняли мы, что строительство Кузнецкого завода — это настоящее сраже-

ние с мировым капитализмом, что пуск его будет великим делом в укреплении оборонной мощи Родины».

Приезд Климента Ефремовича Ворошилова на Кузнецкстрой был связан с приближением ввода завода в строй действующих. Металл был жизненно необходим стране.

С первых дней 1932 года работа на площадке велась особенно напряженно.

В январе дала ток первая турбина электростанции. В феврале был получен первый кузнецкий кокс. Вся страна с нетерпением ждала вестей из далекого Кузбасса. 3 апреля наступил торжественный момент. Из летки доменной печи полился первый кузнецкий чугун.

Тот памятный день запомнился Андрею Севастьяновичу на всю жизнь. Тысячи строителей собрались у первой кузнецкой домны. К виду ее люди уже привыкли. Но раньше она стояла холодная, будто бы мертвая. А теперь над ней вился дымок, от кожухов на расстоянии веяло теплом.

— Задышала! — сказал кто-то рядом.

На площадку спускалась ночь, но никто не уходил. Было холодно. Ветер налетал порывами.

Наконец под утро торжественный момент наступил. В 6 часов из печи пошел поток раскаленного металла.

«Как зачарованные мы на него смотрели, — рассказывал Андрей Севастьянович. — А когда я домой возвращался, то вдруг в голове стихи начали складываться. Придут слова на ум, а я боюсь, что забуду. Скорее книжечку свою бригадирскую вытащу да запишу.

Так у меня стихотворение получилось. После те стихи в стенгазету поместили...»

Бесхитростные строчки филипповского стиха сохранились. Вот они:

Ждала страна и дождалася,
И тот великий час настал:
Из первой домны Кузнецкстроя
Полился первый наш металл!
Рабочий класс своим геройством
Великий подвиг совершил:
В глухом углу, в лесах Сибири
Завод могучий сотворил.

Пусть это не литературный шедевр. Но стихотворение ценно для нас иным. Сколько подъема, веры и энтузиаз-

ма понадобилось вчерашнему неграмотному землекопу, чтобы родились эти строчки!

...Ходил Андрей Севастьянович задумчивый. Картина первого выпуска чугуна заставила еще раз осмыслить всю свою жизнь.

А через несколько дней принес секретарю партийной организации заявление, в котором писал: «Другой дороги, как та, по которой партия идет, нет у меня».

Приняли его единогласно.

Летом 1932 года была получена первая сталь. Осенью загудели моторы блюминга, а в декабре кузнецкстроевцы рапортовали Родине: «Есть кузнецкие рельсы!» Металлургический цикл был замкнут.

Нелегко далась эта победа. И эксплуатационники, и строители продолжали напряженно трудиться.

В сентябре был объявлен месячник штурма. Землекопам нужно было срочно засыпать огромную траншею главного водовода, протянувшуюся на несколько километров от Томи до завода.

30 сентября звено из пяти землекопов, возглавляемое Андреем Севастьяновичем, установило мировой рекорд. За смену было сделано по 74 кубометра засыпки на человека, или 1126 процентов плана!

«В установлении рекорда много помог мне опыт. Стены траншеи были не отвесные, а ступенчатые. Мы, вместо того чтобы перекидать землю с уступа на уступ, как это обычно делалось, путем подколки сравняли уступы. Потом уже легко было валить грунт сверху. Он сам, по сути дела, сыпался туда по наклонной, — вспоминал Андрей Севастьянович. — Ахнули все, когда результат увидели. Потом кинооператоры приехали. С Красным знаменем пришлось мне раз десять на гору взбегать и речь произносить. Все им не так было. Наконец сняли меня.

А после, когда с женой и детьми в кино как-то пошел, гляжу вдруг — я на экране. Стою на горе со знаменем, речь держу, а внизу народу тьма — слушают. Тут и детишки меня узнали. «Тятька это! Тятька!» — закричали так, что рядом сидящие зашикали на них».

В декабре 1934 года стало известно, что за особые заслуги в строительстве Кузнецкого металлургического комбината группа работников награждена орденами.

В их числе высокой правительственной награды — ордена Трудового Красного Знамени — был удостоен Андрей Севастьянович Филиппов. Награжденных пригласили в столицу весной 1935 года.

Первый раз в жизни покидал Андрей Севастьянович родную Сибирь. Дни, проведенные в Москве, он позже считал самыми счастливыми в своей жизни. Вот его рассказ:

«На вокзале нас встретили представители от Серго Орджоникидзе и в гостиницу увезли, а вечером — к наркому на прием. Душевный он был человек. Посмотрели мы на него — и сразу себя свободно, будто дома, почувствовали...

Ордена нам вручал в Кремле Михаил Иванович Калинин. Каждому из нас руку пожал, пожелал дальнейших успехов в работе...

Получал я награду, а перед глазами жизнь моя проходила... И такая меня радость за свое трудовое счастье охватила, что в глазах вдруг защипало...»

А была его жизнь из тех, о которых говорят в народе, что прожить ее — не поле перейти. Родился Андрей Севастьянович в 1892 году. Деды его пахали землю, а отец уже был рабочим. Поэтому первые воспоминания детства у Андрюши связаны были не с крестьянской избой, а с казармой на прииске, принадлежавшем иностранному золотопромышленнику.

Казарма была длинная, приземистая и темная. Посередине — сквозной коридор, а по стенам — двухъярусные нары. Пологи из мешковины или дешевенького ситца делили их на клетушки. В этих клетушках на набитых сеном мешках, собственно говоря, не жили, а ночевали старатели и их семьи. С семи лет Андрюша стал помогать отцу — то в забое бадью породой наваливать, то пустую спускать.

Кормились скверно. Хозяин денег не выдавал. Все, что нужно, приходилось втридорога брать в его же лавке. А куда денешься: кругом тайга на сотни верст. В другой магазин не побежишь!

От зари до зари вгрызались в землю рабочие. А хозяйские холуи зорко следили — не утаил бы кто из них золотую крупицу.

Ночью в душной темноте лежанки отец, прежде чем свалиться в тяжелом сне, иногда шептал матери: «Эх,

милая, золотину бы мне найти, земли, лошадь купить, с проклятой этой житухой покончить!»

И стала золотина мечтой всей семьи. А года через два десятилетний Андрейка увидел однажды, как отец, придя с прииска, опасливо оглянулся по сторонам, достал из-под рубахи махонький тряпичный сверток и засунул его поглубже в собственный сапог. Стояли отцовы сапоги у изголовья, а обувал он их только по праздникам. В тот же вечер он радостно и настороженно сказал жене: «Большущая золотина попалась. Кажись, не видел никто. Теперь домой вернемся, купцу в Кузнецке продадим, заживем!»

Только не сбылась отцова мечта. Все погубило Андрейкино любопытство. Очень уж захотелось ему посмотреть, какая же она, золотина, на которую можно будет целое хозяйство завести. Дождался парнишка часа, когда батька с матерью ушли, и добыл заветный сверток из сапога. Развернул тряпку. Из нее выкатился камешек ноздреватый, сам черный, а с боков вроде поблескивает. Хотел его Андрейка получше разглядеть, да и выронил нечаянно. И свалился самородок меж нар в проход, по которому как раз на беду хозяйский десятник проходил, проверял, все ли ушли на работу. Отца избили и выгнали с прииска.

Тяжело переживал Андрейка случившееся. «Хоть бы поколотил батька», — думал. А отец лишь потрепал его по нестриженой голове.

— Эх, несмышленыш ты еще у меня!

Так и кончилось дело. И опять потянулись годы. Вырос Андрей, стал, как и отец, старателем. Работал и в артелях, и на приисках, а удача так и не давалась.

Работали до изнеможения, часто голодали. К жилым местам выходили истрепанные, обросшие. То немногое, что удавалось добыть, попадало в руки купцов да кабатчиков.

После Великой Октябрьской социалистической революции золотопромышленников не стало. Но жизнь не сразу изменилась. В стране была разруха. Далеко не для всех находилась работа.

Андрей Севастьянович делал то, что умел лучше всего, — копал землю. Работал на постройке дорог, случалось — в шахте. Потом — Кузнецкстрой.

Здесь, на Кузнецкстрое, он своей лопатой перебросал многие тысячи кубометров земли. Делал то, что было жизненно необходимо для страны.

Все это промчалось в памяти Андрея Севастьяновича в тот самый миг, когда Михаил Иванович Калинин прикреплял у него на груди трудовой орден.

Впоследствии вспоминал:

«Вот она, моя золотина!» — подумал я. Об этом и хотел рассказать в ответном слове. Готовился к нему всю ночь накануне. Лежу на кровати, а заснуть не могу. В голове речь складываю, слова такие горячие друг за друга укладываются...

А когда говорить пришлось, дух захватило, все приготовленные фразы из головы улетучились. Стою и рот разжать не могу. Михаил Иванович так это ободряюще на меня взглянул, и я насилу выдавил: дескать, теперь еще лучше работать буду. Все разом захлопали мне, а я только сердце свое чувствую: колотится оно, будто из груди выскочить хочет. И в висках кровь молоточками постукивает.

Потом Михаил Иванович на завтрак нас пригласил. Рядом в комнате столы заставлены, и бутылки стоят. Только смотрим, один лимонад в них. Переглянулись мы, а Михаил Иванович заметил и улыбнулся.

— Знаю я, — говорит, — товарищи, чего переглядываетесь! Не взыщите уж, чем богат, тем и рад. Вы вчера у товарища Орджоникидзе ужинали не с газированной водой, но он побогаче меня, у него заводов столько, а у меня ничего нет! — А сам на товарища Орджоникидзе смотрит, смеется; тот тоже улыбается. От шутки этой его, от слов простых мы все стеснение забыли. С аппетитом позавтракали и поехали Москву смотреть.

Одиннадцать дней в Москве мы гостили. Заводы и фабрики осмотрели, с московскими рабочими опытом обменивались, в театрах и в Третьяковской галерее побывали...»

Ушли в историю и стали славной ее страницей овеянные легендой годы первой пятилетки. С каждым годом все более могучим становилось огненное дыхание Кузнецкого металлургического комбината, все обильнее — поток кузнецкого металла. Разрастался город металлургов — Новокузнецк. Появлялись в нем новые предприятия, новые кварталы. Вместе с городом росли его создатели, его жители.

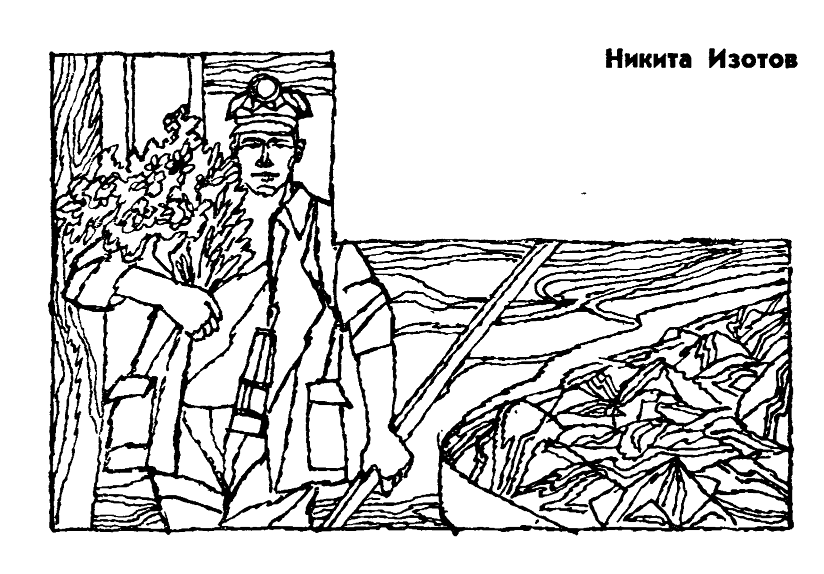
В 1937 году Андрей Севастьянович стал старшим ин-

структором стахановских методов труда. Сотням молодых рабочих передал он свой богатый профессиональный и жизненный опыт. В грозные годы Великой Отечественной войны, когда в Новокузнецке пришлось в кратчайшие сроки восстанавливать эвакуированные с запада предприятия, его можно было увидеть на самых ответственных участках стройки.

Лишь в 1957 году, в возрасте шестидесяти пяти лет, заслуженный строитель, кавалер двух орденов Трудового Красного Знамени и многих медалей, Андрей Севастьянович ушел на отдых. Но быть среди людей, работать для них стало его потребностью. Он находил десятки дел. Выступал перед молодежью, активно работал в комиссии городского Совета, депутатом которого избирался многие годы.

В 1967 году, накануне 50-летия Октября, Андрей Севастьянович удостоился высокой чести. Он был избран первым почетным гражданином Новокузнецка. Его знали и любили тысячи людей — отзывчивого, принципиального, умудренного жизнью. В 1969 году Андрея Севастьяновича не стало. Но оставил он замечательный след на земле, горы которой перекидала его лопата во имя счастливого будущего народа.

Никита Изотов

«Богатырем Донбасса» величали еще при жизни забойщика Никиту Алексеевича Изотова.

Это первый в отечественной и в мировой истории рабочий, чьим именем было названо народное движение — изотовское. По сей день память советских людей хранит как почетные звания, родившиеся во второй половине 30-х годов — «стахановцы», «бусыгинцы», «кривоносовцы». В конце 50-х годов стали знамениты «гагановцы». Но сперва были «изотовцы»...

«Богатырем» Никиту Алексеевича Изотова назвал другой русский богатырь — Алексей Максимович Горький. Они встретились и познакомились 7 мая 1934 года на подмосковной даче Горького. Никита Изотов находился в столице вместе с группой знатных рабочих и колхозников, прибывших на первомайские праздники. Горький, который жадно тянулся к новым людям, чьим трудом преображалась наша Родина, пригласил их к себе.

Алексей Максимович радушно принял Никиту Изотова и его друзей.

— Многое приходится мне наблюдать, смотришь на все, что творится сейчас, на ту быстроту, с которой растут люди, что сделано за эти шестнадцать лет, — это фантастика, никогда ничего подобного за всю историю челове-

чества не было — так начал беседу Алексей Максимович. — Да что говорить, вы сами знаете по себе... — продолжал он. — Прямо как сказка жизнь становится. Вы, наверное, читали о челюскинцах. Ведь что сделали! Вся Европа еще ахает, а у нас такие дела становятся обычными.

Ну расскажите о ваших делах... — предложил Алексей Максимович.

Один за другим ударники заводов и колхозов делились успехами строительства социалистической жизни.

Алексей Максимович сказал:

— Талантливость у нас прет во всех областях! Мы беремся за огромные задачи и успешно их разрешаем. Я прожил большую жизнь; и когда на личном опыте вспоминаю, как жили до революции, знаю, что немало хороших людей погибло. И вот теперь поражаешься, до какой степени быстро идет процесс освобождения трудового народа от векового тяжелого гнета и как растут талантливейшие люди.

Горький попросил Изотова рассказать немного о себе. Никита начал несмело: что тут, мол, особенно говорить!

Происходит из крестьян, а «университеты» проходил вроде горьковских: из нужды — в беду, из беды — в нужду. Но когда Горький заинтересовался тем, как сумел Изотов достигнуть неслыханно высокой производительности труда, тут уж он разговорился. Изотов взял листок бумаги, стал рисовать схему шахты, разрез уступа, объяснять приемы отбойки угля, крепления забоя. Рассказывал о новой горной технике — отбойных молотках, электровозах, врубовых машинах. С таким азартом говорил Изотов о непонятных Горькому «кливажах», «кутках», «обаполах», как будто хотел за каких-нибудь несколько минут передать ему свой опыт. Кто-то из товарищей даже сказал потом Никите: «Желаешь Алексея Максимовича сделать изотовцем?» Но и из технически недоступного Горький извлек понятное, как из камня высек искру: ту поэзию, какой социализм наполняет свободный труд.

Вот что сам Горький писал об этом в статье «Беседы», опубликованной в сентябре 1934 года:

«Богатырь Никита Изотов рассказывал мне о своей работе под землей. Рассказывает он с полной уверенностью, что я, литератор, должен знать, как залегают пла-

сты угля, как действуют под землей газ и почвенная вода, как работает врубовая машина, и вообще я обязан знать все тайны его, Изотова, техники и всю опасность его работы на пользу Родины. Он имеет законное право требовать от меня знания его труда, ибо он возвысил труд свой до высоты искусства. Он умеет работать с наименьшей затратой сил и с наибольшей продуктивностью. Он уже воспитал группы «изотовцев» — шахтеров...»

И еще, делясь впечатлениями от встречи, А. М. Горький произнес пророческие слова, уловив в беседе с Изотовым и ему подобными «могучий рост Родины новых людей, идущих в мир учителями пролетариата всех стран».

То, что еще каких-нибудь 30—40 лет назад представлялось потрясающим, сегодня выглядит будничным.

В 30-х годах четверка советских людей во главе с Иваном Папаниным высадилась на Северном полюсе — мир праздновал великую победу над природой. Сегодня самолеты запросто регулярно высаживают экспедиции СП на дрейфующие льды Полярного бассейна.

Валерий Чкалов совершил беспримерный прыжок из Москвы в США, пролетев без посадки 10 тысяч километров за трое суток — то был триумф авиационной техники и человеческого мужества. Сегодня реактивный самолет ИЛ-62 достигает Северной Америки за десяток часов по расписанию с пассажирами, почтой, грузом.

Сегодня десяток донецких шахтеров-механизаторов, вооруженных современными техническими средствами, выбирают из лавы тысячу тонн угля в сутки, тогда как во времена Изотова, в 1932 году, это количество угля давала целая шахта. Изотов вырубал обушком за смену только 20 тонн угля, теперь это выглядит мизерным. Но тогда в среднем на его шахте забойщик давал только 5 тонн угля. И труд Изотова был приравнен к подвигу.

Драгоценными были для Родины 20 изотовских тонн! Страна создавала тяжелую индустрию, зажигала домну за домной, строила электрические станции, автомобильные и тракторные заводы, прокладывала новые трассы железных дорог — всем нужен был уголь, названный Лениным «хлебом промышленности». Донбасс в то время являлся почти единственной «кочегаркой страны» — Кузбасс только

создавался, Подмосковный и Уральский бассейны еще ждали своего развития, а топливные богатства Казахстана и Восточной Сибири — своего открытия.

Но еще дороже изотовских тонн был «изотовский характер» — проявление тех новых черт нового, социалистического человека, который возникал, рождался, вырастал и закалялся в огне и битвах коммунистической стройки. В Изотове первой пятилетки не только прообраз Алексея Стаханова — героя производственных рекордов второй пятилетки, но и современных ударников коммунистического труда. Изотов положил начало массовому движению за передачу опыта кадровых рабочих молодым — и тем вошел в историю. Социалистическое отношение к труду, к товарищам по труду — вот что принесло ему вечную славу.

А слава Изотова началась с появления его статьи «Мой метод» в газете «Правда» 11 мая 1932 года.

«Я работаю 10 лет забойщиком на одной из крупнейших шахт Донбасса — на горловской шахте № 1, — писал Изотов. — Несколько лет подряд я перевыполняю все планы и задания. Сейчас изо дня в день даю 400—500 процентов нормы.

Я работаю обушком, но мои товарищи по шахте в шутку зовут меня «врубовой машиной».

Так как я значительно перевыполняю норму, у меня высокий заработок. Ставка забойщика у нас — 130 рублей. Я же заработал, например: в январе — 741 рубль, в феврале — 615, в марте — 840 и за половину апреля — 500 рублей.

Говорят: «Изотов — сильный, Изотов — крепкий, поэтому он так хорошо работает». Чепуха! Не в силе дело. Одной силой не возьмешь. На нашей шахте есть люди посильнее меня. Вот забойщик Конев, сильный, здоровый, делает одну крепь. На шахтном дворе висела карикатура на него — «тяжелый атлет», не выполняющий плана. Был у нас Давиченко — борцу не уступит, но на выработке это особенно не сказалось.

Нет, одной силой уголь не возьмешь!

Многие думают, что техникой надо овладевать, только работая на машине. Они делают ошибку. Скажу без хвастовства: я даю большую выработку потому, что овладел техникой дела.

Как я работаю?

Я стараюсь применяться к углю. Когда прихожу в за-

бой, прежде всего оглядываю свое рабочее место, продумываю, как лучше взять уголь.

Иногда уголь идет струями, а иногда залегает прослойками. Если уголь идет струями, тогда я делаю заборку, то есть пробиваю щель сверху и снизу. Пласт угля выпячивается, как бы вздувается, и тогда его легче сбить.

Если уголь идет прослойками, тогда я выбираю самый мягкий прослоек: он у нас называется зольным, он похож на сажу и легко дробится. Многие, особенно новые рабочие, думают, что все дело в том, чтобы крепче ударить. А мы, старые забойщики, знаем, что главное в том, куда, в какое место ударить, как делать заборку, чтобы уголь затем падал целыми слоями.

...Работая на шахте, я стараюсь передать свой опыт другим. Вот и сейчас: у меня работает ученик Золотарев, недавно пришел из деревни. Работает пять дней, но уже имеет успех.

Помню я, когда впервые пришел в забой, некоторые забойщики, видя мои старания, посмеивались: много, мол, таких «старательных» здесь было, да ничего не вышло. Нет, вышло!

Теперь новому рабочему легче: его обучают, и при желании он может быстро научиться».

Так Изотов сам раскрыл свои «секреты». Каждое его слово было проникнуто одной мыслью: то, что делаю я, может сделать любой другой.

Статья Изотова произвела подлинную сенсацию, вызвала небывалый резонанс. И меньше всего, конечно, мог это предвидеть сам Изотов.

По приходе в Донбасс номера «Правды» за 11 мая Изотову не стало проходу на шахте. Многие только из газет узнали, с кем они трудятся рядом. Партийная организация провела сменные собрания, обсуждение статьи Изотова в общежитиях. В один из воскресных дней была устроена общерайонная массовка шахтеров, на которую собралось около 5 тысяч человек. Изотов выступил с рассказом о своем опыте.

И все-таки кое-кому не верилось... Чтобы убедить людей, Никита Алексеевич только за 10 дней побывал в уступах у 25 забойщиков, показывая, как надо работать.

А вскоре на шахту № 1 — «Кочегарку» — началось паломничество из других шахт. Люди хотели посмотреть на Никиту Изотова, поговорить с Никитой Изотовым, поучиться у Никиты Изотова...

На мою долю, тогда молодого журналиста-правдиста, выпал случай впервые встретиться с Никитой Изотовым весной 1932 года, до появления в «Правде» его статьи.

«Правда» 30-х годов уделяла много внимания угольному Донбассу. Три-четыре года подряд редакция направляла свои выездные бригады на шахты. Обычно это происходило в весенние месяцы. С наступлением теплых дней, с «первым солнышком» в те годы происходило падение добычи угля. Оно вызывалось многими причинами, а особенно сильной текучестью рабочих. Орловские, курские, тамбовские, казанские крестьяне, не говоря уже о местных — украинских, уезжали к весеннему севу в свои деревни. За зиму подработали (заработки на угле были наивысшие) — ладно. Поздней осенью многие возвращались, но весна и лето лихорадили шахты.

Весною 1934 года я был включен в состав очередной бригады «Правды», посланной в Донбасс.

Члены выездной бригады разъехались по шахтам. Меня послали в Горловку, на шахту № 1 — «Кочегарку». В составе бригады я являлся единственным новичком, никогда прежде не бывавшим в шахте, поэтому моя поездка в Горловку носила ознакомительный характер. Я не получил конкретного задания, но помнил об основной теме: показать в газете передовых людей Донбасса.

Мне повезло.

Для ознакомления с шахтой ее заведующий Хлопонин «прикрепил» меня к старому десятнику.

«Шахту знает лучше всех, он тут, наверное, с основания», — отрекомендовал его заведующий.

Мы спустились на нижний горизонт и, пока шли подземными дорогами, разговорились. Я задал несколько вопросов из истории шахты, но мой проводник настроен был говорить о современности. Стал почем зря критиковать заведующего шахтой, главного инженера, начальников участков — всем досталось.

Особенно недоволен был десятник прогулами. Во весь голос, на всю, кажется, шахту стал проклинать летунов, которые выходят на работу в начале месяца, получают продовольственную карточку и удирают.

Я стал осторожно полемизировать со своим проводником: не все же, мол, на шахте плохие и несознательные.

— Я ничего такого не говорю, — оправдывался старый десятник. — Есть настоящие горняки, ничего не скажу. Возьми, Изотов. Всем забойщикам забойщик, молчу.

А тут как раз мне захотелось, чтоб он не молчал. Я стал расспрашивать о хороших шахтерах, о тех, кто перевыполняет нормы.

— Кто перевыполняет? Изотов.

— Ну а как идет соревнование, кто состоит в ударниках?

— В ударниках? Изотов, — ответил он.

Я продолжал расспросы, интересовался, как работают коммунисты, кто из них подает пример.

— Коммунисты? Изотов, — в четвертый раз повторил это имя десятник. — Только на днях, в ленинские дни, в партию его принимали.

— Так нельзя ли мне повидать этого Изотова?

Десятник сказал:

— Могу показать, он же мой бывший ученик.

Для этого следовало вернуться по штреку назад километра на полтора. По каким-то ходкам мы поднимались вверх, опускались вниз, пока дошли до уступов. Тут мы окунулись в люк и по креплению, как по лестнице с редкими перекладинами, стали спускаться по круто падающему пласту. В уступах в разных позах встретились первые забойщики. Один лежа, другой сидя, третий на корточках, четвертый во весь рост отбивали обушками куски угля. В одном из уступов десятник сказал: «Бог помочь!» — и остановился. Я понял, что мы у Изотова.

Хотя с нашим приходом здесь оказалось три лампы, уступ был так слабо освещен, что лица забойщика я не смог разглядеть. И роста не мог определить. Одет он был в куртку-спецовку, на голове широкая кепка с подвернутым кверху козырьком. Несколько минут я наблюдал, как он орудует обушком. Его движения были так ритмичны, а уголь отваливался столь равномерно, что, казалось, забойщик проделывает свою работу легко. Улучив момент, я сказал, что являюсь корреспондентом «Правды» и приехал сюда из Москвы.

— Из Москвы прямо в мой уступ? — низким, хрипловатым голосом сказал забойщик, стирая рукавом пот со лба. — Что же, хочешь гляди, хочешь спрашивай...

Я спросил только: насколько он выполняет норму, а получив ответ, еще спросил: регулярен ли его показатель.

— Теперь буду смотреть, — решил я, — нельзя мешать человеку перевыполнять норму.

— Это мне не помешает, — заметил Изотов. — А хочешь, корреспондент, научу тебя уголь брать?..

Он вложил мне в руки обушок и стал объяснять, как владеют инструментом, где куток, как находить кливаж. Несколько минут я рубал, но мои удары почти не поколебали поблескивающую стену угля, которая показалась мне глыбой гранита. Обушок нелегкий, я еле с ним справился. Пока я пыхтел, Изотов продолжал свой сказ.

Хотя мне многое было непонятно, я решил не прерывать его, а расспросить после смены. Условились, что я буду ожидать его в шахтной конторе.

Там мы и встретились под утро. И там я записал слово в слово высказывания Изотова, без всякой отсебятины.

Прочитал вслух написанное, задал вопросы, вписал ответы. А потом еще раз перечитал весь текст и спросил: Согласен?

— Все точно, как я сказал, — ответил Изотов. — Могу подписаться.

Я, собственно, не намеревался брать у него подтверждения текста интервью, но почему, в самом деле, не получить его подпись? А может быть, напечатать эту беседу в виде статьи?

— И в «Правде», в случае чего, можно твою подпись ставить? — спросил я Изотова.

— А чего же нет? Все справедливо.

И Изотов подписал текст.

По приезде из Горловки я отчитался перед бригадой, прочитал вслух записанный текст беседы с Изотовым и тут же получил приказание: возвратиться в Горловку и достать фотоснимок Изотова.

Вторично приехал в Горловку часам к двенадцати дня. Пришел в редакцию городской газеты «Кочегарка», разыскал фотографа, вместе с ним поехал в шахтную контору, узнал домашний адрес Изотова. Он жил недалеко от шахты в старом одноэтажном домике. На стук в дверь вышла его жена, сказала, что Изотов спит, работал в ночную смену, да еще задержал какой-то корреспондент. Извинившись, я сказал, что как раз этот-то корреспондент просит разбудить Изотова. Но он уже, видно, был разбужен нашим разговором и показался на пороге. Мы с трудом узнали друг друга, так как при беседе в шахтной конторе оба были измазаны углем. Я начал было с извинения, а он втянул меня через порог в комнату и уса-

дил за стол. Мы попросили его сфотографироваться, он быстро оделся. Фотограф помчался проявлять и печатать снимок. Тем временем жена стала накрывать стол, а тут — откуда ни возьмись! — появилось еще человек пять мужчин. «Соседи — забойщики и крепильщики», — представил их Изотов.

И во время обеда, и после Изотов по моей просьбе рассказывал о своем детстве, о юности, о приезде в Донбасс.

Изложу коротко биографию Изотова — теперь уже не только на основании беседы за столом, но и опираясь на впоследствии написанную им книгу и на множество встреч, которые мы имели в течение почти двадцатилетней дружбы.

Изотов родился 9 февраля 1902 года в селе Малая Драгунка Кромского уезда Орловской губернии, в семье крестьянина.

Крестьянство Орловской губернии испокон веку в подавляющей массе своей страдало от малоземелья, от непосильных податей. В этой губернии одним из самых бедных считался Кромской уезд, где жили Изотовы. Большинство крестьян уже в декабре — январе оставались без собственного хлеба, искали заработка на поденных работах, нанимались к кулакам, уходили на промыслы.

А в Кромском уезде, пожалуй, самой нищей была деревня Малая Драгунка — родина Изотова. У речки Крома приютились ее немногие, в большинстве своем старые избы. Среди них, с полуразрушенной дождями и ветрами соломенной крышей, с подслеповатыми окнами, стояла и отцовская хата.

В этой беднейшей деревне наибеднейшей слыла семья Изотовых. Отец на службе в царской армии потерял глаз. Долговая кабала лишила его земли. Добывал пропитание редкой случайной работой — батрачил у кулаков, нанимался сезонным рабочим на строительство шоссейной дороги.

Как ни тяжело было жить, родители Изотова хотели вывести сына «в люди», мечтали отдать в школу. Две зимы ходил в церковноприходскую школу, потом пришлось бросить. Девятилетнего мальчика родители устроили пастухом к кулаку.

В доме Изотовых одним едоком стало меньше, но и оставшиеся рты не было чем прокормить. Заработки отца на строительстве дороги становились все менее регу-

лярными. Алексей Изотов решил покинуть деревню. Но куда податься? В какую сторону двинуться?

У матери Изотова был брат, и проживал он в Геленджике, в маленьком городке на берегу Черного моря. Туда после долгих беспокойных размышлений и решил взять направление отец Никиты. Будет там работа или нет, а все же с близким человеком на новом месте легче.

Весной 1913 года ушел отец Изотова, но только к осени пришло от него письмо. Зовет к себе, на Кавказ, к морю... Наконец-то!..

И вот в дождливый осенний день семья прибыла в Геленджик... На вокзале встретил их отец. Пришли на квартиру к дядьке, где в небольшой темной комнате с крохотной кухней жили три семьи, пятнадцать душ. Спать приходилось на глиняном полу по очереди.

Семья Изотовых искала работу. Отец и мать побывали всюду: на пристани, в санатории, на вокзале, у владельцев магазинов. Никиту пытались пристраивать и к сапожнику, и к портному, и к пекарю — к кому угодно, лишь бы пристроить. Разве тогда могла идти речь о выборе профессии?

В конце концов отец нашел мальчику место дворника при номерах «Новая Россия».

Никита нес свою службу исправно. Ранним утром подметал двор и тротуары, встречал на пристани каждый прибывающий пароход, вручал приезжим карточки с рекламой гостиницы «Новая Россия», подносил барыням саквояжи. Однажды познакомился с судовым буфетчиком парохода «Князь Оболенский», и тот позвал его к себе помощником. Однако флотская карьера будущего забойщика длилась весьма недолго. Когда пароход вернулся в Геленджик, отец встретил беглеца на пристани, выпорол и привел домой. Ему уготовлена была уже новая работа — учеником в пекарне.

Менее года прожили в Геленджике Изотовы, когда грянула первая мировая война. В русских черноморских водах появились германские крейсеры. Геленджик оказался близ зоны военных действий.

Семья Изотовых отправилась в Таганрог, где жил еще один родственник. Но там их ждало разочарование: этот родственник сам бродил в поисках хлеба. Судьба занесла его в Горловку. Семья Изотова решила двигаться туда же.

Они приехали в Горловку ноябрьским утром 1914 го-

да. Родич Изотова работал на коксовых печах, имел свою землянку и приютил беженцев.

Набирали подростков на брикетную фабрику, но нашего Изотова не приняли как малолетнего. Ему было всего двенадцать. Отец поехал в Малую Драгунку и переменил сыну метрики.

— Работа на брикетке была мучительна, — рассказывал Изотов. — Смола разъедала тело, как известь. На солнце нельзя было показаться: от тепла кожа трескалась, глаза заплывали слезами. Я боялся солнца и ветра, днем искал полумрак...

В апреле 1916 года в Горловско-Щербиновском районе вспыхнула забастовка, прогремевшая на всю Россию. В забастовке участвовал рабочий-подросток Изотов. Это было его первое революционное крещение.

В феврале 1917 года в Горловку пришла весть о свержении самодержавия. Начались митинги, манифестации. Рабочие вооружались, создавали Красную гвардию. Изотов раздобыл берданку и вступил в красногвардейскую дружину.

Донбасс стал фронтом. Хозяйственная жизнь почти замерла. Шахты затоплялись. Начинался голод. Население покидало донецкие поселки. Отец, мать и сестра уехали на родину в Малую Драгунку. А Изотов остался воевать.

Под напором белых шахтерский отряд, в котором он состоял, был вынужден вместе с частями Красной Армии оставить Горловку. Красные войска с боями отходили на Харьков, Курск, Орел. В районе Орла Изотова свалил сыпной тиф. Товарищи доставили его к родным в Малую Драгунку.

Оправившись от болезни, Изотов вернулся в освобожденный Донбасс, где начиналось с трудом возрождение шахт. Его направили на восстановление кочегарки — от этого зависела жизнь всей шахты, — но он мечтал о забое.

— В двадцать втором году меня наконец перевели в подземные, — рассказывал Изотов. — Послали на двадцатый участок и назначили в третий забой, хорошо это помню. Завяжи мне глаза, я и сейчас тот забой найду... С тех пор я забойщик. Правда, были отлучки...

Первая «отлучка» произошла в 1924 году, когда призвали в Красную Армию. Службу в армии он всегда вспоминал, как свою лучшую школу. Особенно любил

рассказывать о неожиданной встрече с Климентом Ефремовичем Ворошиловым, поверявшем часть, в которой состоял Изотов. Нарком пожелал земляку-донбасцу верно нести службу и набираться в армии ума-разума.

Через два года после демобилизации вернулся в Горловку. За это время многое изменилось в Донбассе. Восстановительный период подошел к концу. Донецкий бассейн достиг дореволюционного уровня добычи угля, но на этом уровне нельзя было долго задерживаться. Угольно-металлургическому Донбассу принадлежала ведущая роль в плане социалистической индустриализации страны.

На шахте Никиту Алексеевича посылали на самые тяжелые участки, где требовались опытные забойщики. И вскоре он проявил себя как незаурядный мастер угля. Систематически перевыполняя нормы, Изотов доказывал товарищам, что нормы низки, они не создают интереса к повышению производительности труда. По инициативе Изотова сами рабочие через некоторое время потребовали пересмотра норм. Это было проявлением социалистического отношения к труду.

В 1928 году большевистская партия вела большую работу по очищению государственного аппарата от бюрократических элементов. Усилилось выдвижение рабочих на государственные посты. Шахте № 1 также предстояло дать своих выдвиженцев. И здесь выбор пал на Никиту Изотова. Его избрали в президиум райисполкома и назначили заведующим районным отделом коммунального хозяйства. Около двух лет работал он на этом посту, а потом опять попросился на шахту. Профессию забойщика полюбил, и ему не хотелось с ней порывать.

Но Изотова ждало в этот момент другое, тоже очень важное для государства дело. Деревня вступила на путь коллективизации. Туда направлялись посланцы пролетарского города. Никита Алексеевич участвовал в создании колхозов, затем был назначен заведующим сельскохозяйственной школой. Он учился в ней и сам, слушал лекции агрономов. При школе было большое хозяйство — его надо было сделать примерным для окружающих колхозов.

В 1930 году Донбасс оказался в прорыве. Страна успешно выполняла первый пятилетний план, и отставание Донбасса могло задержать темпы всего социалистического наступления. Центральный Комитет партии

и Советское правительство приняли ряд решений по оказанию помощи Донбассу — в частности, по укреплению его кадрами. Многие бывшие шахтеры были возвращены в угольную промышленность.

После двухлетнего перерыва Изотов с особенной жадностью взялся за любимое дело. Мастерства его не убыло. Он был послан на проходку штрека и за месяц прошел 65 метров. Это был рекорд в Горловке.

Теперь Изотова перевели в забой. Знание горного дела, умение глубоко осмыслить процессы труда позволяли ему достигать высокой производительности. На какой бы участок шахты его ни направляли, он всегда начинал работу с изучения угольного пласта. Он умел «читать» угольный пласт, как раскрытую книгу.

7 июля 1931 года Совнарком СССР, Центральный Комитет ВКП(б) и ВСНХ СССР приняли Обращение ко всем партийным, хозяйственным, профсоюзным и комсомольским организациям Донбасса. В этом обращении говорилось о том, что быстрый рост народного хозяйства и перспективы дальнейшего развертывания социалистической реконструкции предъявляют угольной промышленности, и прежде всего Донбассу, все растущие требования.

Партийная организация шахты призвала рабочих к широкому развертыванию социалистического соревнования. Шахтпартком собрал кадровиков и обратился к ним с просьбой принять активное участие в воспитании новых рабочих. Вместе с группой ударников Изотов посещал общежития, проводил беседы с молодыми шахтерами.

Никита Алексеевич был беспартийным большевиком, близким к партии. Теперь он решил вступить в ее ряды. В ленинские дни 1932 года Изотов подал заявление с просьбой о принятии его в партию. Выступая на партийном собрании, Изотов говорил о том, что как коммунист он не только будет стараться добывать больше угля, но и сделает все возможное для подготовки квалифицированных горняков.

Партийная организация поручила Никите Алексеевичу взять на обучение молодого рабочего. А он в течение короткого срока обучил не одного, а более десяти рабочих.

После этого Изотов обратился к опытным забойщикам шахты № 1 с советом взять на себя, в порядке социали-

стического соревнования, обучение новичков. А своей статьей в «Правде» он сделал вызов и всем кадровикам Донбасса.

Здесь стоит рассказать и об одном курьезе, происшедшем в связи с опубликованием статьи Изотова.

Статья, отправленная бригадой «Правды» в Москву, имела подпись: «Н. Изотов». В редакции, видимо, намеревались печатать текст с полным именем, и нам, в бригаду, был послан на этот счет телеграфный запрос. Дня три гулял запрос по Донбассу, так как бригада совершала объезд шахт, и застиг нас в Чистяковке. Из Чистяковки я с трудом дозвонился в Горловку до заведующего шахтой Хлопонина. Слышимость была отвратительной. Завшахтой имени Изотова не помнил. Стал справляться в бухгалтерии, но в расчетных ведомостях на зарплату стояли лишь инициалы забойщика. Завшахтой сказал, что зовут Изотова на букву Н.

— Николай, наверное!

Отвечаю:

— Николай — не похоже. Когда я был в гостях у Изотова, жена, кажется, называла его Никишей!

— Вот именно! — прокричал в трубку обрадованный завшахтой. — Никита его зовут, верно! Недавно ж его в партию принимали, анкету зачитывали...

Еще более обрадован был я. Мы немедленно отправили телеграмму-«молнию» в Москву с сообщением, что Изотова зовут — Никита.

Об ошибке я сам узнал лишь почти через год, когда исправлять ее уже было поздно...

Узнал я об этом в начале 1933 года, тоже весною, когда снова попал в Горловку.

Я был теперь приглашен на обед к Изотову не экспромтом, как в первый раз год назад, а официально. За столом было много гостей. И в самом разгаре обеда я был оглушен неожиданностью.

Жена Изотова, Надежда Николаевна, ухаживала за гостями, ревниво следила за тем, как воспринимаются блюда ее оригинального приготовления. Мне хотелось завязать с ней разговор, узнать, как чувствует себя теперь она, жена героя. Надежда Николаевна сказала: «Голова ходором ходит от этого Изотова», — но была в хорошем настроении и просила благодарить «Правду» за все. Теперь вот и квартира у них новая, и садик при доме, и даже телефон провели. А потом, шепотом:

«А вы знаете, моего Изотова не Никитой зовут, а Никифором...»

Что?!.

Не Никита, а Никифор?..

Думал, что провалюсь на месте.

«Ну, вы не волнуйтесь, — продолжала она шептать. — Это все одно... Я его всегда Никишей звала, а где Никиша — там и Никита... Мы не обижаемся, боже упаси. Сначала он смеялся, а теперь привык, только Никитой себя и называет».

Через некоторое время Изотов приехал в Москву. Здесь он был приглашен к Серго Орджоникидзе.

Серго дружески встретил забойщика, любовно оглядел его с ног до головы.

— Вот он какой, товарищ Никита!.. Наконец-то мы встретились!

Изотов, смеясь, сказал:

— А ведь меня, товарищ Серго, звать Никифор.

— Никифор? — удивился Серго.

— Ну да, Никифор, а по газете вышло — Никита.

— Эх, жаль! — вырвалось у Серго. И, обняв Изотова, сказал: — Хотите знать мое мнение? Славное имя — Никита.

— Да я и сам уже привык к Никите, — ответил Изотов. — И почта на Донбасс пошла: Никита и Никита.

Серго улыбнулся и, хлопнув Изотова по ладони, сказал:

— Значит, по рукам... Как в газете, Никита!

В июне 1932 года в Горловском Дворце культуры состоялась городская партийная конференция. В прениях выступил и Никита Изотов.

Хочется привести отрывок из сохранившейся у меня стенограммы речи Изотова:

«Товарищи, я немного скажу о том, как я выполняю полученные мною задания — сказал Никита Алексеевич. — В январе я выполнил свое задание на 652 процента (аплодисменты). В феврале за 20 дней выполнил задание на 472 процента (аплодисменты). За 17 дней марта выполнил на 388 и в мае на 556 процентов (бурные аплодисменты). «Недовыполнение» (смех) в течение двух месяцев — в феврале и в марте — случилось в результате моего отпуска.

Теперь перейду к показателям, которые я дал за 20 дней июня. Мне просто неловко говорить вам о том, что свое задание я выполнил на 2000 процентов (бурные аплодисменты). За это время у меня было четыре дня отдыха. За 20 дней июня я заработал 2 тысячи рублей (бурные аплодисменты).

Товарищи! Почему же на других шахтах у нас недовыполнение? Я думаю, что не малую роль, если не решающую, играет то, что новички не умеют выбирать уголь. Я хочу взять под свое руководство весь наш горняцкий молодняк, всех отстающих для того, чтобы передать им свое умение работать в забое (аплодисменты). Молодые кадры забойщиков хотят и будут работать. Их только надо научить (аплодисменты)».

Изотов попросил, чтобы ему выделили на шахте специальный участок для обучения молодежи.

В конце 1932 года эта идея осуществилась. Участок-школу создали. Инструктором назначили Никиту Изотова.

Никита Алексеевич сам поехал в обком комсомола и попросил направить к нему комсомольцев, прибывших в Донбасс из деревень. Прислали два десятка молодых ребят, ничем не владевших, кроме энтузиазма. К ним прибавили два десятка начинающих горняков, уже несколько месяцев числившихся на шахте в разряде «обозников».

Перед администрацией Изотов поставил три непременных условия:

первое — дать школе самый отстающий участок шахты;

второе — состав школы сделать переменным: научился человек — переводите в другое место;

третье — любой отстающий рабочий с любого участка по его желанию беспрекословно переводится в изотовскую школу.

Изотову поначалу и верили и не верили, но условия его приняли. А вскоре поверили, и основательно.

Самый отстающий участок № 7 под изотовским началом уже со второго месяца стал выполнять, а затем и перевыполнять задание. А в третьем месяце, когда средняя сменная производительность забойщика на шахте составляла 5,5 тонны угля, изотовские ученики дали 9 тонн.

Получив 7-й участок, Изотов пролез по его уступам,

изучил строение пласта, проверил крепление. Занялся обеспечением «тылов»: расчетом необходимого транспорта, организацией доставки крепежного леса. «Сначала создадим надежный фронт для работы, а потом станем воевать», — говорил он начальнику шахты. В одном он был уверен: «Бойцов угля выкуем!»

И он их ковал, щедро одаряя своим мастерством.

Вот что я записал в свой блокнот в апреле 1933 года:

«Красная звезда горит на участке № 7. Это изотовский, комсомольский участок. Десять длинных ступенчатых уступов. В каждом — забойщик. Никита Изотов ловко ползет из уступа в уступ. Мы ползем за ним.

В каждом уступе — остановка. Никита наблюдает за работой.

— Неверно обушок держишь. Не в тот прослоек бьешь. Вот так держи. Вот так бей.

— Неправильно зубок стоит. Вот так должен стоять.

Делается зарубка. Забойщик долго бьется над ее окончанием. Никита берет обушок. Его фигура застыла, движутся только руки. Несколько точных ударов — и масса угля, крошась, обваливается. Инструктор объясняет свою удачу забойщику: вот так он держал обушок, почему именно так держал, в какой прослоек бил, почему именно сюда бил.

На каждом наряде Изотов собирает свою группу ребят и беседует с ними. Делится впечатлениями о работе каждого забойщика в минувшую смену. Одних похвалит, других подтянет. И тут же обсуждает очередное задание, каждому определяет, в какой уступ идти. Обсуждают сменно-встречный план. Все уверены во встречном, так как знают, что в уступы пролезет Никита и покажет, как выйти из затруднительного положения.

Кто попал на седьмой участок, отсюда уже сам не уйдет. Он быстро обучается работе, и заработок его повышается. На изотовском участке нет самовольных уходов. Но есть «текучесть» другая. Как только забойщик научился работать и начал перевыполнять задание, его переводят на отстающий участок.

— Делаю для любого участка выгодный обмен, — говорит Изотов. — Даю лучших, беру худших.

Но и «худшие» на участке Изотова становятся ударниками».

В апреле 1933 года собралась в городе Сталино, центре Донбасса, Вседонецкая конференция ударников-шах-

теров. Переполнен зал городского театра. 450 делегатов. Много гостей. В президиуме руководители донецких большевиков. Рядом с ними Никита Изотов.

На трибуне — лучший ученик Изотова комсомолец Саша Степаненко. Он рассказывает, в чем сила Изотова и в чем секрет успехов его участка.

— Наш участок организовался в конце декабря 1932 года. Сорок пять комсомольцев, не выполняющих задания, пошли работать к товарищу Изотову. Наш учитель дал нам «зарядку», проинструктировал, как надо хорошему шахтеру работать... Мы выбрали бюро комсомольской ячейки, выделили бригадиров, сказали себе, что дисциплина у нас должна быть боевой, как на фронте, и стали работать. Кое-кто посмеивался над нами сначала: «Собрались ребятишки, и участок свой завалят, и шахту подведут». Дали нам задание: 150 тонн. В первый день мы дали только 90. Но голов не повесили. Никита Изотов сказал: «Не бойтесь, ребята. Не унывайте, завтра дадим лучше». Назавтра дали 130 тонн. И день за днем начали двигаться вперед...

Из президиума Степаненко просят рассказать, как сам он овладел изотовским методом.

— Вот я скажу, — отвечает Степаненко. — Десятого января была моя первая упряжка на изотовском участке. Когда я взял в руки обушок, то он показался мне очень легким, но когда стал работать, то сразу почувствовал, что обушок тяжелый. Испугался, что не буду выполнять задание. Стал стараться. Просидел в забое с шести утра и до двух дня, после этого насилу вылез из шахты. Руки сильно болели. На другой день дело пошло веселее, но чувствовал усталость. Проработал полчаса, вижу: лезет Никита Изотов. Остановил меня, спрашивает: «Ну как, тяжело рубать?» — «Тяжело, — откровенно отвечаю. — С непривычки, что ли, не пойму. А он говорит: «Вот сейчас поймешь». Взял мой обушок, осмотрел. Ручка дубовая, малопригодная, зубок длинный. Руки отбивает. Изотов показал, как брать уголь, чтобы он пошел струей. Лучше сделать меньше ударов, да чтоб каждый бил в цель, в «яблочко». А на другой день Никита мне и обушок другой дал. В этот день я нарубал угля вдвое больше, чем накануне. Демобилизованного красноармейца Шалимова удалили было с шахты за плохую работу, он обжаловал, и мы взяли его к себе. Что же вы думаете? Шалимов дает сейчас триста процентов плана...

Накануне Вседонецкой конференции ударников-шахтеров Никиту вызвал на соревнование лучший забойщик Подмосковного бассейна, однофамилец — Изотов Иван.

Он обратился к Никите Изотову с письмом.

«Товарищ Никита Изотов!

Я прочитал в «Правде» о тебе, что ты лучший забойщик Донбасса. Моя фамилия тоже Изотов, зовут меня Иваном Яковлевичем. Я тоже, как и ты, забойщик. Угля меньше 19 тонн в смену не даю. Работаю в Подмосковном бассейне, в Донском районе, на шахте № 7. Наша шахта № 7, как и ваша Горловская шахта № 1, перевыполнила квартальную программу.

Потому, тов. Никита Изотов, и вызываю тебя на соревнование.

Чтобы знал ты, тов. Изотов Никита, кто с тобой соревнуется, могу рассказать тебе, что работал я в Донбассе на Первомайском руднике, на шахте имени Крупской, гнал подготовительные работы, давал до 30 вагонеток в сутки, 8 раз был премирован. Был добровольцем в Красной гвардии и Красной Армии.

Сейчас в Подмосковном бассейне, на шахте № 7, я сам овладеваю техникой горного дела и учу свою бригаду, как надо работать. Я вникаю в дела не только своей бригады, но всей смены, всей шахты. Когда вчера шахта немного снизила добычу, я вместе со своей бригадой добился во всей смене перелома. Сегодня шахта вновь перевыполнила задание.

Напиши мне, тов. Изотов Никита, согласен ли ты со мной соревноваться так, чтобы вся страна могла следить за нашим соревнованием, напиши, какие ты выдвигаешь условия нашего соревнования».

Никита Изотов пригласил однофамильца приехать в Донбасс, чтобы здесь заключить социалистический договор.

На Вседонецкой конференции ударников-шахтеров они и встретились.

— Мы с тобой, Никита, считаемся лучшими ударниками, давай показывать новые рекорды, — сказал ему Иван.

Никита ответил:

— Соревноваться давай, но помни: я, Никита Изотов, да ты, Иван Изотов, вдвоем угольную промышленность не поднимем. Так давай же соревноваться не только сами, а нашими участками и нашими шахтами. Да-

вай не только сами хорошо работать, но и подтягивать других.

В этих словах смысл и цель изотовского движения.

На Вседонецкой конференции подводились итоги соревнования шахтеров. Переходящее Красное знамя было присуждено изотовской шахте № 1.

Вступая в новое соревнование, Изотов задумал перейти с обушковых уступов на механизированный участок, чтобы обучать рабочих владению отбойным молотком. Для изотовской школы выделили механизированный участок «Мазурка»-12. Изотов обнаружил на нем массу недостатков: крепление велось плохо, рештаки неисправны, воздушная магистраль расшатана. Уступы короткие, хорошему забойщику трудно развернуться.

После первой смены, Изотов собрал своих забойщиков и сказал:

— Участок имеет план в 110 тонн. План этот явно мал, но и он не выполняется. В ближайшие же дни мы должны план перекрыть.

Вместе с техником, при помощи забойщиков Изотов удлинил уступы. Очистили забойное поле, исправили рештаки. Никита Изотов взял в руки отбойный молоток и за часть смены легко вырубил 30 тонн угля, тогда как обычно на этом участке рабочие за полную смену давали по 7—8 тонн.

На третий день работы изотовцев — 21 мая 1933 года — участок впервые выполнил план. В июле план перевыполнили вдвое.

Зародившись в Горловке, изотовское движение стало быстро распространяться по всему Донбассу. В Макеевке горком партии провел слет передовых рабочих по обмену опытом. На шахтах Дзержинского рудоуправления были созданы «изотовские лавы», выделили внештатных инструкторов и к каждому из них прикрепили по четыре отстающих забойщика.

В газетах появились сообщения о высокой производительности забойщика шахты № 10 «Артем» Свиридова. Он предложил новую систему удлиненных уступов. В 1932 году длина уступов обычно составляла 5—6 метров. Свиридов рекомендовал увеличить их до 20 метров. Тогда забойщику придется меньше времени и сил тратить на вырубку кутков — самую трудоемкую операцию в уступе.

Предложение Свиридова положительно оценил Ники-

та Изотов. Они встретились, посоветовались и пришли к выводу: работая по-изотовски в свиридовских уступах, можно достигнуть еще большей производительности труда.

Слава о работе Никиты Изотова и его последователей пошла далеко за пределы Донбасса. Появились изотовцы металлургии, нефтяной промышленности, машиностроения, изотовцы строительства, транспорта, сельского хозяйства...

На металлургическом заводе имени Дзержинского стали проводить Дни Изотовых. Лучшие ударники, всеми уважаемые горновые, сталевары, газовщики, машинисты рассказывали о том, как овладевают техникой. На Сталинском металлургическом заводе в Донбассе был организован «пятидневник Изотовых в металлургии». На Харьковском заводе сельскохозяйственных машин «Серп и молот» одна из передовых бригад формовщиков объявила себя «изотовской» и взяла шефство над отстававшей бригадой.

На XVII съезде партии в феврале 1934 года Григорий Иванович Петровский, председатель ВУЦИК, говорил:

— Донбасские большевики сумели создать теперь уже не только отдельных Изотовых, а целые бригады, целые слои изотовцев.

Николай Михайлович Шверник в своем выступлении добавил:

— Изотовское движение охватило тысячи и десятки тысяч людей. Эти люди не обладают какой-то особой, исключительной силой, но зато они обладают способностью управлять механизмами, обладают знаниями залегания пласта и техникой дела. Это новый тип рабочего-шахтера, борца за новые методы работы, шахтера-творца, инициатора.

Многие годы стремился Изотов к учебе, отсутствие образования тяготило его. Он достигал успехов благодаря богатому опыту, горняцкому таланту, природной смекалке, умению вести за собой людей. Но отсутствие технической подготовки давало о себе знать на каждом шагу, как только он стал начальником механизированного участка.

Никита Алексеевич начал в 1934 году учиться на дому. Приобрел учебники, засел за техническую литера-

туру, но учеба, систематическая, планомерная, не ладилась. Его поглощали производственные заботы, общественные дела, да и не было навыка к самостоятельной работе над книгой. Изотов все более приходил к мысли, что на какое-то время нужно сесть за парту... А окончательно он утвердился в ней начале 1935 года.

Этот год начался для Никиты Изотова большими событиями. В январе он участвовал в работах XIII Всеукраинского съезда Советов и был избран членом Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета. Из Киева Изотов с украинской делегацией выехал на VII Всесоюзный съезд Советов в Москву. Здесь он был избран членом ЦИК СССР.

По возвращении Изотова в Горловку секретарь шахтного парткома поздравил Изотова с избранием в члены ЦИК и сообщил, что горком решил командировать его на учебу в Москву, в Промакадемию. В эту академию поступали хозяйственники-практики, нуждавшиеся в теоретических знаниях. Изотов с радостью принял это предложение.

Стал готовиться с преподавателем к вступительным экзаменам в академию. Днями и вечерами просиживал за уроками. Очень тянуло на шахту, но ему категорически запретили заниматься чем-либо, кроме учебы.

Когда до начала учебного года оставалось два месяца, товарищи порекомендовали Изотову хорошо отдохнуть, шахтком дал путевку в Сочинский санаторий угольщиков, и Никита Алексеевич на собственном автомобиле, подаренном наркомом, поехал на Черноморское побережье.

В Горловку Никита Изотов вернулся 2 сентября вечером. И на следующий же день, к утренней смене он был в нарядной: соскучился по шахтным новостям.

В нарядной Никиту Алексеевича поразило царившее здесь необыкновенное возбуждение. Товарищи шумно поздоровались с Никитой и тут же спросили, видел ли он сегодняшние газеты? Нет, он еще не видел их. «Тогда слушай!» — крикнул кто-то и начал читать вслух:

— «Рекорд кадиевского забойщика Алексея Стаханова... В ночь с 30 на 31 августа, в ознаменование Международного юношеского дня он установил всесоюзный ре-

корд на отбойном молотке... добыл за смену 102 тонны угля, выполнил 14 норм, заработал 200 рублей...»

102 тонны угля за 6 часов!

— Это не только всесоюзный, это мировой рекорд! — воскликнул Никита Изотов.

Нарядная гудела. Сообщение несколько раз читалось вслух для подходивших новых групп шахтеров. Одни радовались рекорду, другие разводили руками, высказывали сомнения, но никто не мог оставаться равнодушным. Газеты не содержали еще подробностей работы Стаханова в знаменитую последнюю августовскую ночь 1935 года, и многие спрашивали друг друга: как мог он достигнуть такой добычи?

Слушая в третий раз телеграмму о рекорде на «Центральной-Ирмино», Изотов припомнил Стаханова. Он познакомился с ним в 1933 году, когда ездил в Кадиевку на слет ударников. Стаханов уже тогда перевыполнял норму.

Из нарядной Изотов направился в шахтпартком. Здесь уже были известны некоторые детали рекорда: впервые в истории угольной промышленности на шахте «Центральная-Ирмино» осуществили разделение труда забойщика и крепильщика. Если до сих пор забойщик сам рубил и сам же крепил, то Стаханов только рубил уголь, а следом за ним шли два крепильщика.

Изотов прикидывал: его собственные рекорды без разделения труда достигали 60—70 тонн. А если разделить труд если только рубить? Что если применить стахановский метод не в обычных, а в удлиненных уступах, «свиридовских», дающих забойщику большой простор?

Страстное желание посоревноваться целиком овладело Изотовым. Он обратился в горком партии и в трест с просьбой разрешить ему до отъезда в Промакадемию поработать по-стахановски. Некоторые советовали Изотову не торопиться. Ты, мол, почти два года был начальником участка, потерял навык, а теперь, особенно после отпуска, следовало бы несколько дней поработать на молотке, а потом уже идти на рекорд. Но Изотов наотрез отказался от тренировки. Он заявил, что намеченный им рекорд основан на техническом расчете, а не на физическом напряжении.

Утром 11 сентября Никита Алексеевич спустился в шахту, на участок № 10 пласта «Девятка». В 8 часов

был подан сжатый воздух, и Изотов поставил свой отбойный молоток к груди забоя... За первые же два часа работы Изотов вырубил около 100 тонн угля. Пять крепильщиков шли за ним, но и они едва успевали крепить. За 6 часов была добыта 241 тонна угля... Изотов с трудом выбрался из уступа — все было засыпано углем. Два электровоза не справлялись с вывозкой.

Сотни рабочих, их жены и дети встретили Никиту Алексеевича у выхода из шахты и забросали его цветами.

Торжествовала вся Горловка. Весь Донбасс поздравлял героя.

А Никита Алексеевич... был недоволен. На следующий же день он собрал лучших забойщиков шахты и разобрал с ними свою вчерашнюю работу. Он сказал, что намеревался добыть 300 тонн, но ему помешали: воздух подавался с перебоями, откатка угля запаздывала. Если как следует организовать работу, можно добыть за смену и 400 и 500 тонн. Но дело не в одних рекордах. Рекорды не самоцель. Они лишь показывают возможности наших людей и нашей техники, главное же в том, чтобы приспособить все службы шахты к стахановским методам и дать возможность всем рабочим добывать уголь по-стахановски.

Несколько часов длилась беседа мастеров угля. Это было своеобразное прощание с Изотовым в канун его отъезда. Забойщики обещали Изотову не посрамить честь шахты.

И как бы в подтверждение этого 13 сентября забойщик Артюхов пошел на участок, где двумя днями раньше работал Изотов, и добыл за смену 310 тонн угля. Рекорд Стаханова был перекрыт более чем вдвое!

В эти бурные дни Никита Алексеевич приехал в Москву на учебу. Приехал не «с пустыми руками», не со старой славой.

В Москве Изотов встретил ту же, что и в Донбассе, атмосферу стахановских подвигов. Центральные газеты сообщали о достижениях передовых людей рабочего класса во всех отраслях промышленности.

Началась учеба. Ежедневно слушали лекции. К менее подготовленным товарищам, в том числе и к Изотову, прикрепили педагогов для дополнительных домашних занятий.

В первое время тосковал по шахте, с жадностью на-

брасывался на донецкие газеты, радовался каждому письму от товарищей из Горловки. Накануне Октябрьских праздников он решил съездить в Подмосковный бассейн. До Донбасса далеко, а Подмосковный рядом. Его давно приглашали на шахту № 12 в Донском районе — одну из новых механизированных шахт. Воспользовавшись предпраздничными днями перерыва в учебе — 5 и 6 ноября, Никита Алексеевич отправился в Бобрик-Донской.

Горняки Подмосковного встретили Изотова как близкого человека. В те дни их шахта не выполняла плана. Отставание объясняли отсутствием достаточного количества квалифицированных горняков, слабостью дисциплины, неполадками — чем угодно, только не плохой организацией работ.

Никита Алексеевич спустился в шахту. В лавах — тяжелые врубовки и отбойные молотки, на откатке — троллейные электровозы. С такой техникой, кажется, можно горы своротить! Но на 1-м Северном участке, куда пришел Изотов, лава стояла. Под рештаками и транспортной лентой лежали кучи угля. Не только врубовой машиной, даже отбойными молотками невозможно было работать. Запасные выходы из лавы были завалены стойками.

Никита Изотов упрекнул инженера участка в плохом состоянии горных выработок, плохом использовании механизмов. Но в ответ он услышал: кровля, мол, сложная, управлять ею трудно, ставить врубовую машину рискованно, люди неопытные и так далее. Изотов понял. Детский лепет!

По возвращении в Москву Никита Изотов поделился своими впечатлениями от поездки с Серго Орджоникидзе. Никита Алексеевич высказал мнение, что шахту подводит слабость технического руководства. Если применить стахановские методы, положение можно выправить в короткий срок. Орджоникидзе посоветовал Изотову выехать после Октябрьских праздников на шахту № 12 и помочь товарищам наладить стахановскую работу.

В дни празднования XVIII годовщины Октября Никита Алексеевич встретился с гостившими в Москве стахановцами. Тут был и сам Стаханов, были ткачихи Виноградовы, кузнец Бусыгин, обувщик Сметанин, машинист Кривонос — все зачинатели стахановского движения. Радостными были встречи, сердечными беседы.

А тут еще пришла телеграмма из Горловки: его бывший ученик Александр Степаненко, а теперь младший командир Черноморского флота, приехав на праздники на «Кочегарку», вырубил за смену 552 тонны угля. За Степаненко шли 10 крепильщиков.

14 ноября в Москве открылось Всесоюзное совещание стахановцев. Четыре дня выступали стахановцы, руководители партии и правительства. Выступил и Никита Изотов. Свою речь он начал словами: «Я, товарищи, не могу хорошо говорить», но говорил так горячо, с такой убежденностью, что весь зал затих, стараясь не проронить и слова из этой речи, а затем разразился волнующей овацией. Он говорил о нашей партии, которая воспитывает людей, о заботах шахтеров, о воспитании молодых рабочих. Изотов рассказал также о поездке на подмосковную шахту № 12 и сообщил, что, по совету наркома, он завтра же едет в Мосбасс на две недели, едет не один, а с небольшой бригадой.

Совещание в Кремле продолжалось, а Изотов вместе с еще тремя слушателями Промакадемии спустился в шахту № 12. Ознакомились с состоянием всех участков, беседовали со многими шахтерами, инженерами, техниками. У приезжих создалось убеждение, что шахта не только в состоянии выполнить план добычи в 1250 тонн угля, но что это задание может быть превзойдено. Разговоры о том, что план будто бы «завышен» и «нереален», Изотов категорически отвергал.

Бригада Изотова предложила вариант новой организации работ — график цикличности, который позволял параллельно вести добычу угля и подготовительные работы.

После того как был принят новый график, Изотов пошел в отстающие лавы и там с отбойным молотком в руках учил, как надо добывать уголь.

На шестой день, 23 ноября, шахта выдала 1501 тонну угля. 24 ноября этот уровень был закреплен. Шахта начала изо дня в день давать уголь сверх плана.

Возвратившись в Москву и отчитавшись перед наркомом, Никита Алексеевич возобновил занятия в Промакадемии.

Но и в учебных буднях он продолжал жить жизнью родного Донбасса. В зимние каникулы Изотов приехал в Горловку на свою шахту и добыл за смену 640 тонн угля — целый эшелон...

В сентябре 1937 года Никита Алексеевич Изотов, еще не закончив Промакадемию, был приглашен в Наркомтяжпром для назначения на хозяйственную работу в угольную промышленность. Хотелось доучиться, но раз есть поручение партии и правительства — готов приступить к работе немедленно.

Изотов получил сначала назначение на работу в аппарат наркомата в Москве, в качестве ревизора при наркоме по борьбе с авариями, а затем послан управляющим трестом «Шахтантрацит» в Ростовской области. Это был один из крупных трестов Донбасса, объединивший более двух десятков шахт.

Итак, началась новая глава в жизни Изотова...

В город Шахты Изотов прибыл 28 сентября 1937 года. Прямо с поезда направился в трест. Было 10 часов утра. Он попросил сводку о работе шахт за истекшие сутки. Рядом со столбиком добычи стояли двухзначные проценты, и все далеко от ста.

Через час после прибытия Изотова в тресте раздался телефонный звонок, горный инспектор сообщил о закрытии восьми участков из-за нарушения правил технической эксплуатации. «Хорошая встреча новому управляющему», — сказал Изотов. Он собрал руководящих инженеров треста и приступил к выяснению причин тяжелого прорыва, который уже сегодня приведет к резкому снижению добычи угля. На вопрос, с чего начинать, жизнь сама не замедлила дать ответ... Надо начинать с наведения порядка на шахтах.

Прежде чем приступить к разработке общего плана наступления, он осмотрел все шахты, переговорил с руководителями, с партийными работниками, со многими стахановцами.

Изотов начал с шахты «Пролетарская диктатура». Не задерживаясь в конторе, он предложил заведующему и главному инженеру повременить с докладом, а сначала спуститься с ним в шахту. «Там будет виднее», — сказал Изотов. Опытнейший горняк находил, что самым достоверным «материалом» о состоянии шахты будет личный осмотр участков и лав. Ничто не укрылось от его взора. Изотов решительно потребовал привести в порядок штреки, пути, камеры хранения инструментов, противопожарные средства. Из шахты Изотов направился в общежитие холостяков. Осмотрев его, он предложил срочно отремонтировать помещение

После посещения шахты Изотов внимательно следил за ее работой, ежедневно беседовал с начальником шахты, спрашивал о выполнении не только суточного, но и сменных планов. Когда возникали затруднения в материальном снабжении шахты, трест приходил на помощь.

Таким же образом осуществлял Никита Изотов руководство и другими шахтами. Отсутствие хозяйственного опыта он старался восполнить опорой на актив, часто советовался со старыми горняками-стахановцами, которые его понимали и которых он понимал с полуслова.

Усилия парторганизации и хозяйственного руководства дали положительный результат. В октябре — ноябре ряд шахт добился увеличения добычи угля. Шахта «Пролетарская диктатура» перевыполнила ноябрьский план. А в начале декабря и весь трест «Шахтантрацит» подошел близко к плану, в отдельные дни даже перевыполнял его.

Никита Изотов окунулся в большие дела. На первых порах он допускал и ошибки, подчас решая вопросы «с ходу». Горком партии не щадил самолюбия управляющего, указывал на недостатки, критиковал ошибки. С помощью партийной организации Изотов накапливал опыт и рос как хозяйственник.

Изотов всячески помогал развертыванию социалистического соревнования, зная по собственному опыту его великую силу. Особенно большого размаха достигло соревнование в последние месяцы 1937 года, в связи с происходившей тогда избирательной кампанией — первыми выборами в Верховный Совет СССР по новой Конституции.

23 октября горняки шахты «Пролетарская диктатура» выдвинули Изотова кандидатом в депутаты Совета Национальностей. Много добрых слов было сказано в его адрес на предвыборном собрании. И в резолюции записали: «Мы выдвигаем кандидатуру тов. Изотова, как лучшего забойщика Донбасса, инициатора изотовского движения, как борца за высокую производительность труда, как мастера забоя, как верного сына своего народа, борющегося вместе с партией и всеми трудящимися СССР за дело коммунизма, за счастье трудового народа».

На первой сессии Верховного Совета в Кремле, в том же зале, где происходило Первое Всесоюзное совещание стахановцев, вновь встретились знатные шахтеры и ткачихи, сталевары и машинисты. Теперь они встретились

не только как передовые рабочие, но и как государственные деятели, облеченные высоким доверием народа.

После первой сессии Верховного Совета Никита Изотов выступил с отчетами на собраниях трудящихся. Докладывая о принятых законах, он призывал шахтеров развернуть соревнование за досрочное выполнение пятилетнего плана.

Под знаком борьбы за успешное выполнение новой — третьей пятилетки прошел весь 1938 год. Большими успехами закончили этот год и шахты треста «Шахтантрацит», значительно увеличившие добычу угля. В конце 1938 года Никита Изотов был назначен начальником комбината — сначала «Ростовуголь», затем «Сталинуголь».

А на XVIII съезде ВКП(б) его избрали членом Центральной ревизионной комиссии.

Никита Изотов не оставлял мысли о продолжении учебы, прерванной в 1937 году. В феврале 1940 года Наркомат угольной промышленности направил Никиту Алексеевича в Промакадемию.

Через год, закончив учебу, Изотов вернулся в Донбасс. Его назначили управляющим треста «Боковантрацит». На этом посту и застала его война.

В первый же день просился на фронт. Не призвали. Стране нужен был уголь точно так же, как танки, как самолеты. Никита Изотов не знал покоя в работе. Под его руководством шахтеры «Боковантрацита» с меньшим количеством работников добывали больше угля, чем до войны.

Гитлеровцы довольно быстро продвинулись в глубь Украины. Шахтеры начали создавать народное ополчение. Десятки тысяч горняков образовали саперную армию. Строили оборонительные рубежи, чтобы преградить путь врагу к Донбассу, к Ростову, к Северному Кавказу. Командующим этой армией был назначен заместитель наркома угольной промышленности Дмитрий Григорьевич Оника, а его помощником по снабжению — Никита Алексеевич Изотов. Эти люди хорошо знали друг друга, вместе начинали руководящую деятельность в угольной промышленности. Впервые они встретились в 1937 году в городе Шахты, где секретарем горкома партии был Оника, молодой инженер, только что окончивший Московский горный институт. Организаторский и технический талант Оники в соединении со смекалкой и опытом Изотова позволили успешно развернуть оборонительные работы в

труднейших условиях прифронтовой полосы, часто под обстрелом противника.

— События развертывались с такой стремительностью, — рассказывал Д. Г. Оника, — что строительные работы, на которые требовались бы в обычных условиях месяцы, следовало производить за считанные дни, а иногда и часы... Фронт приближался, и в зону военных действий попадали район за районом. Не затихая, шла эвакуация из Донбасса оборудования и материальных запасов. Этим были заняты и весь местный государственный, и снабженческий аппараты. Никита Изотов со своей популярностью и авторитетом умел все необходимое для саперной армии найти и достать, кажется, из-под земли. И вовремя доставить. Он вел и политическую работу, появлялся на самых трудных и опасных участках, попадал в переплеты, но никогда не терял оптимизма. Его простое слово доходило до сознания и сердца горняков. Это человек, за которым любой пойдет на смертельный бой...

Но и после падения Донбасса просьба Изотова о посылке на фронт не была удовлетворена. Вместе со многими тысячами шахтеров он был по решению Государственного Комитета Обороны направлен на Восток. Донбассцы прибывали на Урал, в Кузбасс, в Караганду, в Восточную Сибирь.

В течение двух лет работал Никита Изотов в угольной промышленности Урала и Восточной Сибири. В 1942 году возглавлял тресты «Полтавобредыуголь» и «Челябинскуголь», в 1943 году заведовал шахтой №8 в Черемховском бассейне. В сентябре 1943 года Советская Армия освободила Донбасс. Началось возрождение «всесоюзной кочегарки». 26 сентября Государственный Комитет Обороны вынес постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донбасса». Война еще продолжалась, а страна выделяла Донбассу огромные средства, оборудование, людей.

По поручению правительства Наркомуголь формировал кадры восстановителей Донбасса. В числе группы хозяйственников туда выехал и Никита Изотов.

Тяжелая картина предстала перед горняками, возвратившимися в Донбасс. Города и шахты, заводы и электростанции лежали в руинах. 314 основных шахт, 31 шахта-новостройка и несколько сот мелких шахт были затоп-

Бюро партийной ячейки депо Москва-Сортировочная. Второй слева — И. Е. Бураков.

Выписка из протокола №16.
Заседания членов [illegible] при депо М-Сортир.
[illegible]

[illegible]

Выписка из протокола заседания партийной ячейки депо Москва-Сортировочная.

2

это — победа над собственной косностью, распущенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину. Когда эта победа будет закреплена, тогда и только тогда новая общественная дисциплина, социалистическая дисциплина будет создана, тогда и только тогда возврат назад, к капитализму, станет невозможным, коммунизм сделается действительно непобедимым.

«Правда» от 23 мая 1919 сообщает:

жирным шрифт

«— [illegible] на Александровской ж. д. состоялся 1-й коммунистический субботник. 98 человек коммунистов и сочувствующих проработали, согласно постановлению общего собрания, 5 часов сверхурочно, бесплатно, [illegible]»

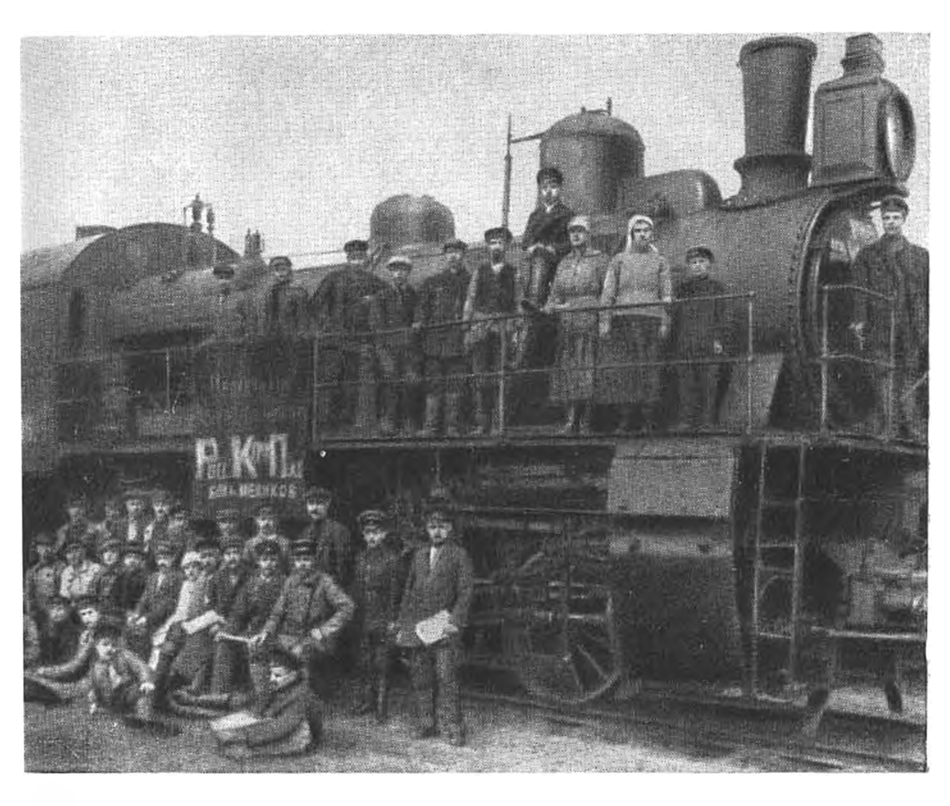
Несмотря на то, что работа была слабо подготовлена и слабо организована, все же производительность труда была выше обычной в 2—3 раза.

Вот примеры:

5 токарей в 4 часа сделали 80 валиков. Производительность по сравнению с обычной 213%.

20 чернорабочих в 4 часа собрали старого материала в количестве 600 пудов и 70 вагонных рессор, по 3½ пуда в каждой, всего 850 пудов. Производительность по

В. И. Ленин, Великий почин. Страница рукописи.

Рабочие депо Москва-Сортировочная — участники Всероссийского первомайского субботника у отремонтированного ими паровоза. 1920 г.

Один из первых советских автомобилей завода АМО. 1924 г.

Общезаводской субботник по строительству инструментального и модельного цехов завода АМО. 1929 г.

Группа ударников, премированных поездкой за границу на теплоходе «Абхазия». В первом ряду (с гармонью) — А. П. Салов. 1930 г.

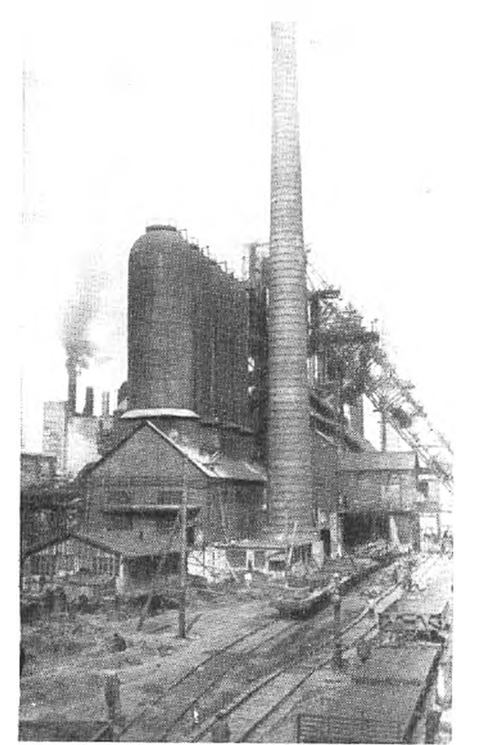
А. П. Салов на отдыхе в Крыму. 1939 г.

Ветеран завода пенсионер А. П. Салов беседует с рабочими.

Такие автомобили выпускал завод АМО после первой реконструкции.

Бригада землекопов Кузнецкстроя, завоевавшая переходящее Красное знамя постройкома. В квадрате сверху — бригадир А. С. Филиппов. 1930 г.

Первая домна Кузнецкого металлургического комбината.

А. С. Филиппов. 1939 г.

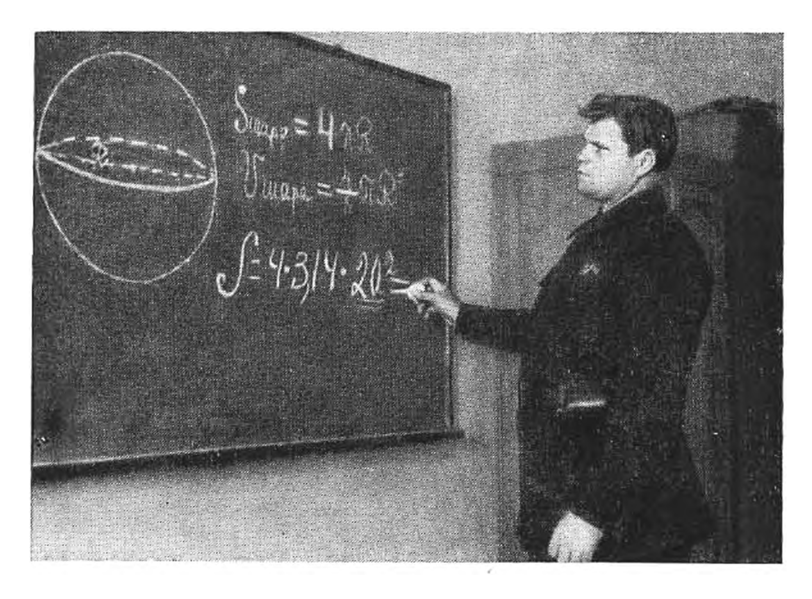
Никита Изотов. 1933 г.

Никита Изотов среди горняков перед спуском в шахту. 1934 г.

В кругу семьи. 1933 г.

Н. Изотов на занятиях в Промышленной академии. 1936 г.

М. И. Калинин вручает орден Трудового Красного Знамени начальнику комбината «Сталинуголь» Н. А. Изотову. 1939 г.

Алексей Стаханов в забое. 1935 г.

А. Стаханов объясняет забойщикам шахты «Центральная-Ирмино» метод своей работы. 1935 г.

А. Стаханов. 1936 г.

▲ А. Стаханов, Д. Канцедалов и секретарь парткома шахты К. Петров. 1935 г.

▼ А. Стаханов на занятиях в Промакадемии.

А. Г. Стаханов беседует со студентами Донецкого политехнического института.

лены. 2850 километров подземных выработок завалены. Плоды труда многих поколений шахтеров были уничтожены.

Гигантская, неслыханная в истории государств восстановительная работа должна была быть осуществлена в кратчайшие сроки.

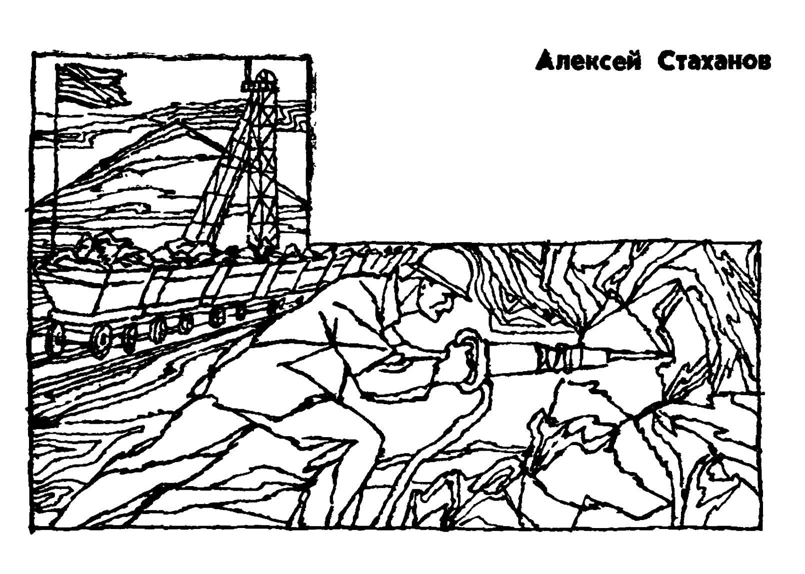
Делу восстановления родного Донбасса, возрождения его шахт отдал последние годы своей жизни и Никита Изотов.

Он руководил шахтой, был заместителем начальника комбината, начальником шахтоуправления. В последней характеристике, хранящейся в личном деле Изотова, Енакиевский горком партии и трест «Орджоникидзеуголь» свидетельствуют: «За время работы Никиты Алексеевича Изотова шахтоуправление перевыполняет государственный план угледобычи и подготовительных работ».

В последние годы жизни Никита Алексеевич тяжело болел, длительное время был прикован к постели. Он скончался 14 января 1951 года.

В траурном уведомлении Центрального Комитета партии говорилось:

«ЦК ВКП(б) с глубокой скорбью извещает, что 14 января сего года после продолжительной болезни скончался тов. Изотов Никита Алексеевич, член Центральной ревизионной комиссии Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), рабочий-шахтер, один из зачинателей стахановского движения шахтеров Донбаса».

Алексей Стаханов

Серго Орджоникидзе пригласил к себе в Наркомтяжпром 18 ноября 1935 года нескольких журналистов. Народный комиссар был в чудесном настроении. Только вчера в Кремле закончилось Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев, длившееся четыре дня под его председательством. Газеты еще заполнены речами и портретами новаторов, недавно безвестных рабочих, а сегодня людей, знаменитых на весь мир... «Стахановское движение» — новые слова, родившиеся каких-нибудь два с половиною месяца назад, — у всех на устах. Зарубежная буржуазная печать пишет о советских стахановцах языком сенсаций.

Серго вошел в кабинет, сел за стол и занял характерную позу: крупная голова с вьющейся шевелюрой накренилась вбок, опираясь на широко распятую ладонь правой руки.

— Отлично получилось, товарищи, — проговорил он после минутного раздумья, — кремлевский слет превзошел все ожидания... Вы слушали речи этих людей, это люди новые, необыкновенные... Я знаю дореволюционных рабочих — бакинцев, питерцев... Таких, как у нас теперь, никогда еще не было... Вы заметили, — Стаханов, Бусыгин, Сметанин, Виноградовы, — они сами ошара-

шены всем происшедшим, они ни о чем этом не думали, идя на свои рекорды...

Слушайте, — сказал Серго, порывисто поднявшись во весь рост, — а откуда они взялись, эти люди? Откуда появились? С неба, что ли, ангелы упали? О, если бы у бога были такие ангелы, он мог бы действительно с ними сотворить мир...

Серго сел и стал говорить тихо, медленно, с остановками:

— Только революция могла породить таких людей... Только она могла коренным образом изменить облик рабочего... Дать им государственный взгляд. Помните Сталинградский тракторный завод? Сколько мы наломали станков!.. Трусы шипели: «Ничего у вас не выйдет». Ну и что? Вышло, да еще как!.. А?.. Вы же видели этих людей, таких не знала история. Это дети Октября. Я полюбил их всех вместе и каждого в отдельности.

Вы не догадываетесь, к чему я клоню? — спросил Серго, видя, наверное, на наших лицах вопросительно-ожидающее выражение. — Ну хорошо, не догадываетесь, — ответил сам себе Серго. — Я пригласил вас, чтобы внести одно предложение, как говорят украинцы, — «пропозицию». А именно: выпустить книги стахановцев. Пусть каждый стахановский лидер расскажет о своей жизни. Это могут быть человеческие документы. Если хотите — сказ об эпохе социализма. Ведь что такое социализм? Иные думают, что это чугун и сталь, которые мы спим и видим — не вам говорить, чего нам стоят чугун и сталь! Социализм — это люди... Стаханов, Гудов, Виноградовы, — если хотите, это и есть социализм, не книжный, настоящий...

И, не поднимая головы, хорошо устроившейся на подставке правой руки, продолжал:

— Вот, например, почему бы не помочь Алексею Стаханову написать книгу о своей жизни? Разве вы не понимаете, как это важно и для нас, и для зарубежных рабочих? И для будущих поколений, если хотите. Мы с вами смертны, и даже сам Стаханов... Конечно, если он будет давать по шесть-семь норм за смену, каждый год его труда будет равен шести-семи годам жизни. К своему пятидесятилетию он может прожить, если хотите, сотню и более лет. Но если мы выпустим книги таких людей,

как Стаханов, Бусыгин, Гудов, Виноградовы, мы навеки обессмертим подвиг советского рабочего класса.

Идею Серго все собравшиеся встретили не простым одобрением, а с энтузиазмом.

Поговорили о характере книг. Они должны быть живым рассказом рабочих людей.

— Только, пожалуйста, не занимайтесь сочинительством, — предупредил нарком. — От некоторых очерков в газетах за версту отдает литературщиной, я хорошо знаю цвет глаз многих стахановцев, но не вижу, как они стали героями... Не надо «домысливать» — добросовестно запишите этих людей, если они не смогут написать сами, дайте редакционную обработку — и все.

При распределении тем на долю автора этих строк выпала работа над биографией Алексея Стаханова.

Перед прощанием Серго сказал в мой адрес:

— Если нужно, вызовем Стаханова из Донбасса в Москву... В Кадиевке вам не дадут сосредоточиться: митинги, собрания, обмен опытом... Стаханов, видно, не из очень разговорчивых, нужно будет потрудиться. Снимем номер в гостинице «Москва». Приходите к нему со стенографистками, пусть рассказывает...

Так и было сделано. Но сначала обратимся к истории рекорда.

2 сентября 1935 года в «Правде» появилась заметка такого содержания:

«Сталино, 1 сентября (корр. «Правды»). Кадиевский забойщик шахты «Центральная-Ирмино» тов. Стаханов, в ознаменование 21-й годовщины Международного юношеского дня, поставил новый всесоюзный рекорд производительности труда на отбойном молотке. За шестичасовую смену Стаханов дал 102 тонны угля, что составляет 10 процентов суточной добычи шахты, и заработал 200 рублей. Тов. Стаханов обогнал непревзойденных до сих пор мастеров угля Гришина, Свиридова, Мурашко».

Такого еще не было.

В первом полугодии 1935 года средняя сменная производительность забойщика на отбойном молотке в Донбассе составляла 6,7 тонны. Рекорды сменной добычи принадлежали забойщикам Свиридову с шахты № 10 «Артем» — 40 тонн, Мурашко с шахты «Красный Профинтерн» — 50 тонн, Гришину с шахты № 4/2-бис «Ир-

мино» — 85 тонн. Их имена и были названы в заметке «Правды».

Алексей Стаханов — такое имя никогда прежде не встречалось.

Серго Орджоникидзе, находившийся на лечении в Кисловодске, получив номер «Правды» с заметкой о Стаханове, немедленно позвонил по телефону в Москву — в Наркомтяжпром, в Главуголь, в редакцию «Правды». Придав рекорду Стаханова выдающееся значение, народный комиссар потребовал от работников промышленности поддержать почин Стаханова, а от работников печати поднять его имя на щит.

Что касается шахтеров — они не ждали «установок». Вслед за Стахановым в Донбассе на рекорд вышли десятки и сотни забойщиков.

«Правда» немедленно выступила со статьями, призывая начавшееся соревнование одиночек за наибольшую производительность труда превратить в движение всей массы донецких шахтеров.

Вслед за «Правдой» о Стаханове заговорила вся печать Советского Союза. Появились подробные описания рекорда.

Подробности таковы.

В Донбассе тех лет складывалось теперь уже ставшее всеобщим правило отмечать праздники трудовыми успехами. Комсомольцы шахты «Центральная-Ирмино» в городе Кадиевке, готовясь к Международному юношескому дню, обратились к секретарю шахтного парткома бывшему комсомольцу Константину Григорьевичу Петрову за советом, как лучше встретить этот день. Хорошо бы ознаменовать юношеский день рекордом.

На шахте «Центральная-Ирмино» рекорды никогда не устанавливались.

Это была рядовая шахта Донецкого бассейна. Во вседонецких соревнованиях ей ни разу не удавалось войти в число победителей.

На протяжении января — августа 1935 года партийный комитет неоднократно рассматривал вопросы о невыполнении плана, уделяя особое внимание техническому обучению рабочих и подготовке их к сдаче гостехэкзамена. Коммунистов обязали первыми сдать экзамен и с оценками не ниже, чем на «отлично» и «хорошо», а помимо того каждый коммунист должен еще обучить двух беспартийных.

В августе 1935 года на шахте началось соревнование на звание лучшего забойщика. Одновременно было организовано соревнование на лучший участок.

В общем, на шахте настроение поднималось, «психологический климат» складывался благоприятно, но чувствовалось, что нужен еще какой-то рывок, «все равно как в момент, когда самолет отрывается от земли». Так рассуждал парторг Константин Петров. И организации рекорда Петров придавал значение такого переломного толчка.

На шахте «Центральная-Ирмино» было немало хороших забойщиков как из числа коммунистов, комсомольцев, так и беспартийных рабочих. В соревновании на лучшего забойщика значительных результатов достигал в тот момент Алексей Григорьевич Стаханов, работавший на участке «Никанор-Восток».

Считали, что он мог бы достигнуть рекордной добычи.

На рекорд, несомненно, пошли бы и другие забойщики.

Для того чтобы решить вопрос о «мюдовском подарке», Петров 29 августа 1935 года обратился к начальнику участка «Никанор-Восток» Машурову, затем к заведующему шахтой Заплавскому. Заведующий считал рекорд нереальным. Начальник участка колебался. Тогда Петров и Машуров, выйдя из шахтной конторы, направились к Стаханову на квартиру и стали с ним советоваться. Стаханов жаловался им на трудные условия работы: лава разрезана на восемь коротких уступов, хорошему забойщику негде развернуться. Отбойный молоток находится в работе три — три с половиной часа или еще меньше, остальное время уходит на крепление выработанного пространства.

Петров высказал свою идею: если в течение смены Стаханов будет только отбивать уголь, а следом за ним пойдут крепильщики, такое разделение труда может резко поднять производительность.

Мысль Петрова пришлась Стаханову по душе.

— А что, если в самом деле пойти одному рубать всю лаву? Определенно вырубаю, если буду работать только молотком, а другие будут крепить. А если не вырубаю, тогда что?

Начальник участка Машуров заверил, что если Стаха-

нов примет решение, необходимые условия будут созданы.

Стаханов дал согласие.

Разделение труда забойщика и крепильщика означало коренную ломку десятилетиями сложившихся приемов работы. Можно было ожидать, что подобное новаторство не обойдется без волокиты.

— Мы начали обдумывать, — рассказывал Стаханов, — когда лучше пойти на рекорд. Договорились, что удобнее всего — в ночную смену. Признаться, мы немножко опасались, как бы кто-нибудь не помешал нам...

Работу по-новому условились осуществить в ночь с 30 на 31 августа. Времени на подготовку оставалось немного. Машуров и Петров решили, что в короткий срок удлинить уступы в лаве не удастся, но поскольку в смену будет работать только один забойщик — Стаханов, он станет переходить из уступа в уступ, а за ним будут следовать крепильщики. Наметили взять двух лучших крепильщиков участка — Щиголева и Борисенко.

Оба они охотно дали согласие и 30 августа вместе со Стахановым разработали подробный технический план своей работы в предстоящую ночь. Условились в 10 часов вечера быть на участке.

В шахту вслед за Стахановым и крепильщиками спустились Петров, Машуров и вызванный Петровым редактор шахтной многотиражки Михайлов. Стаханов проверил состояние уступа, осмотрел воздушную магистраль и немедленно приступил к работе.

Стаханов почти всю смену рубал, а следом крепильщики закрепляли выработанное пространство. Добыто было 102 тонны угля. Норма перекрыта в 14 раз!

Около 6 часов утра 31 августа все участники и свидетели трудового подвига поднялись на поверхность шахты. Константин Петров немедленно созвал шахтный партийный комитет. На повестку дня был поставлен вопрос: «О производительности труда у забойщика Стаханова А. Г.». Петров сделал краткий доклад, после чего шахтпартком принял постановление, в котором говорилось:

«Считать, что Стаханов А. Г. в ночь с 30 на 31 августа за свои рабочие 6 часов установил мировой рекорд производительности отбойного молотка, дав 102 тонны угля.

Шахтпартком отмечает огромную заслугу тов. Стаха-

нова в его рекорде и считает, что своего рекорда он добился только благодаря тому, что овладел техникой дела, сумел оседлать технику и извлечь из нее все полезное».

Сразу же после заседания партийного комитета — в 7 часов утра 31 августа члены парткома отправились в нарядную (помещение, где шахтеры собираются перед началом смены для получения наряда-задания). Здесь состоялось собрание первой смены. Петров зачитал постановление парткома и призвал развернуть социалистическое соревнование. С разных сторон раздались одобрительные восклицания. Шахтеры обнимали Стаханова, Щиголева и Борисенко. Дружески поздравляли с хорошим почином. Многие говорили, что они постараются добыть еще больше угля. Комсомолец Поздняков потребовал у начальника участка пустить его на рекорд немедленно. Забойщики Ткаченко, Ярулин, Синяговский, Концедалов, Ершков, Обрезанов, Безродный — все они просили дать им возможность поработать «по-стахановски».

Не сходя с трибуны, Петров записал забойщиков, пожелавших включиться в соревнование.

— Трудно передать, что творилось в те минуты в нарядной, — вспоминал Стаханов. — Она бушевала. Одни просили, чтобы их немедленно пустили на рекорд, другие кричали, чтобы я рассказал, как было вырубано 102 тонны угля. Меня почти втащили на трибуну. Нарядная смолкла. Я рассказывал все по порядку... Еще сильнее разгорелись страсти, когда после меня выступили крепильщики, начальник участка и коногоны. Летучий митинг, может быть, еще продолжался бы, если бы не раздался гудок, известивший смену о том, что пора опускаться в шахту. Взбудораженная смена хлынула к выходу.

3 сентября метод разделения труда между забойщиком и крепильщиком применил комсомолец Поздняков. Работая спаренно с крепильщиком, он добыл за смену 63 тонны угля, выполнив 9 норм. В ночь с 3 на 4 сентября по новому методу работал партгруппорг участка «Никанор-Восток» Дюканов. Он добыл 115 тонн и превзошел успех Стаханова. 5 сентября первенство в добыче угля перешло к комсомольцу Мите Концедалову, добывшему 125 тонн угля. Комсомольцы встретили Концедалова у ствола шахты и принесли его на руках в нарядную.

У шахтеров-новаторов «Центральной-Ирмино» появились последователи во всем Донбассе. 6 сентября забойщик шахты имени Карла Маркса Савченко вырубил за смену 151 тонну, а забойщик шахты «Кондратьевка» Исаченко — 152 тонны угля.

9 сентября Алексей Стаханов вернул рекорд себе, добыв за смену 175 тонн угля.

11 сентября все рекорды перекрыл знаменитый Никита Изотов — он вырубил за смену 241 тонну угля. Через два дня на той же шахте забойщик Федор Артюхов дал за смену 310 тонн. А спустя некоторое время Изотов довел рекорд до 640 тонн.

Вместе с радостными, восторженными телеграммами, письмами, говорившими о небывалом, неслыханном потоке рекордов, в печати стали появляться предостерегающие сигналы то с одной, то с другой шахты. «Хотим работать по-стахановски, а администрация не позволяет»; «Всю лаву отдали для рекорда одному забойщику, а шесть человек оставили без дела»; «Настроились выполнить три нормы, а добытый уголь не вывезли и застряли». Налицо была неподготовленность хозяйственных и инженерных руководителей к массовому внедрению стахановских методов.

12 сентября 1935 года Серго Орджоникидзе посылает секретарю Донецкого обкома партии Саркису Саркисову и находящемуся в Сталино начальнику Главугля В. М. Бажанову телеграмму и публикует ее в печати. Указав на то, что Стаханов, Дюканов, Поздняков, Концедалов, Изотов и другие новаторы дали рекордную в истории Донбасса добычу угля, Орджоникидзе писал:

«Это замечательное движение героев угольного Донбасса, большевиков, партийных и непартийных, — новое блестящее доказательство, какими огромными возможностями мы располагаем и как отстали от жизни те горе-руководители, которые только и ищут объективных причин для оправдания своей плохой работы, плохого руководства».

Впервые я встретился со Стахановым на его шахте «Центральная-Ирмино» в начале октября 1935 года, спустя месяц с небольшим после знаменитой августовской ночи.

На шахту попал перед началом смены. В нарядной

толпились забойщики с молотками или обушками на плечах, крепильщики с топорами, заправленными под ремень. Какой-то человек стоял на табуретке и громко выкрикивал фамилии стахановцев, давших в только что минувшую ночь не менее трех норм. Их набралось порядочно.

В этот момент в нарядной появился знакомый по портретам парторг шахты Константин Петров. Он выглядел очень молодо и был похож скорее на комсомольского, чем на партийного секретаря. Чубатый, вьющиеся волосы, звонкий голос. Резкие повороты, энергичные движения.

Петров пришел с группой шахтеров. Из разговора, в котором все обращались к парторгу на «ты» и как к «Косте», можно было понять, что эти забойщики отработали в ночь и были чем-то недовольны. Жаловались на несвоевременную доставку леса для крепления забоев, на слабый напор воздуха в магистрали, отчего отбойными молотками невозможно пользоваться и приходится таскать с собой в уступы обушки.

— По-стахановски так по-стахановски! — кричал забойщик средних лет и требовал от Кости Петрова, чтобы он вопрос о неполадках ставил на шахтпарткоме.

— И заработать желательно, Костя! — выкрикнул забойщик. — Или вы весь воздух в уступ Стаханова запустили?

— Ну, это демагогия, — сказал подошедший к группе человек вида начальственного, одетый в телогрейку, перепоясанную электрическим шнуром. — Случилась авария, сейчас и Стаханов рубает в забое обушком, воздуха нет в трубах...

Это был помощник главного инженера шахты.

— А авария от кого, от бога или от черта? — вступил в разговор молодой парнишка. — Мы все желаем работать по-стахановски, Костя. Или давайте обеспечивайте, или не дразните на собраниях...

Парторг позвал всех недовольных в партком.

...К окончанию утренней смены я опять был в нарядной, где наконец увидел Стаханова. Выше среднего роста, рыжеватый. На голове кепчонка. Лицо покрыто слоем угольной пыли. Когда улыбается, видны крупные, ровные, белые зубы. В руке отбойный молоток. Этого человека уже знает вся страна, весь мир, но он ничем не выделяется в шахтерской толпе. Постоял, потолкал-

ся, поговорил и вместе с другими вышел во двор, пересек его и направился к поселку.

Вот тут, в пути, я догнал его. Назвался корреспондентом «Правды». Стаханов остановился, пожал руку. На его лице выразилась приветливость, не больше. Я не заметил ни малейшей рисовки, какая возникает у одних, ни смущения, как у других, при встрече с представителем центральной прессы.

На вопрос, как работается, Стаханов ответил: «Стараемся по-стахановски». Эти слова были сказаны попросту — в них не было и намека на хвастовство, или на иронию, или на шутку. Он произнес слово «по-стахановски» таким образом, что оно не имело никакого отношения к его собственной фамилии. «По-стахановски» успело для Стаханова стать нейтральным выражением.

Говорил он негромко и не очень отчетливо, был немногословен, но чувствовалось, что слов не подбирает. Он сказал, что рекорд «при благоприятных условиях» мог совершить всякий «более или менее приличный забойщик».

— Видишь ли, — пояснил Алексей Стаханов, — удлинение уступов, что мы предложили, случалось и прежде: Изотов удлинял, Свиридов удлинял. Разделение работы между забойщиком и крепильщиком тоже еще несколько лет назад испытывалось. А тут мы потребовали одновременно и уступы удлинить, и труд разделить. Теперь второе: крепильщики. Я бы один сто две тонны не отбил, ежели бы за мной не крепили такие опытные горняки, как Борисенко и Щиголев, которые сами по профессии забойщики. Считай два. Теперь третье: заведующий шахтой не поверил в меня, высказался против рекорда — значит, надо было подговорить хотя бы начальника участка Машурова. Костя ему доказал, и он дал согласие на рекорд без ведома завшахтой. Это три. Теперь четвертое: парторг Костя сам полез со мною в уступ...

С парторгом Константином Петровым у меня состоялся длительный разговор как раз на тему о «благоприятных условиях» рождения подвига Алексея Стаханова.

Петров, подтверждая в принципе стахановский тезис о том, что всякий «более или менее приличный забойщик» мог установить его рекорд, внес, однако, важные уточнения.

— Верно, — говорил Константин Григорьевич, — что в конечном счете успех рекорда решала не личность забойщика, а новая система угледобычи. Недаром ведь и на нашей, и на десятках других шахт немедленно повторили рекорд Стаханова, и не только повторили, но и превзошли. Но Алексей был первым... Он должен был рекорд осуществить сначала в своем сознании. Не только поверить в реальность его, но, я бы сказал, произвести большую вычислительную работу в мозгу, затем убедиться психологически в своих силах. Ему предстояло пойти на технический риск, — ведь он ставил рекорд не в удлиненных, а в обычных забоях, может быть впервые в истории Донбасса переходя из забоя в забой. Он должен был выдержать сильное физическое испытание. Ведь еще вчера он чередовал отбойку с креплением. Перемена этих работ служит некоторой разрядкой. Далее, от него требовалась, я бы сказал гражданская храбрость. Завшахтой не поддерживает, Алексей спускается в забой фактически в тайне от администрации. Представляете, если бы задумки не получилось... Нет, рекорд мог быть поставлен и не Стахановым, но он должен был быть поставлен именно им...

Конечно, рекорд требовал организации. На этот счет Петров сказал:

— Всякое дело, которое выполняют более одного и не менее двух человек, невозможно без организации. Один горняк в забое не воин. Ему надо подогнать лес для крепления, подать сжатый воздух для молотка, откатать добытый уголь. В нашем случае Стаханов и вовсе не мог быть одиночкой. За ним шли два крепильщика. Значит, трое непосредственных участников. Техническая подготовка рекорда легла на начальника участка Машурова. Это четвертый участник. А морально-политическая подготовка была моей обязанностью, как парторга и секретаря шахтной партийной организации. Мы, коммунисты, организовали рекорд!

Да, Петров был организатором рекорда — это все знали, видели, чувствовали. Но если Стаханов заслуги своего личного подвига в значительной мере относил к Косте, то сам Костя с той же искренностью отнес величие своего личного участия в рекорде к заслуге шахтной партийной организации. И оба были правы.

Неважно, что в тот конкретный момент Стаханов находился в положении воспитуемого, а Петров — воспи-

тателя. Стаханов — беспартийный. Петров — член партии. Немного времени прошло, как партийным стал и Стаханов. Причем в партию был принят постановлением Политбюро ЦК ВКП(б), без прохождения кандидатского стажа. Тот же Петров сказал о нем: «Он прошел весь кандидатский стаж за одну ночь с 30 на 31 августа 1935 года». Да так оно и есть.

И прав был Константин Петров, когда он видел в стахановском рекорде не частный случай, а победу партии.

Шквал рекордов, последовавший за ударом отбойного молотка Стаханова, опроверг все старые представления о производительности труда советского рабочего.

На шахте «Центральная-Ирмино», где работал Стаханов, менее чем за год добыча угля почти удвоилась.

В разных концах страны, в различных отраслях производства, люди разных профессий, молодые и старые, мужчины и женщины, партийные и беспартийные почти в одно и то же время сломали старые нормы выработки, старые проектные мощности, освященные самой наукой, опрокинули их и ринулись вперед. Сила и быстрота движения явились результатом того, что оно было подготовлено всем предшествующим развитием социалистического строительства в СССР. Стахановское движение унаследовало опыт и ранних этапов соревнования, носивших форму коммунистических субботников, и ударничества 20-х — начала 30-х годов, увенчанных трудовыми подвигами нашего народа. Шахтеров-стахановцев сразу же поддержали машиностроители. На Горьковском автозаводе кузнец Александр Харитонович Бусыгин установил ряд мировых рекордов на ковке коленчатых валов.

Поднялся культурно-технический уровень рабочего класса. Возросло материальное благосостояние. Пафос строительства, как к тому призывала партия, был дополнен пафосом освоения новой техники. Все это и послужило почвой для стахановского движения. Удар отбойного молотка Алексея Стаханова стал как бы сигналом ко всеобщему наступлению за высокую и наивысшую производительность труда, достойную социализма.

Первым стахановцем-фрезеровщиком стал рабочий Московского станкостроительного завода имени Орджоникидзе Иван Иванович Гудов. Рекорд на фрезеровке он

решил установить, как только появилось сообщение о достижениях шахтеров Донбасса.

— На беседе, организованной в обеденный перерыв партийной организацией, — рассказывал Гудов, — разгорелся спор: одни рабочие заявляли, что у нас ничего не может выйти — «станки делать — это не уголь копать», другие возражали им. Кто-то назвал мою фамилию, рассказал о моих производственных успехах. Его подняли на смех: «Тоже сказал — у нас Стаханов нашелся!» Это меня сильно задело, и я ускорил подготовку к рекорду.

13 сентября 1935 года в ночную смену Гудов осуществил новую, свою технологию на фрезеровке и выполнил норму на 410 процентов. Так было положено начало высоким скоростям в металлообработке, которое развилось в движение скоростников резания металла.

На протяжении ряда лет Иван Иванович Гудов оставался лидером этого движения. Его рекорды следовали один за другим, достигая десятикратного перевыполнения норм. Я дважды наблюдал в цехе за виртуозной работой Ивана Ивановича, где рассчитано было, кажется, не только каждое его движение, но и ритм каждого его вдоха и выдоха. Гудов создал свой стиль работы на станке. А точности и четкости исполнения у Гудова всегда предшествовала тонкая и глубокая мыслительная деятельность. Он брал не только высокой культурой труда, умелой организацией рабочего места. Можно было поражаться — и этому действительно поражались все, — как человек с четырехклассным школьным образованием проникал в инженерные тайны технологии. Превосходя немецкие, а затем и американские нормы, Гудов совершал технические открытия. Он ввел работу с несколькими инструментами, он перешел на групповую обработку деталей, он применил многостаночничество, он усовершенствовал немецкий станок, а в конце концов совместно с инженерами создал свой собственный станок.

В первых шагах Гудова-рационализатора было сходное с историей рекорда Стаханова. Стаханов шел на рекорд ночью, втайне от администрации, а Гудов тоже ставил первые рекорды ночью и за самовольное отступление от апробированной немецкими специалистами технологии подлежал увольнению с завода. Об этом дознался Серго Орджоникидзе. Можно представить себе, какой последовал разнос...

Начало стахановскому движению в обувной промышленности положил рабочий ленинградской фабрики «Скороход» Николай Сметанин. Сметанин работал на перетяжке мужских ботинок. Три работницы-заклейщицы делали для него заготовку. Задумав последовать примеру Стаханова и добиться рекордной выработки, Сметанин предложил, чтобы его бригаду пополнили четвертой заклейщицей. 21 сентября 1935 года Сметанин работал уже с четырьмя, но и они едва за ним поспевали. За смену Сметанин перетянул 1400 пар обуви, а 6 октября — 1860 пар. Если прежде наибольшая выработка на перетяжной машине — 1125 пар в смену — принадлежала знаменитой фирме «Бати» в Чехословакии, то теперь мировое достижение было завоевано советским рабочим.

В текстильной промышленности инициаторами стахановского движения выступили ткачихи фабрики имени Ногина в городе Вичуге Ивановской области Евдокия и Мария Виноградовы. 1 октября 1935 года впервые в практике мировой текстильной промышленности они перешли на обслуживание 100 станков, затем на 144, а позднее на 216.

«Дуся и Маруся» — это были популярнейшие имена осени тридцать пятого года, наряду с именами Стаханова, Бусыгина, Гудова. Их считали сестрами. Но они были однофамилицами, «сестрами по труду», как сами себя называли.

За обувщиками и текстильщиками последовали пищевики: работники сахарных заводов, кондитеры, консервщики, булочники, рыбаки, табачники, виноделы.

За пищевиками — работники лесной промышленности. Тут стал запевалой рамщик Архангельского лесопильного завода Василий Степанович Мусинский. Еще до начала движения новаторов Мусинский не раз критически задумывался над техническими нормами в лесопилении. Норма распиловки на рамо-смену составляла 95 кубометров. Повысив скорости, он распилил в смену 130, потом 164, а затем 221 кубометр, значительно превзойдя выработку рамщиков передовых в то время лесопильных заводов Швеции.

Почти одновременно с первыми рекордами шахтеров началось движение новаторов на железнодорожном транспорте. Первое слово сказал машинист депо Славянск Донецкой железной дороги коммунист Петр Федорович Кривонос. Он водил поезда на участке Славянск — Ло-

зовая, где графиком предусматривалась скорость движения 24 километра в час. Увеличением форсировки котла он повысил скорость движения до 40 километров.

Добрые вести пришли и из деревни. Звено колхозницы из Киевской области Марии Демченко собрало в засушливое лето 1935 года в среднем с гектара 523 центнера 70 килограммов свеклы. Более 500 центнеров с гектара собрало и звено ее подруги Марины Гнатенко.

Обе Марии были прозваны «пятисотницами».

Никогда прежде не было такого «урожая на имена», как чудесной осенью тридцать пятого года. Стало ясно, что движение стахановцев не эпизод, а революционный процесс, возглавленное партией народное движение, открывающее новый этап в социалистическом соревновании.

В начале ноября 1935 года Алексей Стаханов вместе с делегацией донецких шахтеров приехал в Москву на празднование XVIII годовщины Октябрьской революции. В столицу прибыли почти все зачинатели стахановского труда в различных отраслях промышленности. Они посетили московские заводы, были в Центральном Комитете партии и Совете Народных Комиссаров. 13 ноября их пригласил к себе Серго Орджоникидзе.

В кабинете наркома собралось человек пятьдесят. Среди горняков были Стаханов, Петров, Дюканов, забойщик горловской шахты «Кочегарка» Артюхов (перед отъездом в Москву 4 ноября он вырубил 536 тонн угля), слушатель Промакадемии Никита Изотов, навалоотбойщик из Красного Луча Молостов, активистка-домохозяйка Ляхова, начальник участка шахты «Комсомолец» Безукладный и другие. Присутствовало несколько москвичей, в том числе фрезеровщик Гудов, сверловщица Нина Славникова. В числе приглашенных находились и ткачихи Виноградовы.

Серго встретил стахановцев с такой непосредственностью, как будто это его старые и близкие знакомые, с которыми он общается ежедневно, хотя в лицо увидел их впервые. Когда он появился в кабинете, резким жестом руки не дал разойтись аплодисментам, с каждым поздоровался, попросил сесть — никто не садился, пока Серго обходил гостей.

Серго предложил:

— Давайте просто, по-домашнему, побеседуем... Да-

вайте будем задавать друг другу вопросы. Согласны? У меня есть вопросы к товарищам Стаханову, Петрову, Артюхову... Вот вы даете уголь, на молоток дошло до 552 тонн за смену. Но то рекорд. А меня интересует повседневная работа. Скажите мне следующее: вы уголь рубаете, допустим, по 33 тонны каждый, вместо 11 тонн по норме, — можно ли втрое сократить число людей в лаве? Как ты смотришь, товарищ Стаханов?

Стаханов ответил, что, имея пять забойщиков в лаве, можно обеспечить добычу в 300 тонн. К этому надо прибавить крепильщиков. Да, число работников можно сократить, но вряд ли втрое.

Орджоникидзе задает вопрос одновременно Стаханову и Петрову:

— На ваше число лав в шахте сколько было забойщиков раньше, сколько теперь?

— Было 190, стало 150, — отвечает Петров.

— Сколько человек всех профессий дает на вашей шахте по две нормы? — допытывается Серго.

— Около 500...

— Если на шахте «Ирмино» подобрать как следует забойщиков, расставить их — можно удвоить добычу? — спрашивает Серго.

Стаханов отвечает, что вырубить можно, а вывезти, наверное, нельзя: подземный транспорт не справится.

Характер вопросов показывает: нарком хочет знать, что получит от стахановского движения народное хозяйство в целом. Конечно, нельзя рассчитывать на утроение добычи каждой шахты. Но если бы только удвоить — шутка сказать! — как выиграла бы страна.

Орджоникидзе обращается к Артюхову:

— Как с заработками?

Артюхов отвечает:

— Раз производительность повысилась, факт, что деньги есть. Деньги у ребят есть, а вещи купить негде.

В ответ на вопросы Серго выясняется, что с продуктами, напротив, дело обстоит нормально. В магазинах достаточно мяса, жиров, круп.

Выступает навалоотбойщик Молостов, машинист электровоза Мельников. Орджоникидзе опять интересуется: можно ли удвоить добычу? Ответы такие: и можно, и нельзя. Каждый рабочий в отдельности сможет, а все вместе нет: дело упирается в организацию труда и производства.

Выступают Никита Изотов, Дуся Виноградова, Бусыгин и другие.

Серго сидит глубоко задумавшись: видно, большое впечатление произвели на него рассказы стахановцев. Потом заговорил:

— Когда я услышал о стахановском движении, — я тогда болел, — вызвал к себе ряд работников и поставил вопрос: стахановское движение — хорошее дело, а можем мы пятилетку в четыре года выполнить? Наши хозяйственники, кажется, большие сторонники стахановского движения, всемерно аплодируют ему, но не любят одного вопроса: если стахановское движение хорошее дело, то можно ли программу увеличить? Для чего нам это нужно, если один Стаханов будет рубать, а остальные будут смотреть? Если работать, так надо всем. От хорошей работы Стаханова и ему стало хорошо, и государству стало хорошо, а это государство — наше государство, пролетарское государство...

Серго поднимается, широко разводит руками, как бы желая сразу обнять всех собравшихся.

— Это наша гордость — это наши ребята, наши дочери, наши сыновья, наши братья... — продолжает Серго. — Смотришь на них, на Дусю Виноградову, на Нину Славникову — и хочется обнять их, расцеловать и сказать: вот дочь Октябрьской революции, посмотрите, как она работает! Где еще в мире можно это видеть? Нигде... Ленин говорил: основное — это рост производительности труда, и он добавлял, что мы в нашей стране должны показать образцы такой высокой производительности труда, какой никогда не будет в капиталистических странах.

Серго говорит, что стахановское движение, если его возглавить, поможет удвоить получение продукции с существующих предприятий.

И заключает:

— Пусть на меня товарищи Стаханов, Бусыгин и Виноградовы не обижаются, но, очевидно, будут и другие стахановцы, Бусыгины и Виноградовы, которые дадут еще больше их.

Тут впервые раздались запрещенные в начале беседы аплодисменты...

На следующий день, 14 ноября 1935 года, началось Всесоюзное совещание стахановцев. Его открыл Серго Орджоникидзе и первое слово предоставил Алексею Стаханову. В течение четырех дней трибуной Большого

Кремлевского Дворца владели люди, принесшие с собой из шахт и заводов великий опыт социалистического творчества.

Выступило 49 рабочих и работниц — среди них были кузнецы и ткачихи, забойщики и паровозные машинисты, сталевары и сверловщики, бумажники и грузчики, люди двух десятков профессий. Многие рассказывали не только о том, как достигли наивысшей производительности, но и сравнивали советскую жизнь с прошлой.

Руководители партии и правительства внимательно слушали все выступления, задавали вопросы, подавали реплики. Все это придавало совещанию характер живой беседы.

Сверловщицу Нину Славникову Микоян расспрашивал о заработках. За месяц Нина заработала 886 рублей, а подруга Маруся Макарова, с которой она соревнуется, — 1336 рублей. Маруся собирается купить себе молочного цвета туфли за 180, крепдешиновое платье за 200, пальто за 700. «Здорово!», «Вот это да!» — кричали из зала и аплодировали. Для 1935 года это действительно было здорово.

В декабре 1935 года состоялся пленум Центрального Комитета ВКП(б) с повесткой: «Вопросы стахановского движения в промышленности и на транспорте». С докладами выступили народные комиссары. Были приняты решения большой государственной важности, определены направления стахановского движения.

Через три с половиной года XVIII съезд партии имел все основания подчеркнуть историческое значение стахановского движения. «Оно привело к мощному подъему производительности труда в промышленности и в других отраслях народного хозяйства. Производительность труда в промышленности за вторую пятилетку увеличилась на 82 процента против 63 процентов по плану, а в области строительства производительность труда за этот период увеличилась на 83 процента против 75 процентов по плану второй пятилетки».

Впервые в истории СССР рост производительности труда происходил столь высокими темпами!

Пожелание Серго было осуществлено. Вышли в свет книги Алексея Стаханова, Александра Бусыгина, Ивана Гудова, Евдокии Виноградовой и других запевал социа-

листического соревнования. Стаханов, как советовал Серго, был приглашен в Москву, его поселили в гостинице «Москва», и я беседовал с ним по десять часов в день, делая записи для книги. Стаханов говорил, что ему легче было бы ставить новые рекорды в шахте, чем «разговаривать под стенографисток».

Приведу отрывки из записей рассказа Стаханова, сделанных 35 лет назад.

«Жизнь у меня обыкновенная, простая.

Я сам из-под Орла. Родился в 1905 году, в деревне Луговой Островской волости Ливенского уезда Орловской губернии. Отец мой, Григорий Варламьевич Стаханов, не имел ни кола ни двора. Женившись, он перешел жить в хозяйство моей матери Анны Яковлевны. В семье, кроме меня, были две сестры: старшая, Ольга, родилась в 1904 году, а в 1912 году родилась младшая — Пелагея.

В детстве не помню ни одного светлого дня.

В 1914 году отца забрали на фронт. Девятилетним мать отдала меня внаймы кулаку. Вся плата была — харчи и вспашка четырех десятин нашей земли. Даже штанов не дал хозяин, и ходил я вечно в лохмотьях.

Вставал с зарею, целый день пас скот, а вечером работал во дворе. Зимой ухаживал за скотом, убирал конюшню. Когда ложился спать, не чувствовал ни рук, ни ног.

В 1915 году я вернулся к матери, но дома нечего было есть, да и нечего было делать. Единственную лошаденку царские власти забрали для армии.

Одиннадцати лет меня отдали подпаском, где я проработал три сезона подряд. Платы опять же никакой, работал за харчи, которые мне давали каждый день в другом дворе.

Тогда же на зиму поступил в школу. Проходил три зимы; и хотя было очень трудно, я все же научился читать, писать, узнал четыре действия арифметики.

Февральскую и Октябрьскую революции я мало помню. Мне едва было двенадцать лет, да что я тогда понимал? Запомнилось только одно: когда пришла весть, что скинули царя, наши мужики первое, что сделали, — пошли разносить имения помещиков Пожидаева, Попова, Адамова, Карцева, Ефанова и других.

Однажды вместе со взрослыми пошла группа мальчуганов, среди них и я. Мы забрались в помещичий дом

Адамова, полезли в подвал и нашли там много старых конторских книг. На них мы и набросились. Писать было не на чем, а тут бумага для занятий.

Помню большую радость, которая охватила всю деревню, когда прочитали декрет Советской власти о передаче помещичьей земли в пользование крестьянам. И мы, дети, разделяли радость взрослых.

Всю землю помещика Попова роздали крестьянам, его усадьба перешла к государству. Помещичий сад Пожидаева передали Союзу учителей города Ливны. В этот сад я поступил сторожем.

Запомнился мне октябрь 1919 года. Белые наступали по всему фронту. Отчетливо помню месяц деникинской власти в нашей деревне. Все замерло, как на кладбище. Только кулачью было приволье.

Незадолго до прихода белых вернулся домой мой отец. Еще в 1915 году он попал в плен в Австрию, и продержали его почти четыре года. Много горького он нам рассказывал про австрийский плен. А тут новые мытарства от белых. Деникинцы бессовестно грабили крестьян, забирали буквально все: хлеб, лошадей, коров, свиней, овец, домашнюю птицу, одежду. Пришли они и к нам в дом. Отец не стал отдавать последнее. Деникинцы плетками избили его до крови.

Вся деревня радостно встречала возвращение красных. Наступила новая пора.

Конечно, не все сразу пошло хорошо. И у нас дома не все было гладко. Правда, зимой 1919 года отец купил лошадку — помог комбед. Сами начали вести хозяйство. Вскоре отца избрали председателем сельской кооперации, и весь 1920 и 1921 годы я жил при отце, помогал ему в хозяйстве. Но вот голод 1921 года опять выбил нас из колеи. Есть было нечего, топить было нечем. Вместе с отцом мы уходили в лес рубить дрова и этим зарабатывали себе топливо. Работая в лесу, в сырости и холоде, отец тяжело заболел и летом 1922 года умер.

Не успели мы опомниться от тяжелой утраты, как в том же году, осенью, умерла мать. Остался я с двумя сестренками. Старшей было восемнадцать, мне шел семнадцатый, младшей было десять.

Чтобы существовать, в 1923 году батрачил на кулацкой мельнице. Летом кулацкий хлеб косил, убирал, молотил, а зимой в конюшне, да еще хозяин заставлял самогон варить ему. Плата была — харчи и три рубля в

месяц. Проработал я у кулака более трех лет. Про учение, про книжки и говорить нечего было.

Узнал как-то хозяин о моей мечте иметь свою лошадь и говорит: «Работник ты хороший, старайся, я тебе отдам коня по своей цене». У меня тогда рублей пятнадцать денег было накоплено, отдал их ему в задаток. Он год или больше деньги за коня с заработка удерживал и в конце концов надул меня.

В 1926 году я вернулся домой к сестрам. Стал помогать им в хозяйстве. Родной брат моего покойного отца, Василий Варламьевич Стаханов, помог нам засеять землю. Вместе с ним мы и убирали. Но эта жизнь не удовлетворяла меня. Я искал чего-то лучшего. Долгие ночи не спал, думая, как быть, что делать дальше? С чего начать жить? Мне шел уже двадцать первый год, а одеться не во что, стыдно показаться на людях.

Вот тогда и родилась у меня мысль пойти на шахту. Трудно было оторваться от земли, но ничего не поделаешь.

В Кадиевку на шахту «Центральная-Ирмино» я попал не случайно. Там в 1927 году уже работало до тридцати моих земляков: Зибаров, Малыхин, мои однофамильцы Петр и Роман Стахановы и другие. Они-то и посоветовали мне поехать в Донбасс. Говорили: «Шахта не кулак, а дело государственное. Заработки хорошие, и жизнь другая».

И вот в 1927 году, в марте я приехал на шахту «Центральная-Ирмино». Приехал в лаптях, сундучок за плечами. Расчет был нехитрый — подработать за лето деньжат, скопить — вот тебе и конь (мечтал я о белом в яблоках...), а земли Советская власть дала вволю.

Вышел из поезда и направился к земляку Стаханову Роману, который жил со своей матерью. Переночевал там, а наутро пошел в наряд. Скажу откровенно: шахты я боялся страшно и все припоминал слова деда: «Шахта — это каторга. Убьешь силу свою зря, пропадешь...»

И вот я еду на шахту... Вижу, как из труб валит дым, и думаю, что эти трубы из самой глубины шахты идут и что там приходится работать все время в дыму.

Обратился к нескольким начальникам участков с просьбой принять меня на любую работу. Мне отвечали: «Приема сейчас нет». Пару дней толкался среди шахтеров. Настроение было поганое. Но тут я приглянулся начальнику участка «Бераль-Запад» Туболеву. Мне шел

двадцать второй год, парень я был рослый. Это, наверное, понравилось Туболеву. Он дал мне приемный листок, и я пошел оформляться.

Послали в больницу. Врач осмотрел меня и признал годным. В личном столе взяли мои документы. Зачислили тормозным. Квалификация, признаться, никудышная, но я согласился. Пошел в ламповую, получил там номер, который прикрепил к гимнастерке булавкой, и желанную лампу.

Послали меня работать в напарники к Роману Стаханову. Он служил коногоном.

Иду в надшахтное здание. Одет я был не как все шахтеры, а так, как приехал из родной деревни: в белых полотняных брюках и в пеньковых лаптях с длинными бечевками. Теперь таких не увидишь. Но и тогда надо мной стали смеяться. Свистят, тюкают, а особенно девчата-откатчицы. Приехал, мол, барин в белом костюме.

Сел в клеть. Раздались сигналы рукоятчика, и клеть опустилась. В животе почувствовался холодок. Пригнул голову, весь съежился и жду чего-то страшного. Казалось, что мы проваливаемся. Потом забило дыхание и почудилось, что я лечу вверх. Но вот мелькнул свет, послышались голоса, и клеть остановилась.

Попал в освещенный рудничный двор — квершлаг. Пошел с группой шахтеров. Вскоре мы очутились в темном коридоре — штреке. Светили лишь наши лампочки. Временами спотыкаюсь, попадаю в водосточную канавку. Местами глубокие лужи. Навстречу со свистом пару раз пронеслись коногоны.

Пришел с напарником на конюшню. Он взял своего вороного коня Красавчика. Я увидел много лошадей и сразу успокоился. Лошади мне были близки, дело знакомое. Возле ствола стоял ящик, откуда Роман взял сцепки, а я тормоза. Удивила меня шахтная упряжь. На лошади — масса железа, все звенит, гудит.

Запрягли коня, прицепили шесть порожних вагонеток и поехали по коренному штреку на участок: «Бераль-Запад». Все бы уже хорошо, да вот не ладилось с лампочкой. Тогда на шахте были допотопные лампы Вольфа. Через каждые несколько минут лампа потухала оттого, что я не умел держать ее как следует. То и дело бегал к ламповосу менять лампочку. Приходилось идти по штреху в темноте, ударялся лбом о верхняк, искры из глаз сыпались.

Тормозной работает с коногоном на пару. Его обязанность при быстром ходе с уклона партии вагонеток (груженые вагонетки называют в шахте «партией») тормозить их. Для торможения употреблялись обыкновенные деревянные палки, желательно дубовые, или кусок железной трубы. Наша работа состояла в том, чтобы, как говорится, «вставлять палки в колеса». Тормозить нужно, во-первых, для того, чтобы быстро идущая партия не била по ногам лошадь, и, во-вторых, когда партия подходит к стволу, чтобы она не столкнулась со стоящими впереди вагонетками. Работа тормозного хотя и простая, а приходится глядеть в оба.

Когда я пришел в шахту, еще существовала старая, нетоварищеская привычка разыгрывать новичков. Вот вагонетка сошла с рельсов. Чтобы ее поставить на место, надо лечь в нее, поднять ноги и, упираясь ими в потолок, спиной перегибаясь, передвигать вагонетку. Это называется сделать «лимонадку». Когда у меня впервые забурилась партия, мне сказали, чтобы я пошел к стволу и принес... «лимонадку». Не зная, что это такое, и стараясь быть послушным, немедленно отправился. Спрашиваю у стволового: «Где мне взять лимонадку». Он смеется и показывает на огромное бревно, которое и четыре человека не поднимут. Вернулся и сказал, что лимонадку я нашел, но принести сам не могу. Прошу пару человек на помощь. Тогда поднялся дикий хохот. Коногоны от смеха за животы держатся, а я ничего не пойму. Потом мне рассказали, в чем дело, и стало очень обидно. Я считал несправедливыми насмешки над новым человеком. И дал себе зарок никогда этого не допускать. За время работы в шахте через мои руки прошла масса людей, и всегда я их оберегал от злых шуток.

Первая упряжка (смена в шахте зовется «упряжкой») была для меня уроком. Понял, что должен делать тормозной. К концу смены и лампочка перестала гаснуть. И шишки перестал набивать на лбу. Напарник похвалил меня и сказал: «Дело будет».

Выехали на-гора, то есть на поверхность. Случайно увидел свое лицо в стекле окна нарядной. Весь в угле, блестят только белки глаз и зубы. Мой белый костюм, конечно, нельзя было узнать, я перестал выделяться, и никто уже не обращал на меня внимания. Я стал похож на всех тех, кто глубоко под землей добывает, как пишут в газетах, «черное золото».

Золото золотом, но вот вопрос — как умыться и переодеться? Я не знал, что возле шахты есть баня. Пошел, как есть, грязный, домой. Там опять насмехаются. Пришлось взять с собой чистую одежду и пойти в баню.

На другой день, когда спустился в шахту, я уже был вроде своим человеком. Сам запрягал лошадь. Спешил скорее прицепить партию порожняка и мчался на участок, чтобы побольше вывезти угля. Соревнования официального не было, но как-то само собой стремились лучше работать, тем более что от этого заработок увеличивался.

Тормозным я проработал три месяца. Жилось это время трудновато. Денег из деревни не привез — их не было, а зарабатывал мало.

Мать Романа Стаханова, где я квартировал, предложила мне столоваться у нее и запросила тридцать пять рублей. Я же всего в месяц мог заработать едва пятьдесят. Отказался, так как знал, что другим ребятам питание обходится рублей в тринадцать-пятнадцать. Она стала меня упрекать в неблагодарности: мол, сколько времени тебя на квартире продержали, а теперь ты на питание перейти не соглашаешься. Ушел жить к другому земляку, семейному рабочему Волкову. Он с меня брал 15 рублей в месяц за стол и квартиру. Тогда Роман Стаханов отказался работать со мной. Но я не испугался. Не хочешь — не надо! Пошел тормозным к другому коногону — Мирошниченко.

Проработал еще с полмесяца, а потом решил: чем я хуже других, и сам сумею коногонить. Заявил десятнику по движению. Тот сначала не соглашался — думал не справлюсь, а потом пустил меня на участок «Бераль-Восток» для испытания.

Нечего и говорить, что я в этот день старался работать изо всех сил. Обычно коногоны делали по пять заездов, а я сделал семь. Тогда десятник назначил меня коногоном на все участки: я должен был подменять тех, кто не выйдет на работу (тогда прогулы были частые). Потом я осел коногоном на участке «Бераль-Запад» и там проработал почти год.

Обращался с лошадьми хорошо, ведь с детства люблю их. Разговаривал с ними, и казалось, что лошади меня понимают. Подойдешь к Букету, скажешь ласковое слово, а он потрется мордой о плечо. Приносил ему с поверхности бутылочку сладкого чая и хлеба. Однажды по-

казал, где ставлю чай. На следующий день Букет сам подошел к этому месту, ухватил бутылку зубами, задрал голову, выпил, а потом закусил булочкой. Букет отвечал мне взаимностью, частенько выручал из беды. Забуримся, тяжело самому поднять вагонетку и поставить на путь, тогда я подгоняю все вагоны один к одному, Букет сильно рванет, а я ставлю вагон на рельсы.

Коногоны на шахте считались самыми боевыми людьми. Это были задиры. Ходили с длинными кнутами, с большими чубами и носили фуражку набекрень. Как засвистит, бывало, коногон на коренном штреке, так некоторым молодым шахтерам даже страшновато становилось. Среди коногонов были и хулиганистые парни. Напьется, шумит, к девушкам пристает. Девчата замуж боялись выходить. Между тем у коногонов ухарство напускное. Это были в большинстве обыкновенные, хорошие ребята.

Много песен про жизнь и работу коногонскую распевалось на шахтах. Распевал их и я. Только песни были не те, что теперь. Пелись они все на жалобные мотивы. Самая известная дореволюционная песня коногонов — «Вот мчится партия с уклона», — слов всех точно не помню, но поется так:

Вот мчится партия с уклона
По продольной коренной,
А молодому коногону
Кричит с вагона тормозной:
«Ой, тише, тише, ради бога,
Впереди большой уклон,
Здесь неисправная дорога,
С толчка забурится вагон!»
А коногон его не слушал
И все быстрей лошадку гнал.
И вдруг вагончик забурился,
Коногон под партию попал.
Я мимо партии промчался:
«Спасите друга моего!»
И вдруг назад я оглянулся,
Стоит вокруг народ толпой,
А молодого коногона
Несут с разбитой головой.

Расстался я с Букетом в августе 1928 года: меня вызвали на призывную комиссию в город Ливны. У меня были больные ноги, зачислили во вневойсковое обучение. Вернулся обратно на шахту через месяц. Две недели отдыхал: мое место коногона было занято. Временно по-

шел отгребщиком на участок «Никанор-Запад» на горизонте 120 (на глубине 120 метров), а потом опять стал коногоном. Не хочу хвалиться, но работал я не хуже других.

У Волкова на квартире жилось неплохо, но очень скучно. Волков человек пожилой, а я молодой. Компании у меня не было, так как молодежь собиралась по холостяцким общежитиям. В одном из общежитий сколотилось человек двадцать моих земляков, молодых ребят. После моего возвращения из Ливен я решил перейти в это холостяцкое общежитие. Большая комната, 22 кровати. Зато я стал жить среди своих.

В свободное время мы собирались группами человек по восемь-десять, брали с собой гармонь. Гармонистом в нашей компании был Володя Мягкий. Учился и я немного на гармонии играть. Пойдем, бывало, в сад или на речку. Девчат прихватим в компанию. Гуляем по саду, песни поем, пляшем. Песни мы любили все больше красноармейские, военные.

Питались мы в общежитии. Во время получки вносили выбранному старосте деньги. Он их выдавал кухарке, которая закупала продукты и готовила пищу.

В общежитии я познакомился и подружился с кухаркой Дусей. Эта красивая женщина пришлась мне по душе. В октябре 1929 года мы поженились. Дали мне семейную квартиру.

Надоело работать коногоном. Донбасс механизировался. Привезли и к нам на шахту врубовую машину. Потянуло меня туда. Конечно, на машину я сразу не мог попасть. Решил пойти отбойщиком за врубовой машиной. Работали мы на пласте «Никанор-75». На отбойке я работал до 1932 года, показал неплохие результаты.

Родилась у меня к этому времени дочка. Созвал я своих родичей и знакомых, попировали на радостях, как полагается. А я подумал: семья прибавляется, надо побольше заработать.

На шахте появились отбойные молотки. Они меня очень заинтересовали. Когда наш участок переводился на отбойные молотки, попросился и я на это дело. Мне доверили молоток сразу. Объяснили, как с ним обращаться; но с первых же дней работы меня стали преследовать трудности: то одно не ладится, то другое. Сказывалась и моя малограмотность. Но упорство брало верх. Я помню, норма тогда на отбойный молоток была 3 мет-

ра, или 5 тонн. Благодаря стараниям, я иногда вырубал 5 метров, или 8 тонн.

Хотелось подниматься выше, потянуло к учебе. В 1934 году, в сентябре, меня направили на курсы забойщиков на отбойных молотках. Тут я учился четыре месяца без отрыва от производства. Учеба очень многое дала, стал разбираться в молотке до тонкостей. Я сам мог уже устранить почти любую неполадку. Курсы закончил на «отлично».

А тут у нас стали готовиться сначала к соцтехэкзамену, а затем к гостехэкзамену. Хотя я уже неплохо владел отбойным молотком, но чувствовал большую тягу к повышению квалификации. Опять же пошел учиться. Аккуратно посещал курсы по подготовке к гостехэкзамену.

Парторгом на нашем участке был забойщик Мирон Дюканов. Мирон предложил мне общественную нагрузку — обучать отстающих забойщиков. Общественная работа мне нравилась, и я стал ближе к партийной организации. Партийцы стали мне поручать задания: проводить подписку на заем, вести подписку на журналы и газеты. Стал посещать собрания, иногда выступал.

Так было до конца августа 1935 года, а то, что произошло в ночь с 30-го на 31-е, теперь всем известно...»

Группа зачинателей стахановского движения, в том числе Стаханов, Петров, кузнец Бусыгин, фрезеровщик Гудов, метростроевка Федорова были посланы на учебу в существовавшие в то время в Москве промышленные академии. Война прервала учебу. 22 июня 1941 года каждый стахановец увидел свое место в боевом строю на фронте. Но судьбой каждого из них страна распорядилась по-разному. Петров и Дюканов были призваны в армию, Дюканов погиб на Калининском фронте. Алексей Стаханов был послан партией на угольный фронт, в Казахстан. Уже в первые месяцы войны Донбасс оказался под ударом, все надежды страна устремила на восток, где созданная в годы пятилеток новая угольно-металлургическая база должна была стать арсеналом грядущей победы. Стаханов был назначен начальником карагандинской шахты № 30.

— Без угля наша Родина была бы безоружной, —

говорил Стаханов на собрании горняков Караганды. — Каждая тонна угля — удар по врагу!

После войны Стаханов работал несколько лет в Министерстве угольной промышленности. Он руководил сектором социалистического соревнования, следил за починами послевоенных стахановцев, выезжал в угольные бассейны, помогал популяризации опыта новаторов.

В 1957 году Алексей Григорьевич возвратился в родной Донбасс. Одно время он работал в тресте, затем перешел на шахту. Там, на шахте № 2-43 в городе Торезе (бывшая Чистяковка), я встретился с ним в 1964 году, когда он стоял на пороге своего шестидесятилетия. Он работал помощником главного инженера. Мы посидели несколько часов в его квартире на окраине города, рядом с шахтой, в одноэтажном домике, типичном для донецких поселков. С удовольствием вспоминая прошлое, славное время довоенных пятилеток, Стаханов был полон забот сегодняшнего дня.

— Не буду кривить душой, наше время, нашу молодость вспоминать приятно, да с тех пор много воды утекло, — заметил Алексей Григорьевич. — Сколько геройских имен породил Донбасс послевоенный! Тут тебе и Мамай, и Кольчик, тут и Кузьма Северинов, и Иван Стрельченко... На своей шахте мы стараемся поддержать все новое, пусть оно и не у нас зародилось. Как много лет назад весь Донбасс шахту «Центральная-Ирмино» поддержал...

Имя Николая Мамая стало греметь как раз в то время, когда Стаханов возвратился на работу в Донбасс в 1957 году. Мамай работал бригадиром забойщиков на шахте № 2 «Северная» в Краснодоне.

— Это город знаменитый, там молодогвардейцы действовали, — заметил Стаханов.

Мамай был недоволен тем, как принимались обязательства в соревновании. Примут в январе на весь год коллективное обещание, а там, смотри, забывается. Бригада Мамая предложила так организовать соревнование, «чтоб каждого за душу брало», чтоб каждый виден был. Стали соревноваться не вообще на проценты, а на то, чтобы каждый забойщик добывал сверх плана одну тонну угля каждую смену. На шахте 300 забойщиков — значит, 300 тонн. Мамаевцы сначала по тонне в смену дали прибавки, а потом и по полторы.

Но тут подал голос бригадир шахты имени Лутуги-

на Александр Кольчик — теперь земляк Стаханова, из Тореза. «Мало, — говорит, — тонну угля сверх плана. Давайте еще соревноваться, чтоб на каждой тонне один рубль сэкономить». Взялись за рубль, а сэкономили по два.

— У вас в Москве экономистами ученых называют, а у нас экономистами прозвали таких, как Кольчик, — сказал Стаханов.

Упомянутый Стахановым Кузьма Северинов — это организатор первой в Донбассе бригады коммунистического труда в 1958 году. Когда я был у Стаханова в 64-м, весь Донбасс говорил о победителе в соревновании коллективов коммунистического труда — бригадире с шахты № 5-бис «Трудовская» Иване Стрельченко. Я спросил Алексея Григорьевича, как он оценивает его бригаду.

— У него бригада — что тебе целый участок, сто сорок человек. Они за месяц достали полсотни тысяч тонн угля. Это больше, чем вся моя «Центральная-Ирмино» давала в тридцать пятом... Участок механизированный, да горняки подобрались что надо, молодняк...

Вообще Стаханов изумлялся способностям молодого шахтерского пополнения.

— Ребята приходят не только здоровьем крепкие, но башковитые, с десятилеткой за плечами, — говорил Алексей Григорьевич. — Будь у нас такие хлопцы на «Центральной-Ирмино» тогда, в тридцать пятом, мы бы еще и не такое показали... Да и шахты теперь иные в Донбассе. Мы когда-то радовались отбойному молотку, а теперь тут горные комбайны, проходческие машины, струги и целые комплексы, при которых горняку надо нажимать не на мускулы, а на технические знания.

Алексей Стаханов выглядел почти таким, каким я встретил его осенью 1935 года, вскоре после рекорда. Конечно, годы свое берут. Его прежде рыжеватые волосы тронула седина. Но в глазах светился живой огонек, а в рукопожатии ощущалась сила. В беседе, в манерах он оставался прежним скромным забойщиком, без претензий на знаменитость.

В августе 1970 года в Донецке собрался цвет новаторов восьмой пятилетки. Шел ее завершающий год. Лучшие люди Донбасса думали над тем, как встретить XXIV съезд Коммунистической партии. Среди собравшихся шахтеров, сталеваров, химиков, строителей было

много таких, кто успел уже перевыполнением планов вступить в новую, девятую пятилетку.

Алексей Стаханов был почетным гостем этого слета. С особым волнением он слушал выступления горняков. Если в 1935 году вся его шахта боролась за 1000 тонн угля в сутки, то теперь в Донбассе имелись 22 лавы, каждая из которых с помощью комбайнов выдавала в сутки свыше тысячи тонн «черного золота».

На трибуну поднялся Алексей Стаханов.

— Смотрю на тех, кто собрался здесь, — сказал он, — слушаю выступления и снова убеждаюсь: дело, начатое старшим поколением, находится в крепких руках.

Этим было сказано все.

Через несколько дней после донецкого слета Стаханов прилетел в Москву на празднование Дня шахтера. На вечере в Колонном зале Дома Союзов министр угольной промышленности в третий раз вручил славному ветерану Донбасса знак «Шахтерская слава», — теперь он стал кавалером «Шахтерской славы» всех трех степеней. А через несколько дней в тесном кругу старых друзей — первооткрывателей движения новаторов Ивана Гудова, Татьяны Федоровой, близких товарищей — москвичей, 65-летний Алексей Стаханов, молодой духом, веселый и озорной, вспоминал о событиях тридцатипятилетней давности так, как будто они происходили вчера, говорил, как о самом обыкновенном, но запалялся, когда речь пошла о будущем. Он посмотрел на одного из товарищей косо и с улыбкой, выражающей недоумение, когда тот осторожно спросил, не помышляет ли Алексей Григорьевич об отдыхе. «Что, на пенсию?» — с удивлением спросил Стаханов, сложил руку в кулак и поднял его высоко над головой, не то угрожая товарищу, неосторожно задавшему вопрос, не то желая продемонстрировать силу.

23 сентября 1970 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ: за большие заслуги в развитии массового социалистического соревнования, за достижение высокой производительности труда и многолетнюю деятельность по внедрению передовых методов работы в угольной промышленности помощнику главного инженера шахтоуправления № 2-43 комбината «Торезантрацит» тов. Стаханову Алексею Григорьевичу присвоить звание Героя Социалистического Труда.

Вручение Стаханову Звезды Героя было воспринято людьми старшего поколения, как честь, оказанная всему

стахановскому племени первых пятилеток. А для молодежи это имя, о котором они знали лишь из книг, из учебников истории, теперь ожило, как имя славного современника.

И ринулся поток писем к Стаханову в Торез со всех концов страны... Старые вспоминают о былом, молодые делятся сегодняшними радостями и заботами.

В начале 1972 года Стаханову стало известно о соревновании, вспыхнувшем на стройке Камского автомобильного завода. Этот завод не обычный, а гигантский автомобильный комплекс — крупнейшая новостройка девятой пятилетки, осуществляемая на берегу Камы, в когда-то тихом городке Набережные Челны. В Директивах XXIV съезда нашей партии было записано: «Создать комплекс заводов по производству автомобилей в Татарской АССР...».

Мы хорошо знаем, что означает строка в партийной директиве! К февралю семьдесят второго года там было уже более 50 тысяч строителей! Началось возведение производственных корпусов, десятков современных жилых домов и всего, что нужно будет населению нового города: магазинов, школ, учреждений культуры...

Люди собрались со всего Советского Союза: тут и молодежь по комсомольским путевкам, и опытные рабочие, только что построившие автомобильный завод на Волге, в Тольятти, юноши и девушки, призванные из городов и сел Татарии, и специалисты — проектировщики, технологи, конструкторы из старых индустриальных центров. Люди разные, но всех их сплотил энтузиазм соревнования, порожденный и величием и трудностью поставленной задачи.

Фронт работ громадный. Им можно овладеть только общими усилиями, если идти вперед всем в ногу. Даже небольшое отставание в одном месте может ослабить всю цепь наступления. «Перевыполнять задание каждый день, каждую неделю, каждый месяц, перевыполнять на каждом объекте при высоком качестве!» — с таким призывом ко всем строителям КамАЗа обратилась бригада монтажников, возглавляемая Раисом Салаховым. И как всегда бывает у советских людей: доброе нашло быстрый отклик.

Бригада монтажников Виктора Деребизова, бригада штукатуров-маляров Асии Султановой, бригада отделочников Люции Шамсутдиновой и еще десять других бригад

ответили Раису Салахову согласием соревноваться, а за ними потянулись сотни и тысячи строителей. При этом Люция Шамсутдинова выдвинула, как она ее назвала, «ударную формулу» соревнования: вдвоем трудиться за троих, то есть выполнять по полтора задания.

Девиз Раиса Салахова с прибавкой от Люции — вот что показалось особенно интересным Алексею Стаханову в соревновании строителей. В воздухе запахло ветрами первых пятилеток... Нахлынули воспоминания... И возникло желание в какой-то форме приобщиться к соревнованию молодых автостроителей.

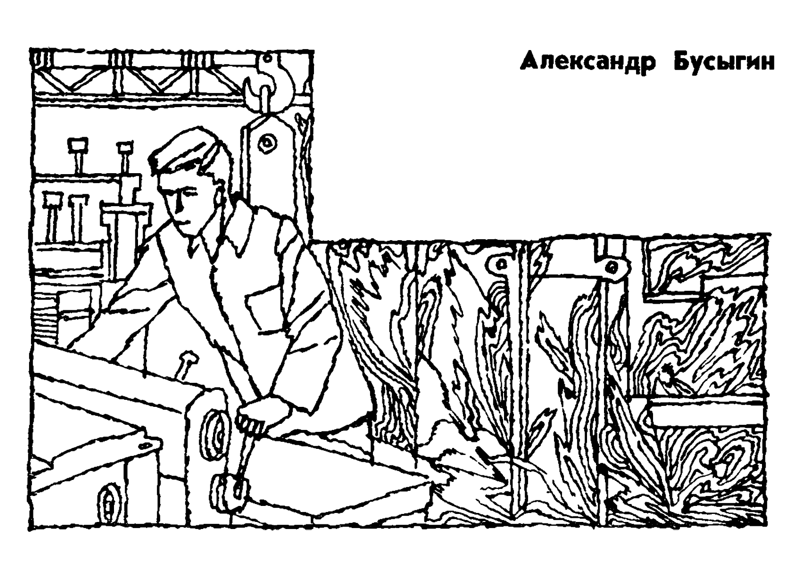
В газете «Советская Татария» 8 февраля 1972 года появилось подписанное Алексеем Стахановым и его знаменитыми сподвижниками — Иваном Гудовым, Петром Кривоносом, Марией Виноградовой, Александром Бусыгиным письмо-обращение, адресованное Раису Салахову, Виктору Деребизову, Люции Шамсутдиновой, Асии Султановой и другим инициаторам соревнования, всем строителям Камского автокомплекса.

«Приятно и радостно сознавать, — пишут ветераны, — что в ваших делах продолжают развиваться замечательные традиции нашего общества, что эстафета трудовых свершений, которую достойно несло наше поколение — ваши деды и отцы, теперь переходит в надежные руки энергичных, хорошо образованных, вооруженных самой передовой техникой строителей 70-х годов. Мы видим в вас, дорогие друзья, свою кипучую молодость, мы слышим в ваших девизах продолжение дел героических первых пятилеток».

Перевыполнять задания каждый день, каждую неделю, каждый месяц, перевыполнять на каждом объекте при высоком качестве — это требует высокой организованности всего коллектива. Здесь отдельными рекордами не двинешь дела. И вожаки соревнования тридцатых годов говорят молодым: «Ваша инициатива, дорогие наши друзья, дает хорошие всходы лишь в том случае, если вы своим примером увлечете всех строителей КамАЗа».

В газетах, по радио, на голубых экранах телевизоров пошла перекличка ветеранов соревнования с их юными последователями. «Правда» назвала ее «Перекличкой поколений». Прославленные герои первых пятилеток передают трудовую эстафету молодым строителям коммунизма.

Александр Бусыгин

В 1928 году, в канун первой пятилетки делегация советских хозяйственников посетила Соединенные Штаты Америки. Во время поездки по стране она встретилась с известным автопромышленником Крейслером. Разговор, естественно, шел об автомобилях. В нашей стране начиналось огромное промышленное строительство. Народное хозяйство испытывало острую нехватку транспортных средств. Начиная постройку собственных автозаводов, следовало учесть и по возможности использовать опыт, накопленный к тому времени американцами. Крейслер внимательно выслушал представителей Страны Советов и заговорил:

«Я сочувствую вашему стремлению построить автомобильный завод. Автомобиль — это не роскошь. Он вам нужен. И он, безусловно, вам нужен в большом количестве. Но, поверьте мне, если вы будете жадничать и пытаться создавать у себя на голой земле новую промышленность снизу доверху, не выйдет ничего. Мой совет: начинайте со сборки. И постепенно, приучая людей к делу, ставьте одно производство за другим: сперва более легкие детали, потом посложнее; лет этак через семь можно перейти к моторам. Этим путем идем и мы в новых делах. Не избежать его и вам».

Ответ оказался для него неожиданным: «Для нас этот путь не подходит».

«Но где, — воскликнул Крейслер, — вы найдете людей, которые могли бы на следующий день после постройки такого гигантского завода, который вы замышляете, стать у станков и завертеть такую машину? Нет, ничего у вас не выйдет».

Примерно то же самое сказал и Форд. Правда, вскоре он согласился оказать техническое содействие строительству автомобильного завода в Нижнем Новгороде, но не потому, что стал думать иначе. Надвигался экономический кризис, и приходилось дорожить каждым заказом. Если бы в ту пору Крейслеру или Форду показали Александра Бусыгина и сказали, что этот крестьянский парень, став рабочим, ровно через семь лет превзойдет лучшие показатели, достигнутые на их заводах, они бы не поверили. Не поверил бы и сам Бусыгин. И не удивительно. Жил он тогда в глухой деревушке, где никто понятия не имел о королях американской автопромышленности, да и автомобилей в глаза не видел. Но именно Бусыгин такого успеха и добился.

Александр Харитонович Бусыгин родился в 1907 году в деревне Калеватовская Ветлужского района Нижегородской губернии. Говоря о детстве, он не может вспомнить ничего радостного. Семья была большой. За стол садилось 14 человек. А хлеба хватало только до середины зимы. От детства осталось одно ощущение — чувство голода: не было такого дня, чтобы не хотелось есть.

Вспоминается изба из одной комнаты, где жили старики и дети, мужчины и женщины, молодожены и их младенцы. Здесь же зимой держали телят и поросят. Вся «мебель» — это огромный деревянный стол, скамейки да полати. Скатертей, металлической посуды, простынь — ничего этого не было. Никто не умел ни читать, ни писать. Бумага и чернила в доме не водились, не говоря уже о книгах. Если приходило письмо — случай необычайно редкий, — обращались к единственному в деревне грамотею. Он же писал и ответ.

И еще запомнился Бусыгину на всю жизнь тот час, когда урядник пришел описывать за недоимки корову. Сколько было слез и унижений!..

Уже став взрослым, Бусыгин однажды услышал слова «золотое детство» и долго не мог понять их смысл. Совсем недавно, рассказывая об этом своим внукам, он го-

ворил: «Вот мой отец не злой был старик, а все же нам от него доставалось. Он все «ел» нас, пилил, точил. Увидит, что присядем, — давай ворчать. Старик все беспокоился о черном дне, боялся: а вдруг недород, вдруг заболеем, кто тогда поможет?» Внуки слушали с удивлением, даже недоверием; никак не могли уяснить, почему их дедушка никогда не учился в школе, и кто это мог обижать его, такого большого и сильного, заставлять работать с утра до поздней ночи.

А заставляла сама жизнь. Земли у отца было мало. Пахали деревянной сохой, мелко, удобрения не применяли. Сызмальства приходилось делать все: и во всех полевых работах участвовать, и за скотиной ухаживать, и лапти плести, и на заготовку леса уходить. Один год пришлось потрудиться в кулацкой кузнице, постоять у горна, у мехов, помучаться с тяжелой кувалдой. Не тогда ли впервые зародилась у него мечта стать кузнецом? Не тогда ли проявился ранний интерес к огню и металлу, сделавший его впоследствии выдающимся новатором? Такое предположение выглядит заманчиво...

Валерий Чкалов сам рассказывал Бусыгину, что смолоду решил стать летчиком. Академик С. П. Королев еще школьником мастерил планеры. Герой Социалистического Труда слесарь Сергей Антонов был подростком, когда сказал отцу, что пойдет в рабочие, причем непременно на завод имени Владимира Ильича продолжать дело рабочей династии Антоновых...

У Бусыгина этого не было. Он родился и вырос в деревне, где жили его предки. Здесь он рано познал крестьянскую долю. В восемнадцать лет женился. Через год у него родился первый сын. Примерно так же складывалась жизнь у его братьев и сестер, как в свое время у их родителей, у всех односельчан. Ни о какой другой судьбе Бусыгин тогда и не думал.

В октябре 1928 года началось осуществление первого пятилетнего плана. Страна покрылась лесами новостроек. Один за другим поднимались новые заводы, возводились целые города. Борьба за превращение СССР в индустриальную державу потребовала миллионы рабочих рук. Только за годы первой пятилетки общее число рабочих и служащих увеличилось более чем в два раза. В 1932 году городское население на 12,5 миллиона человек превышало уровень 1928 года. Три четверти новых горожан были

выходцами из деревни. Одним из этой восьмимиллионной армии был Бусыгин.

Спачала ему казалось, что он попал в Нижний Новгород случайно. Все началось с того, что братья и сестры, жившие дотоле в одной избе, надумали делиться. Земли теперь у всех было достаточно. Каждому захотелось иметь свое хозяйство. Деревянные ложки, посконные рубахи, армяки разделили без ссоры. А когда очередь дошла до скота и убогого сельскохозяйственного инвентаря, дело дошло до крепких слов и даже до драки.

На долю Александра, самого младшего брата, пришелся дом. И хотя дом был с прохудившейся крышей, а лошадь и корова достались другим, радовались они с женой неподдельно: наконец-то, мол, заживут самостоятельно, без отцовской указки! Но радость оказалась недолгой. Что это за хозяйство без лошади и телеги? Пришлось залезть в долги, ночи недосыпать, каждый кусок хлеба считать. Да и с лошадью мало что изменилось. Все чаще и чаще возникал вопрос: «Ну а как дальше?»

Много лет спустя Бусыгин прочитал знаменитые ленинские положения о необходимости перехода к крупному коллективному хозяйству в земледелии: «Мелким хозяйством из нужды не выйти» [1], и второе: «Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель» [2]. Прочитал и разволновался: «Так ведь это ж про меня, про нашу деревню».

В 1929 году Бусыгин ленинских слов еще не знал. Но, когда началась массовая коллективизация, одним из первых подал заявление и отвел лошадь на общий двор. В колхозе его выбрали бригадиром конюхов, и он с большой ответственностью взялся за порученную работу. Однако дела в артельном хозяйстве не ладились: сказывалось отсутствие опыта.

В это время стало известно, что в Нижнем Новгороде начинается большое строительство, нужны чернорабочие, возчики, землекопы, плотники. И на семейном совете было решено попытать счастье в городе.

Так осенью 1930 года двадцатитрехлетний Бусыгин впервые в своей жизни покидал деревню.

Из деревни он шел вместе со своим земляком. После

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 314.
[2] Там же, т. 32, стр. 187.

дождей грязь стояла непролазная. Сняли они сапоги, перекинули через плечо и двинулись босиком. Много часов понадобилось им, чтобы добраться до районного центра. Отсюда, от города Ветлуги, до Нижнего Новгорода шел пароход. Подсчитали деньги — на билет не хватает. Пришлось и дальше идти пешком.

Позднее, в 1939 году, описывая эти события, Бусыгин привел такую деталь:

— Прошли еще верст десять. Темно стало. Идем мы так в темноте. Пробуем для бодрости песню затянуть — не получается. А тут чувствуем, что с дороги сбились. Мне Карягин и говорит: «Щупай ногами колею, куда-нибудь она нас выведет». Так и сделали. Добрались до колеи и побрели по ней. Видим — вдалеке огонек мерцает. Крепко мы ему обрадовались... Вот так, с приключениями еле-еле добрались до Урени — это теперь центр моего избирательного округа. Из Урени товарным поездом доехали до Горького».

В 1971 году, когда Бусыгину показали этот отрывок из его воспоминаний, он сказал: «Да, тогда колея крепко помогла, потому она так и запомнилась. И написал я про нее, как про колею обыкновенную. А теперь бы внес поправку, назвал бы эту колею необыкновенной, потому что вывела она меня в люди. И еще я думаю: сколько же тогда людей вот по такой колее пришло к настоящей жизни! Наверное, как и я, каждый думал, что помог случай. На самом же деле это нам помогла Советская власть, это она нам всем открыла дорогу».

Итак, осенью 1930 года Бусыгин оказался в Нижнем Новгороде. В это время здесь шло сооружение многих крупных предприятий тяжелой индустрии. Председатель ВСНХ СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б) В. В. Куйбышев, летом приезжавший в город, на краевой партконференции сказал: «Тот уголок края, который я видел в Нижнем Новгороде, производит впечатление сплошной стройки. Едва ли я ошибусь, если скажу, что ни один город в нашем Союзе не может сравниться сейчас с Нижним Новгородом по количеству строящихся объектов и по размаху строительства». Не мудрено, что в таком городе Бусыгина на каждом шагу ждали открытия. Едва он успел опомниться от товарного вагона и шума паровоза (первая его поездка по железной дороге!), как мимо пронесся тяжелый грузовик, а вскоре на дороге показался трактор. И то, и другое чудища вконец поразили кресть-

янского парня. Ничуть не меньше удивили его каменные четырехэтажные дома. Подавленный всем увиденным, оглушенный непривычным для себя грохотом, Бусыгин с трудом отыскал контору Автостроя. Его зачислили без всяких проволочек. Стройка набирала темпы. Уже работало около 10 тысяч человек, а нехватка рабочих рук была по-прежнему острой. Требовались землекопы, возчики, просто разнорабочие. В тот день понадобились плотники, и он сразу согласился.

От первого дня на строительстве автозавода у Бусыгина в памяти осталось лишь самое общее ощущение — шум, грохот, гам, множество людей, беспрерывно движущиеся тракторы, грузовики, экскаваторы. Зазеваешься на миг — и попадешь под какие-нибудь колеса. Лишь потом стало ясно, что все основные работы делаются вручную, с помощью лошадей, а машинной техники не так уж много. Но после тихой, глухой деревушки с сотней жителей Автострой являл картину совершенно иного, можно сказать, сказочного мира, где царствуют механизмы и тебя то и дело поджидают загадки и неожиданности.

Теперь неловко вспоминать, но поначалу работал неважно. Никак не мог сосредоточиться, без конца озирался по сторонам, перед глазами стояли семья, дом, поле. Помог десятник. Сам в прошлом из деревни, он не только понял переживания Бусыгина, но и распознал в нем работящего человека. Это он подвел Бусыгина к доске, где мелом были написаны фамилии всех плотников и цифры, обозначавшие процент выполнения дневной нормы. Десятник Фомин не раз объяснял, что такое социалистическое соревнование и зачем оно нужно. Получалось все довольно просто и ясно: чем лучше будешь работать, тем больше получишь зарплату, тем уважительнее к тебе будут относиться.

Побольше заработать — это и было то, за чем Бусыгин пришел в город. Да разве он один? По вечерам в общежитии, где в основном жили пришедшие из деревни, главной темой разговора среди сезонников были деньги. Многие так и говорили: «Вот подзаработаем на лошадь и корову — тогда домой». Жили они обособленно, на всем старались экономить, каждая копейка была на счету. Кормились всухомятку, даже в столовую не ходили. Едва узнав, что где-то платят чуть побольше, мигом уходили с Автостроя.

Но были в бараке и старые, потомственные плотники.

Хотя семьи их жили в деревне, сами они давно перестали крестьянствовать. С одной стройки переходили на другую, многое повидали. Держались они дружно. По вечерам устраивали чаепития и обстоятельно рассказывали о себе, о жизни. Не раз вспоминали, как в старину приходилось наниматься к подрядчикам, терпеть их издевательства.

Бусыгин быстро заметил, что городская молодежь, особенно те, кто пришел из строительных школ, симпатизирует не сезонникам, а именно этим бывалым рабочим людям; одобрительно внимает их рассказам, переспрашивает, прислушивается к их советам.

Однажды после работы в общежитие пришли плотники с соседнего участка. У них что-то не ладилось, они просили помочь. Понятное дело, за день все устали одинаково, но многие поднялись и пошли. Когда Бусыгин присмотрелся к оставшимся, увидел, что все это сезонники, любители «длинного рубля». Некоторые ехидничали в адрес ушедших.

В другой раз он с интересом обратил внимание на огромную колонну молодых людей. Они задорно маршировали под звуки духового оркестра, потом дружно подхватили песню. Оказалось, это Нижегородский обком ВЛКСМ создал трехтысячную комсомольскую дивизию для работы на Автострое. Каждый день после выполнения обычной нормы юноши и девушки направлялись туда, где не хватало людей, где срочно нужно было помочь. Вечерами бойцы добровольной дивизии трудились бесплатно. Совсем усталые, они еще успевали проводить беседы о международном положении, о борьбе с кулачеством, о вреде религии. Часто выступали с концертами художественной самодеятельности. Их энергия и энтузиазм покоряли. Но кое-кому комсомольцы пришлись не по душе. «Нашлись артисты, заработок наш отбивать пришли».

Потом, когда ударили морозы, был объявлен общий аврал: надо было спасать плоты из покрывшейся тонким слоем льда реки. Тут уж Бусыгин не выдержал, принял участие. Мокрый, продрогший вернулся в барак и сам того не заметил, как очутился за общим столом, включился в коллективный разговор. Сначала, перебивая друг друга, вспоминали о только что случившемся, потом перешли на другие темы. В тот вечер он впервые с сожалением посмотрел на одного из своих соседей, который

на реку не побежал и теперь сидел бобылем, пил чай в одиночку.

Навсегда врезалась в память и такая картина. После смены, когда все стали расходиться, члены партии пошли очищать площадку от завала, образовавшегося при рытье котлована. Стемнело. Ночную мглу прорезали лучи прожекторов. Коммунисты продолжали работать. На следующий день в эти же часы работало уже значительно больше людей. Еще через день трудились едва ли не все строители. Вместе с другими энтузиастами работал Бусыгин.

Пройдет много лет. На экраны страны выйдет художественный кинофильм «Коммунист». Посмотрит его и Александр Харитонович. «Помните, — говорит он, — есть там такое место. Эшелон везет хлеб. Кончилось топливо. Паровоз остановился. Тогда большевик Губанов берет топор, пилу и начинает один валить лес. Он знает: идет гражданская война, люди голодают, их надо спасти. Постепенно его героический порыв заражает железнодорожников. От их пассивности не осталось и следа. И вот дрова заготовлены. Эшелон пошел.

Когда я смотрел этот замечательный фильм, думал про нашу молодость. У нас на Автострое было уже много Губановых, и мы шли за ними».

В канун 1 Мая 1971 года газета «Правда» опубликовала статью, в которой, в частности, описывалось, как отмечалась эта знаменательная дата на одной из больших строек времен первой пятилетки. В клубе в торжественной обстановке проходило общее собрание. На сцене стоял стол, покрытый кумачом. Когда начали чествовать передовиков, председатель постройкома, заглянув в бумажку, объявил: «Землекоп Селянин Федор за ударный труд награждается пальто бобриковым, новым. В количестве одного!» Грянул духовой оркестр. На сцену, пробравшись сквозь ряды присутствующих, вышел человек средних лет в сатиновой рубахе, без пояса, застенчиво приглаживая всклокоченные волосы. Из зала кричали: «Надень, примерь! Может, не подойдет!» И землекоп неловко напялил на себя пальто; оно коробилось на нем, как жестяное. «Ничего, Федор, сойдет. Бери!» А председатель объявлял нового ударника: «Федосеев Григорий, плотник, награждается штиблетами фабрики «Скороход», «Дутиков Иван, грузчик, награждается бельем из бязи — рубахой и подштанниками. Получай...», «Чибизову Коле, бригадиру мо-

лодежной бригады, вручается гармонь-двухрядка. Играй, Коля, весели ребят...» Медные трубы оркестра каждый раз гремели в честь лучших...

За давностью времени Бусыгин не помнит перечисленных фамилий, но убежден в том, что это было на Автострое. Во всяком случае, ему не раз приходилось бывать на подобных собраниях, видеть газеты с портретами ударников и их имена на Доске почета. Повсюду лучшими считались не те, кто больше других зарплату получал, а передовики соревнования, которым дороги были общие интересы стройки, всего коллектива. Конечно, ударники зарабатывали также хорошо, но не меньшее значение имел почет, воздаваемый им на Автострое.

Силу морального воздействия испытал на себе и Бусыгин. Случилось так, что его участок план не выполнил и оказался в прорыве. Надо было видеть, что творилось с плотниками, когда им за это выдали рогожное знамя. Даже через несколько лет Бусыгин с присущей ему прямотой писал: «Я почувствовал себя так, словно мне в лицо плюнули, притом по заслугам. И то же испытывали все: и старик плотник Родионов, десятки лет работавший на стройках, и его молоденький сын, впервые, как и я, взявший топор в руки».

Зато сколько радости испытал Бусыгин, когда увидел на доске соревнования свою фамилию, записанную первой! Значит, его старание и трудолюбие заметили! Сам десятник Фомин, человек строгий и требовательный, всеми уважаемый, ставит Бусыгина в пример другим! А ведь еще совсем недавно, всего лишь год назад, думы о своей избушке и своей корове заслоняли в его глазах весь свет. По собственному признанию Бусыгина, только на Автострое он увидел, до чего раньше бедны были его интересы, до чего мелки мысли. Только здесь, влившись в многотысячный коллектив, вместе с ним преодолевая трудности, связанные со строительством автомобильного гиганта, он понял, что значит работать во имя социализма. Он и в деревне слышал о социализме, об индустриализации... На стройке эти слова приобрели необыкновенную убедительность.

И все же не будем забегать вперед, не будем утверждать, что уже в течение первого года пребывания в Нижнем Новгороде Бусыгин стал рабочим. Если бы в ту пору проводилась всесоюзная перепись населения и Бусыгину пришлось бы отвечать на вопрос о социальном положении,

ситуация сложилась бы не простая. В отделе найма и увольнения Автостроя его числили рабочим. Сам он себя обычно называл, как и многие на участке, плотником. В то же время с деревней не порывал. Ежемесячно посылая туда деньги, он не просто поддерживал семью, он старательно укреплял свое хозяйство. Однако нельзя было сказать, будто от Колеватовского его отделяли только километры. Что-то новое ворвалось в душу крестьянского сына, засело в голове, заставляло менять прежние взгляды. Конечно, впоследствии не представляло большого труда объяснить давно минувшие события, задним числом оценить переживания, связанные с рождением новой психологии. А тогда помог случай.

На участке и в общежитии часто проводились политбеседы. В одной из них агитатор заговорил о том, как В. И. Ленин характеризовал крестьян. Получалось так, что в каждом крестьянине живут как бы два человека: один труженик, другой собственник, а в рабочих людях такого раздвоения нет, и в этом их сила, великое преимущество в борьбе за новую жизнь. Пролетарий говорит мелкому крестьянину: ты сам полупролетарий, иди за рабочими, иного спасения тебе нет. Буржуа говорит мелкому крестьянину: ты сам хозяйчик, «трудовой хозяин», твое дело хозяйское, а не пролетарское.

«А как же я?» — думал Бусыгин. Прошел уже год после ухода из деревни. Он и там никогда никого не эксплуатировал. И на стройке был самым настоящим тружеником, получал зарплату, имел рабочую продовольственную карточку. Но действительно был он еще и собственником, имел в деревне свое хозяйство.

Чем больше Александр Харитонович задумывался над своим положением, тем лучше понимал причины своих переживаний. А главное — сердцем почувствовал и умом осознал, что стройка манит его все сильнее и сильнее. И хотя окончательное решение еще не созрело, он дольше обычного стал в свободное время наблюдать за работой экскаватора, задерживаться в цехах, где монтировали оборудование. Иногда, случалось, помогать рабочим; и радостно было видеть, как на твоих глазах монтажники из груды бесформенных деталей собирают станки и прессы.

Наконец настал день, когда он надумал попроситься в цех, поближе к машинам. Но куда пойти? Вспомнил про свою работу в кулацкой кузнице и изъявил желание стать кузнецом.

Заводская кузница лишь по названию напоминала ту, которая была в деревне; она не имела ни горна, ни мехов, ни кувалды, вместо них стояли огромные молоты и нагревательная печь. Единственное, чем мог поначалу здесь заниматься Бусыгин, — работать смазчиком машин. Свободного времени оставалось много, и он подолгу наблюдал за действиями кузнецов. И они привыкли к спокойному, вдумчивому парню, который часами стоял с ними рядом, интересуясь их работой. Постепенно стали подпускать его к ковочным машинам. Давай, дескать, учись, а сами отойдут в сторону на перекур. Дружелюбно посмеиваются:

— Не так схватил поковку!

— Повыше, повыше держи — не на базаре курицу продаешь.

— Валы быстрей переворачивай!

— Огонь, огонь чувствуй!..

Самое страшное для новичка — боязнь огня. То и дело кажется — вот-вот схватишь огненный прут руками. Того и гляди расплавленный металл в тебя брызнет. Когда Бусыгину первый раз разрешили стать к ковочной машине и нагревальщик подал ему раскаленную деталь, захотелось разом все бросить и убежать. Но он не поддался страху, да и стыдно было позориться перед рабочими, стоявшими рядом и поверившими ему. Пóтом, уступив свое место кузнецу, вздохнул с облегчением и с удивлением узнал, что стоял около машины минут пять-десять, не больше. В следующий раз был уже смелее, спокойнее.

Время шло. Бусыгин стал в цехе своим человеком. Понял, что сила кузнеца не только в его мускулах. Пожалуй, даже не в них. Он видел, как одни суетятся, торопятся, делают много ненужных движений, зря теряют время, быстро устают. А другие словно командуют огнем, работают легко и вроде не спеша. Некоторые обладали исключительной ловкостью. Движения у них были, можно сказать, красивыми. И Бусыгин, сравнивая разные приемы, старался запомнить наиболее целесообразные. Ему очень хотелось походить на тех кузнецов, которые выделялись своим опытом и мастерством. Они и держались увереннее, и с ними считались больше. Им все оказывали почет и уважение.

Вскоре и перед Бусыгиным открылась возможность стать таким специалистом. Опять, как ему казалось, помог случай. Стоял он у ковочной машины и с увлечением

делал детали. Кует уже второй десяток, работает легко. От радости никого не замечает. И вдруг видит около себя начальника отделения.

— А кузнец-то где? — спрашивает он.

— Покурить вышел.

— А вы что здесь делаете?

— Работать пробую, учусь.

Сказав эти слова, Бусыгин представил себе, как сейчас начальник отчитает его и вышедшего кузнеца за своеволие. Он даже подумал, что надо еще сказать про техминимум. Ведь вместе с другими он аккуратно посещает все занятия и начал понемногу разбираться в конструкции машин. Не надо бояться поломки. Он уже не первый раз у машины... А начальник, который до этого с любопытством смотрел, как вдохновенно работает новичок, неожиданно сказал:

— Приходи ко мне. Определю тебя к молоту.

Так в обыкновенный будничный день свершилось главное. Понял это Бусыгин позднее. А в тот месяц, получив большую зарплату, он снова и снова мучил себя вопросом, как жить дальше. Но в одном он уже сомнений не испытывал: в кузницу врос крепко, завод теперь ему роднее деревни. А как быть с семьей, с домом, с крестьянским хозяйством? Что скажет жена? Ведь она всю жизнь прожила в деревне и еще ни разу не видела город.

У Анастасии Анисимовны колебаний не было: пусть будет по-мужнему, он глава семьи, а она с ним согласна и на завод. С тех пор прошло сорок лет.

«Всякое было за это время, — рассказывает Бусыгина, — было и хорошее, было и горестное. В городе мы зажили хорошо. Александр Харитонович большого уважения на заводе добился. Его сам товарищ Орджоникидзе в Москву приглашал. Правительство орденами отметило. Трудностей испытали достаточно. Доченьку схоронили после болезни. В войну тоже нелегко пришлось. Работа у Александра Харитоновича сами знаете какая. Одно слово, кузнец. Сил он своих никогда не щадил. Здоровье и подорвал. Только я никогда не жалею, что он такой путь выбрал. Может, он и в колхозе больших успехов добился бы. Но я тогда женским сердцем почувствовала: прирос он к заводу, полюбил его. Значит, так тому и быть».

Получив согласие жены, Бусыгин взял отпуск и поехал в деревню. Быстро продал домишко, корову. Все обзаведение уложил в один сундук и двинулся на под-

воде к Ветлуге. Перед отъездом зашли к родным. Посидели, поговорили. Стали прощаться. «По какой же части ты теперь будешь?» — спросил его отец. «Работаю в кузнице, — ответил Бусыгин и потом добавил: — Теперь я рабочий».

На этот раз дорога в город получилась иной. Ощупью идти не пришлось, колею искать было не надо. И путь был известен, и цель ясна.

Радостный вернулся Бусыгин на завод. Житейские трудности его не пугали. Тесно в общежитии? Но оно и рассчитано не на семейных, а квартиру ему обещали. У них с женой одно пальто на двоих? Так за продуктами в магазин можно ходить по очереди, а в кузницу и домой не грех пробежаться; к зиме купим второе.

Не нужно думать, что в подобных случаях Бусыгина выручал природный оптимизм или пренебрежительное отношение к быту. По складу своего ума и характера он всегда действовал как настоящий реалист. Жизнь приучила его и в деревне и в городе трезво оценивать как собственные способности, так и возможности окружающих, требовательно относиться к своему слову и к полученным обещаниям. На Автострое он снова и снова убеждался, что хороших работников, передовиков соревнования ценят высоко. И действительно, как только в строй вступил новый каменный дом, Бусыгин вселился в двухкомнатную отдельную квартиру. А вскоре ему дали ордер, и он на заработанные деньги купил жене пальто, себе и сыну по костюму. Появилась в доме и новая мебель.

В семье прочно утвердились новые привычки: выписали газету, раз в шестидневку стали ходить в кино. Шли и сами смеялись: раньше бы эти деньги припрятали, все до единой копеечки в хозяйство вложили бы... На обратном пути и дома по нескольку раз пересказывали увиденное. Все принимали близко к сердцу, не хотели верить, что на экране появляются артисты, а не подлинные герои. Не раз пытались представить себе, где сейчас неразлучные клоуны Пат и Паташон, как складывается жизнь вчерашних беспризорников из кинофильма «Путевка в жизнь». Неизгладимое впечатление осталось от «Чапаева». Его смотрели несколько раз, снова и снова переживая за Анку-пулеметчицу и восторженно приветствуя разгром белых; уходили со слезами на глазах, отказываясь верить в гибель легендарного начдива.

Большую радость доставляло радио. Репродуктор —

обыкновенная черная тарелка на стене, какую теперь можно увидеть разве что в городском музее, — манил к себе ничуть не меньше, чем телевизор КВН через 20 лет. Иногда часами слушали литературные передачи, политические комментарии, просто статьи из газет.

И на работе все складывалось сначала удачно. В кузнице квалифицированных рабочих не хватало. Поэтому начальство не возражало против стремления Бусыгина научиться работать на разных машинах. А он довольно легко от пятидюймовых машин перешел к ковочным, потом к легким молотам, наконец — к тяжелому. Большинство работающих знали только одну-две машины, умели ковать немногие детали. Бусыгин же стал кузнецом-универсалом. Свободно подходил к любой машине и ковал все виды деталей. Причина тому была только одна — любопытство, желание испробовать свои силы. К тому же лестно было: его, недавнего смазчика, у которого масленка являлась главным орудием труда, часто зовут на помощь. Не вышел кто-то на работу или из-за поломки надо наверстывать упущенное — зовут его, и он выручает.

Но в конце концов ему это надоело, ведь многие его стали воспринимать как человека, специально занимающегося лишь помощью другим рабочим. Бывало, за день три-четыре места приходилось менять. Только всерьез наладит операцию, а уже надо ковать другую деталь. Самое обидное заключалось в том, что он оказался без своего постоянного места. В те часы, когда все шло нормально, помощь его не требовалась, делать ему было нечего. Оставалось только заниматься уборкой мусора.

Беседа с мастером кончилась плохо.

«Товарищ Верейкин, — обратился к нему Бусыгин, — надоело мне вроде пожарной команды быть. Хочу работать постоянно у одного молота».

Ответ был совершенно неожиданный: «Ты что бузотеришь? Не хочешь работать — получай расчет!»

Совсем растерянный, Бусыгин вернулся в кузницу. Но на своем решил стоять твердо. И когда его снова направили с одной машины на другую, он решительно отказался. Верейкин тоже не захотел отступить от своих слов и написал записку: «За отказ и срыв работы Бусыгина уволить».

На миг показалось, что в цехе стало тихо. «Вот и все. Конец! Радовался: мол, кузнецом-универсалом стал, а оказался бузотером». Шел вдоль машин и никак не мог по-

нять, почему же он срывщик. Как ни думай (а он и с женой посоветовался), работая палочкой-выручалочкой, высокой производительности не дашь. Соревнование в таких условиях развернуть нельзя. Чего, казалось, проще, закрепить за каждым молотом одних и тех же рабочих и не переставлять их каждый день от машины к машине. Будет личная ответственность. В случае необходимости общими усилиями план всегда выполним. На одних перекурах сколько времени теряем...

В таких раздумьях столкнулся Бусыгин со старым рабочим Мокиным, членом цехового комитета профсоюзов.

— Александр, ты куда это? Что с тобой?

— Да вот выставляет меня Верейкин. Ухожу из цеха.

Мокин не стал больше ни о чем говорить. Повел Бусыгина к начальнику цеха. Разговор получился обстоятельный и острый. Ничего вразумительного в оправдание своих действий мастер сказать не мог. А вот мысли Бусыгина о том, как поднять производительность труда и наладить соревнование, всем понравились. Раздались реплики:

— Чего же раньше молчал?

— Почему цехком обходишь стороной?

Над этими вопросами Бусыгин задумался всерьез. По распоряжению начальника цеха его поставили работать на большом молоте. Это было огромное, многотонное сооружение, оснащенное новейшей техникой; здесь ему представлялась возможность доказать не только справедливость, но и реальность своих замечаний о работе кузнечного цеха.

На заводе хорошо помнили, как по специальному заказу американцы изготовили для нижегородцев кузнечное оборудование. Когда иностранный корабль с дефицитным грузом пришел в Ленинградский порт, моряки прославленного крейсера «Аврора» организовали ударные бригады и взяли на себя обязательство в кратчайший срок переправить механизмы в Нижний Новгород. К ним на помощь пришли рабочие «Красного путиловца». Трудясь посменно в течение трех суток, авроровцы и краснопутиловцы разгрузили пароход. Такой рекордно короткий срок изумил американцев. «Сколько зарабатываете? — спрашивали они. — Не насильно ли вас пригнали?» Моряки с гордостью заявляли: «У нас не в Америке — принудительного труда нет. Мы пришли помочь товарищам, братьям по классу».

Затем моряки и портовики составили специальный эшелон в 38 вагонов. Из лучших ударников они сформировали бригаду, которая сопровождала его по железной дороге. «Благодаря этой бригаде, — сообщала заводская многотиражная газета «Автогигант», — эшелон с оборудованием вместо обычных 10—11 суток пришел из Ленинграда на завод через четыре дня». Продолжая эстафету, начатую ленинградцами, передовики Автостроя досрочно смонтировали все механизмы.

Такова была краткая предыстория нового рабочего места Бусыгина. Разве можно было допустить, чтобы такое оборудование использовалось не до конца?! Бусыгин решил оправдать оказанное ему доверие. У большого молота ему предстояло отвечать за целую бригаду. По старой привычке он представлял себе дело так, что каждый должен заботиться лишь о собственном месте. Но став бригадиром, он понял, что надо отвечать не только за свои личные действия, но и за действия подчиненных людей.

Его непосредственная операция — ковка детали — была последней во всем технологическом процессе. Прежде чем деталь попадала к нему, она должна была пройти через нагревательную печь, через его подручного. Если нагревательная печь грела плохо, если металл подавался слабо прогретый или подручный трудился вяло, кузнец начинал отставать.

Обнаружилось и другое. В распоряжении бригады находилось сложное оборудование — нагревательная печь и два молота. За их состоянием постоянно наблюдали специальные наладчики и ремонтные слесари. На первый взгляд кузнец находится в стороне от них, он с ними непосредственно не связан. На самом же деле все они — и кузнецы, и нагревальщики, и ремонтники, и смазчики — объединены общим процессом производства.

День за днем приглядывался Бусыгин к своим товарищам по бригаде, разговаривал с каждым в отдельности, советы давал и сам прислушивался внимательно ко всему услышанному. Особенно полезной оказалась встреча бригады на квартире у бригадира. Говорили откровенно, по душам. Рабочие были недовольны. В цехе на первом плане всегда значились кузнецы. Остальных перебрасывали с места на место, да и кузнецы не всегда обслуживали одни и те же машины. Ремонтники также не были закреплены за определенным оборудованием.

Бусыгин отправился к начальнику цеха. Борис Соколинский был молодым инженером, но уже достаточно опытным. По тем временам стаж в несколько лет считался большим, а Соколинский был ветераном Автостроя. По его проекту сооружали кузнечный цех, где он и работал. Тем обиднее было знать, что неполадки в его цехе сдерживали выполнение плана всего завода. Мешала главным образом нехватка квалифицированных кадров, текучесть рабочей силы.

В 1934 году на Горьковском автозаводе была проведена перепись, охватившая 24 тысячи рабочих. Свыше половины автостроителей оказались в возрасте до двадцати четырех лет. На долю «стариков», перешагнувших свое тридцатилетие, приходилось немногим больше пятой части коллектива. Лишь один из каждых трех рабочих был горожанином. Остальные, то есть большинство, были вчерашними жителями деревни. Совершенно неграмотных осталось уже немного — около 4 процентов, но почти четверть работающих едва умела читать и писать. Примерно в таком же положении находились все новостройки страны. Повсюду на вновь выросших предприятиях основную массу составляли молодые рабочие, сравнительно недавно начавшие городскую жизнь; как правило, их производственные биографии заполнялись на этих же предприятиях: сначала они сами строили заводы и фабрики, а потом переходили к станкам и агрегатам в цехах, сооруженных при их участии.

Не имели должного опыта и инженерно-технические работники. Почти все они кончили учиться в годы первой пятилетки.

Выход был один: учиться и работать одновременно. Страна так и делала. Соколинский понимал это хорошо.

Вот и сейчас к нему пришел бригадир, который поначалу боялся переступить порог цеха. А теперь он высказывает мысли, достойные всяческого внимания.

— Значит, вы предлагаете закрепить за вами одних и тех же рабочих.

— Да, товарищ Соколинский. Бригада должна быть постоянной. Легче помогать друг другу и ответственности больше.

— А почему вас не устраивает нагревательная печь?

— Мала она. Много времени теряем, пока металл нагреется. Я подсчитал. Выходит, теряем четвертую часть смены.

Теперь уже трудно узнать, о чем подумал тогда начальник цеха. Может, о том, почему эти огрехи не заметили раньше. Может, удивился быстрому росту Бусыгина и его товарищей. А может быть, деловито подсчитывал, какой получится эффект.

Эффект действительно получился большой. Печь переделали. За Бусыгиным закрепили постоянные кадры. И дело пошло. День за днем новая бригада значительно перевыполняла план. Заработки всех сразу поднялись. И это еще больше подстегнуло маленький коллектив. Стало правилом после работы делиться впечатлениями от минувшей смены. Охотно подсказывали друг другу, как лучше стоять, двигаться, поворачивать детали. С интересом присматривались к работе соседей, стараясь перенять наиболее рациональное.

В июле 1935 года заводская многотиражка «Автогигант» в числе других достижений отметила ликвидацию отставания в кузнице № 1. Бригада Бусыгина была названа в числе лучших. В хорошем настроении уходил Александр Харитонович в очередной отпуск: профсоюзная организация премировала его путевкой в дом отдыха. Первый раз в жизни он удостоился такого почета и радости своей не скрывал.

В это время произошло событие, которое всколыхнуло весь многотысячный коллектив Горьковского автозавода. Нарком тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе, получив жалобы на невысокое качество автомобиля ГАЗ, высказал свое недовольство работой автозаводцев. Замечания наркома обсуждал актив, во всех цехах прошли бурные собрания. Чтобы как можно быстрее выправить сложившееся положение, автозаводцы решили вступить в социалистическое соревнование с московскими автомобилестроителями.

В числе прочих деловых предложений, направленных на подъем производства, всеобщий интерес вызвала мысль инженера М. Ф. Ломанова ежедневно учитывать стоимость деталей в минутах. Такой учет проводился на заводах Форда, при техническом содействии которого строился автозавод в Горьком. Следовательно, осуществление аналогичных замеров на ГАЗе позволит максимально загрузить оборудование, быстрее довести его использование до проектных мощностей. Во всех цехах начали изучать специальные карты, где указывалось, сколько времени уходит у Форда на изготовление основных деталей.

Самым узким местом опять оказалась кузница. За теми высокими темпами, которые взял завод, она не поспевала. Приехавший из дома отдыха Бусыгин узнал об этом и поспешил в цех. Спроси его тогда, зачем он прервал отпуск (оставалась еще неделя) и вышел на работу, — недоуменно пожал бы плечами: дескать, вопрос какой-то неуместный. Но его никто не спросил: и дома и в кузнице всем было ясно: надо выполнить обещание, данное наркому и выйти из прорыва.

Как и прежде, бригада Бусыгина ежедневно перевыполняла сменное задание. Но раньше кузнецы соревновались только между собой. В новых условиях, когда заключили договор с москвичами, появился еще один ориентир — Форд.

Так наконец осенью 1935 года состоялось знакомство Александра Бусыгина с Генри Фордом. Пока еще только заочное — точнее сказать, одностороннее. Главный разговор произойдет через год, но «личные контакты» уже начались.

Нормировщики шутили: «Жми, Бусыгин, догоняй Америку!» Ему было не до шуток. Бригада действительно подошла вплотную к лучшим показателям фордовских рабочих. Решили еще раз проанализировать нормировочную карту. Там значилось: чтобы сделать один вал, требуется 16,5 секунды. Как получается эта цифра? Отдельно учтено машинное время, к нему прибавлено вспомогательное время, необходимое для ручных операций, и еще приплюсовано «накладное» время. Последнее занимало ни больше ни меньше, как 40 процентов всего периода, отведенного на изготовление детали. Если верить составителям карты, эти 40 процентов предусмотрены для «кратких перерывов в работе» (подтягивание сальников, личные надобности), для отдыха в случае утомления и т. п.

Неопытному человеку могло показаться, что все продумано до мельчайших подробностей. Двумя-тремя годами раньше Бусыгин тоже, наверное, так бы подумал. Впрочем, двумя-тремя годами раньше никто нормировочными картами не занимался. Часовые простои считались обычным делом. Уйму времени съедали перекуры. Не только в кузнечном цехе, но и на сборке большинство рабочих ходило в лаптях. Далеко не все верили в возможность наладить поточное производство автомобилей. Приехавший на завод летом 1932 года поэт Александр Безыменский в стихах-лозунгах призывал:

Пусть разгильдяйства не будет в помине,
Выжмем прогулы, простои и лень!
Каждый день прибавлять по машине,
Чтоб выпускать их по 200 в день!

200 в день! Это воспринималось как мечта, ведь в среднем получалось не более десяти.

К осени 1935 года завод имел уже принципиально иной вид. Производство было рентабельным. С конвейера ежесуточно сходило в среднем около 150 машин. Одновременно выпускалось большое количество моторов, различных деталей и запасных частей. И делалось это руками тех же рабочих, техников, инженеров, которые несколько лет назад впервые приступали не просто к освоению новой техники, а к работе на современном заводе. Люди выросли, изменились, приобрели опыт.

Предостережения Крейслера оказались напрасными. В 1928 году, задолго до начала строительных работ в Нижнем Новгороде, виднейший американский автопромышленник не сомневался, что большевикам потребуется не менее семи лет на подготовку к выпуску — нет, нет, не автомобилей — всего лишь моторов.

Прошло ровно семь лет. В сентябре 1935 года Александр Бусыгин решил перекрыть американские рекорды. Изучение нормировочной карты, составленной фордовскими специалистами, показывало, что она устарела. Там, например, значилась операция «нажать педаль» и фиксировалось необходимое время на ее выполнение. Бусыгин давно совместил это движение с рядом других и не тратил на него ни единой секунды. Таких ликвидированных операций было немало. Особенно произвольно выделялось время на различные перерывы. Оно занимало 2 часа 6 минут из 7 часов рабочей смены. В таком количестве перерывы никогда не требовались. Это и объясняло, почему рабочие-кузнецы вопреки всякого рода простоям почти всегда выполняли нормы, которые считались технически обоснованными. Сомнений не было: нормы специально так составлялись, чтобы скрыть простои... Инженеры подтвердили догадку Бусыгина: иностранцы, проектировавшие автозавод, открыто исходили из того, что советские рабочие будут работать на 20 процентов менее производительно, чем американские. Вспомнили и начало строительства, спор советских специалистов с американскими. Последние требовали установки огромных железобетонных колонн не только в производственных корпусах, но и в

конторских помещениях; довод был один: в СССР плохо строят, и поэтому лучше застраховаться излишними запасами прочности. Руководство Автостроя выступило против дорогостоящих излишеств. Годы подтвердили его правоту.

Не пришла ли пора отказаться и в цехах от норм, обоснованных иностранцами? «Почему, — думал Бусыгин, — мы должны работать хуже американцев? Ведь американские рабочие работают не на себя, а на капиталистов. Мы же работаем на себя самих. Ну ладно, года три-четыре назад мы еще не знали оборудования, мы только учились, а теперь почему бы нам не только догнать, но и перегнать американских рабочих?»

Снова и снова задумываясь над этими вопросами, Бусыгин убеждался в необходимости установить рекорд, чтобы превзойти не только нормы, «обоснованные» иностранцами для его завода (это он уже делал регулярно), но и результаты лучших фордовских кузнецов.

Потом его часто спрашивали: зачем понадобилось ставить рекорд? Ныне, умудренный знаниями и опытом, Бусыгин подходит к этому вопросу широко.

«В наше время, — говорит он, — были такие первоклассные бегуны братья Знаменские. Вся страна восхищалась полетом Гризодубовой и ее подруг от Москвы до Дальнего Востока. Сегодня мир знает прыгуна Брумеля, штангистов Власова, Алексеева. Специальные спортивные комиссары регистрируют наилучшие достижения космонавтов. Что же дают свершения таких людей? Может, кто-то из них и думает о личной славе, но самое главное в другом. Они своими результатами показывают, на что способен человек, как он владеет собой, насколько освоил современную технику, каковы пути дальнейшего прогресса.

То же самое, — продолжает Бусыгин, — и на производстве. Рекорд важен не сам по себе. Это не конечная цель. Лучше сказать — это средство. Рекорд на пустом месте не поставишь, к нему нужно серьезно подготовиться, мобилизоваться. Значит, достигнутый рубеж обозначит пройденный путь, подытожит успехи и недостатки. Все увидят, что уже сделано и что надо делать дальше. Даже когда рекорд устанавливает один человек или одна бригада, все равно он подготовлен усилиями многих, очень многих людей. В конечном счете и выигрыш получается всеобщий».

В 1935 году таких обобщений Бусыгин еще не делал. Рассуждал просто: кузница в прорыве, сдерживает завод, а хочется, чтобы ГАЗ шел в шеренге передовых предприя-

тий; надо примером убедить весь коллектив, что прежние нормы выработки отжили свой век. И тут пришла весть о рекорде Алексея Стаханова. Решение созрело окончательно: надо каждому свое дело делать по-большевистски, тогда и весь завод заработает успешно.

Бригада словно готовилась к такому разговору. Единодушие было полным. В назначенный день пришли на работу раньше обычного. Еще раз проверили и без того исправное оборудование, сальники, клещи. Стали по местам. Ровно в семь утра начали. Первые четверть часа бригадир все делал медленно, осторожно. Товарищам даже показалось, что он робеет. А он не спешил специально, проверял, как ведут себя машины. Ждал того момента, когда бригада, набрав темп, начинает работать со вкусом, легко и непринужденно, в полном согласии друг с другом. Слаженность и ритм давно отличали их маленький коллектив. Вот и сейчас все начали работать, как один человек. Никаких понуканий. Без лишних слов. Движение одного дополняло движение другого.

Убедившись в полной исправности оборудования и боевой готовности людей, Бусыгин взял высокий темп. Его разом поддержали. Бригада ловила каждый жест Бусыгина. А он даже ни разу не посмотрел на прибор у молота, где отмечается количество откованных деталей. Не взглянул и в перерыве. И никто не посмотрел. Только когда пришла вторая смена, увидели, что отковали 966 коленчатых валов, почти на 300 штук больше нормы. Такого никогда не бывало!

Взволнованные, не знали что сказать друг другу. Молча умылись, переоделись. Вышли на улицу, а около здания уже народ собрался. На воротах плакат: «Бригада кузнеца Бусыгина установила рекорд!» И когда только успели узнать и сделать! Все поздравляют, жмут руки, хлопают по плечу. Весь завод облетела фраза: «Теперь у нас есть свой стахановец!»

Потом будут другие рекорды, будут показатели и еще более значительные. Их отметят цветами, оркестрами, митингами, высокими наградами. Но самой дорогой и памятной останется эта совсем незапланированная, никакими решениями не предусмотренная встреча: море людей, шум сотен голосов, все взбудоражены, на душе удивительно легко и радостно, настоящий праздник. Вот что такое рабочая солидарность!

14 сентября 1935 года многотиражка «Автогигант», за-

тем городская печать возвестили о рождении рекорда. Заводская газета поместила стихи «С бусыгинцев пример бери!». Кончались они так:

О, мне бы пламя жарких слов,
Каких еще не знали книги,
О том, как тысячу валов
За смену дал кузнец Бусыгин!

Как он, усиливая бой
За лучший, высший класс работы,
Ведет бригаду за собой
Еще на новые высоты!

Чтоб каждая бригада цеха,
С бусыгинцев пример беря,
Безмерно ширила успехи
К године славной Октября!

Подумать только! Ему, обыкновенному рабочему, посвятили стихи! Бусыгин никак не ждал такого. Вообще похвалы и восторги не столько смущали его, сколько удивляли. Он был искренне убежден, что можно работать еще лучше и что такие результаты доступны всем квалифицированным рабочим.

Тем временем фотографии Бусыгина и очерки о его бригаде появились в центральных газетах. Повсюду имена Бусыгина и Стаханова стояли рядом. Печать сообщала, что в автомобильной и тракторной промышленности день ото дня ширится движение бусыгинцев.

В Ленинграде старейший кузнец Кировского завода И. Н. Бобин был уже пенсионером. Когда прочитал о рекорде в Горьком, шестидесятитрехлетний рабочий не выдержал. Вернулся в цех, по-новому организовал работу своей бригады. За смену прежняя норма была превышена в два с лишним раза.

А вот строки из воспоминаний знатного новатора И. И. Гудова:

«В статьях, очерках, в заметках о первых последователях Стаханова я нашел те слова и мысли, которые подслушал в себе уже давно, не умея только выразить их как следует.

А тут еще подлил масло в огонь кузнец Горьковского автомобильного завода Александр Харитонович Бусыгин. 11 сентября он отковал 1001 коленчатый вал, а 12 сентября — 1008 при норме 675... Американские кузнецы затрачивали на изготовление одного коленчатого вала 36 секунд,

на ГАЗе норма была 50 секунд (далеко, мол, русским рабочим до американцев!). А Бусыгин ковал вал за 30 секунд. Вон куда хватил!

Александр Бусыгин был объявлен первым стахановцем автомобильной промышленности Советского Союза».

Еще категоричнее высказывается ветеран московского завода «Красный пролетарий» инженер Виктор Алексеевич Романов:

«Стахановское движение назревало постепенно. Это неверно, что оно было полной неожиданностью. Мы и до того выпускали станки на уровне мировой продукции. Помните дип? Мы ведь не случайно их так назвали — «Догнать и перегнать!» Это был лозунг, который мы воплотили в жизнь. Рекорд Стаханова нас восхитил, если хотите, поразил: 14 норм за семь часов! Фантастика!.. Профессия Бусыгина нам была ближе и понятнее. Его рекорд стал конкретным призывом к действию. Сначала откликнулся Гудов, потом сразу мы, и началась цепная реакция».

Соревнование разгорелось и на самом Горьковском автозаводе. Здесь одним из лучших кузнецов и раньше считался Степан Фаустов. Его жизненный путь во многом напоминал биографию Бусыгина: оба одинакового возраста, оба из деревенской глуши, из самых что ни на есть бедняцких семей; потом город, Автострой, кузница, рабочий коллектив, движение ударников... Узнав о рекорде Бусыгина, Фаустов тоже досрочно вернулся из отпуска. Сначала его бригада оставила позади американские нормы, а потом превзошла и бусыгинский результат. Вскоре число стахановцев стало измеряться на заводе десятками и сотнями. Портреты и обязательства передовиков вывешивались на самом видном месте. В цехах и на заводе появились красные транспаранты с призывами. Плакаты-«молнии» едва успевали сообщать о новых стахановцах-бусыгинцах, о новых рекордах.

Бусыгин отставать не хотел, да и нельзя было. Куда ни пойдет: в кино, в поликлинику, в магазин — везде узнают, все расступаются. А однажды вечером раздался стук в дверь и в квартиру вошел незнакомый человек. «Я, — говорит, — из «Гастронома». И начинает расставлять на столе вкусные вещи. Когда ему сказали, что он ошибся и пришел не по адресу, незнакомец пояснил: «Да нет, не ошибаюсь. Ведь вы Бусыгин Александр Харитонович? По портрету узнаю». Оказалось, что руководители

цеха прислали премию и поздравления с очередным успехом.

В другой раз письмо и посылка пришли на имя Анастасии Анисимовны Бусыгиной. «На вашу долю, — писал ей заместитель директора завода Рубин, — выпало большое счастье быть женой и другом человека, которым гордится весь завод. Поздравляя еще раз всю вашу семью, направляю вам небольшой подарок и прошу окружить мужа вниманием и заботой, чтобы он, хорошо отдохнув, мог ежедневно с новыми силами продолжать свою ударную работу на заводе».

В ответном письме говорилось:

«Благодарю администрацию ГАЗа за подарок, присланный мне 22 сентября: ящик яблок, 3 килограмма мяса, 10 килограммов муки, 3 килограмма сливочного масла, 3 килограмма колбасы, 3 килограмма сельдей, печенье, коробку шоколадного набора.

Получив подарок, я не верила сама себе, что мой муж, Бусыгин Александр Харитонович, малограмотный, добился такой почести, а через него и я получила подарок.

Мой муж борется за выполнение программы завода, а я беру на себя обязательство создать для него хорошие условия дома, чтобы он, придя с работы, мог хорошо поесть и хорошо отдохнуть, чтобы мог с новыми, свежими силами идти на завод, к новым победам.

С приветом Анастасия Анисимовна Бусыгина».

Посмотрите еще раз на эту переписку. В ней неповторимые приметы того времени. Страна, еще вчера всеми считавшаяся аграрной, с успехом осваивала новейшую технику эпохи, причем осваивала без капиталистов, в условиях планового ведения хозяйства, изжив кризисы, безработицу и нищету. Победы давались нелегко. В конце 20-х годов правительство вынуждено было ввести карточную систему распределения продуктов питания и предметов ширпотреба. Успехи сельского хозяйства, общий подъем экономики позволили в январе 1935 года начать свободную продажу хлеба, а в октябре — мяса, сахара, жиров, картофеля и т. д. Дирекция автозавода и прежде регулярно премировала ударников. Особое внимание она уделяла стахановцам и их семьям. Руководители считали своим долгом заботиться об условиях труда и быта новаторов производства. В свою очередь, Анастасия Анисимовна

Бусыгина взяла на себя встречное обязательство, о чем и сообщала в ответном письме.

Правда, в первый момент она растерялась, даже расстроилась: «Неужели муж кому-то сказал, будто семья плохо живет, в чем-то нуждается, а за ним самим ухода нет?!» Бусыгин и знакомые рассеяли ее сомнения. Как никогда почувствовала Анастасия Анисимовна свою ответственность за работу мужа, за все заводские дела.

Поддержка, которую Бусыгин ощущал на заводе и дома, воодушевляла его. Вместе с товарищами после смены он подолгу смотрел, как работают Фаустов и другие передовики. По норме на коленчатый вал давалось 22 удара молота. Вслед за Бусыгиным лучшие рабочие научились делать вал за 15—16 ударов. А нельзя ли еще быстрее? День за днем проводились эксперименты. Пришлось даже выработку снизить, чтобы найти и отработать еще более рациональные приемы. Кое-кому показалось, что он снизил темпы, не выдержал накала борьбы. Но это было совсем не так. Просто перед новым прыжком следовало подсчитать силы, все измерить и получше разбежаться. Цель состояла в том, чтобы повысить производительность труда, не ухудшив качества продукции. Ведь от каждого удара молотом зависела прочность изделия, его надежность. Результат действительно превзошел все ожидания. Бусыгин стал делать коленчатый вал 10-ю ударами вместо прежних 15—16 и 22, предусмотренных нормой.

10 октября 1935 года на заводе собралась первая конференция стахановцев автомобильной промышленности СССР. Первому дали слово Бусыгину. Сколько раз видел он, как выходят на трибуну докладчики, руководители предприятия, передовые рабочие! Казалось бы, ничего сложного нет: назвали твою фамилию, поднялся, подошел к трибуне и... Когда председательствующий назвал его фамилию, Бусыгин легко поднялся, спокойно подошел к трибуне, посмотрел в зал и... И оказалось, что он не может открыть рот. Перед ним сотни людей. Все смотрят на него, аплодируют. А что им сказать? Ведь каждый из них передовик, у любого есть большие знания и опыт... Именно об этом он и сказал. Признался, что впервые стоит на трибуне и потому «сильно робеет», потом рассказал, как работает его бригада, обещал трудиться еще лучше и помогать другим.

Примерно то же самое говорили и другие стахановцы. Постороннему человеку могло бы показаться, будто орато-

ры сговорились заранее выступать по одной схеме, но «посторонних» в зале не было; здесь одно выступление как бы продолжало другое, подкрепляло предыдущее, свидетельствуя о едином настроении присутствующих, о их стремлении наращивать успехи в интересах всего народа.

«Когда я решил поставить рекорд, — говорил рабочий Макарычев, — ночи не спал. Все думал: справлюсь ли с этим великим делом? И еле дождался утра. А когда поставил в первый раз рекорд, то снова всю ночь не спал!» Вслушиваясь в эту речь, Бусыгин вспоминал свои волнения и удивлялся тому, как удачно выразил стахановец и его чувства. Оглянулся — все дружно аплодируют; значит, и им близки эти переживания. И еще он задумался над той ответственностью, которая выпала на него лично. Ведь буквально все, говоря о своих делах, отмечали роль Бусыгина в развернувшемся соревновании, называли себя его последователями и даже учениками.

Конференция стахановцев автопромышленности произвела на Бусыгина очень большое впечатление. Как говорят в таких случаях, она открыла новую страничку в его биографии: как был бригадиром, так и остался, но интересы изменились, стали шире, существеннее. Он быстро понял, что нужна повседневная пропаганда стахановских достижений, а она связана с правильной постановкой учета, регулярным подведением итогов соревнования. Руководители цехов согласились с такой постановкой вопроса. Гласность соревнования облегчила обмен опытом. А когда число новаторов стало измеряться большими цифрами, возникли новые проблемы.

Пока стахановцев было мало, администрация легко создавала необходимые условия для их высокопроизводительной работы, без особых хлопот она обеспечивала передовиков инструментом, своевременной подачей деталей, систематическим ремонтом оборудования и т. п. Но уже осенью 1935 года положение изменилось. Уровень требований со стороны рабочих быстро рос. Между тем, когда молот обслуживала бригада Бусыгина, на работу выходило все цеховое начальство; около кузнецов постоянно находились и старший мастер, и сменный мастер, и начальник цеха. Другие бригады этим похвастаться не могли. Мириться с таким порядком Бусыгин не стал. Это было не в его характере. Всякая несправедливость воспринималась им болезненно. Не смолчал он и на этот раз. Обращаясь к

руководителям, сказал: «Давайте, товарищи, у всех за спиной стоять. Вы всем обеспечьте такие же производственные условия». Его поддержали другие стахановцы. И это возымело свое действие. На заводе началась перестройка всего производственного фронта, сопровождавшаяся небывалым потоком рационализаторских предложений, осуществлением множества организационных мероприятий. Например, в литейном цехе появились столики для стержней. Исчезла необходимость многократно поднимать с пола тяжелые плиты. Для деталей, ранее в беспорядке лежавших около станков, была натянута специальная проволока. Стоило рабочему протянуть руку в определенном направлении — и деталь была у него. Вокруг молота были установлены защитные сетки. Обычным явлением становился профилактический осмотр оборудования, занятия по технике безопасности и т. д.

Самое главное заключалось в возросшей активности масс. Еще в ходе конференции стахановцев Бусыгин обратил внимание на выступавших. Многие из них, как и он, впервые говорили на таком большом собрании, некоторые лишь недавно стали посещать производственные совещания; кое-кто вообще не участвовал в общественной работе. Стахановское движение вовлекло их в жизнь заводского коллектива, приобщило, как и его, к делам всей автомобильной промышленности.

Так думал Бусыгин в октябре 1935 года, не зная того, что через несколько дней его вызовут в Москву, а через месяц, в ноябре, он станет участником Всесоюзного совещания стахановцев.

Первая поездка в столицу принесла много впечатлений. Снова все было впервые: комфортабельный вагон скорого поезда (до этого, помните, Бусыгин за всю свою двадцативосьмилетнюю жизнь проехал по железной дороге лишь сотни две километров, да и то в товарном составе); торжественная встреча стахановцев в Москве; поездка на машине по улицам города; посещение автозавода имени Сталина; приемы в Наркомтяжпроме и в редакциях центральных газет; наконец, Третьяковская галерея и МХАТ. Поистине сказочное путешествие!

Конечно, это была отнюдь не туристская поездка. Ежедневно приходилось много работать. В цехах московского автозавода он чувствовал себя легко, как дома. Все привычно, знакомо. Рассказ об опыте горьковчан всюду вызывал большой интерес. Вопросов было много. Отвечал

Бусыгин уверенно, обстоятельно. В кузнице попросил показать нормировочную карту. Мастера удивились: «Ты почему проверку делаешь?» Он объяснил: «Тут ваши резервы. Я их отсюда почерпнул и вам советую». Потом добавил: «Ваш завод, как и наш, американцы проектировали в первом варианте. Может, им невыгодно было, чтобы мы, советские люди, работали с ними в одном темпе. А? Вы об этом, товарищи, подумали?»

Разгорелись споры. Рассуждения Бусыгина пришлись московским автозаводцам по душе. Понравились и его советы, особенно насчет сокращения ударов при изготовлении коленчатых валов.

Куда труднее пришлось ему на совещаниях в Наркомтяжпроме. В кабинете Г. К. Орджоникидзе беседа шла главным образом не об отдельных предприятиях и отраслях, а о промышленности в целом, об экономике всей страны. Только здесь начал Бусыгин по-настоящему понимать, какое значение ЦК ВКП(б) и Советское правительство придают массовому движению новаторов, новому этапу социалистического соревнования. Слушая выступающих, он то и дело ловил себя на мысли, что некоторые вещи ему незнакомы, а некоторые просто непонятны. Заключительная речь наркома многое разъяснила. Г. К. Орджоникидзе говорил доходчиво и просто. Вот бы записать эти слова! Увы, он не мог — точнее, не умел: Бусыгин был малограмотным.

Быть может, тому, кто вырос и учился в последние 20—25 лет, это покажется невероятным: выдающийся новатор, один из зачинателей стахановского движения — и вдруг не умеет писать. Но так было, и это отражало реальное противоречие нашей жизни того времени.

Как известно, в 1917 году противники большевизма, выступая против диктатуры пролетариата, уверяли всех в незрелости рабочего класса России, в его некультурности и неспособности управлять страной. Сначала, кричали они, надо цивилизоваться, а уже потом брать власть. Опровергая подобные «доводы», В. И. Ленин писал: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *по-*

том уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» [1].

Исторически так и произошло. Социалистическая индустриализация и культурная революция совершались в СССР одновременно. Это породило множество трудностей, но к середине 30-х годов даже враги не могли не видеть, каких успехов достиг рабочий класс СССР в преодолении былой отсталости России. Уже прочно вошли в международный лексикон такие понятия, как «пятилетка», «план», «колхоз». Успешно действовали Турксиб и Днепрогэс, металлургические гиганты Магнитогорска и Кузнецка, первые в мире заводы синтетического каучука в Ярославле, Воронеже и Ефремове. Накануне пуска был столичный метрополитен. Ежемесячно рос выпуск отечественных тракторов, комбайнов, автомобилей. И все это делалось руками советских рабочих, руками народной интеллигенции.

Ничего подобного не знала дореволюционная Россия, не знал в те годы и весь зарубежный мир.

Бесспорно, к тому времени не все еще удалось сделать. Не закончилась и борьба с неграмотностью. Таких, как Бусыгин, было тоже немало, но именно таких, как он. Мы знаем, в сколь сложных условиях начиналась его жизнь. Только в двадцать восемь лет засел он всерьез за школьные азы. Но не нужно забывать, что у него за плечами были и «свои университеты», и он не просто понимал, что такое социализм, но и сознательно, с полной отдачей сил участвовал в строительстве новой жизни. И в этом отношении его биография была также типична для значительной части советских рабочих.

Возьмем для примера тот же ГАЗ. В 1937 году на нем было проведено обследование 2338 производственников, пришедших на завод в 1930—1932 годах (одновременно с Бусыгиным). Почти половина из них имела тогда первый или второй разряды. Спустя 5—7 лет (ко времени опроса) рабочих с первым разрядом на заводе не стало, со вторым снизилось в 4,5 раза, зато число рабочих наиболее высоких разрядов увеличилось в 2—2,5 раза. И хотя не все они успели овладеть грамотой, их рост входил составной частью в общий подъем культурно-технического уровня трудящихся, который из года в год принимал все большие масштабы. Проведенная в 1939 году всесоюзная перепись населения подтвердила, что рабочий класс СССР

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 381.

с неграмотностью покончил. Специальная графа переписи зафиксировала: в среднем на каждую тысячу рабочих 82 имеют высшее, среднее или неполное среднее образование. Так вот, в эти 82 в 1939 году входил уже и Бусыгин, к тому времени второй год учившийся в Промышленной академии в Москве.

А первые серьезные успехи в учебе Бусыгин сделал лишь осенью 1935 года. Тремя годами позднее, поступив в Промакадемию, он вспоминал: «Вернувшись из Москвы, с особой охотой и желанием начал я работать у своего молота. Но интересовал меня уже не только молот. Засел я за книжки. Тогда впервые познакомился с творчеством Пушкина. Очень мне стихи его и сказки понравились. Но читать было трудно — грамотой еле владел. Еще хуже дело было с письмом. И раньше я крепко от этого страдал, а теперь остро почувствовал — негоже это».

Стремление учиться, стать машиностроителем высокой квалификации овладело Бусыгиным прочно. Даже с трибуны Всесоюзного совещания стахановцев он произнес: «Ни о чем я так много не мечтаю, как об учении».

За неделю до этого, перед празднованием XVIII годовщины Октября его посетил журналист из центральной газеты. Открыл блокнот, достал ручку и спросил: «Ну, Бусыгин, чего бы ты хотел? Все имеешь, зарабатываешь много, знатный ты человек. Чего еще хочешь?» И Бусыгин признался: «Очень мне хочется пойти дальше. Хочется быть не только кузнецом, но и знать, как молот построен, и самому научиться молоты строить».

Горьковский обком партии и руководители автозавода помогли Бусыгину. Чтобы он смог быстрее ликвидировать свои пробелы, к нему индивидуально прикрепили учителей. Нужно ли объяснять, сколько усилий потребовало от него «школьное дело». Домашние задания, которые у сына отнимали не больше одного-двух часов, заставляли его сидеть за столом далеко за полночь. Пальцы, привычные к тяжелому инструменту, с ручкой не справлялись. Стоило чуть-чуть нажать на перо, как оно мгновенно ломалось. Бывало, за вечер он изводил их десятками. Сколько раз хотелось бросить тетрадки и взяться за молот! Но всегда требовательный к другим, он еще строже подходил к себе: «Государство все сделало, чтобы ты мог учиться. Неужели бросишь? Неужели удерешь от дела, к которому тебя сейчас поставили?» Да, учебу, как и работу, он не считал лич-

ным делом. Собственная биография убеждала его не раз: чем более подготовлен рабочий, чем опытнее и образованнее мастер или инженер, тем лучше идет работа, тем интереснее жизнь коллектива. И Бусыгин сидел над книгами и тетрадями с таким же упорством и рвением, с каким он осваивал профессию кузнеца, выискивал новые резервы для рекордов.

Всесоюзное совещание стахановцев подхлестнуло его еще больше. Все выступавшие, рассказывая об освоении новой техники, непременно говорили об общем росте жизненного уровня, о своих запросах в области культуры. Затрагивался этот вопрос и в речах руководителей партии и правительства, которые прямо связывали стахановское движением с началом такого подъема культурно-технического уровня рабочего класса, который подрывает основы противоположности между трудом умственным и физическим.

И еще одно обстоятельство разволновало Бусыгина. Когда на трибуну поднялся семнадцатилетний токарь Куйбышевского карбюраторного завода Николай Курьянов, Г. К. Орджоникидзе спросил его, стахановец ли он. Юноша гордо произнес: «Я бусыгинец!» И добавил: «Здесь все говорят — стахановцы, стахановцы, а мы, рабочие машиностроения, должны говорить — бусыгинцы. Первым организатором у нас был Бусыгин, который дал рекорд выше американского по ковке коленчатого вала». После заседания Бусыгин долго беседовал с Курьяновым. Рассказывал о себе, расспрашивал о его заводе. Потом объяснил, почему движение называется стахановским, в чем заслуга Алексея Стаханова. «Все мы, — говорил Бусыгин, — называем себя стахановцами, и народ нас так называет; все мы работаем в разных отраслях, а служим одному великому делу, все мы работаем во имя народа, во имя социализма».

После этого разговора Бусыгин долго думал о себе, о своей жизни, сравнивал свой путь с судьбой юного куйбышевского токаря. В лице Курьянова выступало самое молодое поколение советского рабочего класса. Оно уже не знало тех трудностей, какие выпали на долю Бусыгина. Курьянов родился после Октября, вырос в колхозе, учился в школе. Приехал в Куйбышев, поступил в ФЗУ, стал комсомольцем. На заводе с отличной оценкой сдал техминимум, работал по седьмому разряду, за смену выполнял несколько норм и уже имел своих учеников. И это в сем-

надцать лет! «Каким же, — думал Бусыгин, — вырастет тогда следующее поколение».

В 1935 году старшему сыну Бусыгина исполнилось девять лет, младший только родился. Пойдут ли они по стопам отца? Кем станут в его возрасте? На кого захотят учиться? Задумываясь над этими вопросами, сравнивая свой путь с судьбой Курьянова, Бусыгин ничуть не сомневался в замечательном будущем своих детей.

Жизнь сложилась так, что Николай действительно продолжил традицию и навсегда связал свою судьбу с рабочим классом. Подобно тому, как это делал его отец, он часто рассказывает дома о коллективе автомобилестроителей, о товарищах по профессии. И точно так же, как прежде Николай слушал своего отца, сегодня внимает старшим его сын Саша. Так что вполне возможно появление на заводе нового Александра Бусыгина как представителя третьего поколения рабочей династии.

Младший сын выбрал иную дорогу: Владимир стал певцом. К музыке он тянулся с детства. Дома все любили народные песни. А у него обнаружился дар, и он, закончив консерваторию, начал артистическую деятельность. И если вам доведется побывать на спектаклях Новосибирского театра оперы и балета, вы непременно обратите внимание на голос и игру Владимира Бусыгина — одного из ведущих солистов труппы.

«Вот видите, — говорит Александр Харитонович, — два сына — две разные судьбы. Один в заводском цехе, другой на театральной сцене. Но мы с женой их не разделяем. Считаем, оба они рабочей косточки, оба продолжают наше рабочее дело. Мы им никогда ничего не навязывали, растили, как полагается в нашей советской жизни, чтобы они работали с душой и приносили пользу всему народу».

В 1935 году, думая о будущем, Бусыгин, естественно, не знал, кем по профессии станут его сыновья, каких высот достигнет новое поколение строителей социализма. Но то чувство ответственности за свою работу, за судьбы всей страны, которое пробудилось у него несколько раньше, на Всесоюзном совещании стахановцев он осознал в такой степени, что оно овладело им навсегда. Он ясно понял, какое значение имеет личный пример и на производстве, и в семейном кругу, и в общественной работе. Недаром свое выступление в Кремле он закончил призывом считать стахановцами только тех рабочих, которые регу-

лярно превышают нормы и одновременно передают свой опыт другим, вовлекая их в число передовиков.

После Всесоюзного совещания стахановцев большая группа новаторов промышленности и транспорта была награждена орденами и медалями. Бусыгин значился среди удостоенных ордена Ленина. Среди награжденных были еще два автозаводца, товарищи по кузнице, — С. А. Фаустов и Т. К. Великжанин. Воодушевленные и счастливые, они втроем ответили письмом в ЦК ВКП(б): «...Мы, непартийные большевики, хотим стать и будем лучшими сынами великой партии Ленина...» Вскоре Бусыгин вступил в ряды коммунистов. И тут на его долю выпало труднейшее испытание.

С весны 1936 году на заводе начал ощущаться явный холодок к стахановскому движению. Как-то незаметно исчезли из цехов доски соревнования, перестали выходить «молнии», не стали появляться портреты новых передовиков. Продолжалась погоня за отдельными рекордами. Некоторые детали заготовлялись чуть ли не на год, в то же время конвейеры не раз простаивали из-за нехватки других деталей. Обдумывая создавшееся положение, Бусыгин, Фаустов и Великжанин послал в газету письмо, где выдвигали вопрос о коренном улучшении планирования. Но перемены не приходили. Хуже того — администрация снарядила Бусыгина на смежные заводы за металлом. Сначала Бусыгин со свойственной ему энергией и настойчивостью взялся за порученное дело. Перебои с металлом действительно мешали производству, и ему казалось, что его хлопоты от имени стахановцев помогут всему коллективу.

Металлурги помогли в первую очередь самому Бусыгину. Они тепло встречали его как знаменитого кузнеца и очень удивлялись, узнав, что он приехал к ним совсем в ином амплуа, в роли обыкновенного «толкача». А когда весть об этом дошла до Г. К. Орджоникидзе, нарком велел немедленно вернуть рабочего на завод и категорически запретил отвлекать его от производства.

Через некоторое время Бусыгин с группой других автозаводцев был вызван в Москву на заседание совета при наркоме тяжелой промышленности. В телефонограмме говорилось, что 25 июня 1936 года в Наркомтяжпроме будет обсуждаться вопрос о выполнении решений декабрьского Пленума ЦК ВКП(б) о стахановском движении. Накануне отъезда руководители цеха передали Бусыгину, как

кто-то выразился, «материалы для выступления». Бусыгин посмотрел текст и нахмурился. Оказывается, все идет хорошо, план выполняется успешно, соревнование организовано умело... «Мне эта шпаргалка не нужна. Я врать наркому не собираюсь», — с этими словами он вернул бумагу. Но разговор не кончился. Бусыгину наперебой стали объяснять, что своей критикой он может подвести большой коллектив, создать в Москве неверное представление о всем заводе, о работающих здесь людях. И вообще не надо говорить в Наркомтяжпроме об ошибках в планировании и в организации стахановского движения: это, мол, частности, и они будут выправлены, не они характеризуют жизнь коллектива...

С тяжелым сердцем ехал Бусыгин в столицу. Что делать? Говорить неправду он не хотел, да и просто не умел. А рассказ о заводских неурядицах мог, получается, бросить тень на весь коллектив. Может быть, не выступать? Тогда и кривить душой не придется, и никого он не подведет. То есть как это не подведет! Промолчать — значит, ввести в заблуждение наркомат. А разве у наркомата и завода интересы разные?!

Приехав в Москву, Бусыгин на второй день отправился в газету «Правда». «Пойду в центральный орган нашей партии, — решил он, — там меня выслушают и дадут совет».

Беседа была обстоятельной. Заканчивая ее, редактор взялся за телефон: «Товарищ Серго! У меня сейчас Бусыгин. Рассказывает он о больших безобразиях на заводе. Что? Направить его к вам? Хорошо!»

Нарком встретил Бусыгина как старого знакомого. Он сразу понял переживания рабочего и, пожимая ему руку, сказал: «Ну рассказывай, говори все как есть, не стесняйся!»

Бусыгин начал сдержанно, с трудом подбирая слова. Нарком слушал молча, лишь изредка задавая вопросы. Потом дружески положил руку на плечо Бусыгина: «Ну, ты не расстраивайся. Все приведем в порядок... Когда я открою заседание, иди на трибуну и говори все как есть — без всяких. Как ты мне говорил, так говори и с трибуны. А за честь твоего завода не бойся. Здоровая большевистская самокритика будет и твоему, да и другим заводам полезна».

Заседание совета при наркоме Г. К. Орджоникидзе открыл тем, что предоставил слово Бусыгину. Казалось, те-

перь все ясно: его поддержала «Правда», одобрил Серго, а все же нелегко было начинать многими днями и ночами выстраданное выступление.

С трибуны он сразу увидел горьковчан: и тех, кто призывал «не позорить» коллектив, и тех, кто разделял его точку зрения. В конечном счете все они любили автозавод, жили его интересами, но в данном случае каждый понимал их по-своему, а двух правд не бывает. Конечно, это нелегко критиковать своих руководителей, людей, которым ты многим обязан, под началом которых ты вырос и стал новатором. Быть может, раньше Бусыгин и смолчал бы, но теперь он смотрел на свою работу, на работу своей бригады, на весь завод по-новому. Он понимал, что как от успехов его бригады зависят успехи всего завода, так и от выполнения заводских планов зависят планы всей промышленности, всего народного хозяйства.

Эти мысли рабочий и изложил всем собравшимся. Он рассказал о неполадках в организации соревнования, об ошибках в планировании, назвал виновных, потом внес свои предложения, как улучшить работу на заводе.

Речь Бусыгина произвела на собравшихся сильное впечатление. И хотя она помогла выправить положение дел, не секрет — некоторые работники обиделись всерьез. Но Бусыгин и в тот день, и много лет спустя был уверен, что поступил правильно, по-государственному. Какие бы потом трудности ни встречались на его пути, он всегда вспоминал историю своего выступления на совете в Наркомтяжпроме.

Летом 1936 года Бусыгин навестил родную деревню. На новенькой, подаренной ему правительством машине М-1 приехал он в Калеватовское. Часами катал деревенских ребятишек и стариков. С почтением и гордостью слушали колхозники рассказы знатного земляка. Все уважительно величали его Александром Харитоновичем. А старый Бусыгин все никак не мог поверить, что его сын Сашка приехал на собственной легковушке и ведет речь о Москве, о совещании в Кремле, о встречах с членами Политбюро и правительства. «Скажи, кто же ты такой?» — спрашивал он сына. И снова, как несколько лет назад, услышал: «Рабочий я, отец, рабочий». Но если тогда Бусыгин гордился тем, что работает на автозаводе и учится повелевать техникой, чтобы делать машины, то теперь он знал и другое: рабочие — это главная опора

Советской власти, это и есть тот класс, который правит страной и ведет ее к новой жизни.

Буквально через месяц Бусыгин еще раз убедился в том, какой большой резонанс имеет стахановское движение не только в нашей стране, но и за ее пределами. Впервые он это почувствовал в ноябре 1935 года на встрече с иностранными делегациями, приехавшими в Москву на Октябрьские торжества. Во вступительном слове председатель ВЦСПС Шверник попросил стахановцев рассказать о своей работе, объяснить, как они повышают производительность труда. Сначала выступил Стаханов, следом за ним — Бусыгин. «Иностранные газеты, — сказал он, — пишут, будто нас зверски заставляют работать, что, мол, из нас жилы тянут». Сказал и засмеялся. Рассмеялись и все сидевшие в зале. И стахановцам, и гостям понравился бесхитростный рассказ о жизни и труде горьковских рабочих. Тепло встречали и других. Выступали и зарубежные делегаты. Они говорили о своих симпатиях к СССР и особо подчеркивали, что каждая победа советского народа является в то же время победой всего мирового пролетариата.

В 1936 году встреча с иностранцами носила совсем иной характер. Это была встреча с представителем Форда. Встретились они на курорте в Гаграх. Американец не поленился из Горького, куда он первоначально приехал, отправиться на юг, где в санатории отдыхал интересовавший его рабочий. Вопросов было много. Переводчик даже устал, а представитель Форда продолжал расспрашивать, не басня ли рекорды Бусыгина, действительно ли так можно работать, не вредит ли такой темп здоровью, и т. д.

Бусыгин отвечал с улыбкой. «Успокоил» насчет здоровья («От веселой работы здоровье может только улучшаться»), объяснил, как организован труд и отдых бригады, сколько секунд уходит на изготовление каждой детали.

Услышав про высокое качество продукции и рекордные секунды, американец развел руками. В самом деле, Россия, которая веками вела счет на пуды, аршины, версты, начинала успешно состязаться с самой Америкой и уже измеряла свои успехи секундами, которые не давались фордовским кузнецам!

Заканчивая беседу, иностранец сказал: «Я имею к вам, мистер Бусыгин, поручение от Форда пригласить вас ра-

ботать на его завод в Детройте. Вам там будут созданы самые лучшие условия. Мы вас забросаем золотом».

Бусыгин поднялся и решительно ответил: «Передайте Форду, что советский рабочий себя за золото не продает. Я работаю для советского народа, для своей великой Родины и всю жизнь буду ей служить. Работать для того, чтобы набивать деньгами карманы капиталистов, я не стану. А что касается хороших условий, то я их имею у себя на Родине».

Посланец Форда постарался сделать вежливую улыбку: «Ну, видимо, кузнецы — настойчивый народ». Бусыгин кивнул головой и добавил: «То же самое на моем месте вам скажет любой советский рабочий, будь то кузнец, фрезеровщик или сапожник».

Нам неизвестно, как описал эту встречу посланец Форда своему хозяину. Может быть, они вспомнили, что еще в конце 20-х годов никто из королей американской автопромышленности не верил в возможность быстрого создания автомобильных заводов в СССР. Может быть, вспомнили, как их газеты писали, что понадобятся десятилетия, прежде чем русские пахари станут рабочими и освоят современную технику. Нет, мы не знаем, о чем они говорили. Но доподлинно известно, что интервью посланца Форда с Бусыгиным стало достоянием печати и что по иронии судьбы именно вчерашний пахарь сначала побил рекорды американских кузнецов, а потом с достоинством отклонил предложение Форда работать на его заводе в Детройте.

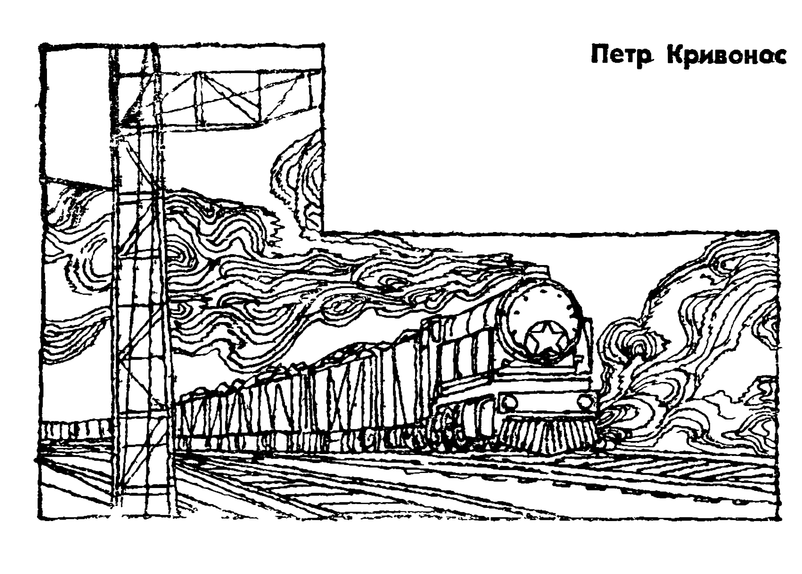
В 1937 году сбылась давняя мечта Бусыгина: он стал учиться в высшем учебном заведении. Годы напряженной борьбы за лучшее освоение техники сменились не менее напряженной борьбой за овладение основами наук. С большим увлечением занимался он и общественной работой (в 1937 году его избрали депутатом Верховного Совета СССР, в 1939-м он был делегатом XVIII съезда ВКП(б)).

Нападение фашистской Германии прервало мирный труд советских людей. Как и другие слушатели Промышленной академии, Бусыгин немедленно вернулся на производство и в должности начальника цеха проработал всю войну. Высокие правительственные награды стали свидетельством его новых заслуг перед Родиной. В 1946 году земляки снова избрали Бусыгина в Верховный Совет СССР. Лишь одно удручало Александра Харитоновича:

здоровье становилось все хуже и хуже. Как ни утаивал он это от семьи и от товарищей, врачи были неумолимы, и в 1957 году пришлось выйти на пенсию. В ту пору нынешняя традиция провожать ветеранов на заслуженный отдых еще только возникала. К тому же он болел и не запомнил того дня, когда ушел с завода.

Но разве Бусыгин ушел с завода?! Уже когда этот очерк был написан, газета «Правда» поместила в мае 1971 года письмо делегата XXIV съезда КПСС, кузнеца Горьковского автозавода, Героя Социалистического Труда А. Огнева. Знатный рабочий поднимает вопрос о том, как лучше выполнить девятый пятилетний план. И символично, что, думая о завтрашнем дне, он с гордостью пишет: «Именно в нашем цехе в 30-е годы зародилось прогремевшее на всю страну движение бусыгинцев. Знаменитый кузнец, Александр Харитонович, теперь убеленный сединами ветеран, — частый и желанный гость в нашем цехе. Давно уже многократно перекрыты и стали нормой трудовые рекорды Бусыгина. Но не погасло зажженное им и его товарищами социалистическое соревнование, приумножены славные трудовые традиции нашего коллектива, родившиеся в годы первых пятилеток».

Да, горьковчане ценят тех, кто построил автозавод, тех, кто стоял у истоков их сегодняшней славы: Бусыгин и его товарищи были первыми — и им первая почесть.

Петр Кривонос

...Открыта дверь на балкон. Открыта дверь в приемную. По огромному кабинету гуляет ветер, играет отложным воротником рубахи, шевелит густые, с заметной сединой волосы.

А в управлении необычно тихо. Потянулся к кнопке — позвать секретаря, да вспомнил: выходной день. Значит, только где-то в недрах здания, расчлененного сетью коридоров и лестниц, трудятся дежурные службы.

Зазвонил телефон, замигал зеленый огонек. Привычным движением, не глядя, нажал нужную клавишу:

— Да. Кривонос слушает...

Звонили из Ясиноватой. Спрашивали, приедет ли на той неделе, как собирался.

— Вроде бы я от своего слова никогда не отказывался. — Голос Кривоноса звучал сухо, но когда разговор закончился, морщины на лбу и переносице вмиг разбежались. Чего там скрывать? Было приятно, что знают люди его привычку и в субботу и в воскресенье приходить в управление.

Так он поступал всегда. И в тех случаях, когда призывали неотложные дела, и в дни, не отмеченные особой необходимостью бывать в этом кабинете. Если бы у него спросили, откуда такая привычка, то, наверное, не сумел

бы толково ответить. Разве что сослался на железную дорогу: она-то работает без выходных...

Из нижнего ящика стола вытащил несколько папок, взвесил их по очереди на широкой ладони, одну оставил, остальные положил на место. Бантик тесемки развязался легко, и крышка папки пружинисто поднялась, выскользнули фотографии.

Вот он с Никитой Изотовым. С Алексеем Стахановым. С Марийкой и Маринкой — Демченко и Гнатенко. На курорте снимались. Молодые какие еще были!..

А вот вместе с наркомом стоит у паровоза... С ребятами из ПТУ... Приехал к ним в училище на встречу. Когда же это было? Года четыре назад, наверное...

Сколько раз по воскресеньям, когда не захлестывает текучка, когда никто не рвется на прием, он собирался пересмотреть эти фотографии, вспомнить молодость, поговорить с самим собой о жизни. Но стоило очутиться за рабочим столом, как долго накапливавшееся настроение враз испарялось. Обстановка здесь неподходящая, что ли? И дела всегда находились срочные.

Но, может, не будет сегодня больше звонков? Хорошо бы!

Ветер захлопнул балконную дверь, и одна из фотографий спланировала на пол. Отодвинул кресло, поднял ее, вгляделся в парня, высунувшегося по пояс из окна паровозной будки, и пришли воспоминания...

1 июня 1935 года... На трудном перегоне Славянск — Лозовая промчался тяжеловесный угольный эшелон. Поезд вел молодой машинист, установивший тогда небывалый рекорд скоростной доставки грузов. За этой поездкой последовали другие, во время которых, совершенствуя приемы и методы своей работы, он на своем паровозе развивал все большие и большие скорости.

Паровоз вошел в жизнь Кривоноса с самого раннего детства. В 1912 году, когда Петьке исполнилось два года, его отец Федор Парамонович вместе с семьей переехал из Феодосии в Славянск, стал работать столяром в железнодорожном депо.

Конечно же, каждый деповский мальчишка видел себя за паровозным реверсом, ну, в крайнем случае, в роли помощника машиниста. Поэтому и околачивались мальцы день-деньской у будки смазчиков, где после рейса останавливались машины. А когда удавалось проехаться, считали себя счастливейшими в мире. Мать, бывало, спро-

сит: «Кем ты будешь, Петя?» И он не задумываясь отвечал: «Машинистом!»

А время было грозное, тяжелое. На Украине орудовали гайдамацкие банды. Они врывались в Славянск, жгли, грабили... До школы ли тут? Но учеба тянула: Петр понимал, что без знаний нет пути на паровоз.

Пришли мирные дни. Закончил он семь классов, подал заявление в школу фабзавуча, чтобы изучить паровозное дело, стать машинистом. Вывесили список принятых; его фамилии нет. Побежал в канцелярию, а там говорят:

— Заявлений много, а мест мало. У тебя отец столяр, он может обучить своему ремеслу...

Переживал тяжело. Конечно, столяр — профессия хоть куда. Но далеко ей до паровозной. Там — дерево, здесь — металл, нагретый от бега, густо пахнущий маслом и дымом. Дерево послушно, только приложи старанье, а машина с норовом, как целый табун лошадей. Чтоб обуздать машину, надо изучить множество всяких вещей, надо быть сильнее ее... А главное — есть у паровоза скорость!

Неудачу Петр переживал тяжело, целыми днями слонялся без дела, не находя себе места. Потом «взялся за ум», сел за учебники. И осенью 1926 года переступил порог школы фабзавуча.

Поставили парня сначала у деревянного — условного станка и дали пилить условную деталь. Это вырабатывало навык, развивало кисть руки, но было скучно. И очень он обрадовался, когда перевели на настоящий станок. Обрабатывал французские ключи, делал кронциркули, микрометрические винты. Получалось неплохо. И раньше других ребят назначили Петра на ремонт паровозов.

Определили в буксовую бригаду, поставили пришабривать подшипники. Потом уж дали другие поручения. Он жаждал этой работы, отдавался ей целиком: ведь, ремонтируя детали паровоза, узнаешь назначение каждой из них, их взаимодействие. Не пройдя этой стадии, не станешь машинистом.

После ФЗУ Петр поступил слесарем в паровозное депо. Однако желание управлять паровозом не покидало его ни на минуту. И вскоре Кривоноса назначают помощником машиниста маневрового паровоза.

«Как только узнал, что поеду помощником, я страшно обрадовался... Накануне дежурства побывал на паровозе,

всего его ощупал, осмотрел...» — вспоминал он много лет спустя.

Через некоторое время Кривоноса переводят помощником машиниста уже на поездной паровоз. В том же 1929 году в его жизни произошло еще одно радостное событие — Петр вступает в ряды Коммунистической партии.

Ему не терпелось детально изучить паровоз, его технические возможности, разобраться в тонкостях управления локомотивом. Не раз за полночь засиживался за чтением брошюр и технических журналов. Многому научился Петр и у своего наставника, опытного машиниста Макара Васильевича Рубана.

Этот человек был романтиком, его, как и Петра, увлекали высокие скорости. И в то же время старый машинист боялся переступить установленные пределы, хотя не раз с болью в сердце говорил своему помощнику о несуразности некоторых инструкций.

Комсомольская организация направляет молодого железнодорожника в Днепропетровский институт инженеров транспорта. Экзамены он сдал успешно. Однако учиться там пришлось недолго: в мае 1932 года комсомол — шеф авиации — мобилизовал группу студентов в Луганскую летную школу. Шаг за шагом, с большой настойчивостью Петр овладевает сложным искусством управления самолетом. Но вдруг в разгар полетов он почувствовал себя плохо. Приговор врачебной комиссии неумолим: для службы в авиации не годен.

И снова родные места. Улица вьется в садах, пахнущих вишнями и медом. Возле деповской конторы встретил Макара Васильевича Рубана. Обрадовался он Петру. А когда узнал, что тот вернулся насовсем, то снова позвал к себе помощником.

В пути у помощника машиниста главное дело — хорошо топить. Кочегар только подает уголь с тендера в лоток, а сам в топку не бросает. Уметь топить — первое дело для помощника.

Макар Васильевич объяснял:

— Стой твердо, упрись ногой и работай руками. Бросай уголь враструску — так, чтобы вся лопата ушла в топку.

Петр старался изо всех сил. До седьмого пота. До темени в глазах, которую не прошибало даже разъяренное пламя. Казалось, все получается так, как наказывал Рубан. А старик свое:

— Как лопату-то держишь? Прямее, прямее! Уголь должен ложиться в топке веером, тонким и ровным слоем... Вот теперь лучше. Теперь огонь будет ровный и белый, а уголь сгорит без остатка. Ну валяй, хорошее парообразование пошло!..

Учил Рубан помощника и другим премудростям профессии, а переступить закрет не решался. «Тише едешь — дальше будешь» — эта поговорка на железнодорожном транспорте тогда была еще чем-то вроде закона. Выехал поезд из депо, и замелькали неторопливо по сторонам перелески, рощицы, поплыли поля. Красота! Спокойствие! Скорость-то не выше 23 километров. Как на прогулке. А быстрее — боже упаси! Тут же оштрафуют за «превышение установленных соответствующими нормами технических скоростей». Товарные поезда ездили на малом клапане — он открывает путь пару из котла в цилиндры. Рядом же бездействовал большой клапан.

Кто установил правило: большой клапан не открывать, пользоваться только малым, — неизвестно, но придерживались его строго. Существовало даже «теоретическое» обоснование: машинист грузового поезда не может развить скорость — в его распоряжении всего один перегон, а транспорт-де достиг уже предельной производительности. И теряла техника силу, не давала того, что от нее можно было взять.

Петр пошел бы против правил, но над ним был машинист, приходилось мириться и ждать. Ожидание, к счастью, оказалось недолгим. Вскоре развернулся третий Всесоюзный конкурс паровозных бригад, и тем, кто ратовал: тише едешь — дальше будешь, пришлось на время приутихнуть. Конкурс вывел Рубана в лучшие машинисты страны, а Кривонос стал лучшим помощником машиниста.

После этого Петр поехал в Кременчуг на специальные курсы, и в ноябре тридцать третьего получил право самостоятельно управлять паровозом. Возвращался в Славянск радостный, возбужденный. А начальник депо отказался дать паровоз: «Поработай еще лет пять помощником, тогда уж...»

Петр пошел в комсомольский комитет. Ребята поддержали, «выбили» ему паровоз ЭХ-684-37, назвали его комсомольским и потребовали:

— Покажь-ка нашу скорость!

Кривоноса не надо было подстегивать. И хотя за первое превышение установленной скорости он заработал вы-

говор, не испугался, не остановился. Его комсомольская бригада ощущала поддержку коммунистов и продолжала «нарушать» нормы скоростей.

Время и обстановка были такими, что требовалось ломать устаревшие нормы, форсировать развитие индустрии, работу шахт, рудников, заводов, транспорта. На транспорте скорости возмещали недостачу паровозов и вагонов. Они создавали стремительность жизни, а жизнь рождала все новые и новые скорости.

Скорость была заманчивой и коварной. Лихачи мчались под уклон сломя голову. Врывались на станции так, что проскакивали семафоры. А на подъеме, где как раз и нужно было заставить паровоз выложиться, тянулись, словно на волах. Опять уклон — и снова гнали.

Картамышев, например, дважды достигал шестидесяти с лишним километров в час, и оба раза рвал состав на несколько частей. А что крушений не было — просто везло человеку.

Поспешая, Петр словно ощупывал скорость. То даст ей волю, то осадит. Прислушивался к паровозу, будто ждал от него совета. Только ведь кажется, что скрипач в мгновенья творческого экстаза подчиняется своему бешеному смычку. Даже если в партитуре написано «Быстро! Еще быстрее! Как можно быстрее!», и, повинуясь этому указанию, все стремительнее летит мелодия, мысль музыканта все равно опережает ее.

Петр приручал скорость, заставлял ее повиноваться, чтобы при необходимости сильнее разогнать состав. Около Шидловки есть небольшой уклон — Кривонос здесь закрывал пар. Дальше — подъем. И Петр «натягивал» перед ним поезд, открывая большой клапан, проходил подъем быстро, и вагоны словно прилипали друг к другу. Сила тяготения, созданного скоростью, связывала их крепче любой сцепки.

Центральный Комитет партии обратился с призывом к железнодорожникам — развернуть решительную борьбу за ускорение перевозок и оборота вагонов, экономию времени, недопущение аварий, за высокую дисциплину и организованность.

Одним из первых откликнулся на этот призыв партии Петр Кривонос: «Нам доверили перевозить все богатство СССР: хлеб, уголь, руду, машины и самый ценный капитал — людей. У нас всяких богатств с каждым днем становится все больше и больше. Надо быстрее возить,

больше перевозить... А ведь это вполне возможно, если машину полностью использовать, ехать не на малом клапане, а на большом, увеличить форсировку котла».

...Такому не научишься и у самого лучшего наставника — только опыт, практика могут подсказать оптимальное решение. Издавна считалось, что паровоз серии «ЭХ» может дать лишь 37 килограммов пара с квадратного метра поверхности нагрева. Но с этим запасом, как говорится, не разбежишься. И Кривонос постепенно увеличивал форсировку котла. 40 килограммов... 42... 45... Наконец 48! Котел и не думал протестовать. Паровоз шел нормально.

Чем же оправдывался риск? Прежде всего знанием паровоза. Петр изучил его до винтиков. Другие машинисты после рейса тут же шли в душ, он же вместе со слесарями-ремонтниками лез в смотровую яму. Чистил и скоблил машину, регулярно продувал котел и дымогарные трубы... Многие не делали и десятой доли того.

1 июня 1935 года на участке Славянск — Лозовая Кривонос провел товарный поезд в 1750 тонн со средней скоростью 31 километр в час вместо 23,5 указанных в графике. При этом он не только не допустил перерасхода топлива, а еще и сэкономил 200 килограммов угля.

Честно говоря, возвращаясь из поездки, бригада и не подозревала, какое великое дело сделано. Передал Кривонос паровоз напарнику, понес дежурному по депо маршрутный лист. Дежурный посмотрел и ахнул:

— Неужели так быстро ехал?!

Собрались машинисты. Начались пересуды. Один из них, Миша, горлопан и аварийщик, кричал яростнее всех:

— Руку даю на отсечение — липа!.. На нашем участке такой скорости не было и не будет!

Другие были более сдержанными:

— Это случайность. Один рейс дела не решает. Пусть еще попробует!

На другой день Петр провел на том же участке поезд со скоростью 33 километра в час. На третий день достиг 34 километров, на четвертый — 37.

Многие призадумались. Нашлись и такие, которые решили тоже попытаться увеличить скорость. А однажды сам Макар Васильевич Рубан при всех сказал Кривоносу:

— Петя, иду к тебе на выучку. Покажи, как надо работать!

Но кое-кто все-таки не унимался: не верил в рекорды. И тогда Петр обратился в партийную организацию.

Товарищи посоветовали ему взять с собой на паровоз самых скептических и дотошных машинистов. Съездили они с Петром несколько раз и выступили в газете с заметкой:

«...За три дня тов. Кривонос сделал три поездки с разными поездами. Техническую скорость он значительно перевыполнил на участке Славянск — Лозовая... Поездки были сделаны в обычных для Славянского отделения условиях...»

Кто-то первым должен переступить рубеж неизведанного — то ли в космосе, то ли на Земле. Тогда за ним последуют другие, повторят его опыт, двинутся дальше.

Смелое начинание Кривоноса поддержали в парткоме депо Славянска. Начальник Славянского политотдела Донецкой дороги Федор Федорович Степанов постоянно интересовался кривоносовскими рейсами, условиями работы, тем, что мешает добиваться более высоких результатов. «Ты большевик, — говорил он Петру, — и ведешь своей ездой депо Славянск на верное дело... Крепко помни, что ты не один, тебя вырастила партийная организация, она всегда с тобой и за тебя». Вопрос о почине Кривоноса стал предметом обсуждения во всех партийных организациях дороги.

А сам Петр почти в каждом рейсе хоть немного, да наращивал скорость. И вот впервые стрелка на приборе уперлась в цифру 50...

В один из тех горячих дней на путях возле депо появился вагон с надписью: «Политотдел Донецкой железной дороги». Заведующий поездными бригадами разыскал Петра:

— Тебя вызывают!

Оказывается, прибыла выездная редакция газеты «Железнодорожник Донбасса». Кривоносу предложили написать заметку, рассказать о своем методе работы.

Всю ночь просидел Петр, выкладывая на бумагу накипевшее. Много раз исправлял написанное, искал слова, которые бы точнее выразили мысли, чувства. Он писал о том, что наш транспорт идет в гору, о том, что паровозов становится все больше и класс их повышается — партия и правительство заботятся о совершенствовании транспорта. Писал он и о непорядках, о тех, кто мешает прогрессу, выдумывает всякие-разные причины, которые якобы не позволяют увеличивать скорости и ведут к авариям.

Так в газете появилось кривоносовское обращение

«К машинистам депо Славянск, ко всем машинистам Донецкой дороги»:

«...Разве можно молчать, когда паровоз как машина используется только на три четверти, а то и наполовину?.. Мы ездим до сих пор с низкой технической скоростью и считаем, что так и должно быть... Ездить можно лучше. Так почему же наши машинисты не выполняют технической скорости, делают обрывы, не хотят лучше использовать паровозы? Некоторые прямо в штыки встретили повышение технической скорости и увеличение веса поездов, начали болтать, что неизбежно будут аварии, опоздания. Давайте разберемся, товарищи, в тех причинах, что выставляют эти люди. Басню о том, что будут обрывы (и многие делают), я опровергаю своей собственной работой и работой других товарищей, которые хорошо ездят. По-дурному ехать, так можно обрыв сделать и в поезде из трех вагонов...

Правильно топить, форсировать котел, умело использовать пар, хорошо изучить профиль пути, каждую секунду начеку, ездить сознательно, без ухарства — это мои законы. Я сознаю всю свою ответственность перед партией и страной за дело транспорта и потому обращаюсь к вам, товарищи-паровозники Славянского депо и всей дороги, с горячим призывом:

Довольно топтаться на месте!

Мы можем и должны сами сказать и своей работой доказать, насколько можно улучшить использование паровоза! До предела еще далеко!»

Это было 14 июня 1935 года, а 27 ноября письмо Кривоноса перепечатала центральная газета «Гудок».

Интерес к почину новатора возрастал. В течение почти всего июля проходят собрания, конференции, посвященные успехам кривоносцев на Донецкой железной дороге. Машинисты Дебальцева, Купянска, Сватова, Родакова и других станций решили последовать его начинанию. Они тоже, в свою очередь, выступили с обращением: «Мы обещаем начатую борьбу за полное использование мощности паровоза довести до конца. Всем предельщикам, хныкающим оппортунистам мы заткнем глотку хорошей, безаварийной ездой, высоким классом использования паровоза».

По-кривоносовски стали трудиться уже сотни железнодорожников страны. Эстафету Кривоноса подхватил машинист Александр Огнев из депо Тула. На своем паро-

возе он преодолел за месяц 15 тысяч при норме 7—8 тысяч километров. Иван Блинов из депо Курган стал инициатором движения машинистов-тяжеловесников. Машинист Амурской железной дороги Валентин Макаров провел одним паровозом поезд от станции Сковородино до Москвы, покрыв расстояние в 7500 километров. Он еще раз разбил устаревшее представление, согласно которому после 2500—3000 километров пробега паровоз необходимо ремонтировать.

Вслед за машинистами начали ломать нормы и пределы представители других отраслей железнодорожного транспорта. Среди работников службы движения отличились составители поездов Донецкой магистрали Максим Кожухарь и Кирилл Краснов, которые благодаря передовым приемам в несколько раз сократили время, отводимое на формирование поездов. Диспетчер Днепропетровского отделения Николай Закорко показал пример образцовой борьбы за график движения поездов на основе четкой и согласованной работы с железнодорожниками других профессий. А в итоге весь транспорт действовал лучше, надежнее и быстрее обеспечивал нужды народного хозяйства, содействуя его бурному росту и укреплению.

30 июля 1935 года в Кремле принимали лучших железнодорожников страны. Среди них был Петр Кривонос. Руководители партии и правительства высоко оценили значение почина новаторов, отметили ряд достижений в работе железнодорожного транспорта и поставили новые задачи. (Спустя год ЦИК СССР принял постановление об установлении ежегодно 30 июля, в годовщину приема, Всесоюзного дня железнодорожного транспорта СССР.)

Радостный и взволнованный вернулся Кривонос в Славянск. Он решает провести тяжеловесный поезд на участке Константиновка — Ясиноватая. Рейс трудный, участок имеет затяжной подъем. Но поезд прибывает раньше времени: вместо трех часов двух минут по графику было затрачено всего два часа семь минут. Слава о Петре Кривоносе росла, его примеру следовали все новые и новые машинисты.

Со всех концов Советской страны шли письма. Старый кадровый машинист-орденоносец Франц Феликсович Яблонский писал: «Ты молодой машинист. Мои волосы уже покрыты сединой. Но я буду соревноваться с юношеским энтузиазмом и большевистским задором. Я предлагаю

встретиться и вместе разработать социалистический договор».

Кривонос приступил к созданию своей колонны — в нее вошли сначала пять паровозов: машины Рубана, Ерлошко и других испытанных товарищей. Затем в колонну включались новые и новые паровозы. Вырабатывалось нерушимое правило: в колонне могут работать лишь те, кто на своих локомотивах не знает аварий, систематически перевыполняет нормы технической скорости, не допускает пережога топлива.

6 августа 1935 года Петр Кривонос был награжден орденом Ленина. А через несколько дней пришло известие: в Донецком бассейне, на шахте «Центральная-Ирмино» забойщик Алексей Стаханов за шесть часов работы выдал на-гора 102 тонны угля, намного превысив все рекорды добычи «черного золота».

Кривонос получил письмо от Стаханова:

«Мы, шахтеры, будем добывать 200 тысяч тонн угля ежесуточно, изо дня в день, этот уголь доставляйте на фабрики, заводы, в города нашей необъятной и могучей социалистической страны».

В стране началось стахановское движение. Пионером и зачинателем его на транспорте стал Петр Кривонос. Он отправляется на станцию Ясиноватую. Там его ждут десятки машинистов из разных городов. Строго, дотошно расспрашивают они о делах, вникают во все мелочи. Из Ясиноватой — в депо Кавказская. Снова встреча с машинистами и составителями поездов.

А 25 сентября 1935 года в Артемовске собрались на совещание уже 108 машинистов Донецкой дороги, работающих по-новому, или, как они говорили, оказывая Петру высокую честь, «по-кривоносовски». Движение разрасталось, приобретая последователей на всем транспорте.

Главный кондуктор Красно-Лиманского резерва Ворона обеспечил доставку сборного поезда на восемь часов и четыре минуты раньше установленного срока. Составитель станции Дебальцево-Сортировочная Краснов сформировал два поезда, затратив на каждый по пять минут вместо обычных полутора часов.

Понадобился лишь толчок. Ломать устарелые приемы, создавать новые, резко увеличивающие производительность труда принялись тысячи людей, увлеченные идеями социалистического преобразования страны, силой примера

Великого почина, который так высоко оценил Владимир Ильич Ленин.

К ноябрю тридцать пятого Кривонос показал 47 километров в час. Эта цифра была достигнута уже не в ходе кратковременного эксперимента, а являлась рекордной средней технической скоростью. Бригада Кривоноса постоянно экономила топливо. Если на участке Славянск — Лозовая в 1934 году приходилось по норме 7 тонн угля, то в ноябре 1935 года кривоносовская бригада сократила расход топлива на 1,5 тонны. На паровозе Кривоноса установилась высокая культура труда: каждый четко знал и выполнял свои обязанности, во всем соблюдалась предельная точность, рабочее место поддерживалось в идеальной чистоте... С такими показателями Кривонос поехал на Первое Всесоюзное совещание стахановцев.

После выступления Алексея Стаханова слово предоставили Петру Кривоносу. Уже утихли приветственные аплодисменты, а он все никак не мог оторвать рук от края трибуны. Силой природа его не обделила, смелости тоже вроде не занимать, а тут растерялся: впервые вышел один перед такой огромной аудиторией.

Потом уж Петр корил себя: чего это труса отпраздновал? Ведь свои все сидели в зале. Шахтер Алексей Стаханов, Макар Мазай, металлург, ткачихи Дуся и Мария Виноградовы... Рабочие люди, воспитанники партии, Ленинского комсомола.

Постепенно волнение улеглось, и Петр стал с увлечением рассказывать о своем опыте, о товарищах, об их жизни, думах и заботах. Он и здесь подчеркивал, что его успехи не случайность, они могут быть достигнуты любым, кто полюбит свою работу, кто познает все тонкости своего производства.

«Секрет быстрой езды очень прост, — говорил Кривонос. — Надо знать свой участок не хуже путевого обходчика. Надо смотреть в оба, где кривое, где подъем, где спуск. Самое главное — не прохлаждаться на паровозе у малого клапана, открыть большой и не только на подъемах, но и на площадках. На подъемах не тянуться, развивать большую скорость на площадке, а под уклон съезжать без ухарства — вот основное правило быстрой безаварийной езды».

Нескладно говорил этот парень. И сам он был неуклюжим, ершистым, как и его речь. Зато почин его обернулся широким движением.

Вскоре Кривонос выступил на страницах газеты «Гудок», написал брошюру о своей работе. Так родились заповеди машиниста-стахановца:

«Тот не машинист, кто постоянно не прислушивается к пульсу своего локомотива...»

«Веди счет каждой минуте, даже секунде, используя ее для ускорения хода локомотива, показывай пример уважения к графику — основному закону транспорта...»

«Будь на паровозе подлинным командиром-единоначальником, воспитывай бригаду, знай быт, запросы и чаяния своего помощника и кочегара...»

«Добейся, чтобы товарищи твои стали стахановцами, помогли отстающим, передавай свой опыт, будь вожаком, учи работать без аварий и давать высокие скорости...»

Сам Петр свято выполнял все эти заповеди и требовал того же от других. Вот почему сообщение диспетчеров: «Едет Кривонос!» переводилось: «Подтянись!»

Кривоносовское движение убедительно показало, какие неисчерпаемые резервы имеются на железнодорожном транспорте. В 1935 году по сравнению с 1934-м погрузка на железных дорогах увеличилась на 22,5 процента. Впервые за целый ряд лет был превышен годовой план. При этом рост перевозок происходил главным образом за счет улучшения использования подвижного состава. Увеличилась скорость грузовых поездов, увеличились среднесуточные пробеги паровозов и вагонов.

В начале 1936 года Кривонос получил новый паровоз серии «ФД». Надо было испытать, на что способна машина, какой экономический эффект принесет ее эксплуатация. Петр совершает пробный рейс с тяжеловесным поездом и добивается скорости 51 километр в час. Он не только осваивает новый паровоз, но и совершенствует отдельные узлы машины, что позволило быстрее набирать скорость, снимать больше пара. Все это дало возможность довести техническую скорость паровоза серии «ФД» до 70 километров в час; в отдельные же рейсы она достигала и 80—90 километров. Но и при этом машинист настойчиво ориентировал своих учеников, что достигнутые им и его последователями результаты еще не предел.

Кривонос уже тогда зарекомендовал себя хорошим организатором. Его неутомимая энергия, юношеский задор заражали всех окружающих. В нем сочетались строгость и требовательность с чуткостью и уважением к рабочему человеку. В поселке он был для многих просто Петр, но

на паровозе, на станции эти же люди с уважением называли его Петром Федоровичем или товарищем Кривоносом. Он находил подход к людям, и они ему верили, охотно шли за ним.

В апреле 1937 года двадцатисемилетний машинист был назначен начальником крупного на Южно-Донецкой дороге депо Славянск. Ему поручили превратить руководимое им депо в лабораторию стахановских методов.

«Немножко не верилось, что я, машинист, знавший только регулятор своего паровоза, буду руководить деятельностью депо, в котором работает около двух тысяч человек. Но духом я не падал».

Нового начальника постоянно видели среди людей. Мастер подсобного цеха Малолетний вспоминает: «Собственно говоря, ходить к Петру Федоровичу за помощью мне лично не приходилось. Он сам приходил ко мне в цех, и мы вместе обдумывали и решали все вопросы».

Начал он с внедрения культуры труда на всех участках работы. Поддерживал новаторов, оказывал им товарищескую помощь.

Нетерпим был Кривонос к случаям простоев паровозов, где бы и по какой бы причине это ни происходило: в подъемочном ли ремонте из-за недогрузки станков, в погрузочно-разгрузочных работах из-за плохой организации труда или плохого использования техники. Он и здесь, как бывало на паровозе, требовал от всех умения дорожить рабочим временем. Внимательно следил за высокими скоростями и безаварийной ездой машинистов. Сколько раз рассказывал паровозным бригадам о своих «секретах»!

К осени 1937 года результаты работы депо были налицо: неузнаваемыми стали цехи: они стали чистыми, нарядными, светлыми. Радовали глаз цветы. А главное — к концу 1937 года депо вышло из экономического прорыва: если в первом квартале по ремонту и эксплуатации был перерасход в 383 531 рубль, то в четвертом квартале (на 1 декабря 1937 года) абсолютная экономия после того, как все прежние долги были покрыты, выразилась в сумме 218 166 рублей.

Особенно радовали Петра Федоровича люди. За время его работы появилось 320 стахановцев, 122 ударника, 211 командиров-выдвиженцев.

И здесь, на новой работе, Петр Федорович Кривонос умел смотреть на порученное дело с общегосударственных позиций. Вот почему в рабочем клубе Славянска осенью

1937 года рабочие единодушно выдвинули его кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Теперь к его работе прибавились большие общественные обязанности.

В мае 1938 года его назначают начальником Южно-Донецкой дороги. Кривонос переезжает в Ясиноватую. Он принадлежал к той новой плеяде командиров производства — еще недавно простых рабочих, — которые прекрасно знали все тонкости и особенности транспорта, всегда были инициаторами нового.

Он искал и воспитывал убежденных новаторов-стахановцев дороги, создавал условия для их подвижнического труда. Многие машинисты стали водить тяжеловесные поезда по кольцевому графику с повышенной скоростью. Включились в соревнование ремонтники, движенцы, путейцы, вагонники, связисты. На новую вахту встали тысячи железнодорожников. Число стахановцев дороги с 6 тысяч выросло до 164 тысяч. По инициативе руководства Южно-Донецкой дороги организуется соревнование железнодорожников с горняками, металлургами, машиностроителями.

На партконференции в феврале 1939 года Кривонос заявил: «Впервые за время существования Южно-Донецкой дороги в зимние месяцы обеспечено полное выполнение государственного плана погрузки. Сверх плана в феврале грузим 130 тысяч тонн угля и 45 тысяч тонн металла».

В конце 1939 года Петр Федорович получает третью награду — орден «Знак Почета». А вскоре его назначают начальником Северо-Донецкой дороги, пожалуй, крупнейшей в то время угольной магистрали страны. Только Дебальцевское отделение этой дороги перевозило около 70 тысяч тонн угля в сутки. И на этом посту Кривонос сохранил тот же стиль работы: быть в гуще людей, замечать, поддерживать, воспитывать, выдвигать инициативных и способных. И чем больше он требовал от своих подчиненных, тем больше он проявлял к ним внимания, заботы о их жизни. Выполнял тогда и огромную общественную работу как член ЦК ВЛКСМ, депутат Верховного Совета СССР, член ЦК КП(б) Украины.

И когда началась Великая Отечественная война, он немедленно перестраивает работу коллектива дороги на военный лад. Как и на всей сети, на магистрали был введен особый — воинский — график движения поездов. Вся жизнь коллектива была подчинена лозунгам партии: «Все для фронта!», «Все для победы над врагом!».

Формировать эшелоны и обеспечивать их скорейшее продвижение приходилось в условиях частых налетов фашистской авиации, а ночью — при строжайшей светомаскировке. Однако темпы работы не ослабевали. На запад мчались воинские составы, на восток — составы с эвакуированным населением, промышленным оборудованием и другими материальными ценностями. Там, где раньше формировали за смену 8—10 эшелонов, теперь нередко приходится готовить 15—16.

В наглухо затемненный кабинет начальника Северо-Донецкой дороги приходили сводки: за четыре месяца — 200 налетов гитлеровской авиации, на железнодорожные объекты сброшено 1400 бомб.

Да, здоровьем и силой природа его не обделила. Однако и этой силы могло не хватить. Но он оставался машинистом, а машинист ведет паровоз до последнего.

В Артемовске, казалось, был не один, а сразу несколько Кривоносов. Начальнику дороги приходилось в секунды решать головоломные задачи. Вот звонят из Межевой: появился фашистский истребитель. Еще сообщение — пошли бомбардировщики. А на Межевой стоят на платформах наши пушки, на Межевой два эшелона с детьми.

«Резервный локомотив — детям!.. Ничего, потянет, опыт есть. Кто машинист? Давыдов? Передайте Алексею Михайловичу: Кривонос просит... А тот груз — на боковую ветку, пусть в лесу отстоится. Все! Через двадцать минут доложите!»

Вот когда пригодились встречи с железнодорожниками, которыми были богаты предвоенные годы! Он знал машинистов — старых и молодых, мог безошибочно, по памяти, начертить схему станционных путей и развязок. Даже многие паровозы знал «в лицо» Кривонос, потому что показывал на них методы своей работы.

Интересны такие факты. В прифронтовой полосе продолжалось социалистическое соревнование — война не остановила кривоносовского движения. Сколько, например, существовал железнодорожный транспорт, столько составы для переформирования разбирали с одной стороны — удобнее и безопаснее. В дни военной страды в Донбассе начали разбирать составы и с «головы», и с «хвоста». Выгадывались минуты, но эти минуты позволяли увезти из-под бомбежки ценный груз, перебросить вовремя подкрепления.

Однажды пришло распоряжение Государственного Ко-

митета Обороны: делать бронепоезда. Деповские рабочие дни и ночи восстанавливали ушедшие на покой машины, оснащая их такой броней, что от нее отскакивали фашистские снаряды. Трудились по-кривоносовски, да еще с поправкой на военное время.

В октябре 1941 года гитлеровцы оккупировали некоторые участки местных магистралей Донбасса. Управление Северо-Донецкой дороги перебазировалось в Ворошиловград, продолжая осуществлять руководство военно-хозяйственными перевозками.

Летом 1942 года в результате нового немецкого наступления враг захватил всю территорию Донецкого бассейна.. Железнодорожники, эвакуируя все ценное, покидали станции и узлы. Последним уходил Петр Кривонос.

Партия направляет его на новую работу — начальником Томской железной дороги. На этой важной сибирской магистрали в трудные военные годы решались задачи по выполнению важнейших заданий фронта и развивающейся военной экономики страны.

Работа в Сибири складывалась из тысячи дел, объединенных одной целью, одним смыслом: обеспечить фронт. Можно смело сказать, что, находясь далеко от действующей армии, Кривонос все равно воевал. Воевал так же, как работал на паровозе, и еще яростнее, еще самоотверженнее и умнее.

В Сибири Петр Федорович встречал немало своих земляков. Они тянулись к нему, приезжали из дальних мест, мерзли в подбитых ветром шинелях железнодорожников в ожидании попутного, а все-таки добирались. Не заступничества искали люди, не помощи просили. Просто хотелось им поговорить с Кривоносом, памятным еще по «мирному времени». Они помнили его постоянную уверенность, ощущение богатырской силы, исходившей от этого человека рабочей кости.

— Я из Казатина...

— Я из Ясиноватой...

— Из Киева мы...

— Из Луганска...

— Из Попельни...

Знакомые и незнакомые лица. Тысячи вопросов, среди которых чаще других звучал один: «Скоро ли победим?» Они не сомневались в победе сами, а рядом с Кривоносом, покорившем скорость, любые сомнения вообще были нелепы.

— Точно не могу сказать, — ворчливо отвечал загруженный делами сверх головы Кривонос. — Но по всему чувствуется, что скоро вернемся в родные места. Видите, сколько эшелонов с пополнением к фронту спешит? Да разве устоит враг против такой силы?! А ты, мать, кем работаешь? Стрелочница, а-а... Детей-то много? Муж на фронте?.. Знаешь, возьми-ка для младшего. У железнодорожного начальства паек ха-арощий!.. Чего отказываешься — свои ведь. А после войны я к тебе за долгом загляну. Смотри, вот записываю адрес: Станционная улица, дом восемь... Вернешь должок, не забуду.

Он не был уверен, что этот дом на Станционной улице цел. Фашисты особенно старательно бомбили вокзалы, депо. Почти два года донецким железнодорожникам пришлось работать в фронтовых условиях.

А когда наступил 1943 год и от врага были очищены донецкие железнодорожные коммуникации, Петр Федорович Кривонос снова руководит Северо-Донецкой дорогой.

Надо было приступать к восстановлению разрушенного гитлеровцами транспортного хозяйства. Огромный ущерб причинил враг донецким магистралям, разрушив 8 тысяч километров пути, 1500 мостов, 27 локомотивных депо, 400 вокзалов и станционных зданий.

Несмотря на невиданные трудности и лишения, возрождение Северо-Донецкой дороги и других магистралей развернулось полным ходом. Во время восстановительных работ начальник дороги, опираясь на помощь партийных организаций, профсоюзов и комсомола, добивался решения сложнейших задач.

И достойной оценкой партии его самоотверженного труда в дни суровых военных испытаний явилось присвоение Петру Федоровичу Кривоносу в ноябре 1943 года в числе 127 наиболее отличившихся железнодорожников высокого звания Героя Социалистического Труда.

В мае 1946 года Министерство путей сообщения СССР совместно с ВЦСПС подвели итоги работ предприятий железнодорожного транспорта в период Великой Отечественной войны. Северо-Донецкая дорога за образцовую деятельность в военное время получила на вечное хранение Красное знамя.

Первые пятилетки создали Кривоноса. Он сумел сохранить в себе горение молодости на всю жизнь. Пламя требует притока воздуха, чтобы питаться им. Целебным воздухом для Кривоноса были знания. Когда почувствовал,

что начинает пробуксовывать, сделал все возможное для поступления в институт. Смеялись не только недруги, но и товарищи. В сорок лет — за парту. С поста руководителя, поста немалого, — на «должность» студента? Согласитесь: так мог поступить только незаурядный человек. И в этом тоже сказалась закалка первых пятилеток.

Петр Федорович не мог не заметить, что послевоенные условия требуют коренного изменения всей системы руководства, что невозможно управлять сложным хозяйством, опираясь только на былой опыт, довольствуясь лишь старыми знаниями. В 1953 году он успешно заканчивает Московский электромеханический институт железнодорожного транспорта имени Ф. Э. Дзержинского. И это на пятом десятке его трудовой жизни, когда кое-кто из сверстников уже временами ощущал усталость, а иногда подумывал даже о предстоящем отдыхе.

Инженер-механик, за плечами которого солидный опыт машиниста-новатора, командира железнодорожного транспорта, Петр Федорович Кривонос в 1953 году назначается начальником Юго-Западной железной дороги. В центре его внимания социалистическое соревнование, вопросы технического прогресса и высокой культуры транспортировки грузов, использование последних достижений науки. И в пору своей работы машинистом, и теперь, как руководитель дороги, он настойчиво борется за максимальное использование всех возможностей транспортной техники. Люди его дороги тоже заражены чувством непрерывного реконструирования, поиска наиболее экономичных, рациональных форм использования техники и организации производства. И не удивительно, что в 60-х годах, как и по всей стране, на Юго-Западной дороге, по существу, была проведена коренная техническая реконструкция.

Автоблокировка, радио- и телевизионная связь, централизованное управление стрелками и сигналами и многие другие новшества, введенные на Юго-Западной дороге, позволили значительно увеличить ее пропускную способность. Многое изменилось на самой магистрали. Нет привычного запаха паровозной гари на станциях, так как поезда ведут теперь электровозы и тепловозы. На их долю на Юго-Западной дороге падает 95 процентов всех перевозок.

Вот уже несколько лет по инициативе Петра Федоровича идет борьба за превращение Юго-Западной дороги в образцовую магистраль. Вспомним, как еще в 30-е годы,

на заре стахановского движения на транспорте, машинист Петр Кривонос боролся за культуру труда. Он встречается с социологами, психологами; приглашает художников и внедряет современные виды интерьеров, окраски помещений. Озеленены служебные территории, цехи, жилые массивы, создано много скверов, спортивных комплексов, деревянные изгороди заменены шпалерными кустарниками. Все делается для того, чтобы труд людей был радостью.

Карта нынешней пятилетки — карта новостроек. Они-то больше всего нуждаются в грузах. Железнодорожники, автотранспортники, речники взвалили на себя нужную, важную ношу, дополняя друг друга, призывая на помощь авиацию. Пути их идут и параллельно, и расходятся, и снова сходятся в точках, где, как на этапе колоссальной эстафеты, грузы передаются из рук в руки.

Свой график у железнодорожников, свой у речников, свой и у автотранспортников. Так было всегда: ведь одни — по суше, другие — по воде.

Как связать все в единый узел, забыв про разные ведомства и несхожесть условий работы, а правильнее — именно учитывая их?

На своем ЭХ-684-37 Кривонос в 30-х годах ставил опыты. Со скоростью, с грузом, с горючим, графиками. Он да его бригада участвовали в них. В сегодняшнем опыте заняты сотни людей: железнодорожники, автотранспортники, речники. Петр Федорович добился согласия всех ведомств работать по единому графику. С железнодорожной станцией Киев — Петровка синхронно действуют порт на Днепре и автостанция.

Добился согласия всех ведомств... А чего это стоило? Прежде чем прийти к тем же речникам с необычным предложением, нужно было все отладить в своем хозяйстве.

Он убеждал словом, убеждал точными расчетами, вербовал сторонников, таких же увлеченных, как сам, беседовал с рабочими станции Киев — Петровка. Кривоноса встречали не как начальника — как своего, деповского. И по-свойски давали советы.

Опыт идет успешно: различные виды транспорта нашли общий язык. Однако можно ли сравнивать результаты опытов, разделенных десятилетиями? Тот прославил Кривоноса на всю страну, ускорил ход поездов. Этот известен только специалистам, хотя и принес немалые прибыли, которые в будущем обещают умножиться. Но стоит ли заниматься такими сравнениями? Для нас важно од-

но — сильно изменившись, Петр Кривонос в то же время остался прежним: ищущим, беспокойным и рисковым.

Другими стали масштабы — в этом различие. Петр без передыха мотался по станциям и депо, чтобы научить машинистов тому, что знал сам. Петр Федорович ведет занятия «дорожной школы по обмену опытом работы по единому технологическому процессу станции Киев — Петровка, производственного участка погрузочно-разгрузочных работ, автоколонны, объединенного транспортного хозяйства и Киевского речного порта».

Признаемся, «Даешь скорость!» звучало короче, стремительнее. Но ведь за длинным названием школы в конечном итоге тоже кроется увеличение скоростей. А скорость не самоцель. Она нужна для того, чтобы транспорт обслуживал народное хозяйство, что называется, по потребностям. Однако даже самую высокую скорость можно свести на нет, если действовать, как в басне про лебедя, рака и щуку. Единый технологический процесс ведет транспортную «упряжку» в одном направлении, помогая успешному выполнению нового пятилетнего плана.

Кривонос посвятил себя железнодорожному транспорту, как иные искусству. С той же горячностью, целеустремленностью, непоколебимостью он шел по своей главной магистрали «в дальние края». В семидесятом Петр Федорович снова садится за учебники. Давно и намного перекрыт его рекорд. Восьмидесятикилометровая скорость для грузовых поездов ныне разрешена почти по всей сети. Но разрешение — еще не все, даже если каждый машинист освоит непривычную скорость. Четко должны взаимодействовать все железнодорожные службы. Слитное, стройное звучание оркестра невозможно без дирижера. Человек же, даже целый коллектив специалистов, не в состоянии по сегодняшним временам «дирижировать» сложным транспортным оркестром.

Все, что было к тому времени написано о применении электронной техники для автоматизации железных дорог, прочитал Кривонос. Помогал сын, кандидат наук, помогали инженеры, экономисты управления. Поставить самые сложные счетные машины — дело, по нынешним временам, нехитрое. Где и когда, чтобы добиться наивысшего эффекта, — вот что важно. И еще надо подготовить людей, приучить их к новым машинам.

Только разобравшись во всем, с выкладками в руках, поехал Кривонос в министерство добиваться, чтобы пер-

вый вычислительный центр для железных дорог работал на Юго-Западную. А через год, уже после XXIV съезда партии, Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли специальное постановление о развитии железнодорожного транспорта в девятой пятилетке. И там — особой строкой — о строительстве вычислительных центров.

Был Кривонос по званию рядовым, стал генералом. А у генерала и трудности, и заботы другие.

«Как пламя нельзя спрятать или прикрыть, так и доблести человеческие не могут пребывать в неизвестности». Эти слова Сервантеса Кривонос напоминал бы при каждой встрече с начальниками депо и участков. Сам щедро отмеченный страной, он ярится, когда узнает, что где-то оставлен без внимания передовик. Два недостатка в людях вызывают его негодование. Ненавидит он безразличие и пьянство.

Прочитайте выступления Кривоноса в печати. Везде он говорит о людях. О тех, кто начинал вместе с ним, — Александре Огневе, Василии Богданове, Валентине Макарове... О тех, кто трудится по-коммунистически сейчас, — Петре Зеленом, Дмитрии Павленко, Илларионе Ситникове, Георгии Хоблаке...

О себе же Петр Федорович пишет мало, почти всегда при этом возвращаясь в тридцать пятый. А сколько мог бы интересного, полезного рассказать о своей жизни машинист, ставший начальником дороги, депутат, делегат XXIV съезда партии! И не только о прошлом — о настоящем.

Например, о том, как взял на себя ответственность осваивать первые электровозы именно на Юго-Западной. О том, как налаживал ремонт пути без приостановки движения поездов. Тут ведь дело не только в командирском умении и технической грамотности. Каждый раз приходилось рисковать.

Да, в этом человеке живет юношеская страсть к риску, без которого нет высокой скорости. И от того, что риск у Кривоноса оправданный, «обеспеченный» знаниями, эта черта характера не тускнеет, а получает дополнительную, благородную огранку.

Не так давно на Юго-Западной испытывали новенький электровоз ЧС-4. 7 тысяч лошадиных сил против прежних двух с половиной. Миллион рублей — цена каждого.

Пока гоняли локомотив на коротких отрезках, Криво-

нос стоял в группе экспертов. Потом сел в один из вагонов, прислушивался к тому, что говорят люди, сам молчал.

Потом перебрался в кабину к машинисту. Попросил Ситникова:

— Поддай, Прокофьич...

— Нельзя, Петр Федорович. Итак иду на пределе. По паспорту больше нельзя.

— Ну нажми, прошу!

Машинист увеличил скорость. Немного, но увеличил. Кривонос высунулся в окно кабины. Упругий ветер гнал обратно. Шпалы сливались в сплошной настил. Словно не локомотив мчался вперед, а рвались ему навстречу параллели рельсов.

— Прокофьич, еще!..

— Не имею права! — прокричал Ситников.

— Давай, давай!

— Сколько же можно?

Кривонос подошел к машинисту.

— А вот до этой черточки! — ткнул пальцем в цифру 180. — Под мою ответственность...

Потом растерявшиеся эксперты только покачивали головами. Один спросил:

— Зачем это вам понадобилось, Петр Федорович?

— А для проверки конструктивной выносливости. Вы напрасно беспокоились — я ведь советовался с поставщиками. Чехи сказали, что запас есть...

— На сто восемьдесят?

— По моим расчетам — да! Устраивает?..

Эксперт только кивнул. Чего ж оставалось делать? Ведь рассчитал сам Кривонос!

Годы, годы... Они неумолимо меняют внешний облик человека. Годы упорного и сложного труда оставили свой след. И все же часто близкие люди удивляются, как он успевает все делать, откуда находит время на то, чтобы лично ознакомиться со всеми главными и частными проблемами и принимать самое живое участие в их разрешении. В течение уже целого ряда лет Кривонос член парткома управления дороги, член Киевского горкома партии, член Центрального Комитета Компартии Украины, депутат Верховного Совета УССР. Петр Федорович не может представить себя, всю свою жизнь вне активной общественно-политической деятельности. Он член постоянной комиссии Верховного Совета республики по транспорту,

председатель секции железнодорожного транспорта общества «Знание» УССР... Ему доверяли представлять коммунистов Юго-Западной дороги на XXIV съезде КПСС.

...И вот сидит воскресным днем за своим рабочим столом большой, несколько грузный человек. Ежеминутно меняется от воспоминаний его лицо. То нахмурится, то улыбнется, а то и запечалится или примет мечтательное выражение.

Самой большой мечтой Кривоноса всегда была скорость. Ныне локомотивы — эти электрические и тепловые станции на колесах — идут со скоростью 120 километров в час. Для них нужны новые пути — на монолитном основании, бесстыковые железобетонные шпалы. Скоро человеку без среднего технического образования на транспорте нечего будет делать. Однако никакая электронная машина никогда не заменит человека. И не считает Петр Федорович пройденные железнодорожным транспортом этапы чем-то вроде архивных дел, потому что в любом революционном преобразовании, как в растении под солнцем, вызревают не только плоды, но и семена для дальнейших всходов.

Вот почему и в мыслях, и в делах он часто обращается к опыту первых пятилеток. Вот почему часто вспоминает Кривонос песню своей комсомольской юности.

— «Наш паровоз, вперед лети-и. В коммуне — остановка...» — тихо пропел Петр Федорович.

В дверях появился помощник.

— Вызывали, Петр Федорович?

Кривонос смутился, но тут же нахмурился:

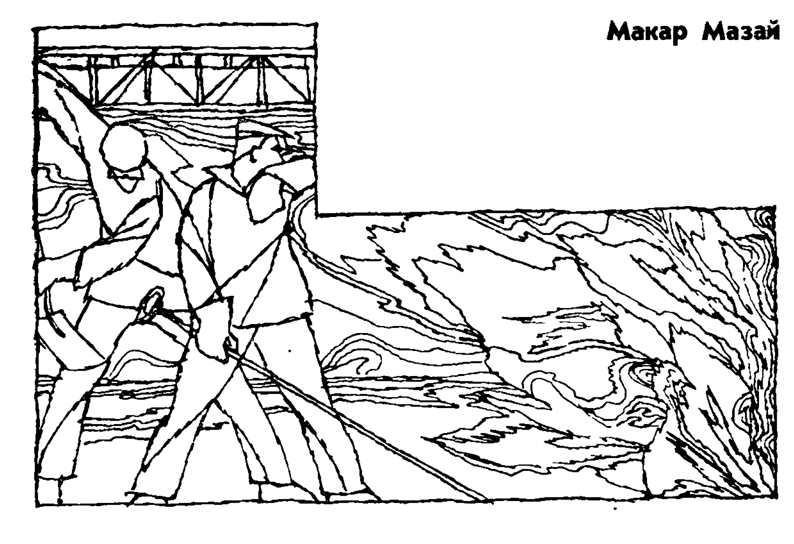
— Нет, не вызывал... Вам показалось, Александр Никитич.

И смягчился:

— Это я так... Задумался... А с какой стати вы на работе в выходной день?

— А вы? — улыбнулся Гапочка.

— Вот зашел посмотреть кое-что. А главное — відчути пульс залізниці. Хорошо бьется сердце железнодорожной магистрали!

Макар Мазай

Уже вышли из цехов новых советских заводов первые сотни тысяч тракторов и первые десятки тысяч комбайнов; по дорогам и проселкам страны неслись автомобили с эмблемами Горьковского и Московского автомобильных заводов.

С лихвой перевыполнен был план ГОЭЛРО. Новые железнодорожные пути соединили Сибирь со Средней Азией и Уралом. Поднимались громады новых и новых заводов.

Взятый советской экономикой старт не знал прецедентов. И при всем том темп экономического роста мог быть еще более высоким. Но в стране не хватало металла — стали, хотя выплавка ее выросла по отношению к самому высокому уровню дореволюционного времени (1913 г.) в три раза. Уже варили сталь Магнитогорск и Кузнецк, Азовсталь и Запорожсталь... Омолодились и старые заводы — Макеевский, Днепродзержинский. А стали все не хватало. Недостаток черного металла приходилось восполнять ввозом из капиталистических стран. За черный металл расплачивались желтым металлом — звонким золотом. Но и для добычи золота также требовалась сталь — для производства драг, для прокладки в золотопромышленных районах дорог.

И внутри самой черной металлургии обнаружились не-

соответствия. Во всех развитых капиталистических странах производство стали опережает производство чугуна. У нас же до 1934 года производилось больше чугуна, чем стали. Лишь в 1935 году наметился сдвиг, однако крайне и крайне недостаточный.

Задачей задач было отыскать резервы для дальнейшего повышения выплавки стали. О том, что такие резервы имеются, обстоятельно говорили на состоявшемся в ноябре 1935 года Первом Всесоюзном совещании рабочих и работниц — стахановцев новаторы этой отрасли.

Эффективность работы сталеваров оценивается по количеству (съему) стали, получаемой с квадратного метра пода печи. Это как бы всеобъемлющий показатель. Участник Всесоюзного совещания стахановцев, сталевар завода имени Дзержинского Денис Дегтярев добился небывалого в то время съема — почти десять тонн с квадратного метра вместо трех-четырех тонн, которые давали на других печах. На вопрос, в чем состоит его метод, Дегтярев в своей речи на совещании сказал просто: «В том, что стали лучше работать, больше заботиться, чтобы задержек не было».

И в Таганроге тоже сделали попытку перейти до тех пор неприступный рубикон — съем в три-четыре тонны с квадратного метра. Сразу же за Дегтяревым на кремлевскую трибуну поднялся таганрогский сталевар Дмитрий Бобылев.

«Мы не рекордисты и не спортсмены, — говорил он. — Но мы задались целью обнаружить прорехи, через которые утекает время — часы и минуты. Ведь потерянные минуты и часы — это потери десятков, сотен килограммов стали».

Бобылев говорил уже о съеме в 12 и даже 14 тонн с квадратного метра пода печи. А затем сталевар с завода имени Коминтерна в Днепропетровске Алексей Сороковой привел цифры — сколько минут и часов удается им сэкономить на каждой плавке.

И Бобылев, и Дегтярев, и Сороковой объясняли свои первые успехи лишь тем, что они навели на рабочих местах элементарный порядок, стали считать и беречь минуты — и ничего более. И на других заводах крепко задумались о том, как повысить выплавку. Сталь нужна была стране до зарезу. И вот первые вести: 8, 9, 10, 12 тонн с квадратного метра пода мартеновской печи.

Вопрос о том, как добиться увеличения выплавки ста-

ли на действовавших печах, был в центре внимания состоявшегося в июне 1936 года совета при наркоме тяжелой промышленности — этом хозяйственном парламенте страны.

«Мы сегодня даем, — говорил народный комиссар тяжелой промышленности СССР, — 42, 43, 45 тысяч тонн стали в сутки. Нам этого мало. Надо давать в сутки в календарное время 60 тысяч тонн стали в натуре.

Могут ли это дать наши металлурги? Могут!»

Товарищ Орджоникидзе привел убедительные цифры.

«Мы имеем, — говорил он, — около 10 тысяч квадратных метров площади пода мартеновских печей... Надо для получения 60 тысяч тонн в сутки снимать с квадратного метра площади пода мартеновских печей *только* 5,5. А мы сегодня имеем больше 33 мартеновских печей, дающих от 5,5 до $8^1/_4$ тонны съема с квадратного метра площади пода мартеновской печи, а нам надо для выполнения суточной выплавки 60 тысяч тонн *только* 5,5 тонны.

То, что достигнуто на 33 печах, надо распространить на все печи».

Обратите внимание — в обоих случаях ударение на слове *«только»*.

Пять с половиной тонн с квадратного метра пода! Кажется, не так уж и много, если давали уже и по девять и по десять тонн. Однако средний съем на всех мартеновских печах Союза тогда был меньше четырех. Подъем предстоял нелегкий. Все говорило, однако, за то, что нашей индустрии он посилен.

Кто же первый поднимется в наступление?

В дореволюционное время все металлургические заводы юга страны принадлежали иностранному капиталу. Места для постройки завода выбирали там, где залегают уголь или железная руда — два главных компонента, необходимых для производства металла. Несколько заводов расположились у моря — не так далеко от руды и угля и благоприятные возможности для вывоза металла за границу.

Вблизи города Мариуполя (ныне город Жданов) обосновались два завода: один «Русский провиданс» (бельгийский капитал), другой — Никополь-Мариупольский (капитал американский). В короткий срок на просторных приазовских степях стали дымить заводы. Оборудование привезли не новое, а бывшее в употреблении.

Заводы эти, как и все другие капиталистические предприятия, росли и развивались за счет зверской эксплуатации рабочих.

В годы гражданской войны они были порядком разрушены. Советская власть их восстановила и объединила в одно предприятие, ему дали имя Ильича.

Металлургический завод имени Ильича не вошел в список подлежащих реконструкции или модернизации. Производство на нем оставалось почти таким же, каким оно было в дореволюционное время.

Здесь и встретились два молодых человека: сталевар Макар Мазай и инженер Яков Шнееров. Впрочем, в момент их встречи в 1932 году Мазай был лишь третьим подручным сталевара.

Это были люди разного положения, разного уровня образования, но случилось так, что именно они сказали если не первое, то, несомненно, очень важное и очень своевременное слово в осуществлении задачи — резко поднять выплавку стали.

Больше того, они стали открывателями новых путей в сталеварении.

...Макару Мазаю было двадцать лет, когда он впервые попал на металлургический завод, но он уже успел много пережить, много перенести.

Отец и дед Макара переехали на Кубань в начале 900-х годов. Малоземелье и голод погнали их с родной Полтавщины в этот край. О Кубани говорили, как о стране чудесных богатств. Вот и потащились они туда со своим скудным скарбом. Однако их надежды зажить сытой жизнью не оправдались. Мазаи поселились в станице Ольгинской, вблизи Азовского моря. Там было много полтавских. Это была кулацкая станица. Не сладко было бедным, бездомным людям смотреть на чужую сытую жизнь. Мазаи жили на хуторе в семи километрах от станицы, батрачили у попа. Так хутор и назывался — Поповским. Зимой Никита Мазай уходил на заработки на железную дорогу. Ездил он в Баку. И где он только не перебывал в поисках куска хлеба!

Когда Макару было четыре года, отца взяли на войну, вернулся он зимой 1918 года в крещенье, или, как говорили, «в холодную кутью». Его уже и не ждали. Мать решила, что он убит, — ведь долгие месяцы от него не было

никаких вестей. Первая радость встречи прошла, и снова надо было думать о куске хлеба. Никита Мазай ходил сумрачный. Были у него в то время стычки с дедом.

— Так, стало быть, ты в большевики вышел?! Антихристом стал, — корил его дед.

В начале весны дед сказал, что надо бы сходить к попу, договориться о работе, тогда у них крупная ссора и вышла.

— Весь век мы будем холопами, что ли? Землю переделить надо, вот что! — кричал отец.

Дед не соглашался. Он говорил, что земля искони казачья.

Тогда Макар впервые услышал из уст отца слово «Ленин». Отец говорил, что бедняки должны объединиться и взять землю.

Однако весной 1918 года станица сеяла еще по-старому. Кулаки понимали, что пробил их последний час, и стали организовываться в отряды. И беднота организовала свой военный отряд, в него пошло около двухсот человек. Командиром избрали казака из бедняков Планиду, а Никита Мазай был у него в помощниках.

Началась гражданская война. В 1919 году возле станицы Прохладной Терской области Никита Мазай попал в плен, беляки его долго мучили и зарубили.

Макар перешел жить к тетке. Держала она его из милости, он у нее работал по хозяйству. Но это продолжалось недолго. Не научился еще Макар читать — только полгода походил в школу, как его отдали батрачить на соседний хутор Бейсуг, к кулаку, фамилия его была Черныш. Работать приходилось много, хозяин выматывал из парнишки все силы, бил нещадно. Макар попал в больницу. После выхода из больницы вернулся к матери, но она снова вышла замуж, а отчим смотрел на парня косо, куском хлеба попрекал.

Пришлось Макару уйти из дому. У него было немного денег — профсоюз Работземлес помог ему взыскать за работу у Черныша, — и он поехал в Ростов-на-Дону. Там попал в компанию беспризорных.

Беспризорничал полтора года. Думал все о том, чтобы вернуться домой, но не решался. Написал письмо. Вскоре пришел ответ — мать писала: пусть приезжает, отчим выгонять его больше не будет. Все же, когда он приехал, он не решился войти в дом. Дождался, пока из дома вышел

младший брат. Макар его окликнул. На задворках, в укромном месте они вели беседу о... жизни.

Брат спросил его:

— Хорошо так жить?

Макар задумался и тихо, очень тихо ответил:

— Нет, не дюже. Плохо так жить. Как затравленная собака...

Макара давно тянуло к комсомольской молодежи. Вечером он пошел в станичный комитет, рассказал обо всем: как жил, как попал к беспризорным. Вспомнил, конечно, и об отце. Слушали его хорошо, внимательно. «Исповедь» свою Макар кончил так:

— Отбился я от людей. Вы как знаете — примете к себе, или же мне к беспризорным возвращаться?

Макара устроили на работу в сельскохозяйственное товарищество. Он пас скот, работал в хлебопекарне, ездил помощником проводника эшелона со скотом из Кубани в Москву. Три дня пробыл он в Москве и решил перебраться в город, на завод.

Вернувшись в свою станицу, Макар пришел в комсомольский комитет, попросил, чтобы его послали на завод. Уже шла индустриализация, люди на заводах нужны были. Ему вместе с четырьмя односельчанами, его ровесниками, дали направление на завод.

И вот они пятеро едут из станицы Ольгинской на металлургический завод в город Мариуполь. Их путь лежит через Ростов-на-Дону. Там пересели на пароход, расположились на корме.

Наступил вечер. Поели, напились чаю. Макар лежал на спине и смотрел на звездное небо.

— Который здесь будет Марс? — спросил он у оказавшегося рядом человека в пенсне.

— А почему вы об этом спрашиваете меня? И к чему вам Марс понадобился? — вопросом на вопрос ответил незнакомец.

— Вы мне показались человеком ученым, — сказал Макар. — А о Марсе я в книжке читал.

В больнице, в которую Макар попал после того, как его избил хозяин, ему кто-то дал книжку о марсианах. И хотя читал Макар по складам, книга эта его заинтересовала и запомнилась.

Человек посмотрел на небо, долго искал и, наконец, смущенно ответил:

— Не найду. Небо сплошь усеяно звездами, и откуда их столько! А вот и звезда упала...

— И что с ней будет? — спросил Макар.

Незнакомец задумался, стал объяснять:

— Это я зря так сказал — не звезды падают, а метеориты. Они приносят нам из вселенной железо, какого на Земле нигде не найдешь.

Макар был удивлен.

— То есть почему это не найти?!

— А потому, что чистое железо в земной атмосфере не сохраняется.

— То есть как? — продолжал допытываться Макар. — А вот мой нож, например?..

— Это ты ошибаешься, брат. Нож у тебя стальной. А сталь — это железо с примесями. Чистое же железо на Земле не сохраняется.

— Вы, хлопцы, куда направляетесь-то? — спросил незнакомец, чтобы окончить разговор о Марсе. — Не в Мариуполь ли? Вот там на заводе вы увидите, сколько человеческого труда требуется, чтобы из бурого камня получить такую сталь, какая нужна хотя бы для этого ножичка. Повидаете и поймете.

— А вы-то не с завода?

— Оттуда.

— Верно, инженер?

— Нет, бухгалтер. Только дело это мне знакомо. На этом заводе я родился. Сам металл не варю и не катаю — здоровьем не вышел. Там здоровые нужны, такие, как вы...

Оба замолчали. Волны тихо плескались о борт судна.

— Сегодня тихо, — сказал немного погодя человек в пенсне. — Попали бы вы в шторм, тогда так не разлеживались бы. И машине легко сегодня. А в шторм машине нагрузка большая, выдерживает ее сталь — в ней силища...

Макар с интересом слушал.

Ему очень понравилось, когда незнакомец сказал: «Там нужны здоровые, такие, как вы». Да, он был здоров и подумал: «Я бы мог сталь варить, у меня силища вон какая!»

С этим приятным сознанием он уснул и проснулся, когда пароход загудел и народ уже готовился к выходу.

Вечером станичники сидели у своего земляка Подрезова. Тот уже несколько лет работал на заводе. Говорили

о станичных делах и больше всего о том, куда бы им лучше устроиться.

— Дел тут хоть отбавляй, — рассказывал Подрезов. — Но за какое вам взяться — это уж сами решайте.

Сам Подрезов работал на прокате. Образно рассказывал он, как кусок металла весом пудов эдак в двести сплющивается, вытягивается, превращается в лист. А там его скрутят — и готова труба...

Назавтра пошли на завод, в отдел кадров. По дороге им встретился сосед Подрезова по дому, старый сталевар Камольников. Он стал расспрашивать, что это за «команда» и куда Подрезов ее ведет. А узнав, что парни только из станицы и собрались на завод, Камольников стал их убеждать, что им надо проситься в «мартын» — главный корень завода в нем!

...Им дали направление в мартеновский цех номер один.

Макар стал работать на шихтовом дворе. Было это 16 августа 1930 года.

В обязанности Макара входило следить за тем, как магнитный кран заполнял мульды с железным ломом; иногда он подправлял куски металла, которые неправильно ложились, а затем по узкоколейным рельсам подкатывал их к печи. Так Макар оказался рядом с теми людьми, которые варят сталь. Как-то он попытался заглянуть внутрь печи, но его обожгло, и он, конечно, ничего не увидел. Попросил у подручного сталевара фуражку с синим стеклом. И тогда перед ним открылась феерическая картина: казалось, что печь бесконечна, что в ней бурлит море — не синее и не голубое, а огненное, всепожирающее.

Спустя несколько времени Макар где-то раздобыл свое синее стеклышко. Ему нравилось засматривать в печь, наблюдать, как тает металл. И, загружая мульды, укладывая непослушные куски железного лома, он порой приговаривал: «Эй ты, не брыкайся!»

Несколько недель работы на заводе разбудили в Макаре интерес к процессам производства стали. Товарищи же его испугались горячей работы и вскоре отбыли домой, в станицу.

Макар частенько спрашивал:

— А внутри в печи здоровая жара?

— Ты поближе подойди, тогда и почувствуешь. А то, может быть, перейдешь с шихтарника на печь?

Макару дали место в общежитии. Однако он перебрался на квартиру к старому сталевару Тихону Сергеевичу Камольникову. Как раз в то время Камольников вышел на пенсию. Молодой парень ему приглянулся. Макар часто бывал в гостях у старого сталевара. И жена Тихона Сергеевича Пелагея Сидоровна предложила Макару:

— Чем тебе по общежитиям слоняться, переезжай к нам.

И Тихон Сергеевич рад был этому: будет ему с кем толковать, от кого узнавать, что происходит в цехе. Стал Макар вроде его приемного сына.

Интерес Макара к процессам сталеварения был замечен. Как-то, когда Макар в очередной раз любовался картиной плавления стали, к нему подошел начальник смены и спросил:

— Не пора тебе к печи стать? Не хочешь настоящему делу учиться?

Начальник смены попал в точку. Макар как раз и думал о том, чтобы ему настоящему делу научиться.

Мазая определили четвертым подручным. Работал он со сталеваром Махортовым. В его обязанности входило подносить к печи заправочные материалы, поднимать и опускать крышки окон печи. Порой приходилось, как говорил мастер, «побеспокоить» металл. Тогда Макар вместе с другими подручными, вместе со сталеваром брался за штангу. И хотя руки его были от печи последними и от огня он стоял дальше всех, но и его обжигало жаром, которым дышала печь. В несколько минут рубаха становилась мокрой. Но именно тогда, когда людям становилось почти нестерпимо жарко, сталевар покрикивал, что печь «застудили». А приходя домой, Макар вел долгие разговоры с Камольниковым; и тот рассказывал ему, как плавили сталь раньше, намекал, что со временем передаст ему какие-то «секреты». Макар, в свою очередь, делился новостями цеха.

А Тихон Сергеевич рассказывал, как работали во времена, когда хозяевами на заводе были бельгийцы, о том, что печи загружали лопатами и что лично ему печь доверили лишь спустя не то десять, не то двенадцать лет после того, как он попал на завод. И главное, к чему много раз возвращался старик, — это, что не каждому дано

совладать с тайнами сталеварения и что тут нужен... талант.

После таких разговоров Макар начинал сомневаться: а сможет он овладеть этой профессией? Все же он решил во что бы то ни стало добиться цели. Разговоры насчет того, что «секреты» производства передаются будто бы по наследству, Макар всерьез не принимал. Он тогда уже знал, что страна выполняет пятилетку и все делалось по плану. Не мог он поверить, чтобы такое важное дело, как выплавка стали, зависело от того — захочет или не захочет какой-то сталевар передать ему «секреты».

«А если мой отец или дед не были сталеварами, так что же мне тогда никогда и не быть сталеваром, не научиться этому делу?.. Не может этого быть!» — так думал Макар.

Он пришел в комсомольский комитет и заявил, что хочет стать сталеваром. Не четвертым и даже не первым подручным, а сталеваром! Там над ним посмеялись: «Высоко сразу метишь». Но напористость его понравилась. И Макара направили на курсы техминимума.

Трудное это было для него слово — техминимум. Невзлюбил его Макар. А когда узнал, что это слово означает, он и вовсе расстроился:

— Разве я за тем на завод пришел, чтобы самую чуточку узнать? Мне все знать надо, все!

Макар учился настойчиво. Занятия перемежались долгими беседами и со своим сталеваром Махортовым, и с Камольниковым.

Камольников рассказывал Макару случаи из практики своей работы. Между ними случались и ссоры, и тогда старик сердито покрикивал:

— Где это видано, чтобы яйца курицу учили?! Он еще и года у печи не провел, молокосос! Заслонки поднимает, а ведь свой характер показывает.

Пелагея Сидоровна верно как-то сказала: старый сталевар немного завидовал молодому. Для молодых уже не было «секретов», за которые держались в старину. Над ними не висела угроза, что придет мастер и ни за что ни про что оштрафует или вовсе из цеха прогонит.

А когда Макар раскладывал на столе свои тетрадки и книжки или когда он рассказывал о разных новшествах, которые вводили в цехе, чтобы облегчить труд рабочих, Тихон Сергеевич порой вроде бы наперекор говорил:

— И к чему все это? Настоящий сталевар и без ана-

лизов узнает, поспел ли металл. А теперь завели мороку — бегай по десять раз в лабораторию.

Макар перешел из третьих подручных во вторые, затем уже и в первые.

— Первым подручным тебя уж поставили? — непритворно дивился Тихон Сергеевич. — Ну, теперь держись, а то снова на шихтарник пошлют. Тогда сраму не оберешься.

И видно было, что от доброты своей, от любви он парня и пугал, и ругал, и холил.

Макара избрали комсоргом печного пролета, и он стал бывать на заседаниях заводского комитета комсомола. Обсуждалось положение дел в мартеновском цехе. Были они тогда неважными: плавки задерживались, выходило много брака, за короткое время произошло несколько случаев ухода жидкого металла из печи. Как нередко бывает, причины цеховых неполадок стали искать где-то на стороне: все дело будто бы было в том, что огнеупорные материалы очень низкого качества. Решили обратиться с письмом к поставщикам огнеупора. В составе комитета был паренек с бойким пером, любил он письма строчить.

Секретарь комитета комсомола уже стал голосовать за предложение об отправке послания, когда Макар не то про себя, не то обращаясь к собранию, но настолько громко, что все слышали, сказал:

— Вот и нашли козла в чужом огороде.

Реплика Макара вызвала замешательство. Члены комитета, уже поднявшие было руки, чтобы проголосовать, непроизвольно их опустили.

— А почему до сих пор молчал? — спросил недовольный вмешательством Мазая секретарь заводского комитета комсомола Дугин. — Расскажи нам, в чем, по-твоему, причины неполадок?

Дугин спешил: он намеревался на этом заседании «провернуть» еще много разных вопросов.

Но Макар уже знал, что к чему.

— Разве в одном огнеупоре дело? — сказал он. — А как мы печи загружаем?! Шихта-то какая? Одним сталеварам одну стружку дают, а она как солома горит. Другие же получают сплошь обрезки готового проката. А отчего у сталевара Гармаша плавка в под ушла?! Тоже из-за огнеупора, или он решил обогнать Махортова?

— Ты что же — против социалистического соревнования выступаешь? — оборвал Макара секретарь комитета комсомола.

У Макара внутри все кипело. Пробудившаяся в нем ответственность за дело, которое он теперь делал, внутреннее чутье подсказывали ему, что в цехе нарушены главные принципы социалистического соревнования. Ведь он слышал и читал, что социалистическое соревнование — это не состязание вперегонки. Соревнование тогда только достигает цели, когда каждый болеет за всех, когда идущие впереди помогают отстающим, а не ставят им подножки.

— Это же не соревнование, когда плавки уходят в под! — выкрикнул он в сердцах.

— А ты бы картуз свой подставил, — раздался чей-то насмешливый голос из-за колонны.

Макар посмотрел в ту сторону, откуда донеслась реплика.

— Кто там за столбом прячется? Пусть выйдет да расскажет, отчего у нас такие безобразия, — вызвал он.

Было ясно, что в схватке с секретарем комитета комсомола верх взял Макар. И сам Макар чувствовал это, и, войдя в раж, он с усмешкой сказал:

— Видите, глаза показать боится.

Тогда секретарь стал выговаривать Мазаю:

— Кто тебе право дал такое говорить? На любой печи уход плавки случиться может.

Сильно рассердившись и потеряв над собой контроль, Мазай ударил кулаком по спинке стоявшего перед ним стула и выкрикнул:

— Нет, не может уйти!

Удар был таким сильным, что стул рассыпался. Дугин еще пуще стал кричать:

— Держать себя не умеешь! Смотри, комсомольский билет отберем...

Макар не стал дослушивать. Схватив шапку и выкрикнув какие-то грубые слова, он выбежал из помещения, где шло заседание.

А очутившись на улице, Макар понял, что совершил непростительную ошибку, и решил: теперь у него один выход — уехать с завода.

«Все кончено», — сказал он себе и поплелся по улицам куда глаза глядят. Так он дошел до «Павильона минеральных вод». Там всегда толкались любители выпить.

Макар несколько времени постоял возле входа и... вошел внутрь. Сколько он там пробыл, Макар потом и сам не мог вспомнить. Где еще бывал — тоже сказать не мог. Домой он пришел под утро, растерзанный, в рваной рубахе, без пиджака, с большим синяком под глазом.

Пелагея Сидоровна только руками всплеснула:

— Тебе же в ночь на смену надо было.

Но Тихон Сергеевич буркнул:

— Дай ему выспаться, разговор будет потом.

Макар, однако, не стал ложиться, он начал собирать свои вещицы.

Тихон Сергеевич строго спросил его:

— Куда это ты собираешься-то?

— Не вышла моя жизнь, — глухим голосом ответил Макар. — Уеду куда глаза глядят.

Он рассказал Тихону Сергеевичу о собрании и о том, как на него взъелся секретарь комитета комсомола и как он, Макар, в конечном счете не выдержав, выругался и удрал с собрания. А теперь ему больше мартена не видать.

Тихон Сергеевич долго молчал, потом сказал:

— Выходит, не тебе с завода уходить надо, а Гармашу. Дожил человек до седых волос, а плавку упустил. А тебе зачем уходить? Молодой ты, чересчур горячий! Я сам в цех пойду. К Боровлеву пойду. Поговорю с ним. Заодно узнаю, как они до такой жизни дошли.

Камольников и в самом деле собирался в цех. Положение в мартеновском цехе давно беспокоило заводской партийный комитет. Об инциденте, происшедшем на заводском комитете комсомола, стало известно секретарю парткома. Решили создать комиссию, чтобы разобраться в причинах участившихся в цехе аварий. В состав комиссии включили ушедшего на пенсию старого сталевара коммуниста Камольникова. Тихон Сергеевич от души порадовался, когда к нему зашел секретарь заводского партийного комитета и предложил принять участие в комиссии — конечно, если здоровье это ему позволяет.

И на второй день Камольников вместе со своим подопечным отправились в цех. Пришли к началу предсменного собрания.

В помещение красного уголка они вошли в момент, когда председатель только что объявил открытым сменно-встречное собрание. Народу набилось много. Не всем

хватило места на скамьях, многие устроились на подоконниках или сидели на корточках прямо на полу. Окна были открыты, но было сильно накурено, и дым плыл над головами. Тихона Сергеевича пригласили занять место за столом.

Заступившие на смену сталевары поочередно докладывали о положении на печах. Оказалось, что к трем часам поспеют плавки сразу на трех печах. Принять сразу три плавки нет возможности — не хватит ковшей. Начальник смены обещал принять меры, чтобы выйти из трудного положения, но всем ясно было, что придется задержать готовые плавки.

— А потом будете спрашивать, с чего под разъедает?! — с места сказал Гармаш.

— На спрос, Никита Иванович, обижаться нельзя, — ответил мастер.

До начала смены еще оставалось минуты три, народ стал расходиться по рабочим местам. В цех направился и мастер; он остановился возле печи, на которой вторым подручным в эту смену стоял Мазай. Из нее вот-вот должны были выпустить плавку.

Макар взял пробу. Сталь оказалась мягкой — такой, какая требовалась по заказу. Решили металл выпускать. Камольников тоже подошел к этой печи, посмотрел пробу. Но его интересовала не проба. Хозяйским глазом он окинул площадку возле печи и не обнаружил заправочных материалов.

— После выпуска металла вы разве печь не заправляете? — спросил Тихон Сергеевич.

Если бы такой вопрос задал кто-нибудь другой, то можно было бы подумать, что человек азов сталеварения не знает. Но этот вопрос задал опытнейший сталевар.

— Как же без заправки-то?!

— Я и то думаю. Однако не вижу нигде заправочных материалов.

А тем временем у задней стенки печи собрались мастер, технолог. Первый подручный раз-другой ударил по выпускному отверстию, но оно не поддавалось. Пришлось применить кислород, но и с его помощью не скоро удалось прожечь отверстие. И только когда сталь пошла, вспомнили, что печь надо готовить к следующей плавке, а на площадке все еще не было заправочных материалов.

Теперь уже и сталевар взволновался и стал кричать

на подручных. Те куда-то побежали, на носилках стали подносить к печи что требовалось.

Печь опорожнилась. Сталевар и его подручные взялись за лопаты, чтобы забросать в печь доломит. Делали они это кое-как, как бы выполняя скучную обязанность. Камольников это почувствовал, он быстро подошел к печи и сказал:

— Это же не заправка! Давайте-ка цепочкой!

Расставив людей по цепи, он сам взял в руки лопату. Он забросил лопату, за ним то же самое сделал сталевар, затем первый, второй подручные. Камольников следил за тем, чтобы материал ложился в печь ровно, без бугров, чтобы он быстро и хорошо приваривался. Те самые люди, которые еще несколько минут назад вяло, едва передвигая ноги, тащились к печи, теперь ритмически, словно они делали гимнастические упражнения, забрасывали материалы в печь.

Тихон Сергеевич работал в цепочке. Дело подходило к концу, когда у печи снова появился мастер Боровлев. Увидев среди шедших в цепочке Камольникова, он его почти силой потянул к себе и строго стал выговаривать:

— Разве вам можно такое делать, Тихон Сергеевич?! Кладите лопату!

Но Камольников не хотел отдавать лопату. И только закончив заправку, Камольников пошел к следующей печи и к следующей за следующей. Он давал советы, сам брался то за лопату, то за штангу, смотрел пробы стали.

Кончилась смена, и вместе со сталеварами он пошел на рапорт к начальнику цеха. Он не умолчал о всем том, чего навидался за эту ночь, хотя первоначально решил, что будет только смотреть, накапливать материал для парткома.

— Как вы дошли до жизни такой, — горячо говорил Камольников на рапорте, — что в течение получаса не могли открыть выпускное отверстие? Лишних полчаса в печи держали сталь, а ведь в это время металл ест подину.

Больше недели день за днем ходил Камольников в цех. Боровлев пытался убедить его, что дела в цехе не так уж плохи.

— Мы же теперь выдаем гораздо больше металла, чем при бельгийцах, — доказывал Боровлев. — Факт это или не факт? Факт! Зачем же народ зря хаять?

— А кто же народ хает? Но ты же сам говоришь, что

то было при капиталистах! Как же сравнивать можно? Советское государство о народе как заботится! Чем вы отплачиваете? Металл в под выпускаете?

— Опять ты за это. Ну, был случай...

— Один? Ты думаешь, это случай? Если так будете заправку делать, то каждый день у вас такое случаться будет.

На партком комиссия пришла с обстоятельными выводами. Докладывал инженер Черняк. Когда он кончил, выступил Камольников. Он говорил о том, что в цехе недостаточно серьезно относятся к работе сталевара, не ценят опыт, плохо готовят новых сталеваров.

Тихон Сергеевич говорил как будто самые простые вещи, но они казались откровением.

Все это произошло вскоре после того, как на завод прибыл новый начальник цеха Яков Шнееров. Осмотревшись, начальник пришел к убеждению, что поправить дела цеха ему одному не под силу, нужна хорошая встряска, нужно подвять все живые силы цеха. И тогда Шнееров пришел в цеховой комитет партии и предложил созвать партийно-техническую конференцию.

Конференция проходила в столовой. Всем ее участникам раздали листки для предложений. В цехе появились плакаты, лозунги, призывы, как вносить предложения, как добиться, чтобы все плавки получались по анализу, как лучше организовать шихтовку.

Конференция имела успех. Было собрано много ценных предложений, разбор их занял несколько недель. Некоторые осуществили тотчас же. Это очень подняло авторитет нового начальника цеха.

В это время в цехе восстановили одну из мартеновских печей. Выяснилось, что для работы на этой печи нет сталеваров. Начальник цеха еще не знал коллектив настолько хорошо, чтобы решить, кому доверить восстановленный агрегат. Он посоветовался со старшим мастером Боровлевым. Тот перебирал фамилии сталеваров и первых подручных. В конечном счете остановились на кандидатуре Ивана Чашкина. Его сделали бригадиром, а других сменных сталеваров подобрали из подручных.

Начальник цеха наказал Боровлеву тщательно следить за работой молодых, помогать им, но делать это так, чтобы старые сталевары не затаили обиды.

Начальник цеха знал, что сталеварами раньше становились лишь те, кто успел отработать у печей десять-пятнадцать лет. Эту традицию надо было сломать. Иначе навсегда останешься в плену у стариков. Про себя Шнееров решил, что пора начать выдвигать молодежь. «Инженеров готовят четыре-пять лет, а сталеваров десять-пятнадцать. Разве можно с этим мириться?! Так металлургический фронт далеко не продвинется».

Вскоре пустили и еще одну печь. Бригаду ее сформировали из комсомольцев, а печь объявили комсомольской. Бригадиром решили поставить Макара Мазая. За прошедший год он сделал большие успехи, стал дисциплинированнее; и главное, он с настоящей страстью относился к делу.

Кандидатуру Мазая назвал сам Иван Гаврилович Боровлев. Его предложение единодушно поддержали и начальник цеха, и цехком комсомола. Дугин больше уже не был секретарем комитета комсомола завода.

1 сентября 1932 года — в Международный юношеский день — Макар Мазай выпустил свою первую плавку.

После того как Мазая сделали сталеваром, Боровлев не спускал с него глаз. Старики между собой говорили: «Выдвинули, а теперь нянчатся с ним, как с малым дитем». За Макаром в самом деле нужен был глаз да глаз. Увлеченный вопросом о разгадке каких-то особых тайн сталеварения, он порой забывал о самых простых вещах. Упускал из виду, что хорошая работа печи зависит от того, подадут ли вовремя лом и руду, будут ли ко времени жидкий чугун, а к выпуску стали — ковш и изложницы. Формально за все это отвечает мастер, начальник смены, но так уж сложилось в цехе, что сталевары вынуждены были заботиться и о шихте, и о заправочных материалах, и о раскислителях. Они то и дело отлучались на склады за материалами, на шихтовый двор. Одним словом, каждый обеспечивал себя сам. Макар же по наивности и молодости своей рассчитывал на то, что печь обеспечат всем необходимым поставленные на это люди, а они подводили.

А когда Боровлев чуть ослабил свою опеку над комсомольской печью, дела на ней пошли совсем плохо. Плавки надолго задерживались. Комсомольская печь оказалась на одном из последних мест. У Макара руки опустились. Стали поговаривать, что его слишком рано выдвинули.

Как-то время завалки шихты в печь затянулось часа

на четыре. Начальник смены, им был комсомолец Моисеев, вспылил и стал кричать, что он снимет Мазая с работы. Он уже было разбежался к начальнику цеха писать рапорт, но затем остыл.

Через час или два Моисеев снова оказался у печи.

— Макар, давай поговорим по душам.

Макар ему ответил:

— Давай! Если по душам, тогда другое дело. А то зарядил — «сниму да сниму»...

Моисеев, видно, понял, что увольнением Макара не испугать. Чего ему было бояться? Уволят с завода Ильича — поедет на любой другой. Он уже был сталеваром. Впрочем, Макар и не собирался уходить с завода — он стал для него родным. Но работал он еще не так, как сам хотел. Не умел еще организовать свой труд, не представлял себе, как же ему «оседлать технику». И вот разговор с Моисеевым. Сначала они пытались поделить ответственность: в одном виноват один, в другом — другой, в третьем — еще кто-то. И так далее. Спорили долго. Тогда Моисеев неожиданно сказал:

— Знаешь, что, Макар. Во всем виноваты мы оба — ты да я.

Макар встрепенулся:

— То есть как так? Как я могу отвечать, если скрапу долго не подавали, и какой же это скрап — одна мануфактура! И вот завалка...

Моисеев его прервал:

— Ты ведь комсомолец! Завод-то ведь наш! Твой и мой! Так и будем отвечать за все вместе. Кто здесь наведет порядок? Ты да я.

Сильно подействовал на Макара личный пример Моисеева. Сын кадрового металлурга, он в семнадцать лет начал работать горновым на домне, затем перешел на мартен, быстро выдвинулся. И вот он начальник смены. Молодой парень не знал устали. Он и сменой руководил, и в это время учился в металлургическом институте.

Кончился разговор между Моисеевым и Макаром так:

— А я уж на тебя было рапорт написал.

— Написал, так и подавай!

— Теперь вижу — погорячился. А ты вон как: завалку затянул, зато расплавление быстро пошло. Как ты сумел?

Макар ответил:

— Продумал я все как следует. Вижу, большие куски

у стенки лежат и долго не расплавляются. Ну, думаю, надо иначе распределить шихту. Вот и пошло дело. Стратегия помогла.

Это слово Макару понравилось. Но не все задумки Мазая удавались. Порою он опускал руки, и комсомольско-молодежная печь, которая должна была показать пример всем, проложить путь к новому, оказывалась в хвосте. Да и поведение Мазая порой вызывало вполне справедливые нарекания.

Так прошло три с лишним года. Печь Мазая то «взлетала» вверх и на доске соревнования сидела на «самолете», то она «опускалась» и занимала место на «черепахе».

Мимо внимания начальника цеха Я. А. Шнеерова, конечно, не проходило ни одно сообщение об успехах, достигнутых на других заводах. На Енакиевском заводе в Донбассе на одной из мартеновских печей был достигнут съем в семь с лишним тонн. Об этом писала газета «За индустриализацию». На завод этот приезжал нарком. Передавали, что Орджоникидзе расспрашивал начальника цеха С. Гудовщикова, можно ли добиться такого съема на всех печах (на соседних печах съем был вдвое меньше — около трех тонн), на что Гудовщиков ответил: «Нет, пока нельзя». Орджоникидзе спросил: «А почему?» Гудовщиков признал, что этой печи были созданы особо благоприятные условия, ей давали отборную шихту, обеспечивали всем необходимым вне всякой очереди. Создать такие же условия всем печам нет возможности.

И добавил:

— Это эксперимент, чтобы выявить возможности.

А что у них в Мариуполе? Что в цехе, который доверили ему? Есть ли в нем люди, способные превзойти привычный уровень? И как этого добиться? Пришел к выводу, что до тех пор в цехе не было собственно технически обоснованного режима плавки. Каждый действовал по мере своего разумения. «Н до присмотреться, — решил он, — к работе каждой из бригад, чтобы отобрать лучшие методы». И тогда он разглядел то, что раньше оставалось им незамеченным: один из самых молодых сталеваров, Чашкин, применял гораздо более высокий тепловой режим, чем другие. Чашкин давал в печь столько тепла, сколько никто не решался давать.

Начальник цеха, конечно, знал, что это путь рискованный; и если хоть чуть-чуть перешагнуть известный предел, то можно вывести печь из строя. Первым порывом было запретить сталевару это делать. Но когда он подошел к печи и увидел, как спокойно и уверенно вел плавку сталевар, у инженера Шнеерова не повернулся язык, чтобы приказать убавить подачу газа в печь. «Нет ничего проще, как запретить. Это каждый может», — сказал он себе.

Начальник цеха невольно залюбовался работой Чашкина; он постоял возле печи и ушел, так ничего и не сказав ему: он не придержал сталевара, но и не поддержал его. Уходя от печи, Шнееров почувствовал себя неловко, точно он оставил бойца на опасной позиции, не оказав ему помощи. Придя, как обыкновенно, поздно вечером домой, он занялся подсчетами, какая же температура при таком тепловом режиме образуется под сводом печи. Получилось, что Чашкин идет на пределе; еще поворот вентиля — и свод побелеет, потечет, печь выйдет из строя.

«Надо немедленно приказать ему снизить подачу газа», — думал начальник цеха, но не двигался с места, точно он был прикован к стулу. На следующий день он снова пошел к печи Чашкина. Почти всю смену простоял у печи, изучая каждый шаг сталевара.

— Видите, как быстро пошло расплавление.

Вентиль, регулирующий подачу топлива, уже был повернут в другую сторону.

— Почему вы пошли на такой риск? — спросил инженер.

— Со свода я глаз не отвожу. Вижу — он розоватый, стало быть, все идет хорошо, а как только лом расплавится, газ убавляю... Это каждый свободно сделать может.

Все это было, однако, не так уж «свободно» и «просто».

Невмешательство начальника цеха Чашкин расценил, как одобрение его инициативы, и это вызвало немало разговоров.

И все же Чашкину не удалось избежать аварии. В этот день попалась очень тяжелая шихта — огромные куски плохо разделанного лома. Машинист крана, с которым Чашкин постоянно работал, заболел. Заменивший его машинист не следил за тем, как лом ложится на поду печи, загрузил его так, что куски почти коснулись свода. Чашкин чем-то отвлекся и не заметил этого. Ударившись

о бугор лома, факел пламени отклонился кверху, распростерся по своду, и свод побелел. Когда Чашкин подошел к печи, свод уже «заплакал». Об аварии на восьмой печи было много разговоров в цехе, и не только в цехе.

Однако вести об успехах сталеваров Таганрога, Днепродзержинска, Днепропетровска и других не могли никого оставить в покое. За всем, что происходило в то время на других металлургических заводах, Мазай тщательно следил по газетам. И он зажегся мыслью сломить устаревшие приемы работы на мартеновских печах. Но как? Какими путями?

Почувствовав, что он все еще плохо знает, какие процессы происходят в печи, Мазай по совету начальника цеха Шнеерова и начальника смены Моисеева вновь принялся за учебу.

День за днем Макар пробивался к цели. Ему пришла мысль подсчитать, сколько же тепла можно сжечь в печи и сколько ему требуется, чтобы нагреть материалы, загружаемые в печь. Расчет его поразил. Оказалось, если в печь давать столько калорий, сколько позволяет топка, то можно расплавить вдвое больше материала, чем теперь.

Вдвое больше! Но столько не вместит ванна печи.

Это поставило Макара в тупик. Как-то в выходной день у Макара обедал Боровлев. После обеда они, как обычно, вели разговор о всяких делах.

— Как думаете, — неожиданно спросил Макар, — если в печь загрузить не столько шихты, сколько мы теперь грузим, а вдвое больше?

Боровлев удивился:

— Как так вдвое больше?

— Да так — вместо шестидесяти — сто или все сто двадцать тонн.

Боровлев посмотрел на покрасневшее лицо Макара, сказал:

— Пойди, Макар, поспи. Кажется, ты лишнего хватил.

Макар не был пьян, но упорствовать не стал.

«А ведь он и не подумал, что я это вправду спросил», — думал он.

Уйдя от Мазая, Боровлев подумал: «А может, и не такая уж несуразная мысль — полнее загружать печь?» Но тут же подумал: «Уровень шихты высоко поднимается, факел пламени может ударить в свод. Опять же после расплавления жидкий металл выше порогов окажется.

Нет, фантазирует парень! — решил Боровлев. — Бесится, в герои выйти хочет».

Боровлев все же рассказал начальнику цеха о своем разговоре с Мазаем. Он знал, что с тех пор, как их соседи — таганрогские сталевары стали давать по восемь-девять тонн стали с квадратного метра пода печи (правда, от случая к случаю, а не каждодневно), начальник цеха места себе не находит. Ведь печи на Таганрогском заводе и условия работы там точь-в-точь такие, как у них.

Не успел Боровлев сказать, в чем идея Мазая, как начальник цеха тотчас ее подхватил и один за другим стал приводить доводы «за» и «против». Тепловая мощность печи достаточна, чтобы расплавить вдвое больше шихты. Это неоспоримо! Но существовало много «но». Уровень шихты... Отражение факела... Предел огнеупорности динасового кирпича. Все это надо продумать, обговорить... С кем? Прежде всего, конечно, с Мазаем.

Начальник цеха пошел к печи Мазая. Шла завалка шихты. Шнееров наблюдал за тем, как Мазай распределяет на поду лом. Насмотревшись, он спросил Мазая, какие у него планы на вечер.

— Может быть, вы ко мне зайдете? Посидим поговорим, — сказал он.

Макар этому приглашению удивился, но сразу согласился.

Как только прогудел гудок, Макар поспешил домой, переодеться.

— Куда ты собрался? — спросила его жена.

— Начальник цеха позвал меня к себе.

— Так ты ведь только из цеха. И зачем новый костюм одеваешь?

— Не в цех он меня звал, а к себе домой. Видать, дело у него какое-то ко мне.

— А ты не выдумываешь... — Но тут же осеклась. Она видела, что Макар волнуется, и его волнение передалось и ей: «В самом деле, зачем его начальник цеха зовет к себе домой?»

Инженер приступил к делу без особых предисловий. И Макар изложил свой план.

— У меня такая мысль, — сказал он, — что наши печи вроде неладно сделаны. Пробовал я подсчитать: чтобы нагреть и расплавить шестьдесят тонн шихты, надо..., а в нашей печи можно ведь сжечь гораздо больше топлива. Стало быть, и металла можно больше расплавить.

Тепловая мощность печи позволяет расплавить вдвое больше металла. Но вот вопрос: выдержит ли огнеупор, металл высоко стоять будет в печи, а в общем, скажу вам такое — у нас печь похожа на автомобиль, у которого сильный мотор, а кузов чуть больше тачки.

— Это, пожалуй, верно, — сказал начальник цеха. — Вы это правильно подметили. Выход какой же?

— Вот об этом я и думаю. Представляется мне, однако, что есть выход...

Мазай взял со стола газету и сделал из нее лодочку. Молча он поставил ее перед начальником цеха.

— Это что же? — спросил тот.

— Это наши печи-плоскодонки, — ответил Мазай.

Затем Макар сложил газету по-иному, лодка получилась глубокая, вместительная.

— Вот, по-моему, — сказал он, — выход. Хватит ездить на плоскодонках!

— И тогда?.. — допытывался начальник цеха.

— В печи с глубоким дном мы разместим все сто тонн шихты, кузов большой...

— Кузов большой, — сказал ему в тон начальник цеха.

Шнееров был взволнован. Как они одинаково думают!

Этот разговор между сталеваром Мазаем и начальником цеха происходил летом 1936 года. А через несколько дней во всех газетах была опубликована речь наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе на совете. Нарком привел подробные расчеты, какого съема стали с квадратного метра пода мартеновской печи надо добиться, чтобы суточную выплавку металла в Советском Союзе поднять с 40 — 45 тысяч тонн до 60 тысяч.

Не один и не два раза прочел Шнееров ту часть речи, в которой нарком анализировал положение на сталеплавильном фронте. Он пришел к выводу: наступило время двинуться вперед. При очередном ремонте решил углубить ванну печи, на которой работал Мазай, — девятой печи.

Чтобы осуществить такую серьезную реконструкцию, требовалось, по крайней мере, разрешение главинжа, если не более высокой инстанции. Однако начальник цеха понимал: начни он согласовывать это дело — поднимутся дискуссии, и план, который он себе наметил и в успехе которого уже не сомневался, могут и завалить. Тогда он начал действовать на свой страх и риск.

13 октября 1936 года Мазай провел первую плавку на печи с углубленной ванной. В печь загрузили свыше 100 тонн шихты вместо обычных 60. Чтобы удержать такую массу жидкого металла, сделали ложные пороги, Налили 99 тонн стали, съем составил 11,1 тонны с каждого квадратного метра пода печи вместо обычных пяти.

— Это наш потолок? — спросил начальник цеха, когда Мазай сдавал вахту.

— Нет, — ответил Мазай, немного подумав. — Завтра дадим двенадцать и в следующие дни не меньше.

— Двенадцать — наш техминиум, наша новая норма!

На следующий день — 14 октября — бригада вышла на работу за двадцать минут до гудка. Провели летучее собрание. Выяснилось, что налицо все условия, чтобы добиться еще лучших показателей, чем накануне. В 9 часов утра выпустили плавку, которую они приняли от ночной бригады.

Мазай, его подручные Пархоменко и Самойлов, крышечница Мокрицкая работали не спеша, но рассчитывали каждый шаг. Они не теряли ни одной минуты. За ходом плавки следил весь завод. Плавку сварили за 6 часов 50 минут, съем составил 13,4 тонны с квадратного метра пода.

О достигнутом успехе телеграфировали наркому. Весть об успехе Мазая молниеносно разнеслась по всему поселку.

...Серго Орджоникидзе со дня на день ждал, что где-то, на каком-то заводе произойдет нечто, что ознаменует начало нового наступления на сталеплавильном фронте. Так он и расценил сообщение из Мариуполя: 13,4 тонны с квадратного метра пода!

Серго Орджоникидзе несколько раз вызывал Мазая к телефону, чтобы узнать, как идут дела на печи и что надо сделать, чтобы успех, достигнутый на этой печи, закрепить.

В вышедшей в 1940 году автобиографической книге «Записки сталевара» Макар Мазай так рассказывал о своих разговорах с наркомом:

«Вспоминаю свой первый разговор с Серго. В прожженной спецовке, возбужденный и радостный, сразу после плавки я пришел в кабинет директора.

На столе стояло много телефонов. Один из них был кирпично-красного цвета и отличался от других внешним

видом. Это и была «вертушка», по которой дирекция разговаривала с Москвой.

Директор мне сказал:

— Товарищ Мазай, сейчас вы будете говорить с Москвой, — и вручил мне трубку.

Я стал слушать, в ней что-то гудело, изредка раздавалось нечто вроде свистка. А затем я услышал голос:

— Это товарищ Мазай? Комсомолец? Комсомолец?! Как у вас идет соревнование?

Слышимость была плохая, и я не сразу понял, что со мной говорит нарком Серго Орджоникидзе. Но затем слышимость улучшилась, посторонние звуки были устранены, и я уже ясно расслышал:

— Говорит Орджоникидзе. Вы — Мазай? Комсомолец? Как работаете? Как соревнование? Как ваша бригада? Как вам помогает дирекция?

Я рассказал Серго о наших первых успехах, сообщил состав бригады, сказал, что мне помогают хорошо.

Орджоникидзе не удовлетворился моим ответом:

— Вы мне о дирекции скажите все, как есть. Вы, наверное, стесняетесь говорить, потому что рядом с вами директор сидит. Не обращайте внимания, говорите, говорите все!»

Когда Макар вышел из кабинета, его окружили директор, главный инженер, начальник цеха и много других работников завода, неизвестно каким образом оказавшихся в этот поздний час в заводском управлении.

Макар подошел к Шпеерову и слово в слово передал ему то, что говорил нарком.

И день за днем пошли тяжеловесные плавки. Каждый день в Москву шли донесения о рекордах на девятой печи.

Макар чувствовал себя, как альпинист, берущий неприступную вершину. Он давал уже вдвое больше стали, чем выплавлялось на соседних «плоскодонных» печах. И стремился все выше и выше.

28 октября 1936 года он добился нового рекорда — 15 тонн стали с квадратного метра пода. Плавка длилась 6 часов 40 минут.

В этот день на приазовском побережье был жестокий норд-ост. Он валил деревья, срывал с домов крыши, рвал телеграфные и телефонные провода. Телеграммы, которые

главный инженер передавал в Москву, оставались лежать без движения. А в Москве ждали сообщений о ходе очередных мазаевских плавок. Уже несколько раз Орджоникидзе вызывал секретаря, спрашивал:

— Как там Мариуполь? Какие сведения с печи Мазая?

На линию вышли монтеры, чтобы исправить повреждения, но лишь под утро была установлена связь. И тотчас в кабинете директора зазвонила московская «вертушка». Разговор переключили на квартиру Мазая (у него установили телефон). И сталевар доложил:

— Пятнадцать тонн с квадратного метра!

Обстановка благоприятствовала закреплению достигнутого успеха. Теперь уже не один Мазай выдавал скоростные плавки. И другие сталевары работали по-новому, хотя их печи оставались «плоскодонными».

Начальник цеха Яков Шнееров вместе с Мазаем, вместе с мастером Иваном Боровлевым, начальником смены Иваном Моисеевым, вместе с другими сталеварами проанализировали ход событий. Решили обратиться с призывом ко всем сталеварам страны — начать соревнование за достижение самого высокого съема стали с квадратного метра пода печи, но не разового, а в течение достаточно длительного времени. Мазай поставил себе задачу — сделать 12 тонн с квадратного метра пода нормой своей работы.

Такое письмо было послано в «Правду». Вместе с Мазаем под письмом подписались сталевары Шашкин, Катрич, Шкарабура, Чайкин, братья Селютины и другие.

На призыв Мазая откликнулись сталевары Донбасса, Приднепровья. В условиях соревнований было оговорено, что участники его по истечении двадцати дней соберутся для обмена опытом. Место сбора — завод, сталевар которого добьется наилучших результатов.

Победителем вышел Мазай. Он достиг среднего съема за двадцать дней в 12,18 тонны.

Нарком прислал Мазаю поздравительную телеграмму. В ней было сказано:

«Вашу телеграмму о замечательных ваших успехах получил. Тем, что вы своей стахановской работой добились на протяжении двадцати дней подряд среднего съема 12,18 тонны с квадратного метра площади пода мартеновской печи, вы дали невиданный до сих пор ре-

корд и этим доказали осуществимость смелых предположений, которые были сделаны металлургии.

Наряду с вами и другие сталевары завода имени Ильича... дали хорошие показатели — 8,5 тонны, 9,5 тонны.

Все это сделано на одном из старых металлургических заводов. Это говорит об осуществимости таких съемов, тем более это по силам новым, прекрасно механизированным цехам. Отныне разговоры могут быть не о технических возможностях получения такого съема, а о подготовленности и организованности людей.

Ваше предложение о продлении соревнования сталеваров, само собой, всей душой приветствую.

Крепко жму вашу руку и желаю дальнейших успехов.

Серго Орджоникидзе».

Одним из первых принял вызов Мазая днепропетровский сталевар Яков Чайковский. И до этого соревнования он в иные дни достигал съема в десять и более тонн. Успех Мазая его раззадорил. Яков Чайковский был одним из самых «грозных» соперников Мазая. Девяностотонные плавки он проводил за 4 часа 20 минут, достигнув съема в 16,2 тонны, а затем довел съем до 18,6 тонны. В письме, которое он адресовал наркому, он писал: «Рекорд Мазая далеко не предел».

Сталевар Сталинского (ныне Донецкого) завода Василий Матвеевич Амосов также участвовал в двадцатидневном соревновании и в Мариупольском слете скоростников. Он уехал из Мариуполя полный решимости превзойти достижения Мазая.

Печь, на которой работал Василий Матвеевич, была вдвое больше мазаевской. На отраслевой технической конференции для таких печей была установлена норма съема в семь тонн. Посоветовавшись с руководителями цеха и парткомом, коммунист Василий Матвеевич Амосов пришел к решению, что, используя метод Мазая, он сможет поднять съем до 14 тонн. И этого добился. Несколько плавок он провел, получая по 14 с лишним тонн с квадратного метра пода.

Мазай следил за своими соперниками и не собирался почивать на лаврах. Узнав об успехах Амосова, Мазай тотчас отправился к нему, чтобы, в свою очередь, перенять опыт. Об этой своей встрече с Мазаем В. М. Амосов

впоследствии рассказал в книге «Мы — советские сталевары».

«Помню, я только вернулся со смены, лег отдохнуть — слышу, к дому подъехала машина. Подумал: не случилось ли что в цехе? Прислушиваюсь. Кто-то разговаривает с женой.

— Где Василий Матвеевич?

Я вышел. Это был Мазай. Поздоровались.

— Стало быть, перегнать меня хочешь? — сразу без обиняков спросил Макар Никитич.

— Удастся — и перегоню. Будем вместе стараться, чтобы дать стране побольше стали... Посмотрел я, как ты работаешь, и сам решил попробовать свои силы.

— Це добре, — по-украински сказал Мазай.

Сели завтракать. Макар Никитич рассказал, что он уже побывал в цехе, посмотрел наши печи.

— У вас печи новые, и работаете вы на коксовальном газе. Тут высокий тепловой режим можно дать.

— Печь сожжешь! Не обрадуешься...

— Каким манером, — выспрашивал Мазай, — ты свои четырнадцать тонн взял?

— Тем взял, что шихту с умом разложил и печь все время горячей держу.

— На одном этом много не достигнешь. А сколько грузите в печь?

Я назвал цифру.

— Маловато. Видал, с каким «верхом» у нас плавка идет?

— Это и опасно. Шлак на свод попадет, разъест его. И ста плавок печь не простоит.

— Это и меня тоже беспокоит. Но выход найдем. Не можем мы работать по старинке.

Разговор тогда у нас был длинный. И мы сошлись на том, что рекорды лишь тогда хороши, когда они указывают путь для постоянной высокопроизводительной работы.

— Рекорд — это разведка в завтрашний день, — заключил Мазай.

— Надо думать о ритме, чтобы закреплять успехи и изо дня в день давать высокие съемы. Вот я дал по четырнадцать тонн с квадратного метра пода. Но постоянно я столько давать не смогу. Мои четырнадцать тонн получились, может быть, даже за счет других печей.

— Выходит, раскаиваешься, что слишком высоко прыгнул?

— Я не грешник, чтобы каяться. А думал о том, чтобы после подъемов спада не получилось. Сколько можем постоянно давать? Вот вопрос.

С Мазаем я встречался и потом, он оставался неугомонным, все искал новые резервы.

— Слыхал, наш цех за год дал средний съем в семь тонн! Снилось это кому-нибудь раньше?!

И я искал метода постоянной, высокопроизводительной работы».

...Дошел призыв Мазая и до сталеваров Магнитки. Письмо Мазая в «Правде» по-настоящему взволновало сталевара Алексея Грязнова. Самостоятельно варить сталь он начал лишь в июле 1936 года, то есть месяца за четыре до того, как всей стране стало известно имя Мазая. Алексей Грязнов работал на мощной печи, расчетный вес ее плавки был 175 тонн. Грязнов пришел к убеждению, что на таких печах вес плавок можно довести до 300 тонн. С этим сталевар, он же парторг цеха, Алексей Грязнов пришел к инженерам цеха. Те взялись за расчеты.

В это время в Магнитогорск пришла телеграмма от Серго Орджоникидзе; он запрашивал, сколько стали в счет суточной шестидесятитысячной выплавки дадут магнитогорцы. Они определили свой вклад в 5 тысяч тонн. Но при старых методах, когда печи загружались неполно, а стойкость их была чрезвычайно низкой, такого нельзя было добиться. И переход на 300-тонные плавки стал насущной задачей дня. Шли к этому осторожно. Магнитогорцы тогда еще не овладели как следует своими первоклассными агрегатами. Об этом они со всей откровенностью писали Мазаю:

«Дорогой товарищ Мазай! Твое письмо взволновало нас, сталеваров Магнитки. 9—13 тонн стали, снимаемые тобой с квадратного метра пода печи, — это результат настоящей стахановской работы. Твои рекорды — блестящий пример того, как надо бороться за увеличение выплавки стали.

К сожалению, еще не все у нас так работают. Вот мы, мартеновцы Магнитогорского гиганта, в соревновании металлургов сильно отстали. У нас средний съем составляет примерно 4 — 5 тонн. Однако это не говорит о том, что у нас нет возможностей работать действительно по-стахановски. Мы, сталевары восьмой печи, перевыполнили свой план и добились высокой стойкости свода печи. Принимая твой вызов, товарищ Мазай, мы обязуемся закре-

пить успехи и добиться съема не менее 7 тонн и стойкости свода в 200 плавок».

1936 год был особым годом в жизни нашей Родины. В ноябре — декабре состоялся Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов, на котором была принята и утверждена новая Конституция. Макара Мазая избрали делегатом съезда. С кремлевской трибуны он рассказал о пути, который привел его на съезд. Закончил он свою речь словами: «Горячей сталью зальем фашистам глотки!»

Международная обстановка была тогда чрезвычайно острой. Над всем миром нависла зловещая тень свастики. Сталь, которую выплавлял Макар Мазай, была особой, качественной. Макар хорошо знал, на что она используется. Каждая добавочная тонна стали была вкладом в укрепление обороноспособности страны, заслоном от фашизма.

Делегаты съезда с вниманием выслушали рассказ Мазая о себе. Ему долго аплодировали. Только некоторые дипломаты демонстративно поднялись и оставили ложу, в которой они сидели. Им, видимо, очень и очень не понравилась та часть речи, когда Мазай весьма недвусмысленно говорил об одном — очень важном значении стали.

На второй день после выступления на съезде Мазая принял нарком Серго Орджоникидзе. В книге «Записки сталевара» Мазай рассказал об этой встрече.

«На Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов я впервые увидел Серго. Мне хотелось к нему подойти, но я все не решался. Когда работа съезда уже подходила к концу, я во время заседания послал товарищу Орджоникидзе записку, в которой просил его принять меня.

Серго прочел записку и стал смотреть в мою сторону. Увидел ли он меня, я не знаю. В перерыве мне сообщили, что товарищ Орджоникидзе вечером может меня принять.

В приемную мы пришли вместе с директором, начальником цеха Шнееровым и другими работниками завода. Меня тотчас позвали в кабинет. Директор и другие заводские работники остались в приемной.

Серго Орджоникидзе сразу забросал меня кучей вопросов:

— Делегат? Будем Конституцию утверждать? От соревнования устал?

Я сказал, что, когда хорошо работается, никогда не устаешь, и добавил:

— Была бы помощь — завода и ваша!

Серго насторожился.

— Моя помощь?! Какая?

Я подробно рассказал о том, что мешает производству, о положении дел с магнезитом, о состоянии тыла.

Серго внимательно выслушал меня, сделал какие-то заметки, вызвал к себе некоторых работников ГУМП[1], чтобы выяснить положение дел с магнезитом.

Прошло несколько минут. Нарком вызвал секретаря, сказал ему, чтобы в кабинет пригласили директора, начальника цеха и других дожидавшихся в приемной заводских работников.

Когда все собрались, нарком предложил начальнику цеха Шнеерову рассказать, как добились такого высокого съема стали, что было сделано.

Нарком слушал очень внимательно, не пропускал ни одного слова. Неожиданно он прервал Шнеерова и снова обратился ко мне:

— Сколько у тебя средний съем?

Я ответил.

— И не один ты даешь такие съемы?

— Не один. Вот у меня телеграммы. Наши сталевары обещали, что мой отъезд на показателях цеха не отразится.

Орджоникидзе усмехнулся:

— Стало быть, ваш цех можно назвать мазаевским?

Затем он обратился к Шнеерову:

— Продолжайте!

Товарищ Шнееров развернул чертеж и стал показывать, какие реконструктивные мероприятия мы осуществили; что для того, чтобы жидкая сталь не могла уйти из печи, у окошек печи мы подсыпаем доломит и сооружаем, таким образом, ложные пороги.

Потом я рассказал, как организовали работу бригады.

Серго заметил:

— Самое главное, чтобы была спаянность в низовом звене, в бригаде, чтобы люди друг друга понимали. Для этого надо, чтобы бригада была постоянной, чтобы людей зря с места на место не гоняли.

После этого Серго перешел на бытовые темы. Он стал расспрашивать меня, как живу, какая у меня квартира, семья, отдыхаю ли после работы.

---

[1] Главного управления металлургической промышленности.

Я все рассказал, сказал, что недавно получил новую квартиру, что хочу учиться.

Беседа длилась уже полтора часа. Все темы как будто были исчерпаны. Снова наступило молчание. Серго внимательно всматривался в висевшую на стене диаграмму, показывающую динамику суточной выплавки стали. Затем он вплотную подошел к Шneерову и сказал:

— Вот что: вы с Мазаем из Москвы не уедете до тех пор, пока не напишете подробно, как вы добились таких чудес, — у американцев ведь этого нет, у немцев и англичан нет, и у чехословаков нет. Ни у кого нет. У кого же учиться нашим сталеварам варить сталь по-социалистически? У Мазая и Шнеерова! Так вот: сталевары вы хорошие, будьте такими же учителями! Учите, передавайте опыт через газету! Книги надо вам писать!

Затем он подошел ко мне, обнял и спросил:

— Ну как, Мазай, машину любишь?

— А разве есть люди, которые не любят машину? — удивился я.

Серго премировал меня и Шнеерова автомашинами».

Как бы продолжая мысль, высказанную в этом разговоре, Серго Орджоникидзе на торжественном заседании, посвященном 15-летию газеты «За индустриализацию», 30 декабря 1936 года говорил:

«Возьмите сталеваров наших. Мазай дает 12, 15, 8, 9 тонн с квадратного метра пода, — разрешите похвастаться: ни у американцев, ни у германцев мы этого не знаем. Но если взять всех наших сталеваров и все наши мартеновские печи, то все они в среднем дают с квадратного метра чуть-чуточку меньше четырех с половиной тонн... Не умеем еще организовать дело так, как нужно. И не всегда хотим учиться у тех, которые это умеют. Очень часто у нас говорят: «Ну, подумаешь — пойду я учиться у какого-то Мазая. Я сам с усами!» Усы-то, может быть, у тебя большие, а вот у него 12, у тебя 3 тонны. Вот и ходи со своими усами сколько хочешь».

И еще спустя месяц в одной из последних своих речей на приеме нефтяников Орджоникидзе вновь останавливается на значении того, что сделано на Мариупольском заводе.

Метод, позволивший Мазаю добиться столь выдающихся успехов, потребовал пересмотра многих научных положений, на которых до тех пор основывалась технология мартеновского производства стали. Мазай задал работы

ученым, от многих канонов им пришлось отказаться. Так рабочая практика вторглась в науку и поставила перед ней новые задачи. В сталеварении началась новая эра.

В 1939 году Мазай был принят студентом Промышленной академии в Москве.

Промакадемии были особыми учебными заведениями, в которых училось много новаторов производства. Учеба давалась Мазаю нелегко. Он сознавал, что ему необходимо много и много учиться. Но, попав в тихие аудитории академии и столкнувшись с педагогическими требованиями, он как бы растерялся и заскучал. Его тянуло назад к печам, в которых постоянно бушевал огонь, где все время тебя подстерегает опасность. Прошло немало времени, прежде чем Мазай освоился в новой для него обстановке. Но в каникулы он спешил на свой или на какой-либо другой металлургический завод, к печам. Ему не терпелось вновь натянуть на себя спецовку, напялить на голову фуражку с прикрепленными к козырьку синими очками и снова повести плавку. Это была его стихия!

Летом 1940 года Мазай совершил поездку на Магнитку, ему очень хотелось посмотреть новые мартеновские печи. Не мог он уяснить себе, почему на этих, гораздо более совершенных, чем на заводе имени Ильича, печах дела не ладятся. Одну из причин, и немаловажную, он обнаружил: на Магнитогорском заводе сталевары тогда лишены были инициативы, они оставались лишь исполнителями приказов мастера и начальника смены. Может быть, такой порядок был заведен потому, что руководители не были уверены в квалификации сталеваров, и организация труда стояла на низком уровне.

Этими мыслями он по возвращении в Москву прежде всего поделился со своим бывшим начальником цеха Яковом Шнееровым.

К тому времени и Шнееров уже оставил Мариуполь, его — тогда еще молодого инженера — назначили главным сталеплавильщиком наркомата черной металлургии. Шнееров, так же как и Мазай, тяготился новой должностью. Его также тянуло в цехи, где кипит сталь. И он своего добился — со временем пост главного сталеплавильщика наркомата он сменил на такой же пост на Магнитогорском заводе. Тут уж он был не где-то в ставке, а на самой линии огня.

Вскоре после возвращения из Магнитогорска Мазая вызвали к наркому черной металлургии. Им был тогда Иван Федорович Тевосян. Нарком долго и обстоятельно расспрашивал Мазая о Магнитке.

После смерти Серго Орджоникидзе Тевосян посчитал себя обязанным заботиться о Мазае, и он интересовался всем, чем Мазай жил, он поддерживал его в минуты колебаний, когда неугомонность порой сменялась размагниченностью.

Началась война. Первый порыв — отправиться на фронт, но в армию Мазая не взяли. Тогда он настоял, чтобы его вернули к печам: если уж не воевать, то он будет варить сталь для войны. Ему дали направление на сталелитейный завод в Бежицу, однако в этом районе уже развернулись бои с гитлеровцами, и тогда он кружным путем стал добираться до Мариуполя, на свой завод.

Осенней темной ночью небольшой пароходик причалил к дебаркадеру Мариупольского порта. Небо обложено было свинцовыми тучами. Всегда сиявший тысячами огней город, погружен был в кромешный мрак. Неожиданно осветилась и как бы окрасилась в малиновый цвет морская бухта — это из домен Азовстали выпускали чугун.

Макар отправился на завод. Дорога лежала мимо Ворошиловского сада. Здесь он когда-то познакомился с женой. Вот уже почти три месяца, как он ее и детей проводил из Москвы к родным под Мариуполь. Ему хорошо запомнился тот субботний вечер. Ранним утром следующего дня над Родиной появились фашистские стервятники.

В думах о прожитом, он подошел к небольшому зданию партийного комитета. Секретарь заводского партийного комитета обрадовался нежданному гостю, расспрашивал о Москве, о всем, что повидал, что слышал, пока добирался до завода.

— Насчет Мариуполя установка такая. Ни один партиец не может покинуть город. Его будут отстаивать. Кое-кто попытался эвакуировать семьи, это вызвало в городе панику, приказано — отставить! Вот так! Командованию виднее. Завод на полном ходу, эвакуирован один только броневой стан. Людей на заводе не хватает. Так что ты завтра на работу. Смену потянешь?

Созвонился с директором, и все решилось.

На следующий же день Макар принял смену. Варили высококачественную сталь для танков. Рядом была ремонтная мастерская. Танки уходили отсюда на фронт своим ходом.

Не хватало шихты, не хватало людей. Но те, кто остался у печей, находили выход из самых, казалось бы, безвыходных положений. Вместе с мастером Иваном Гавриловичем Боровлевым Макар организовывал работу, смотрел пробы стали, отыскивал залежи лома, находил где-то в тайниках ферросплавы...

Прошло всего несколько дней. На очередную смену не вышел один из начальников смены. К нему на дом послали посыльного — узнать, что с ним, но не нашли, — нагруженный рюкзаками, ночью с семьей ушел. Макар остался на следующую смену. Он проработал подряд почти сутки, пока Иван Гаврилович не прогнал его.

А между тем гитлеровские полчища прорвали фронт и подошли к Мариуполю. Они захватили завод в момент, когда на нем еще варили сталь, катали металл. Руководство завода, передовые рабочие и инженеры, коммунисты, активисты, таясь и обходя патрули гитлеровцев. выбирались из фашистского окружения. Но не всем удалось уйти.

Мазай проснулся от шума проносившихся по поселку мотоциклистов. Он припал лицом к стеклу окна, всматриваясь в темноту улицы. «Чьи мотоциклы?» — тревожно подумал он. Вышел во двор, решил постучать в стоявший в глубине маленький домик.

Хозяйка испуганно спросила: «Кто это?» — и, услышав голос Макара, быстро впустила его, закрыв за собой дверь на запор.

— Откуда вы? Они ведь на заводе, — в ужасе рассказывала она.

Макар не сразу понял смысл сказанного.

Женщина поведала обо всем, что произошло за те часы, что Макар беспробудно проспал.

Так случилось, что Мазай, чьи слова «Горячей сталью зальем фашистам глотки!» облетели весь мир, остался в оккупированном фашистами городе.

Сведения о гибели Мазая еще в начале 1942 года просочились через линию фронта. В печати даже были описаны обстоятельства, при которых Мазай попал в руки

гестаповцев и был расстрелян. Автор одного очерка подробно, как будто он был очевидцем событий, рассказывал о том, как и где гестаповцы схватили Мазая, как они, посулив разные блага, пытались склонить его к измене Родине, уговаривали подписать воззвание к сталеварам, чтобы они пошли работать на оккупированные фашистской Германией заводы. А когда Мазай решительно отверг эти гнусные предложения, его стали пытать, истязать и, наконец, расстреляли.

В этих рассказах подлинные факты перемешаны с вольным домыслом. Верно в них только одно: Мазай остался горячим патриотом Родины, верным сыном ее.

О героической смерти Мазая сложили песни и баллады. В одной из них рассказывается о том, как Мазая вели по улицам связанного, с залитым кровью лицом. У противотанкового рва, где немцы замучили и уничтожили 75 тысяч советских людей, гестаповцы в последний раз сказали Макару: «Покорись!» Макар молчал. Тогда фашисты стали топтать его ногами. «И голова его поднялась навстречу мерзким палачам, — поется в балладе, — и он крикнул на всю степь: «Сталью зальем вам глотки, сталью!»

Двадцать три месяца оккупанты оставались в Мариуполе. На заводском здании они прикрепили вывеску: «Акционерное общество «Крупп фон Боллен. Азовский завод № 2». Но советские люди не стали работать на фашистскую Германию. Многие металлурги Мариуполя предпочли смерть работе на гитлеровцев.

Не стало Макара Мазая. Оккупанты расстреляли депутата Верховного Совета УССР сталевара Никиту Пузырева, старого ильичевца, начальника цеха специальных сталей Наума Михайловича Толмачева и десятки других патриотов.

Спасаясь от гитлеровцев, многие ушли в села, прятались в балках, оврагах, отыскивали связи с партизанами... Об этом сталевар Иван Кабанов рассказал:

«В последний раз я виделся с Мазаем в октябре 1941 года. Это было через несколько дней после захвата немцами Мариуполя. Я решил пробраться к Таганрогу. Ночью окольными дорогами, в кромешной тьме шел на восток. Каждый шорох заставлял вздрагивать, выжидать. К утру дошел до села Красновка, где был дом родственников Мазая. Вдруг в предрассветном тумане заметил знакомую фигуру. То был Макар. Я его окликнул.

— Думаешь пробраться? — спросил Мазай.

— А как же иначе?.. Поймают — убьют или заставят сталь варить для немца. И то и другое — смерть.

Мазай молчал. Мысли его были где-то далеко.

— А если они в самом деле вздумают на наших печах варить сталь? — проговорил он в раздумье. — И нашей сталью бить по нашим! Ты на какой печи работал последнее время?

— Вместе со Шкарабурой на девятой, но ее больше нет, успели взорвать, — ответил я.

— Это хорошо, — сказал Мазай, — но другие печи остались... Нельзя допустить, чтобы немцы воспользовались ими...

Он не договорил. Ему тяжело было оставаться, но он не хотел отдаляться от завода. Здесь он был на страже...

Поздней ночью он проводил меня. Мы крепко пожали друг другу руки. Мне не удалось пробраться через линию фронта. Прошло десять дней, и я возвращался, держа курс на Красновку. Я не решился войти в дом Мазая, но пройти мимо, не повидавшись с другом, не мог. Я бродил поблизости, пока не увидел жену Мазая. Она рассказала, что Мазая забрали в гестапо...»

Об этом автор этого повествования рассказал в очерке «Мариупольская сталь», напечатанном в газете «Труд» осенью 1944 года.

А вот более поздний рассказ вдовы Макара Никитича:

— Макар не хотел пробираться через фронт. Его удерживала не опасность попасться гитлеровскому патрулю, а тревога, что гитлеровцы наладят на нашем заводе производство стали. В том, что они стремились к этому, не было никакого сомнения. Чуть ли не на второй или третий день после их прихода над заводом появилась вывеска «Крупп фон Боллен». Расклеили объявления, призывавшие рабочих выйти на работу. Многие попрятались, но некоторые и вышли, а кое-кого полицаи силком тащили. Пошла молва: немцы прознали, что Макар здесь, и они его ищут. Мы его прятали то в одном, то в другом месте. Но он часто пренебрегал опасностью. Его выследил предатель и выдал. Взяли Макара прямо из дома. У нас был погребок, никто о нем не знал, вход в него был хорошо замаскирован, Макар спускался в этот погребок. Кто-то писал, что Макара схватили на базаре, что он был переодет то ли в крестьянскую одежду, то ли даже в жен-

ское платье. Все это придумки. Гитлеровцы явились посередине дня, и предатель прямо показал на потайное место. Они постучали и сказали, чтобы он вышел. Делать было нечего. Увели Макара в гестапо. Начальник гестапо был обергруппенфюрер (может, я и не так его называю) Шамерт. Не человек, а зверь. И еще говорили был фельдкомендант Гофман и какой-то Клюкне. Эти имена я запомнила.

Ходила я туда. Один раз передачу взяли, и даже издали его видела. Против ихней тюрьмы был пригорок, с него можно было видеть арестантов. Правда, гестаповцы разгоняли толпившихся на пригорке родственников, но в таких случаях люди становятся смелыми. Тогда он мне передал, чтобы принесла ему теплое белье. В камерах стояла страшная стужа; но, когда я принесла передачу, мне ее вернули и сказали, что он уже... там.

«Там» — это противотанковый ров, где расстреливали всех, кто по фашистским законам подлежал уничтожению. Десятки тысяч людей гоняли по Першотравенской дороге на смерть.

— А что стало с предателем, который его выдал?

— Когда советские войска вернулись, его поймали. Судили. Была я на суде, на коленях ползал, прощения просил. Гад!

Вот, пожалуй, все, что достоверно известно о последних днях Макара Мазая.

На пятидесятый день после изгнания врага из Мариуполя зажегся огонь в одной из восстановленных мартеновских печей (уходя, гитлеровцы взорвали все печи, строения, разрушили все, что могли). На восстановленной печи работали друзья Макара. Завалку шихты произвел Шкарабура, выпускал плавку Кабанов. И откуда только у них силы брались! Они были похожи на тени.

Работать было невероятно трудно. Плавки сидели по 14—16 часов. И тогда еще и еще вспоминали Макара Мазая — как бы он поступил в тех невероятно трудных условиях.

«Песнь о Макаре Мазае» — так назвал очеркист Борис Галин свой напечатанный в «Правде» очерк, в котором рассказывалось о первых месяцах восстановления Мариупольского завода имени Ильича.

«В партийном комитете завода имени Ильича, — писал Б. Галин, — мне показали книгу с отсыревшими страницами. Это была чудом сохранившаяся книга Макара Мазая. Все годы оккупации она лежала зарытая в землю, скрытая от немцев. И вот страстное слово новатора в металлургии вдруг ожило. Читая книгу Макара Мазая, его друзья и товарищи словно перелистывали страницы близкого и прекрасного прошлого... И эта книга с отсыревшими страницами, книга жизни Макара Мазая стала организатором и пропагандистом смелых методов работы сталевара. Она воскрешала круг мыслей Макара Мазая, весь стиль его работы и, «как живой с живыми говоря», он возникал в воображении своих друзей и последователей».

Мазай жил в умах и сердцах ильичевцев, и с мыслями о нем они шли на вахты — Кабанов, Шкарабура, Катрич, Рыбалко...

Соревнование в память о Мазае перебросилось в сталеплавильный цех № 3. Там сталь варили Махортов, Подколзин. Там сформировалась первая в стране бригада девушек, решивших в те тяжелые дни войны освоить неженскую работу сталеваров. В бригаду входили дочь расстрелянного немцами начальника этого цеха Тамара Толмачева, Вера Глушко, Агнесса Бакаева.

Я наблюдал, как Бакаева вела плавку. Она была в брезентовом костюме, который был ей великоват, в фуражке с длинным козырьком, в кармане куртки виднелась оправа синего стекла. По «рангу» это ей не полагалось, — у сталеваров синее стекло прикреплено к козырьку фуражки Однако никто не стал придираться к этому отступлению от правил. Зато она умело держала лопату и толково бросала в печь доломит. Требовательный сталевар Подколзин на вопрос: «Как ученица?» ответил: «Растет! Сам Мазай взял бы ее в бригаду».

Первым на мазаевский уровень на заводе имени Ильича вышел один из его учеников, Михаил Кучерин.

Еще шла война, и каждая добавочная тонна приближала день окончательного разгрома фашистской Германии. «Не стало Макара Мазая, — сказал на происходившей в конце 1944 года конференции по скоростному сталеварению сталевар-скоростник Иван Андреевич Лут, — так давайте выполним данное им партии, всему нашему народу слово — залить расплавленным металлом пасть озверелого врага».

В городе Жданове (так называется сейчас Мариуполь) в центре заводского поселка стоит памятник. Плотная, отлитая из бронзы фигура сталевара. Скульптор вложил ему в руку ложку, которой берут пробу металла.

Это памятник легендарному сталевару, комсомольцу Макару Мазаю. У памятника часто останавливаются прохожие, группы учащихся школ профессионально-технического образования, приезжие из других городов. И всегда находится старожил, знавший Мазая, который расскажет историю жизни геройски погибшего отменного мастера сталеварения.

И сталевары нового поколения, идя на смену, невольно замедляют шаг, когда проходят через сквер, где несет свою вахту бронзовый сталевар.

Комсомольцы —
здесь.
Место им готово
И у двух сердец
шелест двух путевок.
Здесь расскажут им
о конце
Мазая —
как окутал дым
сорванное знамя,
как враги,
стуча
в буквы молотками,
имя Ильича
сбросили
на камни,
как в годину бед
полз Мазай под стену
с миной в цех,
к себе,
к темному
мартену.
Вот
и эпилог.
Но жизнь — без эпилога!
И ребята в цех
входят,
продолжая
ради счастья всех —
труд
и жизнь
Мазая.

(Семен Кирсанов, поэма «Макар Мазай»)

Завод имени Ильича стал неузнаваем. На месте старого возник новый гигантский завод: мощные доменные печи объемом в 2000 и в 2700 кубометров; мартеновский цех с печами в 600 и 900 тонн, самое большое в стране кислородно-конверторное производство стали. Далеко в степь шагнул цех холодной прокатки стального листа годовой производительностью в миллионы тонн.

Шестой девятисоттонной мартеновской печи нового цеха присвоено имя Макара Мазая. Старшим сталеваром на ней Михаил Гонда. Двадцать лет несет он вахту у сталеплавильных печей. Он начал, как все, подручным на старых печах. А когда в 60-е годы в строй вступил новый цех и стали подбирать «экипаж» для мартена-гиганта, первым назвали кандидатуру Михаила Гонды. В смене с Сашей Булыком, Геннадием Демиденко, Виктором Якименко они ведут эту печь-гигант.

На первых порах стояла задача — сократить период, отведенный для освоения проектной мощности печи. И чтобы добиться этого, они вновь и вновь перечитывали книжки и брошюры, в которых описаны методы работы Мазая. Конечно же, печь Мазая (напоминаю, она была 60-тонной, это уже Макар Никитич сделал ее стотонной) по сравнению с новой печью — карлик. Но когда шло освоение новой печи, методы работы Мазая очень пригодились. И вот результат — с 431 тысячи тонн в 1964 году выплавка на ней в 1966 году поднялась до 800 тысяч, а затем перевалила за миллион тонн.

Наследник Мазая Михаил Гонда удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда.

Одна печь дает более миллиона тонн стали в год, почти втрое больше, чем давал весь цех, в котором работал Мазай...

Съем в 12 тонн сейчас рядовое явление. На помощь пришли природный газ, кислород, хромомагнетизитовые своды, счетно-решающие устройства... Во времена Мазая об этом никто еще и думать не мог. А мастером смены в новом цехе работает Иван Андреевич Лут. Один из тех, кто вслед за Мазаем подписал знаменитое письмо о двадцатидневном соревновании.

— Мог бы и он еще варить сталь... Или, наверно, он бы уже был инженером, или директором... или ученым, — говорит Иван Андреевич. Сам он удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда.

Этот рассказ о легендарном советском сталеваре Макаре Мазае я пишу спустя почти тридцать лет после его гибели. О Мазае написано немало. Мне выпало быть свидетелем восхождения Макара Мазая.

Как только осенью 1936 года в Москве было получено сообщение о первой скоростной плавке Мазая, я выехал в Мариуполь. И мне посчастливилось быть свидетелем скоростных плавок, которые вел Мазай. А после того, как Мазай был у Орджоникидзе и нарком предложил ему рассказать, как ему удалось добиться своих успехов, мне была поручена литературная подготовка книги «Записки сталевара» (она вышла в свет в 1940 году).

Работать с Макаром было трудно, но увлекательно. У него был острый ум, и он понимал, что «свет не сошелся клином» на его печи. Не мне судить, оказался ли удачным наш творческий союз. Книга была замечена и, насколько мне известно, читалась (ныне она библиографическая редкость).

Таким был Макар Мазай.

Пути, проложенные Мазаем, оказались весьма плодотворными, и по ним пошли все сталевары Советского Союза. Идея более высокой нагрузки печи легла в основу плана реконструкции мартеновских печей Магнитки, Кузнецка, Нижнего Тагила и других заводов со 185-тонных плавок на 350- и 385-тонные. В Магнитогорске перестройка печей происходила под руководством главного сталеплавильщика комбината Якова Ароновича Шнеерова. А когда началась война, на этих печах варили броневую сталь. Даже самые умелые сталеплавильщики — например, такие, как златоустовец Петр Егорович Бояршинов, которому известна была «тайна булата», — считали, что и мысль о том, чтобы варить в мартенах такую сталь, — безумие. Магнитогорцы это сделали и обеспечили танковые заводы броней.

...В те часы, когда Мазая вели на казнь, на вахте мартеновской печи на златоустовском заводе стоял один из участников двадцатидневного соревнования, сталевар Василий Матвеевич Амосов. Он взялся варить в мартеновской печи высококачественную сталь очень сложных марок. Такую сталь до тех пор получали только в электропечах. Но ее требовалось много, и электропечи не могли

обеспечить потребность. Василий Амосов сделал то, что казалось немыслимым.

И в Тагиле, и на других заводах востока варили сталь по-мазаевски. Всюду, где варили сталь для фронта, незримо присутствовал Макар Мазай.

...А после войны, когда развернулась гигантская битва за восстановление разрушенных гитлеровцами в годы оккупации заводов, на вооружение снова взяты были методы Мазая, и, отталкиваясь от них, сталевары шли вперед и вперед.

Достигнутый Мазаем съем стали с квадратного метра пода печи — 12 тонн — казался фантастическим. Ныне же, вооруженные новыми средствами — кислород, природный газ, высокоогнеупорные материалы, автоматика и ЭВМ, — сталевары дают по 20, 30, а в иные сутки до 38 тонн с квадратного метра печи.

Последователи Мазая — сталевары Запорожстали, Макеевки и других заводов — выдают двухсоттонные плавки за три часа и даже быстрее.

Макар Мазай возглавил бой за 60 тысяч тонн суточной выплавки. Это был 1936 год, предпоследний год второй пятилетки.

Девятая пятилетка началась суточной выплавкой почти в 350 тысяч тонн!

В этих цифрах — пройденный путь.

На металлургических заводах Донбасса с конца 1971 года развернулось соревнование за приз имени Макара Мазая.

Мархамат Юлдашева

Мархамат глядела на строгое, сосредоточенное лицо инженера, стоявшего у новенькой черной доски, и ей казалось, будто он постепенно превращается в гигантскую фигуру сказочного богатыря. Она хорошо знала, что перед нею совсем обыкновенный человек. Но этот человек обладал такими обширными знаниями, что в глазах тринадцатилетней девочки, едва переступившей порог ФЗУ, он отождествлялся с могучим и всесильным богатырем, а то и самим джинном — волшебным демоническим духом.

Но что это? Неужели инженер прочитал ее мысли? Или ей почудилось? Да нет, он действительно дважды упомянул о каких-то джиннах, а затем снова заговорил о хлопке и способах его обработки.

Мархамат не выдержала и подняла руку.

— Что там у тебя, Юлдашева? — спросил инженер.

— Извините, пожалуйста, амаке[1], — начала было Мархамат, но тут же умолкла, краснея от охватившего ее стыда: весь класс зашумел, и где-то послышался смешок.

— Смеяться тут нечему, — выждав, пока станет

---

[1] Амаке — дядя, дяденька *(узбек.)*.

тихо, произнес инженер. — А ты, Юлдашева, запомни, что здесь у нас нет ни дяденек, ни тетенек, а есть учителя, и каждый из них имеет свою фамилию, свое имя и отчество. Я уже говорил, что меня зовут Хасаном Турсуновичем, фамилия моя — Турсунов. Так о чем ты хотела спросить, Юлдашева? И, пожалуйста, прошу не стесняться. Все вы пришли сюда, чтобы учиться, и чем больше будет задано вопросов, тем лучше. Через год закончится строительство первой очереди текстильного комбината, и вам первым придется встать у новых машин. А без твердых знаний...

— Хасан Турсунович, — осмелела Мархамат, — я что-то не поняла, о каких джиннах вы говорили. Ведь джинны — это...

— Это злые духи, ты хочешь сказать? — улыбнулся Турсунов и поднял руку, заметив, что в классе начался шум. — Нет, девушки, я говорил не о джиннах, а о джинах, с одной буквой «н». — Написав это слово на доске, он положил мел на место и продолжал: — Джин — слово английское, это машина, которая отделяет волокно от семян хлопчатника. Это один из первых процессов, предшествующих превращению хлопка в ткань. Мы же с вами будем изучать так называемый процесс предпрядения — получение ровницы, из которой затем производится пряжа. Теперь о машине.

Не успел Турсунов написать на доске десяток слов, означавших названия машин, их деталей и производственных процессов, как несколько девушек почти одновременно подняли руки.

— Вот такая активность мне нравится, — стряхивая с пальцев белую пыль, довольным голосом произнес инженер. — Теперь я уже не сомневаюсь, что вы действительно собираетесь стать квалифицированными работницами. Имейте в виду, девушки, что, когда вы встанете за ровничные машины, от вас будет зависеть, какую продукцию станут вырабатывать прядильщицы и ткачихи. Итак, что же интересует тебя, синеглазая?

Если бы не рыжеволосая Таджихон, у которой были такие редкие глаза, Ходичу можно было бы признать за самую оригинальную фигуру не только в группе ровничниц, но и во всей школе ФЗУ. Правда, Мархамат была стройнее своих подруг и отличалась правильными и тонкими чертами лица, но у нее сверкали такие же, как у всех почти девчонок, темно-карие с длинными ресницами гла-

за, столь характерные для коренных жителей Узбекистана, да и вообще всего Востока.

Ходича поднялась с места и, слегка потупившись, задала вопрос:

— А что же все-таки такое, домла[1], эта самая ровница?

— Ровница — это рыхлая, слегка скрученная, вытянутая нить из хлопкового волокна. Нить эта имеет округлую форму, наматывается на катушку. Скоро вы все увидите это своими глазами, девушки, и даже потрогаете руками.

Мархамат внимательно следила за каждым движением Хасана Турсуновича, медленно прохаживавшегося возле доски и терпеливо повторявшего еще пока мало понятные термины. Ей не верилось, что когда-нибудь она не только будет знать назубок названия всех этих частей загадочной ровничной машины, но и станет работать на ней.

Стараясь не пропускать ни одного слова учителя, девушка торопливо исписывала листки тонкой тетради, время от времени прикладывая промокашку к пятнам клякс. Хотя Мархамат и успела до этого окончить пять классов, писать быстро она еще не научилась. Она волновалась, и перо дрожало в ее руках.

Опасливо покосившись на тетрадку подруги, сидевшей рядом, Мархамат невольно улыбнулась, заметив там несколько клякс. Теперь ей было уже не так стыдно за себя.

— Ты что улыбаешься? — шепотом спросила Ходича, соседка по парте. — Может быть, хочешь удрать из ФЗУ?

— А зачем удирать? — удивилась Мархамат. — Разве тут плохо?

— Тут, конечно, хорошо, — согласилась Ходича, — только трудно очень. Я, например, почти ничего не поняла из того, что рассказывал домла.

— Так что же ты молчишь? Спрашивай, и он тебе все-все объяснит! По-моему, если взять и поставить в один ряд тысячу и одного муллу, то все вместе они не знают и сотой доли того, что знает Хасан Турсунович!

— Это, конечно, верно. Только мне от этого не легче.

И, словно уловив мысли подруги Мархамат, Турсунов произнес:

---

[1] Домла — учитель *(узбек.)*.

— Самый трудный шаг — первый, и вы его должны сделать!

Тридцать третий год был трудным для страны: из-за неурожая многим пришлось тогда подтянуть ремни потуже и довольствоваться малым.

Семья Мархамат ничем не отличалась от многих тысяч других узбекских семей. Трудолюбие здесь прививалось чуть ли не с младенческих лет, почтение к старшим впитывалось с молоком матери.

Отец Мархамат, Юлдаш Мирзамухамедов, коренной ташкентец, встретил Октябрьскую революцию уже вполне сложившимся человеком. Ему было тогда сорок лет (жена Зухра — на десяток лет моложе), и в его доме с небольшим фруктовым садом, дававшим основной доход, уже жили семнадцатилетний сын Шукур, пятнадцатилетняя дочь Лютфи и ее тринадцатилетняя сестренка Кутпи. Перед тем как родилась Мархамат, Мирзамухамедовы похоронили одного за другим трех малюток и с явным опасением ожидали следующего ребенка.

Зухра-хон не раз поднимала к потолку свои натруженные и обветренные руки, моля о пощаде и даровании здорового ребенка. Юлдаш-ака был более сдержан и лишь мысленно присоединялся к просьбам своей жены.

«Мархамат[1], о небо, мархамат!» — повторял он, беззвучно шевеля губами. Так получила свое имя девочка, родившаяся в феврале 1920 года. После появления Мархамат семья Юлдаша Мирзамухамедова пополнилась еще двумя мальчиками — Рыхсибаем и Рузыбаем. Таким образом, когда Мархамат стала ученицей ФЗУ, старшему ее брату было тридцать три года, а младшему — только пять. Подобная разница в возрасте никого не удивляла, ибо вокруг жили тысячи таких же семей.

И когда любознательная Мархамат, узнав о наборе девушек в школу ФЗУ при строящемся текстильном комбинате, заявила о своем желании пойти туда учиться, отец ее, задумчиво глядя на взволнованное лицо высокой худенькой девушки, тихо произнес:

— Ну что ж, Мархамат, мархамат!

А в глубине души у него мелькнула мысль, что, конечно, в старое время девушку можно было уже готовить к замужеству, поскольку тринадцать с половиной лет — возраст невесты. И калым не помешал бы...

---

[1] Мархамат — *пожалуйста (узбек.).*

Однако «невеста» в это время думала не о женихах.

Они часто, чуть ли не ежедневно, оставались втроем — Ходича, Таджихон и Мархамат. Одна из них брала в руки конспект и читала вслух, а подруги внимательно слушали. Затем они обменивались впечатлениями о прочитанном и менялись ролями. Это были строгие экзамены, во время которых никто не мог ждать пощады или хотя бы подсказки.

За один год учебы из простой и несмышленой девчонки она превратилась во вполне самостоятельную девушку, которой могли уже доверить сложнейшую технику.

Если раньше Мархамат с искренним удивлением следила за мчавшимся по рельсам трамваем, недоумевая, какая сила заставляет его катиться по мостовой, то теперь она не только могла в двух словах объяснить принцип работы, скажем, электромотора, но и подробно рассказать о таких сложных вещах, как устройство дифференциала ровничной машины, рассказать о процессе намотки на той же машине или перечислить дефекты намотки ровницы.

К экзаменам Юлдашева готовилась с Таджихон и Ходичой. За год совместной учебы девушки не только привыкли друг к другу, но и сдружились. Они не представляли себе, как могли бы жить без этой дружбы.

Экзамены они сдали хорошо. А Мархамат даже получила высшие оценки. Да и вопросы-то были легкие — рассказать об устройстве ровничной машины и пояснить, как надо присучивать ленту.

Инженер Турсунов, принимавший экзамены, поощрительно кивал головою во время ответов Мархамат, а когда она кончила, переглянулся с членами экзаменационной комиссии и, словно колеблясь, произнес:

— И еще один, дополнительный вопрос, Юлдашева. Потрудись вспомнить обязанности работницы-ровничницы. Ведь это же твоя профессия теперь. Только покороче.

— Можно покороче, — скептически взглянув на инженера, согласилась Мархамат. — Ровничница обязана освободившиеся от лент тазы заменить полными, а на ровничных машинах второго и других переходов заменять ровничные катушки в рамке. Она обязана ликвидировать обрывы продукта, снимать и заправлять съем, обмахивать машину, подметать пол около машины, собирать и сдавать угары, а в конце смены передавать машину своей сменщице, причем машина должна находиться в хорошем, исправном виде.

— Итак, друзья, — сказал в заключение Турсунов, — теперь, когда учеба у вас позади, вам остается сделать новый шаг в жизни — приступить к практической деятельности. Это тоже трудный шаг, но я знаю: вам все по плечу.

— Давайте знакомиться, — протягивая белую крепкую руку, сказала высокая молодая женщина в красной косынке. — Я ваш инструктор, Надежда Корнеева. Со всеми вопросами во время вашей практики обращайтесь ко мне. А вас как зовут? Вот тут у меня списочек, откликайтесь!

Знакомство состоялось.

Первый день практики на прядильно-ткацкой фабрике показался Мархамат каким-то сумбурным: по-настоящему трудиться не пришлось. То есть, конечно, девушки все время находились около машины, но это больше было похоже на экскурсию, так как Надежда Корнеева то и дело давала пояснения, которые, хотя и напоминали чем-то лекцию, но отличались тем, что слушатели видели перед собою вещественное воплощение слов инструктора.

— Вам уже рассказывали, — слегка повысив голос, чтобы заглушить шум машин, сообщила Корнеева, — что, пока хлопковое волокно превратится в ткань, его разрыхляют, затем треплют, потом прочесывают, затем делают из него холстик, ленту и — уже на нашей машине — ровницу. Из ровницы приготовляют пряжу, а уже из нее — ткань.

Таким образом, наша задача — вырабатывать ровницу, то есть полуфабрикат ткани, которую производит наша же фабрика. Теперь смотрите. Ровница приготовляется из ленты. Проходя через ровничную машину, лента эта делается тоньше, она более скручена, и волокно в ней лежит ровнее, благодаря чему пряжа будет прочной и упругой, а это, в свою очередь, делает ее наиболее подходящей для прядения.

Девушки следовали за Корнеевой, которая шла вдоль машин и давала пояснения.

— Посмотрим теперь, — продолжала Корнеева, — что делает ровничница. Вы видите, в чем лежит лента? Это так называемые тазы — в них поступает сюда продукция с ленточных машин. Ровничница ставит таз перед своей машиной, захватывает пальцами конец ленты и заправ-

ляет ее в свою машину, которая сразу же тянет эту ленту и, скручивая, превращает ее в ровницу. Ясно?

— Ясно, — едва слышно произнесла Мархамат и поглядела на своих подруг; те не отрываясь следили за лицом и руками инструктора.

— Теперь обратите внимание вот на что, — повысила голос Корнеева. — Вы видите, как много веретен на машине. На каждом из них насажена катушка, а на катушку наматывается ровница. Так вот учтите: если обрывается лента, катушка вращается впустую, то есть одно веретено, как у нас говорят, будет гуляющим. Ваша задача — сделать все, чтобы не было гуляющих веретен. Значит, и вы сами обязаны не прогуливаться около машин, а внимательно следить за их работой.

В том, что повторение — мать учения, Мархамат убеждалась еще не однажды. Как часто приходилось ей обращаться к Корнеевой, Ахмаджанову, Каримову, когда требовалось ликвидировать обрыв ленты или выяснялось, что какое-нибудь веретено не работает! Она с восторгом и некоторой завистью следила за тем, как быстро и ловко Надежда Корнеева, остановив на несколько секунд машину, присучивает ровницу. «Странно, — размышляла Мархамат, — мне все казалось пустяком, когда об этом читала, а вот на практике не получается... гм... ничего не получается, и я вынуждена обращаться за помощью. Когда же наконец я смогу сама все это сделать?»

— Ты не волнуйся, — успокаивала ее Корнеева, — опыт-то приходит не сразу. Вспомни, с каким трудом ты выводила буквы в первом классе. Во втором тебе уже было легче, а в пятом это у тебя получалось совсем просто. Только будь внимательнее и старайся все делать как можно более аккуратно. Договорились?

— Договорились! — уже в который раз повторила Мархамат.

«Легко сказать — быть внимательной и аккуратной, — думала Мархамат, проработав с неделю в цехе, — а как научиться этому — вот вопрос!» Глядишь на эти ленты, тазы, катушки, веретена, и в глазах все мелькает так, будто катаешься на карусели, даже голова кружится! А тут еще этот Фаттах Ахмедов со своими шпилечками. Подойдет так, что и не заметишь. И сразу какой-нибудь ехидный вопросец: не болит ли, дескать, от шума головушка, не принести ли небольшой диванчик, чтоб полежать часок-другой, а заодно не заварить ли зеленого чаю

для утоления жажды? Мархамат, как могла, отшучивалась — советовала ему надеть чалму, в которой как-то, мол, удобнее проявлять заботу о ближних, сравнивала его голос со щелканьем перепелки, интересовалась, давно ли он бросил работу чайханщика. А пока она придумывала ответ на очередную шутку Ахмедова, тот самым невинным голосом просил разрешения остановить машину и делал это в ту же секунду, после чего передвигал тазы и, как бы между прочим, объяснял, что ленты не должны перекрещиваться, дабы они направлялись в вытяжной прибор по самому короткому пути. И тут же заявлял, что такой, казалось бы, пустячок способствует повышению производительности труда и увеличению выпуска продукции.

Мархамат как-то во время обеденного перерыва пожаловалась Таджихон на Ахмедова, а та сочувственно закивала головой и сообщила, что ей еще хуже приходится, поскольку этот ужасный инструктор просто не дает ей покоя со своими шуточками насчет ее рыжих волос и синих глаз, не говоря уже о подтрунивании над ее рассеянностью, из-за которой, как он однажды выразился, веретена скрипят зубами, а ровница заливается слезами.

— А вообще-то с ним как-то веселее, — неожиданно призналась Таджихон. — Ты знаешь, я боялась, что к нам приставят какого-нибудь нудного инструктора. А этот — ничего, не хуже Надежды-апы. Пустит шуточку, а потом, будто случайно, кое-что интересное о машине расскажет.

— Ты гляди, что получается, — заметила Мархамат.— Когда мы учились в школе ФЗУ, я думала, что мы ничего не знаем; после экзаменов я думала, что мы знаем все; а теперь опять такое впечатление, что мы не имеем никакого представления о ровничной машине.

— И мне так кажется, — вступила в разговор Ходича, подходя к подругам и услышав последние слова Мархамат.

— А я просто стеснялась вам в этом признаться раньше, — понизила голос Таджихон. — Даже страшно подумать — неужели мы так никогда и не станем настоящими ровничницами?

— Без паники, девчата, — улыбнулась Мархамат. — Всему свое время. Надежда-апа ручается головой, что через год мы сами станем инструкторами.

Ташкент в первые годы после Октября постепенно превращался из затерянного на окраине России небольшого городка в центр промышленности и культуры Средней Азии, в столицу социалистической республики.

Капиталистическая промышленность начала возникать в Ташкенте сразу же после присоединения Туркестана к России. К 1871 году здесь было пущено 9 предприятий, в 1910 году их стало 80. Перед Октябрем в Ташкенте имелось 250 мечетей, но не было канализации, в городе функционировали 12 медресе и 8 бань, однако отсутствовал водопровод; существовал драматический театр, но не было ни одного высшего учебного заведения; курсировал построенный бельгийскими предпринимателями трамвай, но большинство улиц по вечерам погружалось во мрак; действовала основанная еще в 1873 году обсерватория, но влачила жалкое существование единственная больница, издавалось несколько газет, но было замощено менее четверти улиц, и в городе среди мусульман свирепствовали законы шариата.

В 1932 году началось строительство Ташкентского текстильного комбината. Место, где ныне возвышаются стройные корпуса промышленных и жилых зданий, представляло собою огромный пустырь со следами старого, всеми забытого мусульманского кладбища и остатками древней гробницы. Во время дождей сюда не только невозможно было пройти человеку, но даже и проехать арбе или телеге. Единственная надежда возлагалась на автомашины. Но упорство людей ломало все преграды. И когда наконец было очищено место для строительной площадки, когда сюда подвезли необходимые для начала работ строительные материалы, здесь шестого мая тридцать второго года состоялся торжественный и многолюдный митинг.

Подвели железнодорожную ветку, и вскоре стало прибывать долгожданное оборудование. Строительство велось такими темпами, что возник вопрос о срочной подготовке кадров для будущего комбината. И вот тогда-то по приглашению правительства республики в Ташкент вслед за опытными строителями и монтажниками потянулись высококвалифицированные специалисты текстильной промышленности, работавшие до этого на предприятиях Москвы, Иванова, Серпухова, Орехово-Зуева, Ленинграда, Владимира.

В числе первых посланцев России была и Надежда Корнеева. Выезжая в Ташкент, она не сомневалась, что

вскоре вернется в Иваново-Вознесенск, на свою родину. Корнеевой понравились гостеприимные ташкентцы, ее тронула их теплота, она, наконец, была покорена теплым климатом и обилием самых удивительных даров фруктовых садов, виноградников, бахчей.

Корнееву, которая ожидала, что ей придется всматриваться в лица работниц, откидывая их паранджу, покорили открытые улыбки девушек, их неистребимая жажда знаний, стремление узнать все сразу. Она предполагала, что ей никак не обойтись без штатного переводчика, но опасения были напрасны.

Правда, на улицах города и особенно в старой его части она слышала непонятный говор жителей и видела множество женских фигур, облаченных в накидку с совершенно, казалось бы, непроницаемой черной сеткой чачвана и с рукавами, которые, как она выяснила, были сплошной бутафорией, ибо сквозь них никогда не продевались руки. Но это, как она выражалась, блестели осколки старого мира, и вскоре они должны были, конечно, исчезнуть.

Уже через два месяца после того как она отстояла свою первую в жизни смену, Мархамат прибежала домой радостная и возбужденная: у нее был припасен один сюрприз.

— Что случилось, дочка? — ласково улыбаясь, спросил отец. — Уж не влюбилась ли ты, случайно? Чуть с ног не сбила!

— Как вам не стыдно, ата! — еще больше покраснела Мархамат. — Разве можно такое говорить? Влюбилась...

— Да ты же просто подпрыгиваешь от радости, — заметила Зухра-хон. — Говори, что там у тебя произошло!

— Сто пятьдесят у меня, сто пятьдесят! — обнимая мать за плечи, сказала Мархамат. — А в прошлом месяце было только девяносто пять, понимаете?

— Сто пятьдесят рублей — это не такая радость, чтобы сбивать с ног человека, — медленно проговорил старик. — Другие за месяц зарабатывают куда больше. Но разве ты первый раз принесла девяносто пять?

— Да я не о рублях говорю, — досадливо поморщилась Мархамат, — а о процентах. Месячное задание я выполнила полностью да дополнительно дала еще половину продукции.

— Это правда? — недоверчиво покосился на дочь Юлдаш-ата и погладил бороду, что было признаком волнения.

— Разве я когда-нибудь огорчала вас ложью? — с обидой в голосе ответила вопросом на вопрос Мархамат. — Над моей машиной даже плакат вывесили: «Здесь трудится передовая ровничница Мархамат Юлдашева».

— Ну что ж, приятная новость, — улыбнулся Юлдаш-ата. — Так что с меня, дочка, полагается суюнчи[1]. Будет тебе новое платье!

— Спасибо, отец, но платье я могу теперь и сама купить, — озорно сверкнула глазами девушка.

— Скажи спасибо, что я не признаю шарпата, а то бы ты у меня получила за эту выходку! — нарочито строго произнес Юлдаш-ата и, повернувшись к жене, добавил: — Это же настоящее безобразие — дочь дерзит, жена ходит без паранджи, сыновья не знают дороги в мечеть...

— ...а отец никогда не надевал чалмы, — завершила его мысль Зухра-хон.

— Этого еще не хватало! — буркнул Юлдаш-ата. Старик закашлялся и, взяв со стола нож, принялся выстругивать из кусочка дерева игрушку для семилетнего Рузыбая. Мальчик тут же подсел к нему и стал пристально наблюдать за работой отца.

Мархамат, сменив одежду и обувь, занялась немудреным хозяйством — надо было помочь матери, тем более что старшие ее дочери давно вышли замуж и переселились в другие дома.

— Как же это тебе удалось, родненькая? — словно разговор и не прерывался, спросила Зухра-хон. — Только совсем недавно начала работать — и уже полторы нормы, а? Уж не помогает ли тебе кто из... — Она не договорила, встретив обиженный взгляд Мархамат.

Собравшись как-то после работы, подруги закидали Мархамат вопросами, на которые ей волей-неволей пришлось отвечать сразу же.

— У тебя, наверное, есть какой-то секрет, — сказала краснощекая Фатима Рахматуллаева. — И ты скрываешь его от нас. Это нечестно!

— Да ничего я не скрываю, — все еще с улыбкой на лице заявила Мархамат.

---

[1] Суюнчи — подарок за хорошую весть.

— Тогда скажи, почему ты попала в число передовиков так быстро! — решительно потребовала Турсуной Пулатова и, взглянув сверху вниз на такую же, как она, рыжеволосую Таджихон, саркастически усмехнулась.

— Значит, вас интересует, почему я попала на Доску почета? — подбоченясь, задала вопрос Мархамат. — Тогда знайте: это произошло потому, что я все-все делаю вовремя. Понятно?

— А мы, значит, все время опаздываем? — не меняя саркастического выражения лица, спросила Турсуной.

— Ну, конечно, не все время, а так... время от времени.

— Глядите-ка, девушки, — сверкнула синими глазами Ходича, — оказывается, мы с вами настоящие лентяйки!

— Я этого не говорила, — понизила голос Мархамат. — Но, понимаете ли, Надежда-апа мне постоянно напоминает, что, работая у ровничной машины, нельзя терять ни одной лишней секунды; и с самого начала смены я в первую очередь внимательно слежу за тем, чтобы лента была заправлена как полагается. Вы же знаете, что от этого зависит работа веретен. Потом я стараюсь быстро ликвидировать обрывы, вовремя обмахивать машину, а также подметать пол около нее.

— Подумаешь, какие пустяки! — пожала плечами Турсуной.

— Это не такие уж пустяки, девушки, — задумчиво произнесла Таджихон. — Мне уже один раз попало от Фаттаха Ахмедова за то, что возле машины валялось много подмети. «На то, — говорит, — и подметь, чтобы ее вовремя подметали! И я, — говорит, — как начальство, не допущу халатности».

— Короче говоря, девушки, — заключила Мархамат, — из этих секунд, которые уходят на такие... гм... пу-стя-ки, и образуются минуты и даже часы. А отсюда скорость... и качество продукции.

Свой полугодовой комсомольский стаж Мархамат, конечно, не собиралась отмечать специально, поскольку дату нельзя было назвать круглой. Однако вышло так, что именно в этот день произошло событие, ставшее для нее памятным.

В тот день с самого утра нервы ее были напряжены

до предела: как никогда раньше, рвалась лента, и Мархамат, стиснув зубы, ссучивала ее, то и дело останавливая машину коротким поворотом рычага (кнопки заменили рычаг гораздо позже). Ее терзала мысль, что из-за неполадок с лентой может сорваться выполнение сменного задания.

Главное, ничего нельзя придумать: лента была вся одинаковая, а машину не заменишь... Быть может, слишком велика скорость веретен? Нет, здесь все нормально. И натяжение ровницы в норме. Может, обрывы происходят из-за неправильного пуска машины? Нет, этот процесс Мархамат производила плавно. А что, если мешает накопившийся пух? Да нет, все в порядке. Машина обмахивается вовремя.

Значит, все дело в самой ленте: видимо, у нее явно пониженная прочность. Итак, подвело низкое качество ленты. А уж тут ничего не придумаешь, остается лишь запастись терпением и до самого конца смены ссучивать и ссучивать обрывы.

Мархамат еще раз внимательно присмотрелась к машине: не перекрещиваются ли ленты, не очень ли далеко от вытяжного прибора расположены тазы? Да нет, все как полагается. И шпильки не тупые, и фарфоровые подпятники целы. Да, конечно, все дело в качестве ленты. Ба! Так это же несомненно, ибо обрывы-то происходят сзади машины! Мархамат вспомнила, что почти все обрывы впереди машины — результат нарушения технологического процесса, а те, которые происходят сзади нее, вызываются пониженной прочностью ленты (или питающей ровницы), если только, конечно, не нарушаются правила подачи ленты в вытяжной прибор.

Нахмурившись, Мархамат с упорством продолжала ссучивать ленту, мысленно проклиная никому не известных виновников ее никудышного качества.

Она уже давно научилась довольно быстро соединять концы оборванных лент — это делалось в два приема, так как конец закручивался два раза. И тут, уже почти теряя всякое терпение, Мархамат решила попробовать производить присучку за один прием. Сначала у нее это не получилось — концы снова оборвались. Но уже через несколько минут она с некоторым удивлением заметила, что присученная по новому способу лента больше не обрывается и без приключений проходит все остальные стадии обработки.

А когда кончилась смена, Мархамат узнала сразу две новости. Во-первых, оказывается, свою норму она выполнила на сто сорок пять процентов — эта цифра показалась ей самой фантастической, так как из-за частых обрывов ленты не было надежды достичь хотя бы ста процентов. Во-вторых, — и это ее огорчило — выяснилось, что все остальные ровничницы с заданием не справились: причина была одна — низкое качество ленты.

— И как это тебе удалось? — по дороге домой спросила Ходича Алиева, обняв за плечо Мархамат. — Ведь мы тоже старались, и норму все-таки недотянули, а ты...

— Не было бы счастья, да несчастье помогло, — улыбнулась Мархамат. — Если бы не частые обрывы, я бы даже и не подумала ссучивать ленту в один прием.

И она рассказала подругам о своем новшестве.

Уже на следующий день «молния» известила о новаторстве Мархамат Юлдашевой, а еще через неделю ее почин был подхвачен многими ровничницами этого предприятия. Мархамат поздравляли, ей жали руки, но она считала, что ничего заслуживающего внимания не сделала, и ее трудно было переубедить.

Мархамат шел уже девятнадцатый год, когда она познакомилась с человеком, который стал для нее вскоре самым близким.

Рузы Хасанов плотничал на текстильном комбинате (а к этому времени уже в разгаре была вторая очередь строительства) и слыл среди своих друзей по профессии очень толковым и умелым работником. Был старше ее на восемь лет.

Ее длинные черные косы, густые, полумесяцем изогнутые брови — точь-в-точь о таких говорил сам Навои! — и удивительные, искрящиеся добротой глаза настолько смутили его, что в первый день их знакомства он произнес не больше десяти фраз.

Мархамат сначала даже была слегка разочарована, услышав от Рузы какие-то замечания относительно качеств никогда не виданных ею дисковых пил и отличных свойств какого-то странного инструмента под названием шерхебель[1]. В ответ на это сообщение она, рассердив-

[1] Шерхебель — узкий рубанок с резцом полукруглой формы.

шись, но не показывая виду, заявила, что лично ее больше волнуют ровницы и рогульки[1]. На это, в свою очередь, Рузы ответил, что о ровницах он никакого представления не имеет, а рогульки однажды пробовал и запивал их чаем с вареньем — очень сдобные и приятные на вкус.

Впрочем, всякие недоразумения вскоре прекратились. Молодые люди поняли, что не могут обойтись друг без друга, и сообщили об этом своим родным.

Они поженились в знойном августе тридцать восьмого. Через год родился сын.

Своего батыра Мархамат и Рузы назвали Кабил-джаном. Вскоре из-за ребенка молодая мать вынуждена была оставить комбинат. Ее уговаривали отдать его в детские ясли, но она заявила, что первенец часто болеет, требует особого ухода и что годика два-три ей придется побыть дома.

Мархамат не подозревала тогда, что ей не суждено иметь второго ребенка, но не ошиблась, называя приблизительно время своего возвращения на комбинат.

В июне сорок первого грянула война. Радио сообщало о массовых налетах фашистской авиации, об ожесточенных кровопролитных боях в приграничных районах страны, о первых героях и жертвах Отечественной войны. Все это чудилось каким-то кошмаром, и в него порою даже не верилось — настолько чудовищными казались эти события.

Но вот в Ташкент стали прибывать первые тысячи эвакуированных, а затем и эшелоны с тяжелоранеными. Рассказы очевидцев потрясали больше, нежели листы газет и печальные вести радио. Началась война, от результатов которой зависело само существование Советского государства, зависела судьба народа.

...Это был тяжелый для всех родственников Мархамат день. Рузы, которому тоже было отнюдь не весело глядеть на окружающие его заплаканные лица женщин и хмурые улыбки мужчин, делал все, чтобы как-нибудь разрядить гнетущую атмосферу. Он то подходил к Мархамат и шептал ей какие-то нежные и нужные слова, то брал на руки весело смеющегося сына и подбрасывал его под самый потолок, то шептался о чем-то, видимо очень серьезном, со стариками.

[1] Рогулька — одна из деталей ровничной машины, насаживается на веретено.

Мархамат хотела проводить Рузы до вокзала, но шел проливной дождь. Провожать Рузы поехали на вокзал его отец, Юлдаш-ата и несколько родственников мужчин. На вокзале — точнее, на товарной станции — уже стоял длинный эшелон теплушек, воздух сотрясался от душераздирающих воплей женщин, и Рузы был рад, что Мархамат осталась дома.

А через несколько дней Мархамат Юлдашева решительной походкой шла по улице Шота Руставели.

Все обошлось без лишних слов: на фабрике уже ждали Юлдашеву.

Она глядела неподвижными и, казалось, безучастными глазами на дрожащие от постоянной вибрации веретена с цилиндрическими катушками. Мысли ее уносились на фронт. Кто знает, быть может, ее Рузы-джан милый именно в эти минуты проползает через узкие проходы проволочных заграждений с автоматом в руках. Мархамат читала в газете, как действуют разведчики, пробирающиеся через линию фронта в тыл врага, и всегда с замиранием сердца представляла себе сцену, когда сержант Рузы Хасанов бросался на фашиста в стальной каске, обезоруживал его и заставлял ползти к штабу советского полка.

Недавно Дегтярев прислал на комбинат письмо, и его напечатали в многотиражной газете. Он от имени раненых фронтовиков благодарил комсомолок прядильно-ткацкой фабрики № 2, которые постоянно шефствовали над первым отделением, и обещал вернуться вскоре на фронт громить фашистов.

Мархамат привычным движением пальцев — это у нее давно превратилось в автоматизм — ссучила концы оборвавшейся ленты и вновь пустила машину. Ровница равномерно наматывалась на катушки; и, глядя на нее, Мархамат подумала, что вот так же медленно из секунд и минут наматываются часы и сутки. Действительно, ведь теперь, когда приходилось работать по двенадцати часов и не иметь ни единого выходного, время должно было тянуться очень медленно. Но нет, этого она не ощущала. Может быть, это происходит потому, что все мысли заняты тем, чтобы постоянно перевыполнялся план? Ведь теперь такое время, когда и речи не может быть о невыполнении задания. Лозунг «Все для фронта, все для побе-

ды!» был не просто плакатом, который встречался всюду. Этот лозунг выражал мысли и чувства всего народа, он был девизом каждого сердца.

Да, время бежит... Казалось, совсем недавно она услышала о том, что на первой ткацкой фабрике, в третьем цехе, помощник мастера Патрушев от имени своей бригады обязался досрочно выполнить квартальный план. И вот теперь на комбинате все читают письмо с фронта, подписанное тем же Патрушевым.

«Нас победить, — пишет Патрушев, — это равносильно тому, что ведром море вычерпать. Враг уже выдыхается... Мы все полны непреклонной решимости побеждать, и только побеждать... Я призываю вас, дорогие текстильщики, крепить военную мощь нашей Родины!..»

Недавно Мархамат узнала, что в бою под какой-то русской деревней погиб Фаттах Ахмедов, что сложил свою голову Нурмухамедов, тот самый, который дал ей рекомендацию в комсомол. Теперь, когда нет в живых его, Мархамат вспоминает, что он нравился многим ее подругам. А вдруг и Рузы?.. Нет, этого не может быть, он должен, он обязан вернуться к ней и маленькому Кабилджану!

Почувствовав, что на ее глаза навертываются слезы, она мгновенно смахивает их уголком косынки и быстро проходит несколько шагов вперед — надо проследить за работой второй машины. Да, теперь, когда многие мужчины ушли на фронт, никто и не подумает обслуживать только одну машину. Кроме того, на комбинате началось движение за овладение мужскими профессиями. Взять, например, помощника мастера Крючкову. Не так давно она была одной из лучших стахановок на второй прядильной фабрике, потом стала инструктором чесального цеха. Или вот Крюкова с Жегулиной. Подумать только — были контролерами, а стали слесарями по увлажнению! И бывшие ватерщицы Гришина, Соловьева и Шипкова тоже перешли на сугубо «мужскую» работу. А чему удивляться? На фронте встречаются теперь, оказывается, не только санитарки, но и летчицы, девушки-танкисты и даже артиллеристы! И сколько их...

Мархамат вскинула голову и, обведя взором длинные ряды машин, подумала: «А это мое личное оружие!»

Совсем недавно Мархамат убедилась, что оружие, которым она вместе с тысячами других работниц и рабочих

своего предприятия кует победу над врагом, бьет без промаха. Еще свежа в памяти телеграмма, полученная в первой половине апреля из Москвы и выученная почти всеми наизусть: «Ташкент зпт Текстилькомбинат зпт директору Рыжову тчк Поздравляю коллектив с высокой оценкой работы в марте сорок третьего тчк Решением ВЦСПС и Союзнаркомтекстиля вам присуждено первое место зпт знамя ВЦСПС и Союзнаркомтекстиля по итогам всесоюзного соревнования тчк Премия пятьсот тысяч тчк Боритесь за дальнейшие производственные успехи зпт за завоевание знамени Государственного Комитета Обороны вскл Союзнаркомтекстиль зпт Акимов тчк».

Шутка сказать, первое место в Союзе! Нет, не зря люди недосыпают и недоедают, не зря проводят более половины суток (а порой и круглые сутки) на комбинате! И очень приятно было сознавать, что чуть ли не 85 процентов тех, кто стоял у машин и станков, были женщины. А как трудно подниматься с постели, когда на небе еще блещут звезды, как тяжело отводить почти спящего Кабилджана в детский сад и возвращаться с ним при свете луны, обдумывая по пути, что же можно завтра получить по карточке в продовольственном ларьке, хватит ли крупы до первого числа и каким образом выкроить время, чтобы сшить сыну штанишки из старых отцовских брюк. А какой огромный груз забот и обязанностей лежал на ней в цехе!

Глядя на постепенно разбухавшие от наматывавшейся ровницы катушки, Мархамат вспоминала такие теперь далекие дни своей юности и невольно сопоставляла их с нынешними. Что говорить, легкая была тогда жизнь, и никто этого не замечал, ибо не с чем было сравнивать. Какой-нибудь пустяк, вроде неудавшейся попытки попасть в кино, когда там демонстрировался новый фильм, казался ей тогда чуть ли не страшной неудачей. А теперь вот идет Отечественная война, муж воюет на фронте, и она уверена: все переменится к лучшему.

Убитая горем после получения похоронной, она сумела найти в себе силы пережить этот удар.

А в августе сорок пятого многотиражка комбината писала, что 44,6 процента рабочих и работниц текстильного комбината — стахановцы, что если в апреле 1944 года здесь было организовано 52 комсомольско-молодежные

бригады, то к июлю сорок пятого их стало уже 116. В это число была включена и ее бригада. С тайной завистью прочитала она в той же газете заметку Сабира Ибадова, который еще в 1933 году стал работать в пожарной охране комбината, ушел одновременно с Рузы на фронт и вернулся домой из Берлина с двумя следами от тяжелых ранений, орденом и несколькими медалями.

Мархамат и не заметила, как ее крошечный мальчик стал юношей, окончил десятилетку и поступил на работу в ровничный цех текстильного комбината.

Мархамат с улыбкой вспоминала предсказание своих подруг: «Уверены, что сын пойдет по твоим стопам!» Как в воду глядели! И в таинства профессии посвящал Кабила помощник мастера Михаил Алексеевич Смеловский. Кабил называл его своим старшим братом. Михаил Алексеевич (который называл Кабилджана Колей!) для начала показал ему, как следует производить смазку ровничных машин, потом стал учить ремонтировать, объяснив разницу между профилактическим, средним и капитальным ремонтом. Постепенно Кабилджан стал слесарем по ремонту ровничных машин, а затем ленточных и лентосоединительных. Потом он поступил учиться в текстильный техникум, отслужил армию, и сержант запаса Кабил Хасанов после окончания техникума стал помощником мастера на той же прядильной фабрике.

Оглядываясь на прожитые годы, вспоминая о множестве разнообразных событий в своей жизни, Мархамат порою хочется подольше удержать в памяти наиболее яркие из них. А таких событий было немало...

...Худая, черноволосая, среднего роста женщина со слезами на глазах жмет руку Мархамат и от волнения произносит только два слова — «не забуду». Ее можно понять, эту женщину. Больше года Мархамат Юлдашева оставалась после смены в цехе и помогала ей, Полине Андриановой, работать, выполнять норму, поскольку знала, что женщина перенесла недавно тяжелую болезнь и обессилела. «Ну что ты ревешь?— улыбается Мархамат.— Бери пример с Маненковой — она же спокойна!» Тоненькая, худенькая женщина лет тридцати стоит рядом, и улыбка не сходит с ее лица. Но это для бодрости, у нее тоже на глазах слезы от волнения и радости — ведь Мархамат она также обязана выполнением плана в течение сорок шестого и сорок седьмого годов.

Сколько времени она потратила на то, чтобы обойти

дома и составить акты о необходимости ремонта. Но одно дело — подписать такую бумагу, а другое — добиться, чтобы ремонт был обязательно начат и завершен. Ведь она, Юлдашева, теперь депутат Фрунзенского райсовета, и наказы избирателей для нее закон.

...Знакомство состоялось прямо в цехе. Какая-то женщина долго прохаживалась вдоль рядов машин, то и дело поглядывая на Мархамат, а когда начался обеденный перерыв, извинилась и попросила ее пройти в столовую. «А зачем? Может быть, меня включили в комиссию по проверке работы пищеблока?» — поинтересовалась Мархамат. «Нет, разговор другой, — ответила женщина. — За обедом поговорим». И они поговорили — ровничница Юлдашева и секретарь партийной организации прядильной фабрики Андрианова. Елизавета Петровна похвалила Мархамат за великолепное знание своего дела, чистоту на рабочем месте и посоветовала прививать молодежи такую же высокую производственную культуру. А потом как бы ненароком задала вопрос: «Почему до сих пор в партию не вступила?» И когда Мархамат сказала, что, дескать, пока считает этот шаг преждевременным, Андрианова нахмурилась и пообещала изменить это мнение. Мархамат запомнила уверенный кивок ее головы.

...Московский Кремль. Здесь еще не бывала Мархамат. Она удивилась и обрадовалась, когда узнала, что ее включили в состав делегации женщин Узбекистана, отправлявшейся для участия в праздновании пятидесятилетия учреждения Дня 8 марта. Но какова была ее радость и растерянность, когда накануне этого торжественного заседания она сначала услыхала по радио, а затем прочитала в свежем номере «Правды» Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ей звания Героя Социалистического Труда! Она трижды перечитала Указ, прежде чем убедилась, что это не сон. В таком же состоянии находилась она в момент церемониала вручения ей грамоты, ордена Ленина и золотой звездочки с серпом и молотом.

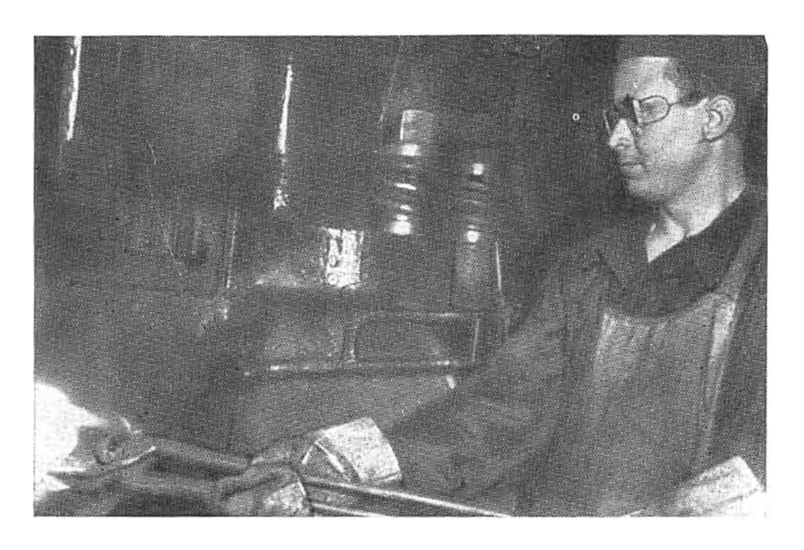
...Ах, какая это была встреча в Ташкенте! Казалось, весь аэропорт приветствовал ее. Вот они, друзья, дожидающиеся, пока она сойдет с трапа самолета, директор комбината Зикрулла Абдуллаевич Абдуллаев, начальник

ее цеха Анастасия Петровна Серенкова и, конечно, Елизавета Петровна. А сколько цветов...

...На столе лежат письмо и телеграмма. Письмо ей вручил почтальон. Сын поздравляет, разделяет радость, гордится мамой. А телеграмму ей пришлось получать в кабинете Андриановой, из ее рук. Сначала она взглянула на подпись и ничего не поняла: «Майор Набродов, капитан Алейников». «Что же это такое?» — спросила она. «Эх ты, горе луковое! — покачала головой Андрианова. — Прочти-ка текст, поймешь!» И она прочитала: «Личный состав, партийная, комсомольская организация подразделения поздравляют мать военнослужащего Хасанова Юлдашеву Мархамат с присвоением звания Героя Социалистического Труда! Желаем всему коллективу успехов в труде и личной жизни». Не удержалась Елизавета Петровна, спросила: «Когда же принимать будем?..» Она не договорила. «Скоро, — коротко ответила Мархамат, — вот только не знаю, у кого рекомендации попросить...» — «Орешин и Попова уже готовы дать, я с ними говорила», — ответила Елизавета Петровна. Екнуло сердце у Мархамат. Яков Михайлович и Анна Ефимовна — строгие сменные мастера, и их рекомендации надо заслужить. Значит, доверяют. Приятно...

...И снова встреча. На этот раз с текстильщиками Иванова. Они приехали для обмена опытом. Простые, скромные люди. В том числе и знаменитая на весь Союз Юлия Михайловна Вечерова, ткачиха фабрики «Солидарность». Это она выступила с призывом досрочно достичь производительности оборудования, запланированной на 1965 год, и уже теперь, в феврале шестьдесят первого, перевыполнила свое обязательство. Это она дала слово: к открытию XXII съезда КПСС выполнить годовой план и дать дополнительно 9 тысяч метров суровья при отличном качестве продукции.

И бригада Юлдашевой борется за звание коллектива коммунистического труда, обязалась выполнять норму не менее чем на 110 процентов. За это голосовали все — Антонина Далматова, Анна Федичкина, Маша Кузьмина и Мукаддам Абидова. А ровничная машина Юлдашевой только что реконструирована, и за счет изменения плана прядения производительность труда у Мархамат возрастет чуть ли не в два раза. Есть и будет чем встретить XXII съезд партии коммунисту Юлдашевой! «Давайте соревноваться, Юлия!» — предложила Мархамат. «Вызов

Александр Бусыгин. 1935 г.

Передовые рабочие Горьковского автозавода. Первый ряд (слева направо) — А. Х. Бусыгин, А. В. Стрюкова, А. Д. Генералова, С. А. Фаустов. Второй ряд: Г. И. Масленников, И. З. Иванов и Ф. К. Великжанин. 1937 г.

А. Х. Бусыгин беседует в стахановском кабинете московского автозавода с заведующим кабинетом Н. К. Романовским, М. Ф. Ушкаловым и А. П. Саловым. 1939 г.

А. Бусыгин дома за учебой. 1935 г.

А. Бусыгин и Н. Изотов на первой конференции стахановцев автопромышленности. 1935 г.

Делегаты XVIII съезда ВКП(б) А. Х. Бусыгин, А. Г. Стаханов, М. Д. Дюканов и И. И. Гудов. 1939 г.

Петр Кривонос на паровозе ФД. 1936 г.

П. Кривонос осматривает 5-тысячный паровоз ФД на заводе в Ворошиловграде. 1936 г.

П. Кривонос. 1935 г.

Секретарь ЦК ВЛКСМ А. В. Косарев (в первом ряду второй слева) и П. Кривонос среди комсомольцев-железнодорожников. 1936 г.

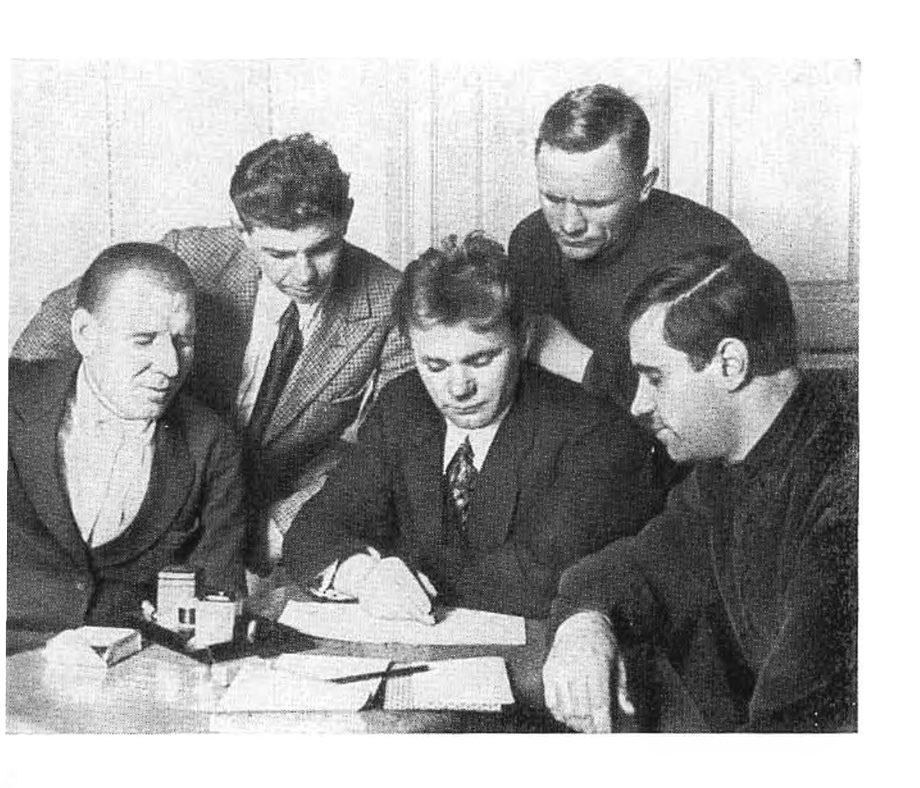
П. Кривонос со своим отцом. 1936 г.

Макар Мазай и Алексей Стаханов. 1937 г.

Делегаты Донецкого слета сталеваров: мастер мартеновского цеха завода имени К. Либкнехта Е. Д. Сергеева, сталевар завода имени Ильича И. А. Шашкин и М. Мазай. 1936 г.

М. Мазай рассказывает делегатам совещания молодых стахановцев о методах своей работы. 1938 г.

М. Мазай делится опытом работы со сталеварами Таганрогского завода имени Андреева Бессарабовым Л. М., Науменко В. И., Шишкиным И. А. и Лобуновым М. П., приехавшими в Мариуполь. 1936 г.

М. Мазай выступает на Чрезвычайном съезде Советов Украины. 1936 г.

Мархамат Юлдашева. 1947 г.

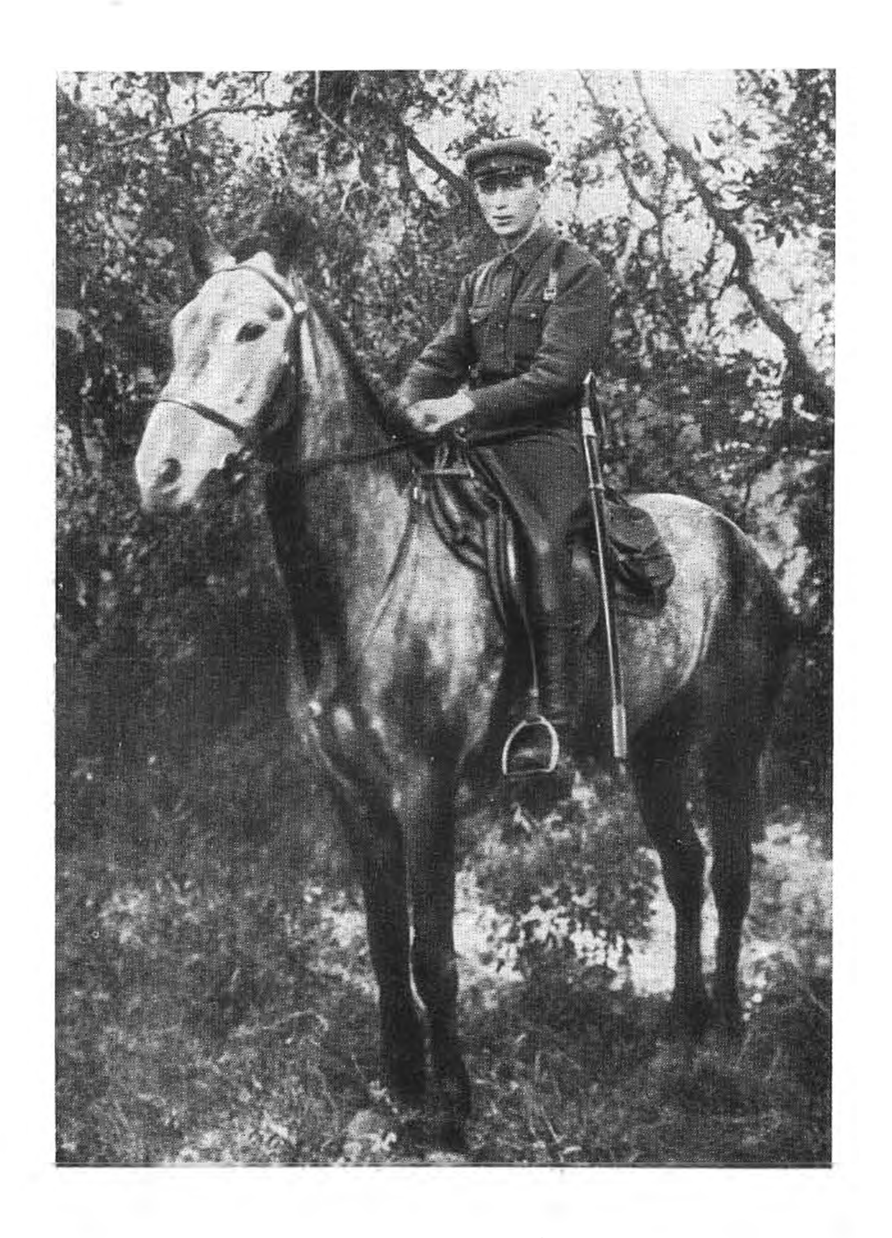
Мархамат Юлдашева. Токио. 1969 г.

Дмитрий Босый.

Д. Босый у станка. 1942 г.

Босый во время службы в пограничных войсках.

принят!» — заявляет ивановская ткачиха. В газетах появляются фото: Юлия и Мархамат.

Через год после того, как Мархамат стала Героем, текстильщики выдвинули ее своим кандидатом в депутаты Ташкентского городского Совета. В агитпункте она присутствует на встрече с избирателями, заверяет их, что в случае избрания выполнит все их наказы.

...И снова такая же встреча: ее имя вновь повторяют избиратели — опять она баллотируется по 16-му избирательному округу, где ее будут избирать депутатом облсовета. Только теперь доверенное лицо рассказывает о многосторонней и полезной деятельности Мархамат Юлдашевой в качестве депутата, члена производственного комитета текстильного комбината, члена фабкома, члена Узсовпрофа. Те из молодых избирателей, которые будут голосовать впервые, внимательно слушают рассказ о ровничнице Юлдашевой. О том, как она трудится на фабрике. О том, как помогает простым людям. Мукаддам Абидовой было тяжело жить с четырьмя детьми и мужем-инвалидом. Мархамат привела ее на свою фабрику, помогла освоить профессию и взяла в свою бригаду. Камбар Мамадалиевой помогла в оформлении пенсии. Диларам Игамбердыеву устроила работать на прядильную фабрику, помогла поступить в вечернюю школу. Людмилу Лоран обучила профессии ровничницы. Галине Гадиевой долгое время помогала осваивать ровничную машину, передавала ей свои навыки.

Зал аплодирует: да, за такого кандидата все отдадут свои голоса с радостью!

...Что это? Мархамат сосредоточенно смотрит на движущуюся ровницу, потом быстро обходит машину, берет конец оборвавшейся ленты. Неподалеку стоят двое мужчин и внимательно глядят на стрелки секундомеров: идет хронометраж — изучается затрата рабочего времени ровничницы на выполнение ее трудовых операций. Итак, 12 секунд вместо 18! И за эти мгновенья Мархамат успевает заправить ленту и ликвидировать обрыв. Теперь уже точно известно, как получается, что Юлдашева работает быстрее своих подруг. Ничего не скажешь, Юлдашева не просто заочно переняла опыт знаменитой ровничницы П. Усановой, о которой упоминают даже в учебниках, но и подошла творчески к освоению ее метода, а затем хронометристы следят за другой операцией — чисткой рогулек. И тут налицо быстрота, четкость и аккуратность.

Через месяц после вручения высокой награды она едет в Корейскую Народно-Демократическую Республику с профсоюзной делегацией СССР.

Впервые в жизни Мархамат-апа встречала первомайский праздник не в Ташкенте, не в Узбекистане и даже не в Советском Союзе. Было, конечно, немного грустно, однако это ощущение сглаживалось атмосферой дружбы, которой окружили советских посланцев. В день Первомая гостей из Советского Союза пригласили на трибуну, где находились руководители КНДР, и вручили им памятные значки.

«Подумать только, — мысленно удивлялась Юлдашева, — такая простая работница, как я, находится рядом с самыми известными в этой стране людьми! Будь живы родители, они бы даже не поверили этому».

Двенадцать дней пролетели в калейдоскопическом вихре событий. Вот их делегацию привезли на машиностроительный завод. Оказывается, здесь трудится несколько бригад социалистического труда, и этих передовиков можно узнать по красным повязкам на рукавах. «Идут по нашему пути», — подумала Мархамат.

После посещения нескольких предприятий Юлдашева попала наконец на текстильный комбинат. Цехи его она осматривала с особым чувством — ведь это было так ей близко и знакомо.

Что же тут изготавливают? А, это, конечно же, штапельное полотно. Да, трудоемкий вид продукции: здесь-то уж больше, чем четыре станка, работница просто не в силах обслужить.

— А где же у вас тут ровничный цех? — поинтересовалась Юлдашева, и переводчица адресовала ее вопрос главному инженеру.

— Гостья наша в этом деле специалист? — улыбнулся тот.

— Немного, — смутилась Юлдашева, — чуть-чуть.

Мархамат-апа даже зажмурила глаза, когда вошла в цех: ей показалось, что она мгновенно перенеслась в родной Ташкент и очутилась на своем комбинате. Открыв глаза, она улыбнулась.

— Вы так улыбаетесь, словно встретили кого-то из своих старых друзей, — заметил главный инженер.

— Вы угадали, — ответила Мархамат-апа и кивнула на новенькие машины: перед нею выстроились в длинный

ряд тазовые банкаброши[1], на которых можно было увидеть марку Ташкентского завода текстильного машиностроения.

Мархамат-апа слыхала, что продукция Таштекстильмаша вывозится во многие страны Европы и Азии, но сейчас, когда она убедилась в этом воочию, ее охватила какая-то неуемная радость. Ей захотелось сказать или сделать что-нибудь приятное этим людям, людям ее профессии, которые были заняты тем же делом, какому она посвятила многие годы своей жизни.

Юлдашева что-то сказала переводчице, и та, улыбнувшись, наклонилась к уху главного инженера.

— Это очьен карашо, — громко произнес тот по-русски, — пусть буду так!

И уже минуты через три Мархамат-апа стояла у ровничной машины, готовясь показать корейским подругам свой знаменитый способ присучивания ровницы одним приемом.

Кореянки с огромным вниманием следили за пальцами Мархамат, не без удовлетворения отмечая про себя, что эта добродушная женщина с восточным типом лица, видимо, давно уже знакома с машиной, у которой они работали. Но вдруг на их лицах появилось удивление. Что это? Советская женщина решила показать им фокус? Мгновенье — и обрыва как не бывало! Один миг — и ровница присучена!

А через каких-нибудь полчаса три корейские работницы с робкой улыбкой уже повторяли прием, которому их обучила Мархамат Юлдашева. Вероятно, они и не подозревали, что делают новый шаг в борьбе за экономию времени и повышение производительности труда.

Вскоре их познакомили — Героя Социалистического Труда из СССР Мархамат Юлдашеву и Героя Социалистического Труда из КНДР Ким Бон Ле. Знатная кореянка забросала свою новую подругу вопросами; ее интересовало все: и организация труда на Ташкентском текстильном комбинате, и норма выработки, и жилищные условия работниц, и система трудовых отпусков, и новая техника в ровничном производстве. Когда же лавина вопросов иссякла, сменный мастер Ким Бон Ле заявила:

— Давайте, Мархамат, организуем соревнование наших смен!

---

[1] Банкаброш — то же, что ровничная машина.

— За лучшие производственные показатели, — уточнила Юлдашева и добавила: — Обязательно передам ваше предложение своему сменному мастеру!

Уже в поезде Мархамат-апа вспомнила о посещении химического завода, блиставшего идеальной чистотой цехов, о встрече с воспитанниками детского сада, о поразивших ее экспонатах Выставки достижений народного хозяйства КНДР, о гостинице в горах, где с таким наслаждением отдыхали два дня члены советской делегации. И она поняла, что только искренние друзья могут так доброжелательно относиться к своим гостям.

Еще один праздник — 52-ю годовщину Великого Октября — Мархамат Юлдашевой довелось встретить за рубежами своей Отчизны.

Их было три, три женщины, являвшиеся государственными деятелями Советского Союза: министр юстиции Узбекистана Мамлакат Васикова, председатель колхоза имени Терешковой депутат Верховного Совета Узбекской ССР Умри Хасанова и Герой Социалистического Труда депутат Ташкентского горсовета Мархамат Юлдашева. Они прибыли в Токио по приглашению Общества японо-советской дружбы.

Посланцам Узбекистана были оказаны высокие почести — им устроили торжественную встречу в аэропорту и проводили в лучшую гостиницу Токио. Президент Общества японо-советской дружбы Муненори Акаги по случаю годовщины Октябрьской революции устроил прием в большом банкетном зале Нью Отани.

Званые гости с некоторым удивлением и явным почтением глядели на трех узбечек — на простое лицо советского министра, на мозолистые крестьянские руки руководителя крупного колхоза, на привыкшие к работе у станка руки текстильщицы.

В номера гостиницы, где отдыхали Мархамат и ее подруги, принесли свежие газеты на японском и английском языках. Понять, что там напечатано, Мархамат не могла, но на снимках узнала всех — и себя, и Умри Хасанову, и Мамлакат Васикову, и Трояновского, и Кору Васуи.

В марте семидесятого года Мархамат Юлдашева ушла на пенсию. Но она по-прежнему остается членом райкома партии и президиума Облсовпрофа, ее внучата — семилетняя Асалат, шестилетняя Гульчехра, четырехлетний Равшан и годовалая Рустам ухитряются отвлечь бабуш-

ку от размышлений о существовании абсолютного покоя.

...В середине марта семьдесят первого года, когда Мархамат-апа пришла платить взносы секретарю парторганизации второй прядильной фабрики Таисии Степановне Роденко, рыженькой худощавой женщине с умными глазами и слегка ироническим выражением лица, та задала вопрос:

— Слыхала, Мархамат? Лидия-то Казанцева с первой ткацкой — просто молодчина! Какую инициативу великолепную проявила: выполнить новую пятилетку в семьдесят третьем году! И от слов перешла к делу. Когда Людмила Курасова ушла в отпуск, заменила ее и стала работать на 64 станках вместо 32, да еще норму месячную на 112 процентов выполнила. Всесоюзный рекорд! И качество продукции отличное. А теперь она перешла на 48 станков — уже постоянно. И почин ее уже подхватили.

— Всегда уважала новаторов, — улыбнулась Мархамат и, понизив голос, спросила: — Как думаешь, не засмеют, если я вернусь на фабрику, а? Что-то пальцы затосковали...

Дмитрий Босый

Ленинград. Улица Пархоменко в центре Выборгского района. Фабрики, заводские трубы... Рабочий центр...

И вот я беседую с женой Дмитрия Филипповича Босого — Натальей Павловной.

Она причастна к тому, что мы по праву называем подвигом. Это она своими душевными письмами, своей любовью помогала Дмитрию в первые трудные месяцы эвакуации. С ней он делился радостями и трудностями. Ее письмо с сообщением, что она работает фрезеровщицей в блокадном Ленинграде, захватил Дмитрий с собой 12 февраля 1942 года на рекордную трудовую вахту.

Наталья Павловна достала семейные документы, фотографии.

Отец, Филипп Андреевич, в 1900 году окончил специальное ремесленное училище и вскоре был призван на флот. Служил в Петербурге. Вместе с балтийскими моряками участвовал в Октябрьской революции.

После демобилизации, в 1922 году, Филипп Андреевич работал сначала столяром, затем в текстильном техникуме читал курс стройматериалов. На рабочем посту оставался до самой смерти, а умер он в осажденном Ленинграде 3 февраля 1942 года.

Филипп Андреевич увлекался рисованием, музыкой. На стенках комнаты и сейчас висят его картины. Любовью к музыке он заразил всю семью. Сам играл на балалайке, жена предпочитала мандолину, а Дмитрий — гитару.

Семья жила весело и дружно. Друзей всегда был полон дом.

Это была потомственная рабочая семья.

Работящий, настойчивый, иногда и крутой, Филипп Андреевич сам руководил воспитанием сыновей. Первые трудовые навыки после окончания школы Дмитрий приобрел с помощью отца, с которым проработал два года в качестве столяра. Если Дмитрия секретам мастерства сначала обучал отец, то сам он, став квалифицированным станочником, сделал фрезеровщиком сначала младшего брата Бориса, затем племянника Владимира. Сын Бориса — Дмитрий Босый-младший — в настоящее время тоже фрезеровщик, ударник коммунистического труда, депутат областного Совета.

— По этой семейной теплоте, дружбе, — говорит Наталья Павловна, — больше всего тосковал Дмитрий в годы войны.

Друзья Дмитрия Босого продолжают работу на том же заводе, где трудился он после войны. Это тоже люди удивительные — творческие, с большой внутренней культурой, полные жизненного оптимизма.

«Моя дружба с Димой началась на заводе в 1947 году, когда я пришел после армии в механический цех, — рассказывал Николай Дмитриевич Окунев, зубофрезеровщик, бригадир бригады коммунистического труда, депутат райсовета, член исполкома. На заводе его зовут «королем производства». — Квалифицированных рабочих в цехе было трое — Босый, Прупис и я. Самый старший из нас — Дима. Он был не просто старшим: лауреат и орденоносец, но в его отношении с рабочими цеха этого не чувствовалось. По его предложению мы втроем в 1948 году составили бригаду «Дружба народов», как ее называли в цехе. Она явилась практически бригадой коммунистического труда. Работали на один наряд. Чертежи и приспособления изготовляли и внедряли в производство сами. Благодаря такому творческому содружеству, где каждый был

силен в своем деле: Прупис — инструментальщик, Босый — опытнейший фрезеровщик, я — технолог, мы совершенствовали не только свое мастерство, но и обучали молодых. За время совместной работы обучили около 20 учеников.

Несмотря на разницу лет, с Димой было интересно и легко, потому что всегда не только в беде поможет, но и прислушается к твоему совету. Всегда около него были люди. Уважали и ценили за умение работать, за смекалку и постоянное желание делиться всем, что у него было. Особенно это качество ценили те, кто работал с ним в Нижнем Тагиле».

Евгений Иванович Дмитриев, в годы войны работавший мастером на Уралвагонзаводе, продолжает:

«Человечность и душевность — вот что являлось отличительной чертой Дмитрия. Он делился со своими товарищами продуктами. Табак у него всегда лежал на тумбочке открыто.

Те, кто помнит первое время эвакуации, когда не хватало продуктов для отоваривания по карточкам, когда за сверхурочные работы выдавалась только похлебка с хлопковым маслом, поймут всю человечность этих поступков. А о чисто профессиональной помощи, о передаче своего опыта говорить не приходится. Это он делал всегда с большим удовольствием и там, на Урале, и здесь, в Ленинграде».

Удивительно! Прошло более десяти лет со дня гибели Дмитрия Филипповича, а среди друзей он как живой. Дмитрий Босый любил людей, и они платили и платят ему тем же. Каждый год в день его рождения и в день смерти друзья приезжают к Наталье Павловне...

Семья Босых собиралась провести лето 1941 года, как всегда, на даче, в пригороде Ленинграда. Затем передумали. Затеяли ремонт квартиры. В воскресенье братья отправились на Неву. Когда вернулись, дома их встретила озабоченная мать и тихо сказала: «Война!..» Не поверили, думали, что что-то перепутала. Однако ошибки не было. Всей семьей тут же сфотографировались на память. Старшего брата Дмитрия — Владимира — проводили на призывной пункт, двумя неделями позже — младшего, Бориса. Владимир служил в Ленинграде, а Борис попал в ка-

валерию. Позже писал брату: «Митюша! Служу я в кавалерии, как мечтали мы с тобой когда-то оба, но удалось мне одному. Чувствую себя хорошо. Настроение боевое».

Дмитрий Босый работал фрезеровщиком. Свою трудовую жизнь он начал в 1922 году в возрасте четырнадцати лет. За годы пятилеток стал квалифицированным рабочим, стахановцем.

В конце июня правительство приняло решение эвакуировать завод.

Весть об эвакуации быстро разнеслась по заводу. Седоусые рабочие плакали как дети. Оставлять родной город никому не хотелось. С тяжелым чувством приступили к демонтажу оборудования. Если бы кто-нибудь ранее сказал, что такую работу можно сделать за сутки, его бы сочли хвастуном или сумасшедшим. Но так было.

И вдруг новое распоряжение: «Приостановить эвакуацию. Поставить станки на место». В течение 10 часов все оборудование было снова на местах. Завод начал выдавать продукцию. Работали с подъемом. Однако через два дня, 3 июля, эшелоны со вновь демонтированным оборудованием потянулись на восток.

Для всех в семье было полной неожиданностью сообщение Дмитрия, что его вместе с группой квалифицированных рабочих завода отправляют из Ленинграда. Наташа была ошеломлена этой новостью. Не могла долго сообразить, что собрать в дорогу. Дмитрий считал, что командировка будет недолгой, поэтому пришел к поезду с небольшим чемоданчиком, где были смена белья и летний костюм. На дворе стоял жаркий июль. Как-то не хотелось даже думать о том, что придется вдали от дома встречать зиму. Наташа сама принесла на вокзал теплые вещи и передала их в вагон. Уже на Урале Дмитрий не раз вспоминал их грустное прощание, заботливую предусмотрительность жены.

Состав двигался медленно. Подолгу стояли на разъездах, уступая дорогу воинским эшелонам. 10 июля прибыли в Нижний Тагил.

Ленинградцы сразу же ощутили индустриальную мощь города, огромные заводские трубы, километровые корпуса и краны, краны, краны... И днем и ночью неутомимо трудился этот город заводов.

Промышленность перестраивалась на военный лад. Трудностей было много. В город один за другим прибывали эшелоны с оборудованием. Следовало разместить

тысячи станков и механизмов. Жилья не хватало. Ощущался недостаток продуктов питания, одежды, обуви и других крайне необходимых вещей. «На первых порах мы, приезжие, — вспоминает Евгений Иванович Дмитриев, — были недовольны. Нам казалось, что нас приняли плохо, недоброжелательно, что в городе мало порядка. И только позже поняли, какие героические усилия приложили трудящиеся города, чтобы всех разместить, помочь в восстановлении и пуске эвакуированных заводов». Для доставленного из Ленинграда оборудования на территории Уральского вагоностроительного завода отвели неосвоенный пролет длиной в полтора километра. Перед разгрузкой и установкой оборудования пришлось самим сначала прокладывать колею, вывозить горы мусора и щебенки. Особенно тяжело приходилось станочникам. Работали день и ночь. Круглые сутки двигались подъемные краны, лебедки. Через 12 дней заработал автоматно-револьверный цех, еще через 10 дней — самый ответственный, механический.

Война... Ударные вахты, которые проводились все чаще и чаще, называли «фронтовыми». Работали, сутками не отходя от станков. На заводе появились «двухсотники», «трехсотники», откликнувшиеся на призыв рабочего Горьковского автозавода Ф. М. Букина работать не только за себя, но и за товарища, ушедшего на фронт. Дмитрий вспоминал потом: «Пот катится, бывало, по лицу, туман застилает глаза, руки дрожат от усталости, но, если еще были силы, работали. Выполняли по две, три, по пять норм за смену».

Как опытному фрезеровщику, Дмитрию часто давались самые трудные задания. Особенно при освоении новых деталей.

Цех с трудом осваивал деталь, которую называли «гребенка». Делалась она из поковок. 12 человек изготовляли за смену всего одну. Несколько партий «гребенок» пошло в брак. Тогда дали Дмитрию. Пришлось поломать голову — и «ключ» был найден. Вдвоем вместе с фрезеровщиком Михаилом Алексеевым он обеспечил сборщиков нужным количеством «гребенок».

Письма от родных приходили регулярно. Наташа сообщала, что на фронт ушли самые близкие друзья. Сердце сжимало нетерпеливое и горячее желание бить врага.

То, что делал он здесь, казалось второстепенным. «Все люди сражаются, а мы что? Сидим тут, как тараканы на печи...» Мысленно видел себя в строю — то, как отец, моряком, то, как в годы службы в рядах Красной Армии в 1933—1936 годах, пограничником. Тогда был на отличном счету, имел немало поощрений. Чуть было не стал кадровым офицером.

Работа — сон, работа — сон... В монотонной череде дней незаметно проходили недели, месяцы. Пришла осень. Газетные сводки становились все более и более тревожными. Письма от родных стали приходить реже, жена сообщала о гибели друзей и знакомых. Но никогда не унывающая, она писала: «...Я верю, мы увидимся... заживем еще лучше прежнего».

Дмитрий рвался на передовую. Злился на себя, что уехал из Ленинграда. Но понимал: без военной техники войну не выиграешь.

Но когда пришло письмо от отца с сообщением о гибели младшего брата Бориса, Дмитрия охватила мучительная тоска. Внешне он оставался таким же спокойно-приветливым, как и всегда, выполняя норму на 200, 300 процентов. Только разговаривал меньше, а задумывался чаще. Однажды принес заявление и в обеденный перерыв, отдавая парторгу, сказал: «Решил пойти на фронт, чтобы заменить убитого в бою брата. Куда нужно подать заявление?» Седов заявление принял молча. Неожиданно через два дня Дмитрия вызвал к себе парторг ЦК ВКП(б) на заводе Денисов. Дмитрий шел, полный уверенности в правильности своего требования. Доводы казались убедительными: «Хочу с оружием в руках защищать родной город!.. Обидно! Все мои товарищи на фронте, проливают кровь, а я тут, в тылу. Не могу больше прятаться за их спины!»

Денисов молча выслушал Дмитрия. А потом заговорил сам, резко, убежденно, о нужности в тылу таких специалистов, как он, Дмитрий Босый. «Станок — это тоже оружие», — сказал на прощание Денисов.

Удивительное чувство неловкости осталось у Дмитрия после разговора.

Ведь трудностей на заводе хоть отбавляй. Конвейер лихорадило, нерегулярно поступала продукция от заводов-смежников. С трудом налаживалось взаимодействие и внутри завода — между цехами, участками. Однако главная трудность — нехватка людей. Производитель-

ность труда в бригадах, состоявших большей частью из наспех обученных подростков, девушек, несмотря на всю их старательность, была низкой. Завод не выполнял производственную программу, ходил в отстающих. Дмитрий прочитал в газете, что на пленуме обкома партии, а затем на городском партийном активе завод резко критиковали за простои, низкую трудовую дисциплину, плохое использование оборудования. Было обидно, что именно рабочих Нижнего Тагила вызвали на соревнование свердловчане. Чувствовалось, что их, тагильчан, брали на буксир.

Теперь голову сверлила одна мысль: что-то нужно сделать, чтобы заставить станок стрелять по врагу, как многоствольное орудие!

Перед глазами стояло и письмо брата Владимира: «Ты, Митя, пишешь о трудностях. А видел бы ты, как ленинградцы воюют у себя на предприятиях: у нас, браток, рабочий сейчас получает меньше, чем ты, а работает тоже кто двенадцать часов, а кто и вовсе не вылазит с завода, и никто не падает духом. Готовы переносить еще большие лишения, лишь бы не отдать города гитлеровской своре. Хотя Гитлер в своих листовках уже неоднократно требовал от населения сдачи города, но, как видишь, ни сладкие его слова, ни угрозы не оставить от Ленинграда камня на камне не помогли ему и не запугали никого. За Ленинград можешь быть спокоен: он был, есть и останется советским городом». Ленинградцы призывали, требовали от него, Дмитрия, равняться по ним.

«Для Родины, для Ленинграда, для победы мы были готовы на все — на любое дело, на любые трудности, на любые лишения», — писал впоследствии Дмитрий.

На заводах Урала ширилось социалистическое соревнование. Газеты сообщали о рекордах токаря-железнодорожника Ивана Мизенина. За смену он выполнял норму 30 рабочих. К концу года дал семь годовых норм. Бурщик Илларион Янкин выполнил более двух годовых норм, бросив вызов лучшему стахановцу страны по своей специальности Алексею Семиволосу. Поражали выработки медеплавильщика Степайника, сталевара Сорокового.

Были ударники и в Нижнем Тагиле. 5 февраля газета «Тагильский рабочий» сообщила, что токарь-«двухсотник» Дмитрий Смолин предложил новое приспособление, позво-

лившее резко повысить производительность труда. Николай Шевелев обрабатывал одну из деталей не на токарном, как полагалось по технологии, а на фрезерном станке и дал в два раза больше продукции.

Дмитрий понимал, что и он может выпускать большее число деталей.

Свой горизонтально-фрезерный станок Дмитрий знал в совершенстве. Увеличить выработку на нем можно было несколькими путями: правильной организацией ритма работы, изменением технологического процесса, изготовлением приспособлений. Приемы эти были уже им проверены. До войны Дмитрий несколько лет неизменно ходил в передовиках. Приехав в Нижний Тагил, он стал систематически перевыполнять норму. В декабре 1941 года — 200, в январе 1942 года — 300 процентов.

Но теперь этого было мало. А тут и жена прислала письмо, в котором с гордостью сообщала о своей новой специальности. «Родной мой!.. Я должна сообщить тебе большую новость. Поздравь меня: я тоже работаю фрезеровщицей! Ты только представь себе: я, которая боялась шума машин, — помнишь, когда мы были на заводе, как я боялась всего этого грохота, — а теперь сама стою у станка. Признаюсь, мне очень тяжело, ведь я никогда станка близко не видела, у меня болят руки и ноги, но меня воодушевляет то, что и я работаю на защиту нашей Родины...»

Дмитрий прикидывал, как сократить время для обработки деталей. Сначала изменил приспособление для установки, а затем для одновременного зажима трех деталей. Кроме того, стал фрезеровать не одной фрезой, как указывалось в технологической карточке, а тремя сразу. Все это давало возможность выполнить норму на 800 процентов. Но этого было мало. Придумал приспособление, позволившее работать на двух станках.

А что, если увеличить скорость резания? На свой страх и риск попробовал в ночную смену. Получилось. «Хотелось моему станку, — писал Дмитрий, — такие обороты дать, чтобы фашистам тошно стало».

Поэтому, когда парторг завода Денисов предложил ему вместе с 12 другими стахановцами принять участие в вахте, посвященной 24-й годовщине Красной Армии, Дмитрий согласился.

Отбирая лучших, Денисов возлагал на них большие надежды. Нужен был рекорд. Чувствовалось, что нужна

искра, чтобы разжечь пламя нового социалистического соревнования. Перелом в настроении работников завода после разгрома гитлеровской армии под Москвой важно было закрепить трудовыми подвигами.

Для обработки Дмитрий выбрал «вилку» — деталь неудобную, как говорили рабочие, но остродефицитную. Ее обрабатывали на вертикально-фрезерном станке, по одной в два приема. Из-за недостатка «вилок» задерживалась сдача готовых комплектов.

В мельчайших деталях Дмитрий продумал, как проведет вахту: станки будут работать на повышенной скорости. Нужно также увеличить подачи, причем необходимо оснастить их тремя фрезами. И наконец, главное — станок сможет одолеть сразу несколько деталей. Для этого следовало срочно изготовить приспособление, которое объединит две сложные операции — фрезеровку среднего паза и детали.

Технологи возражали, считая, что в приспособлении у «вилки» не выдержит щечка. Дмитрий стоял на своем. Начальник участка Фрумкин не возражал, начальник цеха Явец тоже.

Осваивал новую деталь Дмитрий не торопясь, все искал, как к ней подступиться.

Начальник участка рассчитывал, что Босый сможет дать 700—800 процентов к плану.

11 февраля Дмитрий работал в дневную смену. Как всегда, за несколько минут до окончания работы привел в порядок инструменты, станок, затем передал его сменщику. И тут появился Фрумкин с известием, что с утра 12 февраля — вахта.

А у Дмитрия еще не все приспособления готовы, не доведена до конца предшествующая операция. Решение пришло сразу — работать в ночную смену, доделать приспособление и закончить операцию. Иного выхода не было. Фрумкина беспокоило, что Босый должен будет встать на праздничную вахту, отработав накануне подряд две смены. Однако Дмитрий был в себе уверен. Одно приспособление он изготовил собственноручно, другое сделали по его эскизам.

Перед началом вахты в цех зашел Денисов. Поинтересовался готовностью. Дмитрий показал приспособления. Денисов сразу же оценил новизну эксперимента. Почувствовал, что есть и доля риска. Однако вслух сомнений не высказал, а лишь пожелал успешной работы.

Для Дмитрия как-то по-особому торжественно и призывно прогудел гудок к началу утренней смены, как сигнал к броску, к атаке. Включен мотор. Три фрезы подведены к детали. Потекли ручейки стружки. Дмитрий запустил второй станок. Около третьего станка стояла ученица Дуся Яковлева, завершавшая обработку деталей — фрезеровала верхние пазы. Внимательные глаза учителя наблюдали за каждым ее движением. Позднее Дуся Яковлева вспоминала: «В ученицы к Дмитрию Филипповичу я попала, когда он открывал счет мести за погибшего брата. Он учил работать на станке практически. Через неделю допустил меня к самостоятельной работе. Велика была моя радость, когда под его надзором выполнила норму на 184 процента. С тех пор я фрезеровщица». В день вахты она дала 200 процентов нормы.

На первом станке стояли три фрезы, на двух других — по одной. Послушные опытным рукам Дмитрия, они яростно вгрызались в металл, сбрасывая горячую маслянистую стружку. Работа шла без остановки. Движения доведены до автоматизма. Спокойно двигалась между станками его высокая стройная фигура. Наблюдавшим за Дмитрием рабочим казалось, что идет обычная по темпам работа, без особого напряжения. Ненадолго появился Денисов. Вдалеке постоял, чтобы не мешать работе.

Обеденный перерыв Дмитрий провел по заведенному распорядку. Перекусил. Зашел в красный уголок. Просмотрел свежую газету. Без этого уже не мог. Ждал и искал новостей о Ленинграде.

После обеда возобновил работу точно по гудку. Руки привычно меняли детали. Горка готовых «вилок» росла, но он подавлял в себе желание пересчитать их. Скоро пришлось их класть на пол, так как на шкафчике не хватало места. Однако усталости большей, чем всегда, он не ощущал. Поэтому, когда раздался гудок, то подумал: не рано ли? Выработанные детали для подсчета отнесли контролеру ОТК. Дмитрию казалось, что считают долго. И наконец объявили — норма выполнена на 1480 процентов!

Цифра выработки Босого всех ошеломила! Цех ликовал. Затем митинг. Выступали многие — инструктор завкома Федякин, председатель цехкома Богуслав. Все они подчеркивали закономерность небывалого рекорда Босого.

Начальник цеха Явиц сказал, что Дмитрий Федорович «всегда показывал образцы трудовой производственной дисциплины. Это подлинный революционер производства, давно и серьезно работающий в области изобретательства и рационализации». Затем на импровизированную трибуну поднялся Дмитрий. Видно было, что чувствует он себя на трибуне неуютно. И наряд не совсем подходящий. Немногословный, он и сейчас остался верен себе. На просьбу рассказать, как добился такого успеха, сказал: «Приходите — покажу». И добавил: «Завтра выполню не меньше. Мы все должны так работать, чтобы выпустить больше машин, необходимых нашей родной армии». Здесь же, на митинге, Дмитрию вручили премию. В основном продукты. Особенно обрадовали новые сапоги.

Свое слово Дмитрий сдержал. На следующий день, 13 февраля, рекорд был повторен. сменное задание выполнено на 1438 процентов. Месячная норма за два дня. В последний день месяца к слету стахановцев города он дал 1764 процента. К 20 марта был выполнен годовой план.

Во всех цехах завода прошли митинги.

Появились призывы: «Равняйтесь по Босому!», «Работайте так, как работает тов. Босый!» Цифра рекорда ошеломляла и будоражила людей. Не обошлось без скептиков, причислявших к соавторам рекорда и нормировщиков. Однако отдельные рабочие уже брались перекрыть рекорд Босого. Фрезеровщики Александр Дианов, Кузнецов, Нефедов, Изотов, Алексеев, Николаев, Тройников вызвались перекрыть достижение или, как сказал шутливо Дианов, «обуть» Босого. В цех началось паломничество. Рабочие требовательно наблюдали за всеми операциями. Это больше всего радовало Дмитрия, который готов был каждому помочь.

Пример Босого подстегнул. Вслед за 12 первыми на вахту встали еще 139 человек. Револьверщица Чистякова дала 6 норм, столяр Соколов — 9,5, строгальщик Павлов — 5, токарь Львов — 5, фрезеровщик Ефимов — 8, токарь Яблоков — 9, слесари Голованов и Шуп — по 6,5 нормы, токарь Жизневский — 5 норм. Остальные — по 2—5 норм. С трибуны городского собрания стахановцев 5 марта Дмитрий говорил: «Самое отрадное состоит

в том, что десятки людей последовали моему примеру».

К середине марта на заводе уже 32 рабочих выполнили задания на 1000 и более процентов.

Свое обещание догнать Босого Александр Дианов выполнил 21 февраля. Двенадцатилетний стаж станочника помог ему быстро освоить новые методы работы. Вместе с Александром Нефедовым, использовав оригинальное приспособление, они сумели дать по 2831 проценту на каждого. Это было высшее достижение на заводе. Они же и перекрыли его, выполнив 8 апреля свыше 20 норм за смену. Дианов не только сам великолепно работал, но и весь свой участок вывел в передовые. Все рабочие выполняли не менее 200—300 процентов.

Готовясь к рекорду, Дмитрий понял, что без помощи инженеров, технологов не обойдешься. Возникали такие проблемы, которые он сам не мог решить. Правда, во время подготовки к рекорду помогал во всем как искренний друг начальник участка Фрумкин, инженер Карташов, конструктор Ханин. Однако в статье о своем опыте для газеты «Правда» он писал, что, как правило, конструкторы отстают от запросов стахановцев.

«Доходит до анекдотов... Конструкторам следует серьезнее относиться к рабочей мысли и не считать на месяцы, когда дорог каждый час. Я тоже попросил как-то сделать мне одно приспособление — стали сомневаться: а будет ли обеспечено крепление, не будет ли вырываться деталь из приспособления при больших оборотах станка? Дело пустяковое, а разговоров было много. Когда это приспособление было готово и установлено, все сомнения сразу рассеялись. Детали, конечно, не срывались, хотя я вместо одной закладывал 12 сразу.

Если даже сомневаешься в идее стахановца, зачем ему закрывать душу? Почему не попробовать? Ведь технология разная бывает — хорошая и плохая. В технологии многое стареет, и нельзя, чтобы груз старых навыков и привычек мешал росту нового. Конструкторы сомневались, а игра стоила свеч: благодаря своему приспособлению я делал в смену 280 деталей, а без него стахановец Михаил Алексеев давал в смену только 20 штук.

Больше веры в рабочую инициативу! Больше желания работать рука об руку со стахановцами!»

Проблема тесной связи «тысячников» с инженерно-тех-

ническими работниками стала предметом обсуждения на страницах печати, на совещаниях стахановцев.

Городской комитет партии в короткий срок сделал предложенный Босым метод работы достоянием коллективов всех предприятий.

13 февраля газета «Тагильский рабочий» под рубрикой «Норма выполнена на 1480 процентов» на первой полосе поместила сообщение о стахановском рекорде Дмитрия. На первой странице была помещена большая фотография Босого. В кожаной тужурке и гимнастерке Дмитрий напоминал питерских рабочих периода гражданской войны.

Газета отмечала, что Босый «положил в Нижнем Тагиле начало движения «тысячников» — стахановцев военного времени, введя в употребление слово «тысячник». Следом на Доске почета появились портреты Александра Дианова, Александра Нефедова, Николая Яблокова и других рабочих.

К апрелю 1942 года на предприятиях Нижнего Тагила насчитывалось уже 107 «тысячников».

24 марта Дмитрий пришел в цех в приподнятом настроении.

В этот день в передовой «Правды» было сказано: «Дмитрий Босый — это творец, новатор, изобретатель. Это высококвалифицированный рабочий, полностью овладевший техникой и двигающий ее вперед. Это фрезеровщик-виртуоз. Таких выдающихся людей у нас в стране немало...»

Дмитрий радовался, что движение набирает силу, ширится.

Известие о присуждении ему Государственной премии наряду с прославленными мастерами — машинистом Николаем Луниным, горняками Алексеем Семиволосом и Иларионом Янкиным, чьи имена гремели по всей стране, потрясло Дмитрия.

Совет Народных Комиссаров впервые с начала войны присуждал Государственные премии. Эти премии были наградой Родины за огромный вклад в победу. Впервые в числе лауреатов были названы имена рядовых рабочих.

«Правда» писала:

«Особенно значительны премии, присуждаемые в нынешнем году за коренные усовершенствования методов

производственной работы. В числе лауреатов тт. Лунин, Янкин, Семиволос, Босый. Эти люди еще недавно были совсем не известны в ученом мире. Они не имеют ученых степеней. Они лишь практики в своем деле. Но в этом своем деле они совершили переворот коренным усовершенствованием методов производственной работы».

Это была высокая оценка заслуг Дмитрия Босого. В самый ответственный и сложный период работы советского тыла, после грандиозной перестройки промышленности на военный лад, решающим условием значительного повышения производительности труда являлось высокоэффективное использование имевшегося оборудования. Важно было пробудить творческие силы новаторов из числа рабочих, инженеров, выявить все резервы, заложенные в станках, механизмах, всемерно сократить путь от момента подачи рационализаторского предложения до воплощения его и широкого распространения, сделать опыт передовиков достоянием десятков тысяч рабочих. Тех рабочих, которые только пришли в цехи заводов, фабрик.

Пришла слава. Зачастили корреспонденты, фоторепортеры... Известность принесла и семейную радость. Из госпиталя прислал письмо брат Борис. А ведь его считали погибшим...

Тогда же состоялась встреча с Мариэттой Шагинян. Беседа была долгой. Поражала Дмитрия та легкость, с которой разговор переходил от дел житейских на сугубо производственные. Чувствовалось, что писательницу интересует все малейшие детали, что она хочет тепло и задушевно рассказать о нем, о его работе. Дмитрий запомнил ее внимательные глаза, когда она наблюдала за ним в цехе. Дмитрий в душе гордился этой встречей, так как знал, что рабочие любили и глубоко уважали эту умную, энергичную женщину за ту ее привязанность к Уралу, которая чувствовалась в каждой статье о людях края, об их тяжелом, но героическом труде. Появившаяся вскоре в «Правде» статья Шагинян глубоко тронула Дмитрия.

Шагинян много раз писала о Дмитрии Босом. Он поразил ее не только профессиональным мастерством, но главное — душевной силой и чистотой.

Вот короткое от 9 марта 1943 года письмо Мариэтты Шагинян, сохранившееся в семейном архиве:

«Дорогой сынок, Дмитрий Филиппович! Спасибо сердечное за Ваш замечательный подарок. Очень была рада познакомиться с Вашим братом, он очень на Вас похож, только глаза у него синие. Вышла книга Рябинина о Вас «Месть Дмитрия Босого». На беду, мы ее не успели сейчас дать Борису Филипповичу, но обязательно пришлем Вам по почте. Я приеду в Нижний Тагил в апреле или в конце марта, привезу хороших книжек для Ваших ребятишек. Желаю Вам здоровья, берегите его. Горячий привет всему Вашему семейству. *Мариэтта Шагинян».*

Шагинян, будучи далекой от техники, была покорена зрелищем творческого процесса, каким виделся ей труд Дмитрия Босого.

«Фрезеровщик Дмитрий Босый ставил себе простую цель — придумать что-нибудь такое, чтобы ускорить процесс работы на своем фрезерном станке и тем самым помочь делу обороны. Но простая цель стала дверью в необычное. Наши универсально-фрезерные станки Горьковского и Тульского заводов типа 682 и ТУ-2 оказались неисследованной сокровищницей технических возможностей.

Когда вы видите Дмитрия Босого среди станков, где его очень нервные, сильные руки все время движутся, соединяют, осмысливают, опрозрачнивают *перед вами рабочие механизмы,* вы начинаете постигать очень большую молодость этих механизмов, неисчерпаемые возможности замены в них ряда ручных операций автоматическими, лишь бы рука человека приложила к этому свое приспособление — новую форму фрезы, какую-нибудь державку, закрепляющую деталь в необычном положении, коробку или кондуктор. В математике есть одно замечательное понятие — «векторная величина», оно означает заданное направление, и при его помощи можно отметить не только количество («столько-то»), не только действие, производимое этим количеством, но и «куда» этого «количества», то есть заданное ему направление. Можно, не боясь натяжки, сказать, что Босый при помощи державок и кондукторов придал фрезерному станку векторную величину. Упрощая, автоматизируя, убыстряя или усиливая работу, все эти *отдельные улучшения* подводят нашу механику к принципиально новому этапу использования и развития станков».

В приведенном отрывке писательница сумела удивительно точно охарактеризовать значение босовского почина. Он лежал в русле гениальной линии технического прогресса — автоматизации. И в то же время открывал перед каждым рабочим возможность до конца исчерпать резервы действующего оборудования, за счет «малой» механизации резко поднять выработку. «Секрет» Босого заключался в том, что он удачно соединял в себе качества и конструктора, и технолога, и производственника. Его новшества давали большой производственный эффект и в то же время существенно облегчали труд.

Прошел год. Рекорды были фантастическими. Один за другим все новые рабочие становились на ударные вахты. Предмайское соревнование дало новые имена передовиков. Обещание перегнать рекордсменов в инструментальном цехе дали токари Чавриков и Жизневский. Вызов персонально адресовался Николаю Яблокову. Тот был токарем-виртуозом и по праву считался первым последователем Дмитрия Босого. В феврале — марте он стал давать 8, 10, а затем 12 норм. Вызов двух опытных станочников Яблоков принял. Всем троим дали однородную работу. К концу смены у каждого лежали груды гаечных метчиков. Яблоков выполнил за смену 17 норм. Чавриков и Жизневский — по 12. Втроем они заменили 41 станочника. 8 апреля фрезеровщики Даnнов и Нефедов дали по 31 норме каждый, заточник Высоцкий и фрезеровщик Ефимов — по 21 норме. Став на предмайскую вахту, Босый выполнил 37 норм. Праздник 1 Мая на заводе встречало уже более 40 «тысячников». Увеличилось число «двухсотников». «трехсотников», «пятисотников».

Однако завод в целом никак не мог войти в утвержденный правительством график сдачи продукции. По отрасли он был отстающим. Та же «Правда», которая сыграла такую большую роль в распространении методов Дмитрия Босого, в одной из передовиц писала. что руководство завода, увлекшись отдельными рекордами, мало заботится о повышении квалификации рабочих, о непрерывном росте производительности труда.

Читать эти строки Дмитрию было тяжело. Он видел, что на отдельных участках руководители свыклись с недостатками, считают их неизбежными в военных условиях, своей слабой работой тянут весь завод назад.

Одним из отстающих был цех № 14. Цех уже длительное время недодавал ряд важнейших деталей, не поспевал за нарастающим ритмом выпуска боевых машин. Под руководством Ханина группа конструкторов приступила к разработке приспособлений для обработки специальных деталей. Новая оснастка, позволявшая превращать универсальные станки в полуавтоматы, ликвидировала дефицит на ряд деталей. Было переоборудовано около 20 станков. Однако отдельные усовершенствования не спасали дела. В цехе недоставало организованности, некоторым молодым работницам никак не могли подобрать дела, в то время как многие станки простаивали. Рабочие тратили массу времени на поиски простейших инструментов. У инженеров до всего этого не доходили руки. Большую часть времени забирала канцелярская работа. В цехе сменили руководство. Новый начальник цеха, человек волевой, энергичный, начал круто менять порядки. Однако чувствовалось, что ему не хватает поддержки.

Вот тогда-то руководство завода решило направить в цех № 14 группу высококвалифицированных рабочих во главе с Босым, способных оказать коллективу практическую помощь. Разговор в парткоме с Денисовым был короткий: задача ясна — передать молодежи опыт «тысячников».

Дмитрий понимал, что невозможно сделать всех рабочих «тысячниками». Чтобы работать так, как трудились передовики, нужны были большое мастерство, опыт, знания. Не все рабочие обладали этими качествами. Но навести порядок на каждом рабочем месте, снабдить все станки простейшими приспособлениями, набором необходимых инструментов было возможно. «Тысячники» должны были помочь «развязать» в цехе «узкие» места, обучить своим приемам молодежь, убедить сомневающихся в преимуществах своей работы. В цехах было еще много рабочих, искавших причины славы Босого в «ошибках» нормировщиков и учетчиков, в использовании труда учеников и не желавших видеть главного. Дмитрий в своем цехе демонстрировал стабильность рекордов, переходя от детали к детали. После обработки детали «вилка» он дал 1800—1900 процентов на детали «ухо», а наивысших результатов достиг при обработке «коробочки». Обрабатывая сразу 17 деталей, он смог за смену выполнить более 20 норм. И всюду решающую роль играли изобретенные им приспособления.

«Босовский инструмент» — термин, прочно вошедший в употребление на заводе. Набор фрез, сконструированных Дмитрием, специально изготовляли в одном из цехов завода.

Переход на работу в цех № 14 преследовал одну цель — вывести его из отстающих. Придя в цех, Дмитрий сразу же взял на общественный буксир своих новых товарищей. Прошло немного времени, и на многостаночное обслуживание с применением эффективных приспособлений перешли фрезеровщики Изотов, Николаев, Алексеев. Они ревностно следили за каждым его экспериментом, стараясь не отставать. Одновременно Дмитрий обучал молодых. Помогать новичкам было главным условием Босого в личном соревновании с Николаем Ковалевым, стахановцем Челябинского завода.

В школе Д. Ф. Босого за 1942 год получили высокую квалификацию 16 учеников, не считая тех, кому он помог как инструктор стахановских методов труда.

Д. Ф. Босый-учитель — это настоящий педагог, внимательный, терпеливый, требовательный. Сколько заботливого и бережного отношения к начинающему рабочему чувствовалось в его советах: «...иногда бывает достаточно небольшого толчка, чтобы молодой станочник увереннее управлял станком. ...Когда станешь за станок, *присмотришься* к человеку, который его обслуживает, да *поговоришь* с ним, тогда и находишь новые, более эффективные методы труда».

Всех его учеников отличали прекрасное знание оборудования, смелость, стремление к новому. Это достигалось тем, что вдумчиво-спокойный учитель не боялся риска. Осваивая новую деталь, он обязательно привлекал учеников, на практике воспитывая у них нужные качества. Леонид Лысенков, один из самых способных учеников Дмитрия Филипповича, впоследствии, став станочником-стахановцем, вспоминал: «Мне посчастливилось, фрезерному делу я учился у Босого Д. Ф. Это была замечательная школа, в которой я приобрел не только специальность и зрелость, но научился рационализаторски мыслить, заботиться о дальнейшем совершенствовании приемов и методов работы».

Цех с трудом осваивал деталь «четырехзаходный червяк». Токарь седьмого разряда мог за смену дать не более двух деталей. Разработку новой технологии «червяка» Дмитрий начал совместно с М. Б. Ханиным. Босый

предложил заменить токарную обработку фрезерной. В ночь на 18 апреля 1942 года в присутствии директора завода Журавлева было испытано приспособление для непрерывного фрезерования.

Теперь надо было проверить, сможет ли малоквалифицированный рабочий эффективно работать на новом станке. Подведя к нему своего ученика Леню Лысенкова, Босый сказал:

— Смотри и любуйся. Благодаря такому приспособлению можно не только «тысячником» стать, но и за полсотни фрезеровщиков поработать.

Потом взял в руки неказистую деталь и продолжал:

— Начнем делать ее на фрезерном станке вместо токарного. Работать будет легче, а «червяк» от этого только выиграет: будет предельно точным.

И тут же стал раскрывать секреты — как подобрать шестеренки, как пользоваться делительной головкой станка. Когда же Леня самостоятельно изготовил первую деталь, результаты были ошеломляющие — 14 минут длилась вся обработка «червяка». 14 минут вместо почти 6 часов!

— Молодец, Лысенков. Сделал отличную пробу, выдержал экзамен, — одобрил учитель.

«Предел ли это? — спрашивал себя Дмитрий. — Может быть, увеличить подачу?» Ханин возражал, боясь, что не выдержит материал фрезы. Когда тот пошел в конструкторское бюро проверить расчеты, Дмитрий сам встал к станку. Обработка нового «червяка» заняла всего 10 минут.

Вот оно, искомое, и найдено! Дмитрий еще никогда, кажется, не был так горд. Более убедительного доказательства эффективности его метода трудно было найти. Это была большая победа. Ее закрепили другие участники «буксирной» бригады «тысячников». Каждый выполнил до 6—10 норм. Через три дня выполнил план весь цех, а затем и завод.

Движение «тысячников», шагнув за пределы завода, Нижнего Тагила, а затем и Свердловской области, уже в марте охватило заводы и фабрики Урала, Поволжья, Сибири и других районов страны. Многие фрезеровщики, токари, сталевары, энергетики, технологи, рабочие десятков специальностей хотели померяться силами с Босым. Новосибирский токарь инструментального цеха завода «Сибметаллстрой» Павел Ширшов вызвал

3 апреля 1942 года Босого на соревнование через газету «Уральский рабочий». Ширшов писал:

«Дорогой Дмитрий Филиппович! Узнал из «Правды» о твоих успехах. Хочу поделиться и своими достижениями. В последние две недели я систематически повышаю производительность труда: 18 марта дал 1090 процентов к плану, затем достиг 1454 и 1818, а на днях за смену выполнил 20 норм. Применяя все новые и новые методы работы на своем токарном станке, я надеюсь добиться еще больших результатов.

Ты на Урале, я в Сибири, ты на фрезерном, я на токарном станке, мы делаем одно общее дело — куем в тылу победу над врагом. Вслед за мной появилось много «тысячников» и даже «двухтысячников»... Я хочу предложить тебе: давай соревноваться, покажем, как много еще могут дать наши станки, если разумно и рационально их использовать, если выжать из них всю силу...»

На одном из авиазаводов фрезеровщик Монаков при помощи сконструированного им, Дмитрием, приспособления и специального набора фрез, обрабатывал одновременно 24 детали. Он заменил 63 строгальщиков, 55 слесарей, 15 фрезеровщиков и 15 разметчиков.

Особенно тронули Дмитрия письма фронтовиков. Его цех шефствовал над одной из частей генерал-майора Федюнинского. Узнав о рекорде Босого, бойцы прислали письмо: «Будем соревноваться с тобой, тов. Босый! Мы на фронте — оружием, а ты — на заводе, у станка, кто чем силен. Соревноваться так, чтобы ни один фашист не ушел с нашей земли живым».

28 мая ТАСС сообщило о рождении движения «тысячников» в Ленинграде. Первым был токарь Косарев. В блокированном городе, после страшной зимы, унесшей жизни сотен тысяч людей, измученные голодом ленинградские рабочие не отставали от своих уральских товарищей.

Движение уже стало массовым. На отдельных предприятиях появились уже десятки «тысячников». В Нижнем Тагиле их насчитывалось 200, в Свердловске свыше 300, каждый заменял нескольких рабочих. С трибуны совещания «тысячники» говорили не только о личном опыте повышения производительности труда, но и об обучении молодежи, помощи отстающим, участии в работе школ стахановцев, в улучшении организации труда.

Рядом с Дмитрием Босым в президиуме сидели лау-

реат Государственной премии бурщик Иларион Янкин, вагоноремонтник Иван Мезенин, экскаваторщик Ибрагим Самяткин, медеплавильщик Степайкин, сталевары Нурулла Баястов и Ибрагим Валеев, электрообмотчица Раиса Кыштымова — передовые люди не только Урала, но и всей страны, авторы всесоюзных и мировых рекордов выработки.

Среди находившихся в зале участников совещания внимание Дмитрия привлекли двое. Выглядели они как дед и внук. На груди старика — орден Красной Звезды, на блузе ремесленника — медаль. Разговорились. Это были рабочие с Украины. У Григория Яковлевича Лушпая сыновья сражались на фронте, у Васи Барановского партизанил отец. Вася с гордостью сказал, что его выработка — 1000 процентов и он старается работать так, чтобы отец мог им гордиться.

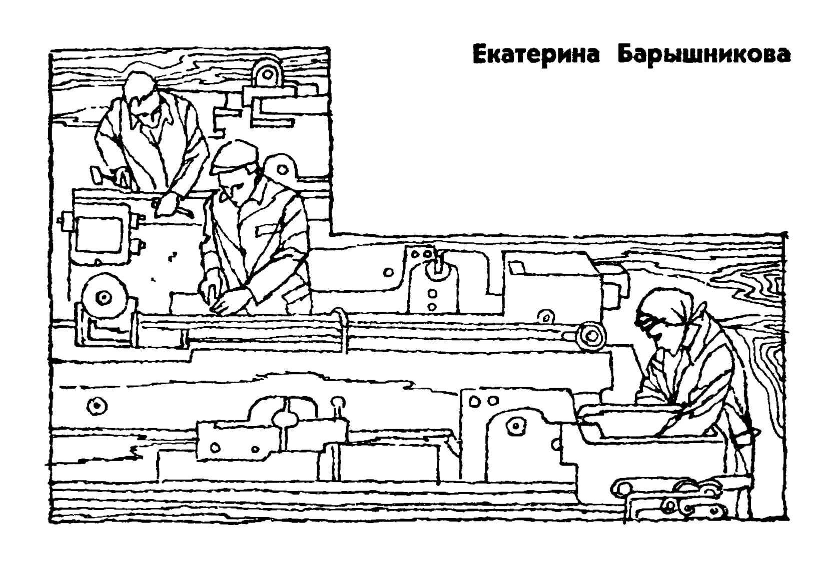
Через несколько месяцев, в годовщину первого рекорда — 12 февраля 1943 года, — Дмитрий выполнил норму на 6200 процентов, изготовил деталей за 27 фрезеровщиков. Всего в 1942 году он выполнил 6 годовых норм, обучив 16 молодых рабочих, многие из которых стали выполнять нормы на 200—300 процентов. В дни Курской битвы Дмитрий подал заявление о вступлении в ряды Коммунистической партии.

В 1945 году правительство наградило Босого орденом Ленина. Через год после победы Дмитрий Филиппович возвратился в родной Ленинград. Напряженные годы войны подорвали его здоровье. В начале 1947 года он переносит тяжелую операцию. Но болезнь ненадолго вывела его из строя. В конце того же года он вновь у фрезерного станка. Началась новая полоса рекордов. Как и в годы войны, опять заработала «школа Босого».

Трагический случай оборвал жизнь этого замечательного человек. Он умер, как жил, протянув руку помощи людям.

Во время прогулки на озере большой волной захлестнуло лодку. Из 12 человек спаслись все, кроме Дмитрия. Он был хорошим пловцом и пришел на помощь ребенку и женщине. Но сердце не выдержало...

Когда мы размышляем о слагаемых победы советских людей в Великой Отечественной войне, мы отдаем дань и смелому новатору-фрезеровщику Д. Ф. Босому. С его именем история навеки связала массовое движение рабочего класса той грозной поры — движение «тысячников».

Екатерина Барышникова

Это очерк о человеке, имя которого в 1943—1944 годах не сходило со страниц печати. О ней писали «Правда», «Комсомолка», «Московский большевик», множество других газет страны.

В 1921 году у крестьянина деревни Озерки, что на Орловщине, Григория Барышникова родилась дочь. Назвали ее Екатериной.

Григорий Барышников был отличным плотником, ходил в отхожий промысел — рубил избы по деревням, в Орле, Ельце.

В 1929 году узнал Григорий, что в Москве будет строиться завод и плотники там позарез нужны. Тогда-то Екатерина от отца услышала много интересного, что на всю жизнь врезалось в память.

По вечерам при свете керосиновой лампы собирались крестьяне к бывалому человеку Григорию. В избе становилось тесно. Катя вместе с братом забиралась на печку и слушала, слушала — удивительно, словно в сказке!

А отец говорил действительно о диковинных вещах: о том, что на окраине Москвы, на Сукином болоте,

строится завод и землекопы находили скелеты с кандалами.

Сам видел, видел собственными глазами и, чтобы никто не сомневался, крестился, хотя в бога не верил.

— При царе там дорога проходила, по ней каторжных водили, вот который из-под конвоя «отвалится» — и в болото, там ему и смерть.

Отец рассказывал о том, как цыгане, которые испокон веков кочуют, коней воруют да на картах гадают, целым табором осели и работают на строительстве.

— Только один сбежал, пьяница. А когда вернулся, цыгане не приняли — прогнали прочь.

Второе, после рассказов отца, воспоминание о строительстве завода связано у Екатерины с пожаром летом 1932 года. Семья Барышниковых только приехала в Москву и поселилась в поселке Кожухово.

Был август, после обеда недалеко от цыганских бараков вспыхнул пожар, загорелся весь фанерный городок. Огонь с минуты на минуту мог перекинуться на завод. Рабочие тесной стеной выстроились на крыше ремонтно-механического цеха. Пламя бушевало, но никто не уходил. Спецовками тушили падавшие искры. Из цехов подавали воду кто в чем мог — в деревянных ящиках, в ведрах. Тут же и детвора, а с ними Катя и ее брат. Сначала взрослые отгоняли детей: не мешайтесь, дескать. Но разве уйдут?

Какая там ни есть, а помощь, где ведерко поднести, где пожарный рукав раскинуть. Рабочие, обжигая руки, растаскивали бревна. Завод был спасен.

В 1937 году, после окончания шести классов, она подает заявление в школу ФЗУ, организованную при Первом подшипниковом.

Через год Екатерина Барышникова переступила порог нового цеха точных подшипников (ЦТП-1).

Помнит она незабываемый день выпуска первой продукции. Как на сборку поступали первые партии колец подшипников и шариков, и сборщицы в белых халатах сортировали по допускам, собирали готовые подшипники. Тут же контролеры, лица торжественные, но строгие — ведь они отвечают за точность. Но вот один, другой, третий — вся партия собрана.

После смены стихийно возник митинг. И кто бы ни выступал, в словах каждого чувствовалась гордость за свой завод, за себя.

Стоявший рядом с Екатериной инженер Федосеев спросил ее:

— Ну что, Катя-Катерина, мы ломим, гнутся шведы?

Она улыбнулась и кивнула головой. Вспомнила, как Николай Михайлович приходил к ним в училище и рассказывал о всемирно известной шведской фирме «СКФ». О красочной рекламе на улице Кирова (бывшей Мясницкой — «Весь мир вертится на подшипниках СКФ. Покупайте подшипники СКФ». Отличные подшипники были у шведов. Немалые деньги за них шли за границу. Ну а теперь советские точные станки, механизмы авиационной, судовой и другой техники будут работать на отечественных подшипниках.

Работа в цехе приучала Екатерину и ее подруг к строжайшему выполнению технической дисциплины. Незадолго до первомайских праздников, дело было в 1938 году, произошло чепе, взволновавшее всю комсомолию «Шарика».

Одно из отделений сборочного цеха «гнало план» потихоньку, враскачку в первой декаде и «навались» в третьей. Для облегчения сборку подшипников «1506» производили без втулок. Инженер планово-производственного отдела, которому доверили следить за выпуском этих подшипников, заявил:

— Мне совершенно безразлично, выпускаются ли подшипники со втулкой или без них. Меня главным образом интересует выполнение плана. Выпуск же подшипников без втулок облегчает выполнение задания.

На комсомольском собрании в ЦТП-1 кто-то предложил перевести инженера-очковтирателя рядовым рабочим.

— Это что ж? Позорить наше звание рабочего? — резко спросила одна из комсомолок. — Таким не место на заводе.

И, хотя неблаговидный поступок был совершен не в своем цехе, а в другом, отнеслись к нему комсомольцы так, словно дело касалось их цеха, их бригады. Мелкий, казалось бы, этот эпизод, но сохранился он в памяти Екатерины.

На заводе в то время бытовало мнение: дескать, женщина может быть хорошей станочницей, а вот что касается работы наладчика, то тут уж, извините, — дело это сугубо мужское: «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а женщина налаживать станки».

Одной из первых женщин на 1 ГПЗ Екатерина овладела профессией наладчика, это было в 1939 году. Восемнадцатилетняя девушка — и вдруг наладчик, с этим никак не могли смириться многие ветераны наладки, старые кадровые рабочие.

За ее работой внимательно следили, выспрашивали станочников:

— Ну как ваш наладчик?

— А почище вашего справляется, — отвечали те.

Соревнование со старыми мастерами наладки не легко давалось Екатерине. Не хватало опыта, знаний. После работы она иной раз подолгу возилась со станком, стараясь разобраться во всем до тонкости.

Постепенно у кадровых наладчиков отходило в сторону «ущемленное» чувство достоинства за свою «мужскую» профессию. И они следили за тем, как работает девушка-наладчик, старались помочь ей постигнуть секреты мастерства.

Осенью 1941 года Екатерина собиралась поступить в техникум, хотела стать технологом. А когда началась война, мечту о техникуме пришлось отложить.

После работы, а работать стали по 12 часов, начинались занятия по противовоздушной обороне.

В ночь с 22 на 23 июля, когда вражеская авиация совершила налет на столицу, одним из объектов, подвергшихся нападению, был Первый подшипниковый.

Екатерина вместе со всеми всю ночь боролась с огнем, тушила «зажигалки».

Отец Екатерины работал в пожарной охране завода. Встретив ее утром на заводском дворе, он сказал:

— Молодец, дочка, не стыдно за тебя! — А потом улыбнулся и спросил: — Может, теперь, после этого «крещения», в пожарку к нам пойдешь? С радостью примут.

Екатерина засмеялась.

— Нет уж, отец, пожарником я буду по совместительству.

Екатерина вместе с отцом решила, что останется в Москве. Уже тогда коллективу предприятия приходилось работать с большим напряжением. Многие рабочие в первые дни войны ушли на фронт, значительное количество оборудования было отправлено на восток, в разные города, где создавались новые подшипниковые заводы.

— Оборудования, специалистов не хватало, — рас-

сказывает Екатерина Барышникова, — но мы продолжали работать, трудились даже во время налетов вражеской авиации, которая буквально охотилась за заводом, пытаясь во что бы то ни стало вывести его из строя. Особую ценность представлял наш цех и ЦРД (цех разных деталей) — основные поставщики военной продукции.

Пустели цехи завода, меньше и меньше оставалось рабочих. Одни ушли на фронт, другие отправились в глубокий тыл. Эвакуировали и цех точных подшипников, где работала Барышникова.

— А ты что же, Катя? — спрашивали ее оставшиеся знакомые.

— А никуда я не поеду, в Москву немцев не пустят, а работу и здесь найду. Новый цех создается, автоматы изготовлять — дело новое, а специалистов нет, вот и будем работать.

В октябре 1941 года в опустевшем помещении заводского ФЗУ создали механический цех по производству затворов к ППШ (пистолет-пулемет системы Шпагина). Туда-то и направили Екатерину. Трудно на первых порах осваивать выпуск незнакомой продукции. Нет ни мастера, ни инженера, который знал бы это производство и мог бы объяснить непонятное. Вот здесь-то и пригодился Екатерине ее опыт. Приходилось быть универсалом, выполнять самую разнообразную работу на самых различных станках. Буквально с каждым днем росла программа; особенно трудно приходилось в первые дни. Один-два затвора, больше не получалось, хоть расшибись, — то одно, то другое не ладилось.

— На всю жизнь, — вспоминает Екатерина Григорьевна, — врезался в память день четырнадцатого октября 1941 года... В школе № 474 проходило формирование рабочего батальона Таганского района. Я пришла тогда провожать товарищей, друзей. Много нас было, желающих в те дни уйти на фронт. Но не всех брали, особенно из нашего цеха, производившего оборонную продукцию.

В декабре 1941 года враг был отброшен от Москвы, и Государственный Комитет Обороны принимает решение о восстановлении московских заводов.

8 февраля 1942 года получили решение правительства о возобновлении производства подшипников на Первом ГПЗ.

Трудности восстановления усугублялись тем, что

большинство из вновь принятых рабочих были юноши и девушки или домашние хозяйки, которые никогда прежде не работали. Присланные на завод бывшие фронтовики зачастую не имели рабочих специальностей. В числе пришедших на завод были преимущественно люди низкой квалификации (браковщики, подсобные рабочие). Не хватало опытных мастеров, наладчиков, рабочих — станочников, ведущих профессий.

Екатерина, хотя ей шел тогда двадцать первый год, считалась ветераном завода, специалистом-наладчиком. По инициативе старого коммуниста рабочего-токаря Михаила Клинишева решили к каждому квалифицированному рабочему прикрепить по три-четыре подростка. Были и у Екатерины свои подшефные. Они долго не задерживались. Только за три месяца небольшая группа кадровых рабочих обучила 200 человек.

Екатерина Григорьевна хорошо помнит Володю, Виктора, Колю и Женю. Прошло несколько месяцев, и эти мальчишки стали отличными рабочими.

— А вначале что спросишь с них, — вспоминала Екатерина, — «малолетки». «Хрупчиками» их звали. Придут, глазами удивленными смотрят и из кармана сухари достают, по одному «хрупают».

Вчерашние школьники с каждым днем становились серьезнее; а народ они дотошный, во все вникали. А когда в 1942 году на заводе создали два новых цеха, то работала там только молодежь.

Вскоре многотиражка завода называла имена передовых комсомольцев: Алексея Столярова, Олега Обрезкова, Владимира Ляпунова и Екатерины Барышниковой. Они совершенствовали технологический процесс, улучшали организацию труда.

Скупы строчки отчетов того героического времени.

В отчете комсомольской организации находим, что «комсомолка Барышникова добивалась высоких производственных показателей не за счет перенапряжения мускульной силы, а главным образом за счет совершенствования методов работы». Не силой, не числом, а умением, — уже тогда было правилом Екатерины.

В 1943 году заготовительный участок ремонтно-механического цеха № 1 Екатерины Барышниковой на протяжении ряда месяцев работал с перебоями. Чтобы выве-

сти участок из прорыва. Екатерина создает комсомольско-молодежную бригаду. Незадолго перед этим — 22 апреля, в 73-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина — ее приняли кандидатом в члены Коммунистической партии. И создание комсомольско-молодежной бригады было ее первым партийным поручением.

30 июля 1943 года в заводской многотиражке поместили заметку Кати Барышниковой. Она писала, что организовала молодежную бригаду из пяти девушек, недавно пришедших в цех.

«Прежде всего я узнала, где и как они живут, где работали до поступления на завод, что читают, чем интересуются, учатся ли». Краткая была эта заметка, а за ней целая история...

Когда создавала комсомольско-молодежную бригаду, долго присматривалась, кого бы взять, чтобы работать дружно, единой семьей. В отделе технического контроля ей приглянулись две девушки: Тамара Гаранина и Леля Андрианова. Разные они были: Тамара, та более резкая; Лелю отличал мягкий характер, хотя и не без сарказма. Понравились они Екатерине, сама не знает за что, почувствовала — хорошими подругами будут и не подведут.

В ОТК продукцию Екатерины принимали с первого предъявления и всегда в пример ставили.

— Если все так сдавать будут, то зачем контролеры, — говорили обычно мастера.

Так что тут у Екатерины и с Тамарой и с Лелей сразу общий язык нашелся. Но одно дело продукции оценку давать, «критиковать» ее, другое — самому сделать. Тамара с Лелей это хорошо понимали и побаивались перейти рядовыми работницами на станок — справятся ли? А Екатерина посмотрит на руки их нежные и вздохнет:

— Ох, девоньки, нелегко придется вам!

Но Тамара и Леля все-таки имели представление о производстве. А вот что касается остальных членов бригады, то с ними труднее. Юля Рыжова — только со школьной скамьи, завода вообще не видела. Тоня Киселева из ремесленного училища, а учили в то время «скоростными методами». Юра Ермилин, мальчик шестнадцати лет, вчерашний школьник, попал в бригаду к Екатерине не совсем обычно. Его «крещение» в рабочие оказалось неудачным, да об этом он не любил рассказывать.

В первый же день он погрузил стружку в коробку, крановщик зацепил и повез. Юра должен был простое де-

ло сделать — отвезти коробку в положенное место и высыпать. Стал он крючок отцеплять — не получается.

— Майна, вира! — кричит крановщику — словам этим уже выучился.

Наконец отцепил крючок, а стружка не вываливается. Всем телом навалился на коробку, она и перевернулась Юра упал, его завалило стружкой. Вылез. Обошлось благополучно. Но работу такелажника невзлюбил и поэтому, когда Екатерина предложила идти к ней в бригаду, с радостью согласился.

Много пришлось повозиться Екатерине, пока своих бригадников обучила работе строгальщиков. Безобидные «ван-норманы» казались им страшными машинами, с которыми ох как трудно справляться! Но вскоре даже маленькая Тоня Киселева выполняла норму на 250 процентов. Доставалось это нелегко.

Когда получали фронтовой заказ, то не отходили от станков по две, а то и по три смены. Не все выдерживали напряжение, некоторые падали возле станков; их приходилось подменять на час-другой, пока отдохнут на воздухе — при дневном свете. Ведь работали четыре года при электрическом освещении: все окна закрашивались черной краской — светомаскировка.

— А выйдешь на улицу после смены, — рассказывает Екатерина Григорьевна, — голова кругом идет, хватаешься за что-нибудь, чтобы не упасть. Сказывалось, конечно, и недоедание, хотя в 1943 году питались лучше, чем в первые годы войны. На работу бригада приходила до начала смены. Тщательно осматривала каждый станок, каждую деталь и, если находили какой-нибудь дефект, сейчас же исправляли.

Но вот уже скоро о бригаде заговорили в цехе. В первый же месяц бригада Барышниковой в соревновании по заводу заняла второе место, выполнив норму на 280 процентов, и получила звание «фронтовая». В дни, когда из конца в конец нашей страны разнеслась радостная весть о взятии Красной Армией Орла и Белгорода, заводу присудили Красное знамя Государственного Комитета Обороны.

— Хорошо помню тот день, — вспоминает Екатерина Барышникова, — это было двенадцатого августа 1943 года, на общезаводском митинге, в присутствии представителей ВЦСПС, наркомата, городской и районной парторганизаций делегация гвардейской части во главе

с генерал-майором Токаревым вручала заводу переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны. На митинг пришли всей бригадой: я, Леля Андрианова, Тамара Гаранина, Юля Рыжова, Тоня Киселева, Юра Ермилин. А через два дня бригаде вручили переходящее Красное знамя комитета комсомола. Заводские комсомольцы выпустили «молнию»: «Равняйтесь по бригаде Екатерины Барышниковой!»

В августе 1943 года бригада Екатерины Барышниковой выполнила план на 317 процентов и заняла первое место по Таганскому району. Ей были вручены переходящие Красные знамена комитета ВЛКСМ завода и РК ВЛКСМ.

А в сентябре бригада Екатерины Барышниковой заняла первое место среди «фронтовых бригад» Москвы. И все же Екатерине казалось — мало. Тамара Гаранина, веселая, энергичная, доказывала:

— Ну что ты, Катя, хочешь? Дальше некуда! Ты только посмотри, старички и те уж не угонятся за нами, а у них за плечами десятки лет работы! Ты у нас одна ветеран. А меня взять, Лелю Андрианову, Юлю Рыжову, Тоню Киселеву, все зеленые — и станка-то не видали.

Вчерашние школьницы работали не хуже опытных рабочих. Но и этого мало. Что можно сделать еще? Результатом ее раздумий стали всевозможные мелкие рационализаторские предложения: различные приспособления к станкам, новые зажимные устройства.

Как заставить станок работать быстрее и согласовать с его ритмом движения своих рук?

А что, если работать с повышенным режимом, увеличить подачу и тем самым сократить время на обработку каждой детали? Обратилась Екатерина к мастеру, а тот ей в ответ:

— Нам план выполнять, а ты тут со своими опытами — пустое это дело.

Решила не отступать. Подготовили заточенные резцы, изменили режим работы станка. Стали работать с механической подачей сразу на три зуба. Машинное время на обработку детали сократилось в три раза: вместо 2,17 минуты, предусмотренных технологической картой, стали деталь обрабатывать за 0,72 минуты. Ну здесь, кажется, все выжато из техники, тут можно и остановиться. Никто еще в цехе не добивался подобного. Заговорили о ее

бригаде на заводе, многотиражка стала писать: «Перенимайте опыт новатора Барышниковой!»

Но и здесь не успокоилась. Стала подсчитывать, что еще можно сделать. На подготовительные операции уходит 0,28 минуты и 0,72 — собственно машинное время, когда станок работает без помощи рабочего и станочник свободен. Значит, в эти доли минуты можно обслуживать другой станок, работающий в том же ритме. Так родилась идея сократить состав бригады и давать ту же продукцию. Но одно дело идея, другое — как эту идею осуществить. Надо все продумать, получится ли. В свободные 0,72 минуты нужно подойти к другому станку, снять с него деталь, закрепить другую, выключить самоход, заправить первую стружку, убедиться, что станок работает нормально, промерить снятую деталь и вернуться к первому станку. Считали, что такой темп работы нереален. И инженеры, и экономисты не на одном заводе все обдумывали, все просчитывали — что они меньше знают, меньше понимают? Они знают, а тебя поставили к станку — знай свое место!

Ясно стало Екатерине — здесь можно кое-что изменить. Станки стоят не так, как нужно. Ведь можно иначе, и будет лучше, и один человек сможет работать за двоих. За двоих — легко сказать. А не приходилось ли тебе и твоим подругам падать у станка?

Екатерина еще и еще раз обдумывала план расположения станков в цехе. Рабочая часть одного станка отделена мотором от станка второго ряда, но почему же? Ведь если повернуть второй ряд станков к первому рабочим столом (суппортом), то один человек сможет работать на двух машинах. А если на других участках в цехе сделать то же самое? А по заводу, по всей стране? Эти мысли не давали Екатерине покоя. Но попробуй-ка убеди мастера. По старинке, по привычке, этак легче, этак спокойнее, так привык работать. Есть от чего в отчаянье прийти! Несколько дней она ходила, словно слепая, все сомневалась, взвешивала. А вдруг ошибусь? Еще и еще раз изготовляла простенькие чертежи. И после работы, усталая, не могла заснуть. Наконец решила подойти к мастеру, хотя знала его характер и вечное «мне план давай, а не журавля в небе». На этот раз мастер внимательно выслушал Екатерину.

— Дело стоящее, но, сама понимаешь, риску много, план горит. Обещаю поговорить с начальником цеха.

— Ох уж эти обещания! — вздохнула Екатерина.

Как быть? Посоветовалась с Тамарой Гараниной. Тамара отличалась резкостью суждений, вот и сейчас высказалась она в своем обычном духе.

— Ну что ты, Катя, одна с ним разговариваешь, бесполезное дело. Надо всей бригадой на него навалиться — тут уж он никуда не денется.

— Нет, Тамара, с ним кашу не сваришь, — со вздохом произнесла Екатерина.

На следующий день Екатерина решила идти к начальнику цеха.

Развернула перед ним свои чертежи.

— Смотрите, Дмитрий Иванович...

Тот долго что-то чертил, пододвинул счеты, начал костяшками щелкать.

— Вот что, Екатерина, расход времени на приобретение новой сноровки рабочего не покроет экономии от сокращения рабочей силы —это раз.

И Дмитрий Иванович щелкнул костяшками счетов.

— Время на перемонтаж нужно? Нужно. Где взять? А план новый дадут, как выполнять будем? Не тебя ли с подругами на носилках выносили, когда трое суток из цеха не выходили, заказ срочный выполняли? Было такое?

— Было, Дмитрий Иванович, — ответила Екатерина.

А начальник цеха знай костяшки откидывает — и во-вторых, и в-третьих, в-четвертых и в-пятых...

— Ну что ж мы имеем, а? А имеем никакой прибыли, одни убытки. Так-то!

Дмитрий Иванович отодвинул счеты.

— Значит, так, Екатерина, кончится война, вот тогда и займемся разными экспериментами.

Вечером в общежитии Екатерину обступили подруги.

— Ну что, была у начальника? — спросили девчата.

— Была.

— И что же?

— По подсчетам Дмитрия Ивановича не выйдет из нашей затеи ничего — овчинка выделки не стоит.

Екатерина хотела выложить душу перед подругами, рассказать все подробно, но помешала Леля, которую отличала чисто женская гибкость в поисках более простого и легкого выхода из трудного положения, сказала:

— Хорошая мысль у меня созрела, девочки. Давайте-ка напишем этакую толстенькую, страничек на пятнадцать-двадцать объяснительную записку. Есть у меня один

знакомый товарищ, умеет это делать, разные там экономические обоснования, расчеты. Главное, чтобы «рукоделие» выглядело солидно. Полистают соответствующие товарищи наш фолиант, подержат в руках — «весомо, грубо, зримо»...

А когда потушили свет, Екатерина долго не могла заснуть. Перед глазами стоял все тот же Дмитрий Иванович со своими счетами, а в голове стучало: во-первых, во-вторых, в-четвертых, в-пятых...

На следующий день после работы Екатерина решила сходить к секретарю парткома Шклюкову. Александр Николаевич внимательно выслушал ее.

— За большое дело беретесь, а говорили ли об этом у себя в партбюро?

Екатерина замялась.

— Да нет, как-то не приходилось.

— И в комитете комсомола не приходилось? — спросил Шклюков.

Екатерина утвердительно кивнула головой.

— Вот видите, — продолжал Шклюков, — а вам могли бы помочь.

Екатерина пожаловалась на начальника цеха: дескать, бухгалтерией занимается, подсчетами, а к ее предложению отнесся с недоверием.

— Ну то, что Михайлов подсчитать любит, — это не плохо, да и в консерватизме его обвинять несправедливо. Кстати, со мной он беседовал о вашем деле и положительно отозвался.

— Так что же он меня так сразу ошарашил, словно водой холодной облил: «Займемся экспериментами после войны», — удивленно сказала Екатерина.

— А потому, что дело это большое, серьезное, вот Михайлов и не хочет делать из него фейерверка или пустого барабанного боя. После вашего разговора он в партбюро советовался, с мастерами, говорит «стоит взяться», но боятся за вас, Катюша, народ у вас в бригаде молодой, закалки производственной не имеет, не выдержат.

— За Гаранину и Андрианову я ручаюсь, они не подведут, — горячо произнесла Екатерина.

— Вот это и хорошо, что за подруг своих уверена, — сказал Шклюков, — но во всяком большом деле осечка может получиться, а здесь ее не должно быть. Нужно, чтобы за вами последовало несколько бригад, кого бы вы могли рекомендовать?

— Раю Бараковскую и Таисию Гатилину, — не задумываясь, сказала Екатерина, — они никогда не подведут.

— Ну что ж, давайте в комитете комсомола обсудим все, я, в свою очередь, с директором переговорю, а вы ему подробно расскажете.

На следующий день Екатерину Барышникову встретил секретарь партбюро цеха Владимир Есипов.

— Ну и дипломат ты, Катерина!

— А в чем дело? — с недоумением спросила она.

— Как — в чем дело? Мы за тебя тут воюем, ручательства даем, а ты нас стороной обходишь. Нехорошо! С Дмитрием Ивановичем вчера спорили о тебе же. Сегодня к Лосеву, директору, пойдешь, все расскажешь, мы уж договорились. Кстати, там главный инженер. Если что будет не ладиться, сразу же ко мне обращайся.

Директор завода Лосев и главный инженер Громов еще до прихода Барышниковой уже знали о ее предложении. Рассказал секретарь парткома Шклюков, поэтому Екатерине не пришлось вдаваться в детали.

— Как вы думаете, Анатолий Александрович, — обратился Лосев к Громову, — сколько времени потребуется на реконструкцию в цехе?

— За сутки управимся, — ответил Громов.

— Тут, Андрей Геннадиевич, надо видеть перспективу. Предложение Барышниковой — это многие тысячи высвобожденных рабочих на других заводах.

Громов десять лет назад пришел в инструментальный цех токарем, знал, что любое полезное начинание нуждается не только в словесном признании, но и решительной поддержке, и сделал все, чтобы предложение Екатерины получило распространение на заводе.

15 ноября 1943 года Екатерина Барышникова и ее подруги Тамара Гаранина и Леля Андрианова заступили на смену, чтобы втроем давать ту же выработку, что давали вшестером. Весь механосборочный цех пришел взглянуть, как будут работать девушки на двух станках. Пришли и директор с главным инженером.

— Да, уж больно самоуверенна нынче стала молодежь. Чепуха, многостаночное обслуживание на этом участке. Ничего из этой затеи не выйдет, — раздавались голоса.

Их слышала и Екатерина. «Лишь бы не сорваться

сейчас, в первые минуты, в первый час», — стучало в ее сознании. Она не сомневалась в успехе, вот только бы подруги не подвели. Станки постепенно набирают скорость. Екатерина мельком следит за движением рук Тамары и Лели; они уверенны и точны — молодцы девочки!

Несколько дней готовилась Екатерина к этой смене: участвовала в перемонтаже станков, спорила, доказывала инженерам, как их лучше установить. Подготовила весь нужный инструмент, приспособления. Только на свой опыт, свои знания не надеялась, не стеснялась спрашивать у опытных рабочих все, что было непонятно, неясно, что вызывало сомнение. И почти от каждого получила какой-то дельный совет, предложение. И тут-то она поняла, как много раньше теряла драгоценного времени из-за неправильной расстановки станков, из-за недостаточной подготовки рабочего места. Теперь как будто все учтено, все взвешено, и все же — волновалась!

Кончился трудовой день. Да, нелегко досталась победа, все тело, руки дрожат. Но на фронте разве легче?

Подсчитали выработку — втроем выполнили программу шестерых на 378 процентов. Это не предел, это только начало. Каждый день приносил новые успехи. 28 ноября бригада Екатерины выполнила задание на 530 процентов. Ноябрьский план был перевыполнен в четыре с половиной раза.

25 ноября на собрании актива коммунистов Москвы и области с докладом «Об очередных задачах Московской партийной организации» выступил секретарь ЦК и МГК ВКП(б) А. С. Щербаков. «Главное и решающее в промышленности — всемерно повышать производительность труда, давать большее количество продукции при том же, а то и при меньшем количестве рабочих».

И как пример привел опыт Барышниковой.

«Надо, — продолжал он, — всемерно поощрять инициативу, распространять ее как можно шире. Сейчас, когда страна напрягает все силы для окончательного разгрома врага, это самое главное, самое важное».

Почин Екатерины Барышниковой уже к этому времени нашел широкий отклик на многих предприятиях столицы.

К декабрю 1943 года в Москве и Московской области насчитывалось 640 комсомольско-молодежных бригад, поддерживавших начинание Екатерины Барышниковой. Эти бригады высвободили 2 тысячи рабочих и работниц. Уже в середине декабря насчитывалось 1777 фронтовых

комсомольско-молодежных бригад, которые высвободили 4325 человек. Сведения о сокращении числа работников поступали из Горького, Свердловска, Челябинска, Перми, Вологды...

Последнюю рабочую смену 1943 года бригада Екатерины Барышниковой закончила в 8 часов утра 31 декабря. 15 минут потребовалось на то, чтобы принять детали и подсчитать сменную выработку. Мастер Буровцев приносит рапортичку, в ней итоги работы бригады: Е. Барышникова — 673 процента, Т. Гаранина — 538 процентов, Е. Андрианова — 448 процентов. В среднем по бригаде 558 процентов. Так закончила бригада Екатерины Барышниковой 1943 год.

Движение, начатое Екатериной Барышниковой, позволило к 1 января 1944 года высвободить на заводе 230 человек. Вновь организованный цех мелких серий комплектовался полностью за счет этих рабочих.

Через полгода по стране уже 15 780 бригад высвободили 52 110 квалифицированных рабочих, а через год, 1 октября 1944 года, таких бригад насчитывалось 19 246, а количество высвобожденных рабочих достигло 66 581 человека. Существует такое мнение, что статистика, дескать, скучное дело. Ну а если вдуматься в статистику построенных самолетов, танков, если представить те дивизии, что были вооружены новой техникой за счет высвобожденных рабочих, то тогда станет ясно, что сделала Екатерина Барышникова для Победы.

14 ноября 1944 года Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Шверник вручил ей орден Ленина.

Выступая в Кремле после вручения награды, Екатерина кратко рассказала о своей работе:

— Вы знаете, как мы работали? Как солдаты, которые шли в бой против фашистов. Мы чувствовали, что каждое наше движение, каждая единица нашей продукции несет смерть тем зверям, которые хотели лишить нас счастья молодости. А мы им назло чувствовали себя, как никогда, молодыми и сильными. Мы поддерживали и ободряли друг друга. Сколько у нас было неудач, как часто опускались руки, как мы нуждались во взаимной поддержке! И если бы не мои подруги, Тамара Гаранина и Леля Андрианова, вряд ли я добилась бы таких дости-

жений, которые правительство отметило высокой наградой — орденом Ленина.

Уже через несколько дней после того, как в центральной печати появилось имя Екатерины Барышниковой, на ее адрес начали приходить письма. Писали буквально со всех концов Союза. Были письма с адресами: «Московский подшипниковый, Барышниковой Екатерине», были и такие, где стояло лаконичное «Москва, комсомолке Екатерине Барышниковой», и ни в одном отделении не удивлялись — адресат был известен.

Однажды почтальон принес письмо, которое разволновало Екатерину. На обратном адресе стоял Нижний Тагил. Да, это писал знаменитый «тысячник» Дмитрий Филиппович Босый, тот, о ком, как о российском чуде, сообщали иностранные газеты. Один из журналистов наших союзников даже статью свою озаглавил: «Тайна сорока норм». Но где им, иностранцам, разгадать эту тайну, хотя и считали они себя «россиеведами».

Дмитрий Филиппович писал о том, как он работает в Нижнем Тагиле, интересовался делами Екатерины и ее бригады.

«Вот у кого учиться», — подумала Екатерина.

Большое это было письмо. И, читая листочки, исписанные мелким, убористым почерком, Екатерина хорошо понимала «тайну сорока норм». Она разгадала ее лучше, чем те иностранцы, что были простыми «американскими наблюдателями».

Зимой 1943 года вела Екатерина переписку и со знаменитой горновой Фаиной Шаруновой с Нижнетагильского завода имени Куйбышева. В своем письме Фаина рассказывала о том, как известный всей стране доменщик Иван Григорьевич Коробов отзывался о ее работе, что она готовится стать доменным мастером.

Когда Родина поздравляла в 1944 году женщин с Днем 8 марта, газета «Правда» писала в передовой: «Высокое мастерство уральской горновой Фаины Шаруновой, знатных сталеваров Сталинграда Марии Липковской и Полины Цыбули, благородная инициатива молодой работницы Московского подшипникового завода Екатерины Барышниковой, дела этих женщин войдут в героическую историю нашей Родины». В ноябре 1945 года в гости к подшипниковцам приехали Алексей Григорьевич Стаханов и Иван Иванович Гудов.

— Давно-давно хотел с вами повстречаться, — го-

ворил Иван Иванович, здороваясь с Екатериной Барышниковой. — Крепко вы тут «стариков» обставляете.

И, смущаясь от этой рабочей похвалы, Екатерина рассказала гостям о своей работе сейчас, после войны. О товарищах, что следуют ее почину.

Еще в январе 1944 года, на десятой сессии Верховного Совета СССР, где Екатерина присутствовала в качестве гостя, она познакомилась с Алексеем Стахановым, Петром Кривоносом, Александром Бусыгиным и Иваном Гудовым. Так что и Стаханов и Гудов были для нее старыми знакомыми. К тому же Гудова она не раз встречала на заводе, а тут узнала, что Иван Иванович чуть было не стал подшипниковцем.

— Первый завод, на который я хотел поступить, ваш был, да вот землячок подкузьмил, вы его знаете — Крысин, он со мной с одного села, а то был бы подшипниковцем.

Почти все присутствовавшие хорошо знали Ивана Петровича Крысина. Екатерина — та больше со слов отца. Крысин был одним из лучших бригадиров-ударников во время строительства завода.

21 октября 1946 года в Московском Доме ученых вручали дипломы лауреатам Государственной премии.

Екатерина Барышникова вместе с другими вожаками комсомольско-молодежных бригад — Александром Шашковым, Виктором Алексеевым, Александром Сметаниным — стала лауреатом Государственной премии.

Осенью 1946 года Екатерина Барышникова заболела — сказалось тяжелое физическое и нервное напряжение военных лет. Почти два года она пролежала в больнице, а потом инвалидность. Еще нет и тридцати, а инвалид, — как мучительно осознавать это! Но не из таких она, чтобы смириться, успокоиться. Помогали книги. А когда перечитывала «Как закалялась сталь» и думала: «Легко восторгаться героизмом таких людей, как Павел Корчагин, который вопреки физическому недугу сумел остаться в шеренге борцов. А если самой коснулось, как поступить? И мысли, мучительные мысли: ты могла при добром здоровье перевыполнить норму, работать втроем за шестерых, а попробуй сейчас, когда врачи говорят — инвалид, найти в себе силы!» Мучительно тяжело сидеть дома; приходят друзья, товарищи рассказывают о заводе, о тех, кого хорошо знала. И, несмотря на инвалидность, Екатерина продолжает учиться,

окончила среднюю школу, готовилась в институт. Она много пишет в молодежных, военных газетах, где делится своими мыслями об искусстве: «Вот чего я хочу от советского искусства — чтобы оно было так же высокоидейно, как труд наших рабочих и борьба наших воинов. Чтобы оно показало труд моих подруг и моих сверстниц, каким он был все эти годы. Пусть писатель не боится показать, как нам было трудно. Пусть писатель сумеет показать, как нам было радостно сознавать себя идущими в одной шеренге с бойцами. Теперь, когда солнце победы поднялось над землей, настала уже, по-моему, пора показать на сцене великий трудовой подвиг советского народа, подвиг, совершенный и моими подругами».

В 1952 году Екатерина Барышникова возвращается на завод контролером отдела технического контроля. А через 16 лет она в 1968 году вернулась в свой цех, туда, где трудилась 32 года назад.

В 1969 году на заводе проводили социологические исследования.

«Что вы больше всего цените в людях?» — спросили каждого десятого рабочего.

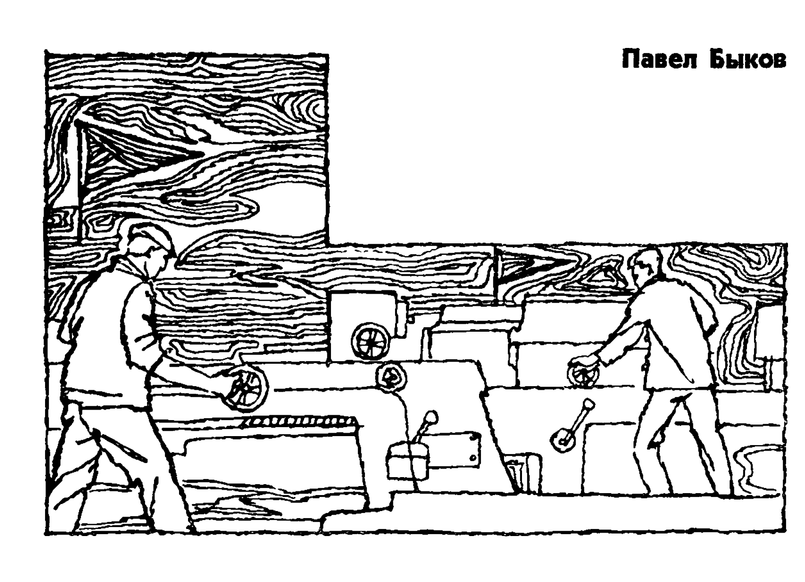
90 процентов ответили: «Любовь к труду».

«Что вам приносит наибольшую радость?»

78 процентов рабочих назвали «творческий труд и трудовые успехи советского народа». И если так отвечает современный рабочий, то заслуга в этом и таких людей, как Екатерина Григорьевна Барышникова. Ее жизнь — достойный пример для подражания молодежи.

Как-то осенью 1970 года к ней прибежали девчата: «Екатерина Григорьевна, никак вы!» — и показывают плакат из альбома для учащихся, изучающих «Историю КПСС».

В альбоме восемь портретов творцов новой боевой техники и передовиков производства времен Отечественной войны: конструктор артиллерии В. Г. Грабин, авиаконструктор С. Н. Ильюшин, конструктор танков Ж. Я. Котин, авиаконструктор А. С. Яковлев, фрезеровщик Д. Ф. Босый, трактористка Д. М. Гармаш, машинист Н. А. Лунин и контролер ОТК Е. Г. Барышникова.

Павел Быков

Ночная смена в механическом цехе бухарестского завода имени 23 Августа проходила под аккомпанемент непривычных шумов. Визжали пилы, вгрызаясь в дерево, бойко стучали плотницкие молотки. Рабочие привыкли за последние годы к тому, что на заводе часто организуются митинги. Для них, правда, не строят специальных трибун. Значит, этот митинг будет чем-то примечателен.

Утренняя смена, зайдя в цех, уже застала готовые трибуны, амфитеатром окружившие одинокий токарный станок. Казалось, что его просто забыли убрать, но уберут обязательно.

В середине дня в цех вошли директор завода, инженеры, технологи и с ними какой-то незнакомый мужчина лет тридцати пяти, плотно сбитый, чуть выше среднего роста. Директор подвел его к забытому станку — его так и не убрали. Мужчина осмотрел станок, запустил, несколько раз поменял число оборотов шпинделя. Выключил.

И тогда по цеху распространилась весть, что на завод из Советского Союза приехал известный токарь-скоростник Павел Быков.

Рабочие потянулись к трибунам, все еще не понимая

их назначения. Когда уже не осталось свободных мест на скамьях, остро пахнущих свежей стружкой, Быков вытащил из кармана пальто два резца и подошел к точилу.

Все стало ясно. Советский токарь будет демонстрировать методы своей работы.

И кое-кому из рабочих вспомнились передачи «Голоса Америки». Эта радиостанция не обошла молчанием прошлогоднее пребывание советского токаря в Венгрии. Вспомнили, что американские радиобрехуны называли Быкова «агитатором», уверяли, что он инженер и никогда не стоял за станком...

Цех затих.

Советский токарь делал чистовую обработку различных деталей на необычной скорости вращения шпинделя — 1100 оборотов.

Когда Быков выключил станок, амфитеатр разразился аплодисментами.

Еще два раза в этот день заполнялись трибуны механического цеха, и снова звучали аплодисменты. А потом поток вопросов захлестывал советского токаря.

Так было в Бухаресте. Так было в Трансильвании, Констанце.

Машина с советскими посланцами переезжала из города в город.

И уже привычными стали бегущие навстречу веселые домишки под красной черепичной крышей — они уютно примостились у подножий зеленых холмов. Но вот еще поворот — и открылась болотистая малярийная равнина, долина Кака Су.

Как же давно все это было — и не вспомнишь. Те же топкие неоглядные болота, та же растительность, только совсем в иных, дальних отсюда краях. А ведь с таких-то болот и начался его трудовой путь — первые его шаги в жизни.

1928 год. Тяжелый год... Очень тяжелый для крестьян небольшой деревушки Тюменево в Рязанской губернии, еще не организовавшихся в колхозы, еще не видавших трактора и комбайна, и не все, наверное, знали о том, что уже строятся тракторные заводы и создаются первые машинно-тракторные станции.

Во всяком случае, четырнадцатилетний деревенский

мальчик ничего о них не слыхал. Он только знал, что за околицей Тюменева, где-то далеко-далеко есть большие города, заводы, фабрики. И он не знает, как они выглядят. И ему хочется побывать в этих городах, ему хочется вырваться из деревенской глуши. А как?

Ответ подсказал случайно заехавший в деревню вербовщик. Ему нужны были рабочие на торфоразработки. С ним-то и хотел уехать Павел Быков.

Этого не хотел отец. Человек крутой, он привык к тому, что в семье его слово — закон. Сказал: «Нет». И больше уже не возвращался к этому.

Но однажды сын исчез.

И объявился под городом Клином.

Торфяные разработки. Тяжелый ручной труд. И здесь, как в крестьянском хозяйстве, единственный помощник — лошадь.

Четырнадцатилетнему мальчику не под силу резать торфяные плитки. Не хватит у него сил и копать водоотливные канавы. Погонщик лошадей — вот предел его квалификации.

Там Павел Быков проработал 9 месяцев.

А когда понял, что здесь у него нет будущего, с торфоразработок ушел, но в деревню, домой, не вернулся. Хотелось попасть на завод. Теперь он наслышан о них предостаточно.

Поехал в Москву. В Москву, потому что она рядом и в Москве родные сестры его матери.

В Москве Быков растерялся. Заводов много. Самых различных, и на все требуются рабочие. Но кому нужен чернорабочий, да еще пятнадцати лет?

Поэтому Павел был несказанно рад, когда сумел устроиться клепальщиком в мастерскую... детских колясок. Дело нехитрое, а заработки хорошие. И никакими особыми талантами обладать не надобно. Все предельно просто. Вставил заклепку в отверстие — его расточил другой рабочий — и расплющил ее. Зачистил — и готово! Две-три операции изо дня в день, изо дня в день...

Рядом с ним таким же клепальщиком уже много лет трудился его первый наставник. И вскоре Павел уже не отставал от него.

Тогда стало скучно. Захотелось настоящего дела. Большого завода. Это была та самая неосознанная еще тяга к творчеству, которая родилась вместе с ним.

Как важно, когда именно в такой переломный момент

есть с кем посоветоваться! Быкову повезло, ему встретился, видимо, чуткий человек, понявший устремления юноши. Он помог Павлу.

Через несколько дней Быков был принят в группу по обучению токарному делу курсов ЦИТ — Центрального института труда.

В шестнадцать лет он стоял уже за токарным станком. Именно здесь, на рабочем месте токаря, и предстояло развернуться его таланту.

«...Есть и художники нашего, земного дела, для них работа — наслаждение».

Это слова А. М. Горького. И они сказаны в адрес не художника и не писателя. Они относятся ко всем, кто «глубоко чувствует поэзию труда». «Для них, — добавлял Алексей Максимович, — вся жизнь — искусство».

«Художники земного дела». Они были во все времена. И еще совсем недавно имена этих одиночек поражали умы и воображение потомков драматизмом их жизни или взлетами их творений.

Павел Быков прославился как токарь-сверхскоростник, как один из основателей советской школы скоростного резания металлов, как художник этого земного дела.

Художником нужно родиться, этот талант — дар природы. Но далеко не все, кто родился одаренным талантом, нашел этот талант и то дело, в котором он скажется ярче всего. Таланта еще мало. Нужны упорство и добросовестность, любовь к поиску, смелость и, конечно же, любопытство. То здоровое любопытство к новому, неизведанному, которое так часто сопутствует большим свершениям.

Прилежнейший ученик ЦИТа, которого трудно было оторвать от станка, оказывается, не просто постигал профессиональные навыки токаря, он учился и наблюдал, стоял у станка и думал.

Думал о том, что кромка резца у него слишком короткая, а была бы подлиннее, то и захватила бы большую стружку. Он уже знал, как много в успехе его дела зависит от качества резца и его заточки.

Но резцы затачивали не токари, на это были свои специалисты, и в ЦИТе шли занятия в группе заточки. Сунулся было к инструктору; тот удивился — еще и ра-

ботать-то на станке как следует не умеет, а думает уже о заточке резцов...

Но Павел был настойчив. Однажды уверовав в то, что если он не овладеет секретами заточки, то не станет и первоклассным токарем, Быков стал добиваться разрешения на посещение курсов заточки. И добился, доказал, что это не блажь, а необходимость.

Трудно тогда приходилось. Рабочий день сразу удлинился на два часа. А ведь в шестнадцать — семнадцать лет хочется и погулять, и просто порезвиться, как резвились его сверстники. Да и Москву-то он еще не всю исходил-изъездил.

Учеба на курсах, короткий отдых и далеко не всегда сытная еда: время было трудное — вот из чего складывалась в эти месяцы жизнь Павла Быкова. Но о другой он пока и не помышлял.

Были свои маленькие радости и у него. И уже формировалась гордость рабочего — труженика.

Ученики выполняли несложные производственные задания. Быков обрабатывал деталей больше, чем его сокурсники. Он знал причину своего успеха. Заточка познакомила его с инструментом, научила безошибочно подбирать резцы. Но Павел не хвастался. У него уже тогда появилась педагогическая жилка. Он доказывал товарищам, что и они могут работать точно так же, показывал свои приемы обточки.

Учебу Быков закончил на четыре месяца раньше своих сокурсников. И ему был присвоен четвертый разряд.

Наверное, нет на свете человека, который бы не запомнил свой первый день самостоятельной работы по специальности, избранной на всю жизнь. А когда этот день наступает в семнадцать лет, то он еще более торжествен и светел.

После окончания курсов Павел Борисович некоторое время проработал на заводе, при котором функционировали курсы ЦИТа, а затем перебрался на московский станкостроительный завод «Самоточка». Это было в 1933 году.

Именно в этом году и наступил его «первый день». Ведь с «Самоточкой», а ныне заводом шлифовальных станков, связана вся рабочая жизнь Быкова. Именно здесь, на этом заводе, из неоперившегося токаря Пашки вырос замечательнейший мастер, создатель советской

школы скоростного резания металлов, лауреат Государственной премии, депутат Верховного Совета СССР Павел Борисович Быков.

«Самоточка»... Вид у этого завода был далеко не внушительный. Завод!.. А тут несколько деревянных сараев чуть ли не вековой давности, два маленьких кирпичных домика — кузница и «термичка» — и двухэтажное заводоуправление. Заводчик Штоль считал, что этого достаточно, чтобы работать «с размахом».

Заводской двор так и не замостили, он напоминает свалку. Чего только тут нет! Но больше всего липкой, вязкой грязи. И в сапогах не всегда проберешься, того гляди засосет и не вытащишь...

В механическом цехе свет из небольших оконцев не может пробиться сквозь плотный серпантин приводных ремней — круглые сутки здесь горят электрические лампочки. И у рабочих всегда воспаленные глаза.

Станки под стать заводским «хоромам» — старые, разболтанные. О каком уж классе точности тут думать!.. Тесно, подъемных механизмов нет.

Унылое впечатление поначалу производила эта «Самоточка». Но потом оказалось, что дело не в бараках и даже не в стареньких станках. Что лицо завода — это коллектив «Самоточки». Он сложился не вдруг, но был спаянным и доброжелательно принял молодого токаря.

Доброе отношение к себе Павел почувствовал буквально же через несколько дней. Провозившись с обточкой втулок, которых ему раньше и видеть-то не доводилось, Быков снес продукцию контролеру. И был просто убит, когда из десяти втулок восемь полетели в ящик с надписью: «Неисправимый брак».

Вот тебе и токарь четвертого разряда!

На следующий день мастер токарного отделения, не повышая голоса, посоветовал токарю Быкову на время забыть о четвертом разряде и сызнова взяться за учебу. И если он согласен, то для ученика и второй разряд хорош.

Конечно, обидно было. Но на справедливость чего же обижаться... И снова Павел проявил свой характер, выдержку, упорство.

Он часами стоял в «заплечниках» у лучших токарей и перенимал их сноровку. На собственном опыте убе-

дился, что первым его помощником в работе является станок. Значит, не нужно жалеть ни сил, ни времени, ухаживать за ним, протирать «до дыр», смазывать до блеска.

Этому почему-то не научили на курсах. Зато теперь станок Быкова все 480 минут рабочего времени не подводил своего заботливого хозяина.

Это были, конечно, еще азы культуры производства. Но постичь их, почувствовать их необходимость можно было только на заводе, в цехе, а не в учебных мастерских.

Павел Борисович на всю жизнь запомнил доброго своего наставника, учителя, начальника токарного отделения инженера Цезаря Кунникова.

Кунников редко подсказывал, зато не скупился на беседы. А что Быков человек творческий, думающий, инженер почувствовал очень скоро. Именно почувствовал — Кунников был человеком, наделенным большим педагогическим чутьем, личным обаянием, умением вовремя подметить новое и достаточно смелым, чтобы за него бороться. Впрочем, он смелым был во всем. Пройдет еще 10 лет, и имя Цезаря Кунникова станет известно всей стране. Майор Кунников возглавил десант советских моряков в Станичку (близ Новороссийска) и погиб, отстаивая плацдарм. Посмертно он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Кунников перевел Павла в смену опытнейшего токаря Федора Мурзова, прекрасно понимая, что Быкову есть чему поучиться у такого мастера и что Павел будет учиться, его не надо заставлять.

И, наверное, Кунников был внутренне горд за своего ученика, когда Мурзов как-то рассказал инженеру, что Быков не только «по-мурзовски» научился затачивать резцы, а кое-что и Мурзову подсказал. Дельно подсказал.

Вот и кончаются месяцы второго ученичества. Появился у токаря свой почерк. Для Павла Быкова наступала пора технической грамотности.

Уже вскоре Павел Борисович вновь получил свой четвертый разряд и стал выполнять норму на обработке шестеренок.

Казалось, можно и успокоиться. С годами мастерство будет возрастать, копиться опыт, прибавляться разряды, заработки — что еще надо?

Быков знал многих хороших токарей, которые вот

так из года в год выполняли норму, умели грамотно прочесть чертеж, были дисциплинированны и... довольны собой, своей работой, и заработки у них были вполне приличные. Ругать таких, казалось, было не за что, как, впрочем, и хвалить.

А Быкову неймется. Едва добился выполнения нормы, голова уже занята другим: а как бы ускорить все процессы обработки шестерен?

Теперь уже не приходилось приглядываться к работе других токарей, нужно было думать самому.

Сначала Быков проанализировал все огрехи, которые случались не по вине токаря, а зависели от качества резцов, организации рабочего места, технологии обработки. То, что термисты плохо калят резцы, было ясно не только Павлу. Зато Быков детально продумал организацию своего рабочего места. Ни одного лишнего движения, чтобы взять нужный инструмент, — все должно лежать на своих определенных местах. Ни одного лишнего перерыва в работе для заточки нового резца — он накопил их достаточно, по-своему пометил, зная, какой резец понадобится для той или иной операции.

И результат не замедлил сказаться. 150 процентов нормы. Имя Быкова появилось на заводской Доске ударников.

Конечно, это было не только приятно. Доска ударников — это и признание мастерства.

А время наступило такое, когда вся страна, все ее лучшие люди искали, творили. Искали новые резервы увеличения производительности труда, творили новое, социалистическое отношение к труду.

1935 год. Год, когда по всей стране гремели имена Алексея Стаханова, Кривоноса, Дюканова, Виноградовых. Их достижения поражали, рекорды казались фантастическими. Стахановское движение уже перемахнуло через «героизм отдельного порыва», оно вливалось в будничную работу массовым трудовым героизмом.

В начале сентября этого знаменательного года стал стахановцем и Павел Борисович. За одну смену он выточил 25 шестеренок, выполнив норму на 208 процентов. И такая рекордная производительность труда была не случайной для Быкова, не «порывом» — это был итог поиска.

В этот день в шуме, визге, грохоте токарного цеха можно было уловить звуки одного станка, и по этим

звукам сведущие люди понимали — станок работает на повышенном числе оборотов.

В тот день Быков добился скорости резания 100 метров в минуту. Остальные станки работали в привычном режиме — 30—40 метров.

Чтобы перевести станок на такую скорость, Быкову понадобились не только точный расчет, умение, но и смелость.

Скорость резания оставалась высокой и в следующие дни, недели, месяцы. А число изготовленных шестеренок, как заколдованное, не повышалось.

Конечно, Быков мог бы и не торопиться — в цехе никто еще не достиг такой скорости, такой выработки. Но не торопиться — значит топтаться на месте. Нет, это не для него. Так может померкнуть радость труда. И жизнь вновь покажется серой и скучной.

Но именно в этот год ему хотелось совершить... ну что-нибудь из ряда вон выходящее. И это так понятно.

Павел влюбился. И она была тут же, рядом...

На помощь вновь пришел Цезарь Кунников. Опытный инженер, такой же искатель, как и Павел, он раньше своего ученика понял, в чем первопричина того, что Быков как будто добрался до предела, до потолка в скорости резания. Кунников знал, что «потолок» — это очень условное понятие. «Потолок» можно и приподнять. Что можно, это понимал и Павел. Но как?..

Кунников показал Быкову новые резцы из твердых сплавов. Их называли победитовыми.

Такие резцы были новшеством на советских заводах. Их было еще очень мало. Ими дорожили и выдавали только самым квалифицированным токарям.

Казалось, выход найден. Но уже первый же день работы с новым резцом омрачил радость находки. Победитовый резец был инструментом капризным, признавал обращение на «вы» — малейшее неточное движение, и резец выходит из строя. И затачивать эти резцы нужно было по-особому. Но как?..

Вновь нужно экспериментировать... и не портить дефицитный инструмент.

Что ж, такие задачки Павел Быков любил решать. Может быть, иного они бы и ввели в уныние, но Быков уселся за расчеты.

Вот когда почувствовал Быков, что значит учеба!

Четырнадцати лет ушел он из дому и работал, рабо-

тал... До учебы ли было? Но, придя на «Самоточку», постигая смысл и «секреты» своей профессии, Павел однажды понял, что без образования он не сможет чего-то добиться.

И снова, не считаясь со временем, Павел Борисович садится за парту вечерней школы-семилетки.

В течение 1936—1938 годов Быкову благодаря внедрению твердосплавных резцов и рационализации технологии удалось постепено увеличить скорость точения до 150 метров в минуту и выпускать за смену до 100 шестерен. Это было отмечено специальным приказом наркома станкостроения А. И. Ефремова и награждением молодого стахановца именными часами. Весть о награждении быстро распространилась по заводу. Павел не успевал отвечать на поздравления.

Радость награждения разделял еще один человек в цехе — крановщица Аня, Анна Алексеевна, как ее позже будут называть, год назад ставшая его женой. Именно ей, ее поддержке, заботам о его повседневной жизни больше всех был обязан Быков той целеустремленности, с которой он пришел тогда к финишу. Женщина большой, щедрой души, она пройдет с ним через все трудности и испытания, будет не только женой, матерью его детей, но и товарищем на трудном пути новатора.

В канун Великой Отечественной войны Павел Борисович добился скорости резания 250 метров в минуту.

Ни у нас, ни за рубежом никто не мог похвалиться таким достижением.

В Советском Союзе были токаря-скоростники, но и они, так же как и Быков, пока оставались одиночками. А за границей таких результатов скоростного резания достигли в 1942 году.

Война!.. Она нарушила привычный настрой мыслей, желаний, устремлений. Все вытеснила одна мысль: надо идти на фронт. 23 июня на завод приехал Кунников. Он уже не работал на заводе — был редактором газеты «Машиностроение». Кунников уходил добровольцем на фронт и хотел попрощаться со старыми товарищами.

Это была их последняя встреча...

О своем учителе, отважном десантнике, Быков еще услышит, как узнает о подвигах и многих других своих товарищей по учебе и работе. А его на фронт не пустили, и это казалось тогда высшей несправедливостью.

Но через некоторое время Павел Борисович уже не думал о нанесенной «обиде», не до этого было. Завод шлифовальных станков выполнял военные заказы. Постепенно пришло понимание того, что без его самоотреченного труда нет и не может быть успехов на фронтах.

А на фронтах пока обстановка складывалась не в пользу Красной Армии.

Враг подошел к Москве...

Зимой 1941/42 года московский завод шлифовальных станков стал частью знаменитого Кировского завода, эвакуированного из Ленинграда на Урал.

И Быков оказался на Урале, в Танкограде.

В первый же день выхода на работу Павел Борисович вновь стал «заплечником». Отвык он от этого места. Давно уже привык к тому, что не он учился, а у него учились, у него стояли «за плечами».

Ведь ему предстояло стать сменщиком токаря, который вытачивал барабаны — важнейшую деталь танка. И поставили его не для того, чтобы подучиться, хотя ранее Быкову не приходилось вытачивать таких деталей. Его поставили в надежде, что этот великолепный токарь и человек вечного поиска, найдет пути для увеличения выпуска барабанов. Их нехватка сдерживала производство танков.

Два дня стоял Быков не за станком, а рядом. Два дня присматривался к работе своего напарника, к приемам, которыми тот пользовался. И чем дольше смотрел Быков, тем яснее становилось ему, что напарник работает неправильно: и технология была нерациональна, и вспомогательных движений слишком много, и переналадки отнимали драгоценное время.

А затем исчез. Не вышел он и утром на следующий день. А в полдень появился в закутке начальника цеха и попросил разрешения приступить к самостоятельной работе. Тот разрешил. Он ведь знал, что перед ним знаменитый токарь. Но начальник цеха не знал, что этот токарь целые сутки просидел на каком-то ящике, который в его комнате заменял стул, и чертил, считал, зачеркивал и снова пересчитывал. Быков не видел, как не-

несколько раз среди ночи просыпалась жена, тревожно поглядывала на согнутую фигуру мужа, едва различимую в мигающем, чадном свете «моргалки». Быков так и уснул ненадолго на этом ящике.

И снова бессонная ночь. Ночь у станка. А наутро рабочие Танкограда узнали о «чуде». Да, это казалось чудом — 11 барабанов вместо двух!

К станку Быкова шли токари, чтобы перенять его новую технологию, к его станку почтительно подходили и молча стояли рабочие других специальностей — ведь всем хотелось своими глазами увидеть, как делается чудо.

И вот именно тогда Павел Борисович обратил внимание, что большинство на заводе рабочих, которым от роду не более четырнадцати-пятнадцати лет. И вспомнил, что и его путь рабочего тоже начинался в этом возрасте. И на этом пути ему встретились добрые товарищи и заботливые учителя. Без них он не стал бы Павлом Быковым.

Захотелось помочь этим худым, бледным и таким серьезным не по летам мальчишкам и девчонкам. Было больно смотреть на то, как они, прежде чем стать за станок, подтаскивают к нему ящик — иначе не дотянуться до патронов, иначе не видно детали.

Наверное, тогда у Павла Борисовича зародилась мысль собрать свою бригаду из таких вот подростков и сделать каждого из них мастером производства.

Но первая бригада, которую возглавил Быков, образовалась не здесь, не в Танкограде. Здесь Быкову приходилось думать только об одном — барабаны, барабаны, как можно больше барабанов для танков.

Летом 1942 года Павел Борисович уже снова в Москве.

Тяжелое, может быть, самое тяжелое за все время войны лето. Враг рвется к Волге, наступает на Кавказ. У него еще превосходство в танках и авиации. Советский тыл работает с полной отдачей сил. И вот в это время Быков снова ищет и на сей раз находит резервы увеличения скорости резания. Может быть, если бы не война, не такое напряжение, понадобились бы годы, чтобы сойти с вершины — 250 метров в минуту.

Но именно в годы войны вся страна находилась в поиске. От маршалов до рабочих за станками. Каждый стремился внести свою посильную лепту в дело победы. Ее вносили на фронтах солдаты и офицеры, и часто это

был взнос кровью, жизнью. Ее внесли и советские металлурги, освоившие производство новых, высокостойких сплавов. Ее внес и Быков, он стал одним из первых работать с резцами из этих сплавов.

Казалось, все остается по-прежнему, только запускай теперь станок на большее число оборотов, и... И ничего из этого не вышло. Простое прибавление числа оборотов шпинделя не принесло ускорения. Нужно снова было искать новую технологию обработки.

Ошибки огорчают, отнимают время, силы. Быков понимал, что, как в науке, так, наверное, и в каждом творческом труде иногда и отрицательный результат тоже результат. Но на то и врожденный талант был дан этому человеку, чтобы его поиск не превратился в эстафету ошибок, а шел с наименьшим их числом.

К 1943 году Быков уже резал со скоростью 500 метров в минуту!

Вот тогда-то, в памятном 1943 году, когда Москва впервые салютовала советским войскам, этот первый салют Быков наблюдал вместе с членами своей только что созданной бригады.

Его подопечные немногим отличались от тех мальчишек, которых он видел за станками в Танкограде. Они были чуть постарше их, и они не пережили голодных месяцев начала блокады Ленинграда. Но и они — бывшие школьники — ничего не умели.

Аркадий Липкин, Нина Кириллова, Володя Красинский... У них было горячее желание стать полезными Родине.

Аркадий Липкин, наверное, острее и лучше своих молодых собригадников понимал, что они ничего не умеют, но ему почему-то казалось: вот если бы он попал на фронт, то сразу бы сумел воевать. Но кому, по молодости, такое не кажется? И Липкин угрюмо ворчал. Зато Красинский ни минуты не мог оставаться в покое, и с его лица не сходила улыбка. Но Быков скоро понял, что этот на первый взгляд легкомысленный парень очень способный и очень трудолюбивый человек. Нина Кириллова, пожалуй, была самой серьезной из всех их, но ей было и тяжелее всех. У Нины было в запасе много хорошего упрямства.

Павел Борисович стал не просто бригадиром. Собственно, на первых порах и бригады, как одного производственного коллектива, еще не было. Были бригадир

и его ученики. Научить этих ребят токарному делу было не так уж сложно. Но Быков понимал, что этого еще мало. Он должен быть не только учителем, но и воспитателем. И ему прежде всего хотелось привить своим воспитанникам чувство любви к станку, заводу, к своей рабочей профессии, принадлежности к классу.

И если его ученики стали не только блистательными токарями, но и захотели учиться дальше, сделались техниками, инженерами, руководителями производства — это означает, что у Павла Борисовича есть несомненный дар педагога. А как это важно для бригадира!

Кончилась война. Сотни разоренных, сожженных городов, тысячи стертых с земли сел, разрушенные заводы, железные дороги... И 20 миллионов погибших советских людей...

Казалось, понадобятся не десятки, а сотни лет, чтобы возродить былое. Не об этом ли пекся Черчилль, задерживая открытие второго фронта, об этом ежедневно трубили буржуазные газеты.

Но они не учитывали, просто не понимали природы социалистических отношений, социалистического способа производства.

И уже первая послевоенная пятилетка опрокинула все надежды врагов Советского государства. Высочайшая производительность труда в ходе социалистического соревнования позволила сократить сроки восстановления до одной пятилетки.

На Московском заводе шлифовальных станков лидерство принадлежало бригаде Быкова. Она выполняла нормы на 250—430 процентов, выработка же бригадира — 580 процентов. В отличие от некоторых других рабочих-рекордсменов, достигавших сверхвысокой производительности лишь на короткий срок, подобные темпы работы для Быкова и его воспитанников стали обычными, не требующими каждый раз особого физического напряжения и чрезмерной нервной нагрузки.

Наверное, тогда вездесущие корреспонденты и стали сравнивать работу токаря с трудом художника.

«Он управляет сложным станком с изяществом дирижера симфонического оркестра», — писал о нем один из журналистов.

«Он, как ваятель, отсекает от глыбы металла все лишнее», — говорил второй.

Однако за внешней легкостью и непринужденностью стоял громадный труд поисков и освоения наиболее экономичных и рациональных приемов работы.

В 1946 году быковцы приняли решение — выполнить в течение года три нормы, а бригадир — пять. Однако действительность опередила самые смелые замыслы. Итоги года показали, что Быков выполнил 7,2 годовой нормы, а вся бригада в целом — 3,8. В этом же году в начале лета Быков передал в партийное бюро заявление с просьбой принять его кандидатом в члены партии.

За первые два года пятилетки Павел Быков выполнил 12 годовых норм. В повседневную практику его работы вошла скорость резания 600—800 метров в минуту.

В конце 1948 года, испытывая новый быстроходный станок, изготовленный московским заводом «Красный пролетарий», Быков достиг скорости 1138 метров в минуту. Но и это не было пределом. Через два года на этом же станке он достиг скорости 1850 метров в минуту. Такой скорости не достигал еще ни один токарь в мире.

23 годовые нормы — казалось, на такой подвиг нужно время, превышающее число часов в сутках. А Быков приходил к началу смены и уходил вместе со всеми из цеха. Но он не всегда шел домой — председатель профкома цеха, заседатель Верховного суда РСФСР, а вскоре и депутат Верховного Совета СССР, лауреат Государственной премии, Павел Борисович на все находил время. И часто его можно было видеть гуляющим со своими детьми, да и у себя дома он любил все сделать своими руками.

Большую роль в достижении небывало высокой производительности труда сыграло коренное усовершенствование Быковым технологического процесса токарной обработки деталей.

Мысль об этом родилась у Быкова еще в те дни, когда он предложил свою технологию обработки барабана для танка на Кировском заводе. Много лет спустя, отвечая на вопрос одного из корреспондентов, как ему удалось

расшить узкое место в производстве танков, Павел Борисович говорил:

— Подробностей не помню, это ведь подробности военного времени, а главное могу изложить в нескольких словах: в основу разработанной мной схемы изготовления барабана я положил метод, который вынашивал давно и применяю сейчас — метод расчленения сложных операций на ряд более простых.

Так родилась еще одна идея, прославившая Быкова на весь Советский Союз — стахановская технология обработки деталей.

Вот как он объяснял суть своего нововведения:

«По заводской технологии на детали, зажатой в патрон, обрабатывалось максимально возможное с одного раза количество ее поверхностей. После этого деталь перевертывалась, обрабатывались остальные поверхности. Такая технология, исключая многократную постановку детали на станок, обеспечивала заданную точность, но были в этой технологии и свои недостатки. Детали были сложной конфигурации, и обработка их с одной-двух установок была делом очень затяжным. Приходилось часто переналаживать станок с одной скорости на другую, часто менять резцы, поминутно смотреть в чертежи. Много времени уходило на измерения.

Стал я думать, как сберечь дорогие для каждого рабочего минуты; наконец родилась у меня идея пойти по пути расчленения операции. Я убедился, что каждую сложную операцию можно свести к ряду простейших, не требующих большой подготовительной работы. В результате время, необходимое для обработки одной детали, сократилось в пять-шесть раз.

Я добиваюсь быстроты повышением режимов резания, стараюсь использовать всю мощность станка. Это, конечно, важно. Но очень важно и то, что я учусь экономить время на каждом движении у станка.

Таким образом, дело, как видите, не только в расчленении операции, — дело и в подготовке производства, в его организации, в рациональности каждого движения станочника...»

Работа над стахановской технологией заставила Быкова по-новому взглянуть на всю систему организации производства в цехе. Раньше он строил свою работу,

исходя из масштабов своего рабочего места. Станок и его работа — вот что было в центре внимания Павла Борисовича. Организация работы по новой технологии требовала охвата в единой системе десятков разных станков, повиновение ритму высокопроизводительной работы многих людей. Быков понимал, что необходимы специальные знания инженера.

Для проверки правильности своих расчетов Быков стал обращаться к помощи инженерно-технических работников. Часто он советовался с главным технологом завода Ермолаевым. С помощью новых друзей был окончательно отработан стахановский технологический процесс обработки деталей.

В 1947 году в Москве появились комплексные бригады, которые ставили перед собой задачу — объединенными усилиями передовых рабочих, техников, конструкторов, механиков улучшить технику производства. Эти коллективы должны были объединять людей теории и практики для совместного решения сложных производственных задач, которые были не по плечу одиночкам. Первой на заводе комплексной была, конечно же, бригада Быкова, потом по примеру быковской были созданы такие же бригады и в других цехах.

Непосредственным результатом победы новой технологии на заводе было увеличение производительности труда в два-три раза. Рационализация технологии и скоростная обработка способствовали тому, что трудоемкость выпуска станков снизилась на 50—70 процентов.

Почин первой комплексной бригады на заводе шлифовальных станков стал достоянием многих производственных коллективов Москвы. Члены бригады выступали с докладами в Центральном комитете профсоюза рабочих станкоинструментальной промышленности, в научно-техническом совете Министерства станкостроения. Коллегия министерства и президиум ЦК профсоюза издали постановление, в котором рекомендовали всем станкостроительным и инструментальным заводам широко распространять новую форму социалистического соревнования и повсеместно организовывать комплексные бригады.

И сразу же со всех концов страны на завод потянулись посланцы промышленных предприятий, чтобы на месте ознакомиться с работой комплексной бригады. Приходилось выезжать на заводы, читать лекции, выступать по радио. Аудитория у быковцев стала всесоюзная.

А еще через некоторое время о нем заговорили в Румынии и Венгрии, Чехословакии и Германской Демократической Республике. Заговорили, как об учителе, посланце великого социалистического государства, помогающем молодым, еще не окрепшим социалистическим республикам освоить опыт социалистической организации труда.

Особенно тесная и крепкая дружба завязалась у Быкова с трудящимися Германской Демократической Республики, где движение скоростников получило наибольшее развитие.

Началась она в декабре 1950 года, когда Павел Борисович в составе советской делегации приехал в ГДР для участия в месячнике германо-советской дружбы.

— Мы побывали во многих немецких городах, встречались с рабочими, инженерами, студентами, — рассказывает мой собеседник. — И везде я чувствовал огромное уважение немецкого народа к посланцам Советской державы, стремление быстрее овладеть передовым советским опытом.

На приеме, устроенном для делегации представителями правительства республики, министр машиностроения рассказал о движении скоростников, которое началось в ГДР, как он выразился, «по почину Быкова». В 1950 году массовое движение скоростников помогло повысить производительность труда в среднем на 34 процента.

До сих пор крепка связь Быкова с трудящимися ГДР. С 1950 года он бессменный вице-президент Общества советско-германской дружбы. Правительство ГДР наградило его в 1965 году орденом «За заслуги перед Отечеством» за большой вклад в развитие социалистического производства в Германии, за укрепление дружбы между нашими народами.

Во время зарубежных поездок Быков не только демонстрировал свои приемы работы, но и разрешал снимать копии с изобретенных им приспособлений. Этому правилу он следовал и в ГДР, считая его в порядке вещей. Для немецких же рабочих это было в то время чем-то необычным. Когда Быков подарил рабочим одного завода державку резца собственной конструкции, группа учеников школы заводского ученичества выразила в письме свое удивление. «Мы были поражены, — писали они, — что советские друзья передали нам столь ценное изобретение. Это было еще одним примером дружествен-

ного отношения советских трудящихся к немецким рабочим».

А Быкова немного смешило их удивление. Даже он не помнил тех времен, когда рабочие в нашей стране скрывали друг от друга секреты своей работы.

Слава, слава... Скольким людям она вскружила голову и стала причиной скатывания вниз с высоких вершин!

Для Быкова же слава ощутилась повышением ответственности за свое место в жизни, еще более обостренным восприятием всего нового на производстве. Вершины, которые уже достиг Павел Борисович, он рассматривал как трамплин для следующего прыжка. И этот прыжок новатор совершает в последующие годы.

Исходным рубежом для нового рывка вперед, как бы техническим его обеспечением, послужили резцы с керамическими пластинками.

— О керамических пластинках, заменяющих победит, я часто слышал еще в начале 1951 года, — вспоминает Павел Борисович. — Наши инженеры рассказывали, что новый инструментальный материал был предложен в 1932 году ленинградским заводом имени Ломоносова для обточки изделий из фарфоровых полуфабрикатов, пластмассы и цветных металлов. А в 1939 году в Томском политехническом институте производилась обработка металлов в подогретом состоянии керамическим резцом. Многочисленные исследования показали, что при высоких скоростях резания, сопровождающихся повышением температуры поверхностного слоя обрабатываемого металла, резцы с керамическими пластинками оказываются более жаростойкими, чем твердосплавный инструмент. Если огнеупорность твердого сплава составляет 1300—1400 градусов, то огнеупорность керамических пластинок — 1900—1950 градусов. Именно в этом и заключаются их большие потенциальные возможности.

Все чаще я задумывался над теми перспективами, которые открываются в связи с внедрением керамических пластинок, разговаривал со станочниками, инженерами, посещал лекции и ожидал того дня, когда мне скажут: «Испытай, Павел Борисович, новый заменитель твердого сплава».

Наконец долгожданный день наступил. Министерство

станкостроения прислало на испытание первые керамические пластинки, внешне напоминающие кусочки рафинада.

И вновь начались полные волнения, радостных и тревожных минут вперемежку испытания новых резцов, «сахарных», как их окрестили на заводе, поиски наиболее подходящих режимов работы, новой геометрии заточки, определение оптимальных режимов резания металла.

Испытывая резцы керамическими пластинками, Быков находил в них все новые и новые резервы. Наконец была достигнута скорость 3200 метров в минуту, причем попутно достигалась чистовая обработка деталей.

Так Быков вышел на рубежи сверхскоростного резания. Но и здесь далеко еще было до предела. Зато Быков почувствовал, что он достиг предела своих технических знаний. Дальнейшие эксперименты требовали уже инженерных расчетов.

В 1951 году Быков поступает в станкоинструментальный техникум. А ведь ему уже исполнилось тридцать семь лет.

Работа и учеба. Такое трудно даже молодому.

Короче стал вечерний отдых. Больше стало бессонных ночей. Но иначе было нельзя. Боялся отстать от бурного развития техники, от своих учеников, которые быстро шли вперед.

Окончание учебы совпадает со знаменательными для всей страны событиями середины 50-х годов. В это время партия решением июльского (1955 г.) Пленума ЦК КПСС и XX съезда КПСС поставила в качестве главной задачи перед советскими производственниками борьбу за технический прогресс.

Вот когда особенно пригодилась технология Быкова.

В эти годы, вторая половина и конец 50-х годов, когда вопросы технического прогресса стали решаться на общегосударственном уровне, стали первоочередной задачей в политике партии и правительства, Быков почти все время проводит в поездках по стране. Сегодня просто невозможно даже перечислить те предприятия, работники которых непосредственно знакомились с методами его работы, со все новыми и новыми прогрессивными приемами обработки металла.

В 1960 году Павел Борисович переходит на работу в отдел главного технолога завода шлифовальных станков на должность старшего инженера-технолога. Прихо-

Екатерина Барышникова передает метод своей работы. 1944 г.

«Фронтовая» комсомольско-молодежная бригада Екатерины Барышниковой. 1943 г.

Екатерина Барышникова и Герой Советского Союза старшина медицинской службы Мария Щербаченко.

Павел Быков в конструкторском бюро завода. 1947 г.

Член советской профсоюзной делегации П. Б. Быков знакомит рабочих бухарестского завода с методом своей работы. 1950 г.

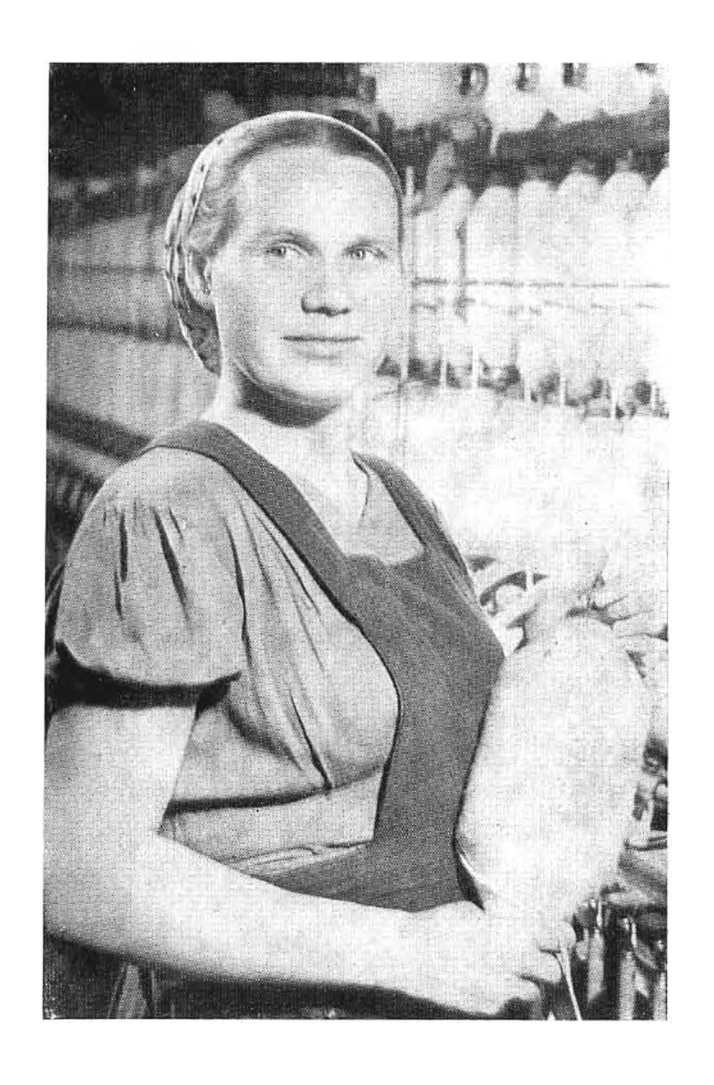
TRAIASCA MAREA UNIUNE SOVIETICA
BASTIONUL PACII DEMOCRATIEI SI SOCIALISMULUI

П. Быков за станком. 1951 г.

Я. Луринь.

В. Гаганова. 1959 г.

На заседании комитета комсомола фабрики решается вопрос о воскресной прогулке в молодежный туристский лагерь. 1959 г.

В. Гаганова читает подругам по бригаде письма, полученные от последователей ее почина. 1959 г.

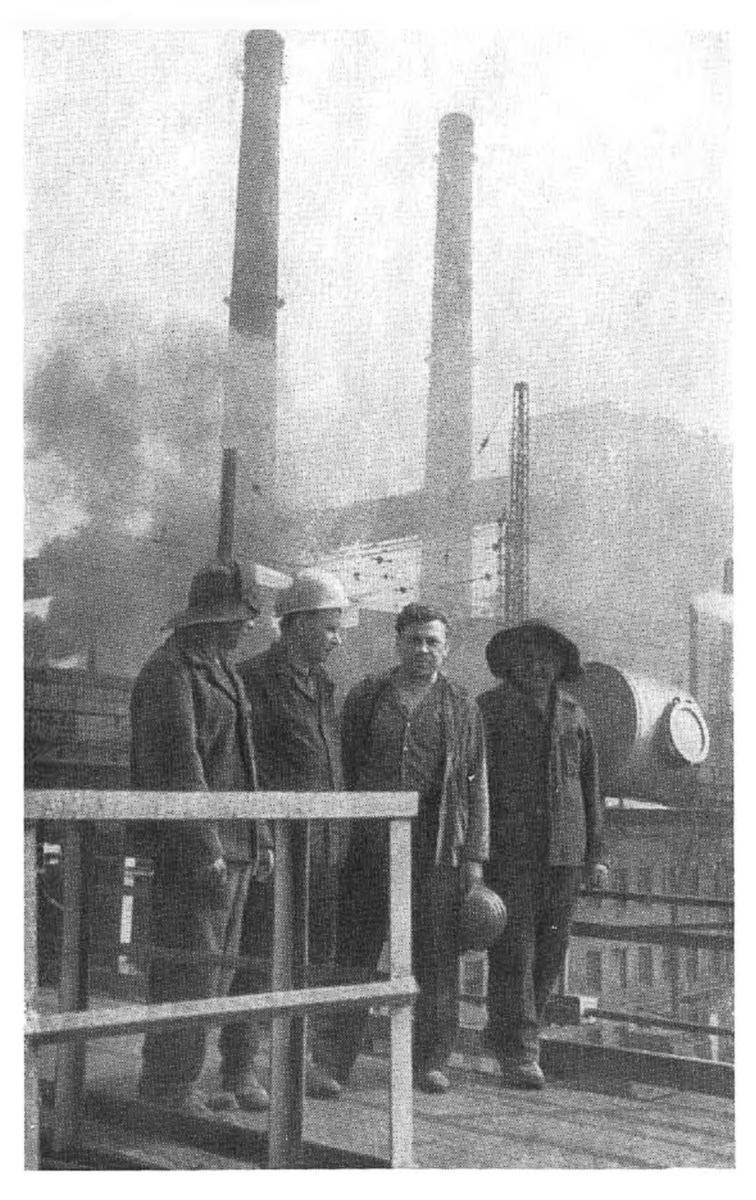

◄

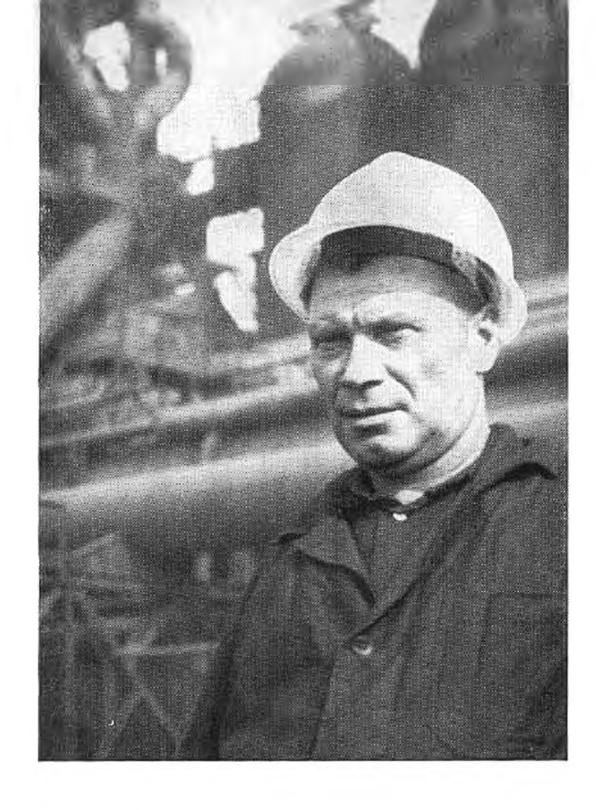
В. Гаганова просматривает полученную корреспонденцию. 1959 г.

В. Гаганова обучает практиканток из 9-го класса средней школы. 1959 г.

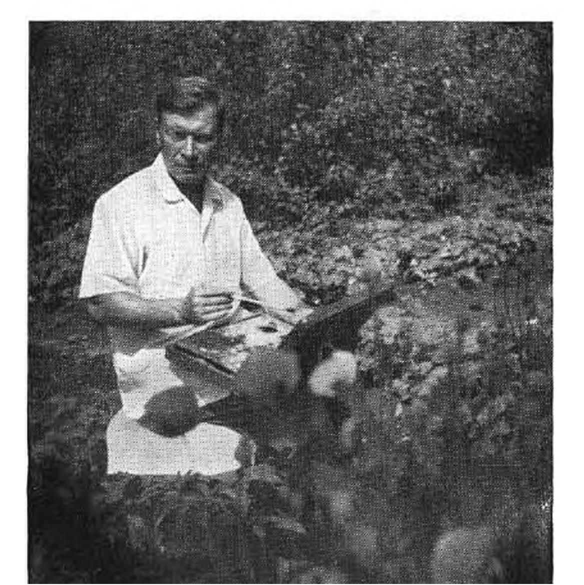

К. Хабаров (второй слева) среди товарищей по цеху.

К. Хабаров.

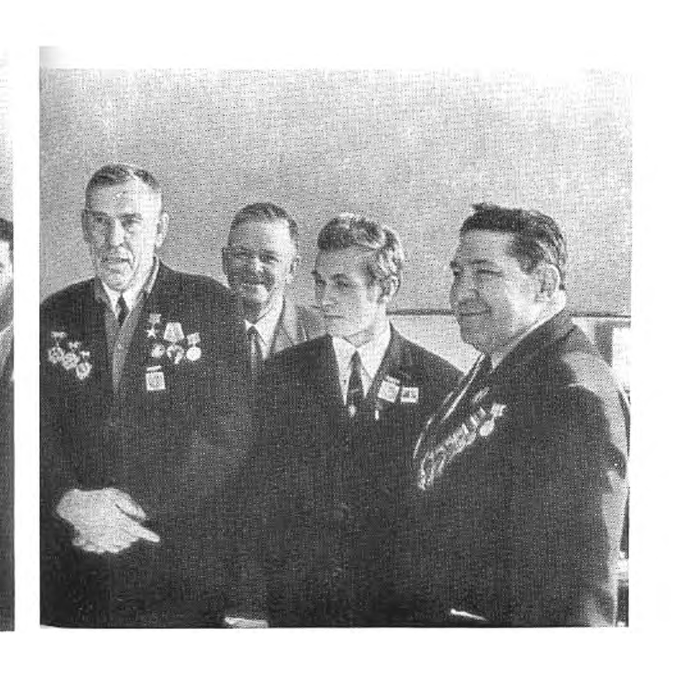
К. Хабаров за любимым занятием.

▶

В. Гаганова и М. Виноградова на вокзале в день приезда в Донецк. Октябрь 1971 года.

Герои Социалистического Труда П. Кривонос, М. Виноградова, К. Говорушин, В. Гаганова, А. Степанова, А. Стаханов, И. Бридько и ветеран труда А. Степаненко среди молодых рабочих — участников Всесоюзной встречи в Донецке. Октябрь 1971 года.

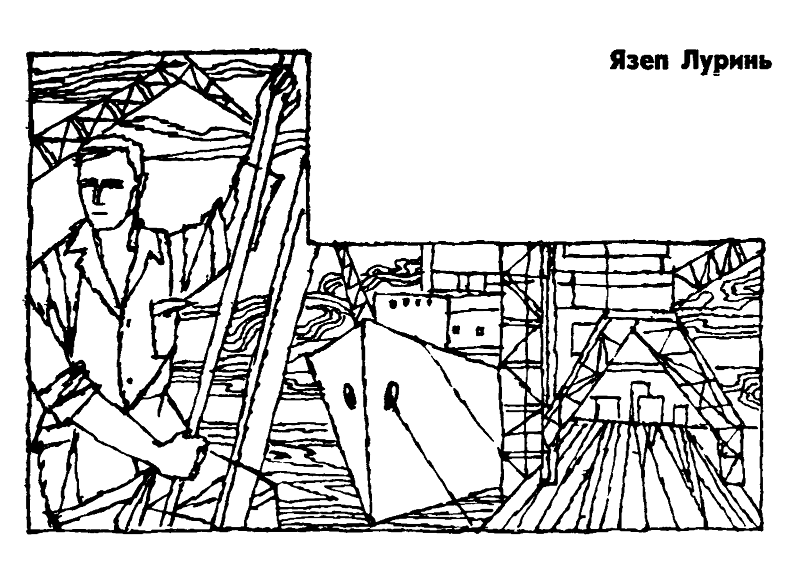
Горловка. Торжественная отправка эшелона сверхпланового угля, добытого комсомольцами и молодежью города. В центре — знатный забойщик, ученик Н. Изотова А. С. Степаненко и (четвертый справа) машинист Донецкой железной дороги Н. А. Гудков.

дит технологом, мыслящим уже масштабами не только цеха, а целого завода.

Значительная доля работы отдела приходится на группу, которую возглавляет Быков. Под его технологическим контролем участок шестерен 2-го механического цеха, того самого, где фактически прошла вся его рабочая жизнь. Главное место его работы — не стол в отделе, а рабочие места в цехе. Он почти всегда на людях. Что-то показывает, что-то объясняет, помогает разобраться с новым технологическим процессом, подсказывает оптимальное решение того или иного производственного процесса. Только к концу работы он садится за свой стол в отделе, чтобы подвести итог проделанному за день, продумать новые технологические схемы и приспособления — ведь завтра снова надо идти в цех, снова работать с людьми. Специфика труда помножена на его характер. Характер общественника.

Быстротечны годы. Вот уже и Павел Борисович приближается к своему шестидесятилетию. Выросли дети. Дочь — инженер, сын — инженер, машинист электровоза. Написана книга. Скоро наступит пора заслуженного отдыха.

Вот только Быков об этой поре не думает. Какой там отдых! Повсюду ширится движение за коммунистический труд. До отдыха ли сейчас! Теперь-то и наступает пора поиска нового, коммунистического. А там, где поиск, там и Быков, там поэзия труда. И художник земного дела остается верным ей до конца.

Язеп Луринь

В одной из кривых и узеньких уличек старой Риги стоит приземистое серое здание. Дорогу к нему хорошо знают рижане. Обязательно побывают здесь и гости. Это Музей истории города Риги и мореходства. Каждый зал музея — славная страница истории древнего города-порта. И, рассказывая ее, экскурсовод обязательно задержит внимание слушателей у небольшого стенда, где с портрета смотрит молодой кудрявый человек. А рядом с фотографией — лист бумаги, на котором от руки написано: «Обязательство бригады коммунистического труда». И подпись: «Бригадир Я. Луринь».

С 1958 года знакомо рижанам это имя. Одни приходили на судоремонтный завод в бригаду Язепа Луриня, чтобы научиться у него; многие коллективы заводов и фабрик приглашали к себе. Жители Ленинского района Риги знают Язепа как депутата городского Совета. Сотни рижан встречались с ним на слетах передовиков и ударников коммунистического труда, слушали его выступление по радио и телевидению. Язеп Луринь был делегатом трех партийных съездов коммунистов республики. И сегодня комсомольско-молодежные бригады, вступая в соревнование за звание бригад коммунистиче-

ского труда, равняются на пионеров этого замечательного движения — бригаду судоремонтников Язепа Луриня.

...Двадцать четыре года — возраст достаточно зрелый. Но, приехав в Ригу после демобилизации из армии, Язеп Луринь растерялся: куда идти работать?

Когда вставал на учет в военкомате, пожилой майор, узнав, что демобилизованный солдат по профессии судосборщик, недоверчиво прищурился: ростом мал, на вид хлипок, больше восемнадцати никак не дашь. Куда ему в судосборщики — работа тяжелая, на воде, на ветру...

Спросил доброжелательно:

— Может быть, на ВЭФ пойдешь, там станочники нужны? Работа хорошая, заработки приличные.

Язеп почувствовал недоверие, но не обиделся: привык к тому, что с первого взгляда не внушает доверия. Хотел было сказать, что в армии альпинизмом занимался, звание тренера получил, и раздумал. Поблагодарил за предложение, но идти на ВЭФ отказался:

— Не зря же меня учили, хочу по своей специальности работать, судосборщиком.

— Ну коли так, поступай на завод грейферных кранов. Он вот-вот на ремонт рыболовецких траулеров перейдет.

Партийное собрание, посвященное приему в члены КПСС, шло по заведенному порядку. Секретарь зачитал анкету:

— «Луринь Язеп Язепович. 1930 года рождения. Из крестьян. Образование — фабрично-заводское училище. В 1950 году вступил в комсомол. В 1951 году призван в Советскую Армию. Служил в горнострелковых войсках. После демобилизации поступил к нам, на Рижский судоремонтный, судосборщиком-котельщиком».

И спросил:

— У кого вопросы?

Попросили рассказать биографию. Что мог добавить Луринь к сказанному? Что учится в вечерней школе рабочей молодежи? Что недавно получил высший, четвертый разряд? Что мечтает о техникуме? И вдруг, как ки-

пятком, обдало: не примут. Не за что. А потом слушал, что говорили товарищи, и не верил, что речь идет о нем.

— До работы жаден, дотошен. Во всем на него положиться можно.

Это мастер.

— Щедрый он сердцем. Не просишь — сам руку протянет.

Это товарищи.

В партию приняли единогласно.

Было это в 1957 году. Завод готовил принять в ремонт первые рыболовные суда. В цехах монтировалось новое оборудование, заканчивалось строительство пирса-причала.

Вот тогда-то и вызвали Язепа в партком:

— Решили рекомендовать тебя на должность бригадира котельщиков.

...Был он один, сам за себя в ответе, а теперь их стало четверо. Василий Иванов, Эглитис Индулис, Владимир Зайцев. Ребята все хорошие. А сработаются ли? Как установить с ними те взаимоотношения, которые помогут объединить этих, в общем-то разных людей в коллектив единомыслящих? Заводил об этом речь с Мартыном Озолиньшем — старым рабочим, своим первым наставником, с мастером Федором Евдокимовичем Панчуком. Над ним даже стали посмеиваться:

— Можно подумать, министром тебя назначили. Столько забот прибавилось... Работай сам по совести и от других того же требуй — вот и вся наука.

Возразить против такого совета было трудно, и все-таки он не удовлетворил молодого бригадира. Каждый работает сам по себе хорошо, но значит ли это, что уже родился коллектив?

Как-то прочел он в «Комсомольской правде» статью. Своими мыслями делился бригадир, тоже еще молодой, без опыта. Писал о сомнениях, тревогах. Язеп подумал: «Будто подслушал. Значит, не я один, все начинают так. Мало самому трудиться по совести...»

Особенно понравилась ему мысль молодого бригадира: человек будет относиться к работе творчески только тогда, когда до конца поймет главную задачу. Язеп сделал для себя вывод: ничего не решать одному. А статью вырезал и теперь, получая газеты, жадно искал материалы вроде этой статьи бригадира. И если находил, обязательно вырезал, чтоб еще раз перечитать, поду-

мать на досуге, показать ребятам. Так вот и было положено начало своеобразной библиотеке из газетных вырезок. Она быстро пополнялась.

...Вырезки из газет до сих пор хранятся у Язепа Луриня и не только как память о преддверии значительных событий в его жизни.

Пришла весна. Возвращались из дальних рейсов с Атлантики в порт рыболовецкие траулеры, команды уходили на отдых, а суда, уставшие, израненные штормами, заводили в Даугаву, на причалы судоремонтного завода.

Луринь получал ведомость неисправностей, потом вместе с мастером они устанавливали сроки ремонта. Остальное зависело от умения бригадира: подготовить фронт работ, правильно организовать труд, разумно распределить силы.

Луринь считал, что ему повезло: все члены бригады были слесарями квалифицированными и никаких особых стараний, чтобы каждый из них трудился в полную силу, прикладывать не приходилось. И все-таки у каждого из членов бригады были свои сильные и слабые стороны. Иванов оказался мастером холодной правки металла. Эглитис лучше остальных владел сваркой... Распределяя участки работы, Язеп всегда учитывал это.

Впрочем, далеко не все зависело от умелости бригадира. Часто то один, то другой простаивали без работы, ждали, когда освободится Иван Коричев, газорезчик, и срежет не поддающуюся холодной правке часть обшивки. А тот нарасхват. Иной раз полдня пройдет в ожидании. Придет на траулер старший помощник капитана или боцман, посмотрит, как лечат «посудину», только головой качает:

— Если такими темпами работа будет идти, придется команде долго гулять.

Выход был один: освободиться от зависимости, самим овладеть газорезкой. Не откладывая, потихоньку решили, а Эглитис уговорил Ивана Коричева стать на время их учителем.

— Хлеб отбиваете, — посмеялся Иван, но за преподавание взялся рьяно.

В обязательствах бригады появился пункт: «Всем овладеть специальностью газорезчика и сварщика». В завкоме помогли получить шланги и газовый резок.

Анализируя день за днем, Луринь пришел к выводу,

что вопреки логике основная часть дневного задания ложится на вторую половину дня, а первая уходит на всякие подготовительные дела: то инструмента нужного не оказалось, то нет металлических листов для обшивки подходящих размеров и толщины, то кислород в газорезательном аппарате на исходе, надо менять баллоны.

Если уж говорить прямо, то никто из членов бригады на это не сетовал и серьезно не задумывался: можно ли все упорядочить.

На мысль по-новому организовать работу Луриня натолкнул почин комсомольцев одного из латвийских текстильных комбинатов, которые обязались так сдавать смену своим приемщикам, чтобы они ни минуты не тратили на подготовку станков и сырья. Те, в свою очередь, в полной готовности сдавали свои рабочие места третьей смене. При такой системе ткачихам удалось значительно повысить производительность труда. Это и был их подарок комсомолу в честь его сорокалетия.

Луринь решил тратить на подготовку к следующему дню последний рабочий час, с тем чтобы с утра без задержки браться за дело. Поговорил об этом с мастером.

Тот охотно взялся помочь. Но сразу предусмотреть все нужды на завтра никак не удавалось. И здесь требовался опыт. На помощь пришли ребята. Решили: последний рабочий час всем вместе готовиться к следующему дню, а за семь — выполнять дневную норму. Дело сразу пошло на лад.

...Много месяцев спустя, когда в бригаду Язепа Луриня стали что ни день приходить делегаты с других предприятий Риги, чтобы перенять опыт, многие интересовались:

— Как это вы сразу решились взять на себя такие трудные обязательства: и задание выполнять за семь часов, и смежными профессиями овладеть, и рационализацией заниматься?

— Почему же сразу? — отвечал Луринь. — Мы к таким обязательствам давно готовились.

— Может быть, вы заранее знали, что начнется соревнование за звание бригад коммунистического труда?

— Конечно, знали, — в тон им отвечал Луринь.

Безусловно, это была шутка. Но за ней скрывалось многое...

В середине октября 1958 года «Комсомольская правда» уже писала о решении, принятом на пленуме Октябрьского районного комитета партии столицы: «Подведение итогов не только по производственным показателям, а также с учетом общественной работы, дисциплины, учебы каждого члена бригады позволяет соревнование комсомольско-молодежных бригад превратить в одну из действенных форм коммунистического воспитания молодежи».

Решение это, по сути дела, отражало явления, уже утвердившиеся в жизни, оно узаконивало то, к чему самостоятельно пришли разные рабочие коллективы, каждый своим путем. Свои нормы поведения, отношения друг с другом устанавливались и в бригаде Луриня. Еще недавно о нем говорили: до работы жаден и дотошен, не проси — сам руку протянет. Теперь то же самое говорили о всей бригаде: «На них во всем положиться можно».

У латышей есть такая притча:

Дерево спросило у железа, почему оно так гулко отзывается на удар молота.

— Молот тоже железный, он мне родной, — ответило железо.

Члены бригады чувствовали себя родными.

Тон задавал бригадир. Он был требователен к себе и строго спрашивал с остальных.

И все-таки прежде всего он был их товарищем. Однажды, когда мастер принимал работу, обнаружился брак. Тот попросил назвать виновного. Луринь, не задумываясь, ответил:

— Виноваты все, а я в первую очередь.

Детали, которые оставались в памяти тех, кто работал рядом. Детали, которые цементировали коллектив.

Луринь продолжал учиться. Трое видели, как бригадиру трудно, да он и сам не скрывал этого. И все-таки с осени 1958 года остальные тоже пошли учиться.

Правда, в обязательствах, которые они взяли на себя, готовясь к встрече 41-й годовщины Великого Октября, пункта о «всеобщем обучении» не было.

Не было записано в обязательствах и решение заниматься рационализацией. Между тем Василий Иванов уже не раз делился с бригадиром своими мыслями о том, как упростить процесс ремонта планшера. Эглитис предложил совсем новую технологию для сгибания полых

труб. Сам изготовил специальное приспособление. С этого началась дружба с молодым инженером-корпусником из конструкторского отдела Аркадием Мельниковым.

На предприятиях страны обсуждались тезисы Отчетного доклада ЦК внеочередному XXI съезду КПСС «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы». Рабочие брали на себя повышенные обязательства.

Луриня пригласил к себе секретарь партийного бюро завода Швецов:

— Как готовитесь встретить съезд?

Вопрос парторга не застал врасплох. Бригада уже решила сократить сроки ремонта траулеров. Подсчитали, что текущий ремонт сумеют производить на три-пять дней раньше установленных норм, а средний даже на десять. К открытию съезда решили осуществить те рационализаторские предложения, над которыми работали. Об этом и сказал Луринь парторгу.

— А почему бы вам не включить в свои обязательства пункт об освоении профессии газорезчика? Пока вы только двое с Эглитисом овладели сваркой. А остальные? Об экономии металла тоже следует подумать.

Язеп не собирался рассказывать о случае, который произошел два дня назад. Но уж коли речь зашла об экономии... Ремонтировали они небольшой катерок, заменяли обшивку на бортах. Утром зашел в бригаду начальник цеха. Василий Иванов и Язеп Луринь только что начали править часть обшивки холодным способом.

— Почему не срезали эту часть? Здесь надо новый лист ставить.

Луринь пытался доказать, что в этом нет необходимости. Начальник цеха вспылил:

— Делайте так, как вам говорят.

Пришлось подчиниться. Но Луринь не сдался. В обеденный перерыв попросил Аркадия Мельникова прийти на катер. С ним пришли еще два инженера. Подтвердили: обшивку вполне можно выправить — сэкономить несколько листов дорогостоящего металла. Обещали поговорить с начальником цеха. О результатах этого разговора Язепу пока известно не было...

Швецов похвалил за настойчивость. И подытожил разговор:

— Объем работы до конца квартала вы уже знаете, посмотрите, подсчитайте, сколько металла сможете сэкономить. После смены собери бригаду, подумайте над обязательством. Завтра утром ко мне зайди, а вечером тебе на митинге выступить надо...

У порога комнаты Луринь столкнулся с Николаем Сергеевым. Работали они бок о бок. В то время как бригада Луриня исправляла обшивку судна, слесари Сергеева ремонтировали агрегаты и механизмы.

Луринь подумал: наверное, парторг Николая по этому же вопросу вызвал.

На следующее утро в партком оба бригадира пошли вместе. У каждого было готово обязательство своей бригады. Николай согласился принять предложение Луриня соревноваться. Об этом и решили сказать Швецову. Это было вполне логично: ведь если бригада Луриня сделает свою часть работы раньше планового срока, а бригада Сергеева сработает по плану, рыбаки все равно свое судно быстрее из ремонта не получат. Какой же смысл тогда в повышенных обязательствах?

Комната, где размещалось партийное бюро, была до отказа заполнена людьми. Все что-то горячо обсуждали. Швецов протянул Луриню газету. На первой полосе «Комсомольской правды» большими буквами было написано: «Новое развитие великого почина». «Ленинский комсомол встречает семилетку бригадами коммунистического труда». Внизу шел текст обязательства комсомольско-молодежного роликового цеха депо Москва-Сортировочная. С фотографии улыбались лица парней. Здесь же, на первой полосе газеты, были опубликованы обязательства бригад Ленинградского металлического завода, Михаила Ромашева, Акифа Джафарова из бакинского нефтепромыслового управления «Гюргяннефть», Кузьмы Северинова с шахты № 5—6 имени Димитрова Донецкой области, Олега Топчия с Харьковского завода транспортного машиностроения, Петра Лыгуна с Днепродзержинского металлургического комбината и Константина Хабарова с металлургического комбината в Магнитогорске.

...После работы состоялся общезаводской митинг. Член партийного бюро Демяшев сделал сообщение об итогах ноябрьского (1958 г.) Пленума ЦК КПСС. Закончив, сказал:

— А теперь предоставляю трибуну бригадиру корпусников Язепу Луриню...

Язеп очень волновался — это было первое в его жизни выступление перед такой большой аудиторией. Неодолимо захотелось убежать куда-нибудь, на худой конец спрятаться за спины товарищей. Но все ждали, когда он поднимется на трибуну, начнет говорить. А с чего начать? Чтобы сосредоточиться, отыскал глазами своих. Они, трое, стояли рядом: Василий Иванов, Индулис Эглитис, Володя Зайцев.

— Я горжусь тем, что на мою долю выпало счастье быть участником строительства коммунизма в нашей стране, — начал он. — Сегодня, по примеру лучших бригад, мы вступаем в соревнование за право именоваться бригадой коммунистического труда. Звание это обязывает ко многому. Законом бригады станет лозунг: «Один — за всех, и все — за одного!» Главной заповедью для себя мы считаем: каждый член бригады всюду — на производстве, в ученье и в быту — ведет себя по-коммунистически. Это значит — думает прежде всего об интересах общества. За недостатки одного члена бригады, за его ошибки и промахи несет ответственность вся бригада. И наоборот, за труд, ученье, за выполнение любого задания всей бригады отвечает каждый член бригады.

Все, чем жила бригада Язепа Луриня, о чем думали и к чему стремились, было тогда сформулировано в ее обязательствах.

Вот они:

«Сменные задания выполнять за семь часов, а восьмой час посвящать подготовке инструмента и фронта работ для следующего дня.

В 1959 году сократить время нахождения судов в ремонте, экономить металл, каждому члену бригады внести не менее двух рационализаторских предложений, освоить вторую специальность — газорезчика. Своей безупречной работой добиться права сдавать корпуса отремонтированных судов без визы отдела технического контроля...

Всем получить среднее или среднетехническое образование».

Теперь это документ. Не случайно он хранится в Музее истории города Риги.

Язеп Луринь вызвал на соревнование бригаду слесарей Николая Сергеева.

Так в Латвии было положено начало новому патриотическому движению.

Жизнь в бригаде шла своим чередом. За семь часов успевали выполнить дневное задание. Восьмой — готовились к следующему дню. Рационализаторские предложения были приняты технической службой завода, и после смотра, который проводился заводским отделением Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов, бригада оказалась на первом месте, за что и была награждена Почетной грамотой. По итогам первого квартала 1959 года получили вторую грамоту, уже от Управления рыбной промышленности Совнархоза Латвийской ССР.

Были и неприятные минуты. Случайно в столовой Луринь услышал разговор.

— И чего на каждом углу об этих бригадах шумят? — говорил один. — Учатся жить по-коммунистически, а сами после получки в пивную идут.

— А ты сам покупать картошку, что ли, туда ходишь? — съязвил другой.

— Зачем хожу — сам знаю, но я-то обязательства не давал жить по-коммунистически.

Язеп понял: рабочие внимательно следят за каждым шагом первой коммунистической бригады. Рассказал об этом разговоре ребятам. Индулис вспылил:

— В монахи записываться не собираюсь!

— В монахи не в монахи, но к тебе это в первую очередь относится, — сказал Зайцев.

Основание для такого упрека в адрес Эглитиса было. И хотя на работу он приходил всегда как стеклышко, время от времени его встречали навеселе.

Язеп в первый момент растерялся. Не может же он, бригадир, промолчать. Индулис и Зайцев продолжали спорить:

— На тебя наплевать, бригаду позорить не дадим.

— А я сам уйду.

Откуда-то пришли нужные слова:

— Пойми, Эглитис, мы ведь все вместе слово дали, коллектив нам поверил. И правильно делают, что внимательно следят, как мы его выполняем. Может быть, тоже примеряются, за нами пойти хотят. А на Зайцева не обижайся, он тебе добра желает.

Мир был восстановлен.

Нашлись на заводе и злые языки, которые распускали слухи, будто бригадам Луриня и Сергеева создают особые условия, потому, мол, они всегда в передовых

ходить будут. Это уже было совсем несправедливо. Видимо, кое-кто истолковал на свой лад случай, который произошел еще в канун Нового года.

Готовясь к следующему рабочему дню, Луринь попросил у мастера выдать ему инвентарь, необходимый для холодной правки обшивки. Тот был занят каким-то другим делом и пообещал приготовить все к началу смены. Луринь специально пришел на работу пораньше. Но оказалось, мастер своего слова не сдержал. Бригада простояла без дела больше получаса. В это время на судно пришел председатель заводского комитета. Увидев сидящих без дела рабочих, поинтересовался, что случилось. Ему рассказали. В тот же день на внеочередное заседание завкома были вызваны мастер и начальник цеха. Пригласили Луриня и Сергеева. Руководителей строго предупредили, что, если и впредь по их вине в бригаде будут простои, они понесут административное наказание. Это был не первый случай, когда то по неорганизованности, то из-за небрежности некоторых командиров производства рабочие, последовавшие примеру пионеров движения за коммунистический труд, не имели нормальных условий для выполнения своих обязательств. То не хватало нужных инструментов, то были перебои в деталях или материалах. Люди нервничали, кое-кто уже обращался в заводской комитет профсоюза. Все это не могло не обеспокоить руководителей завода, партийное бюро.

Объяснить такое отношение мастеров и цехового начальства можно было одним: недооценкой всей важности замечательного патриотического движения. Поэтому и было решено собрать всех командиров производства и профсоюзных активистов, разъяснить им его суть и значимость. Как и следовало ожидать, серьезный разговор возымел свое действие, заставил многих по-иному взглянуть на соревнующихся, задуматься о своем месте в соревновании. Вскоре группа молодых инженеров из конструкторского бюро предложила свою помощь участникам движения за коммунистический труд. Шефство над бригадой Луриня взял по старой дружбе инженер-корпусник Аркадий Мельников. Помог «довести до ума» рационализаторские мысли, кое-что подсказал для лучшей организации труда.

У пионеров движения стали появляться все больше и больше последователей...

Луринь по-прежнему внимательно следил за газетами; его интересовало все новое, что появлялось в жизни передовых коллективов; он постоянно искал и думал, что и как можно перенять и привнести в жизнь своей бригады.

Большое впечатление произвело на Язепа начинание токаря рижского завода холодильных машин «Компрессор» Альфреда Клявы.

«Я убежден, — писал он в газете «Советская Латвия», — что, используя все резервы на моем рабочем месте, смогу выполнить семилетнее задание по обработке цилиндров для холодильных машин в течение четырех с половиной лет».

О почине А. Клявы писала «Правда». Так же, как и Луриня, решение токаря заставило задуматься десятки тысяч тружеников. И не только рабочих. Характерно высказывание директора завода «Компрессор», где трудился А. Клява. «Высокие обязательства рабочих, — сказал он, — заставляют нас шире развернуть модернизацию оборудования, быстрее вводить в действие новые конвейеры».

Президиум ЦК профсоюза работников машиностроения счел необходимым обязать первичные комитеты помочь рабочим, техникам, инженерам, решившим досрочно выполнить семилетку. Экономистам и плановикам было предложено определить долю труда каждого работника в общем производственном плане.

С этих пор Луриню не давала покоя одна мысль: почему их завод не имеет перспективного плана на всю семилетку? И ведь больше того: квартальные тоже постоянно меняются. Многие цехи «загружаются» случайными заказами, никакого отношения не имеющими к ремонту судов.

На первом же партийном собрании он задал эти вопросы руководителям завода. Те сослались на вышестоящие хозяйственные органы республики. Такой ответ отнюдь не удовлетворил Луриня. Ему очень хотелось лично познакомиться с Альфредом Клявой, подробнее узнать о его планах и планах завода «Компрессор». Председатель заводского профсоюзного комитета обещал организовать эту встречу, пригласить знатного токаря к себе на завод. Но... состоялась она не скоро...

То и дело Луриня вызывали в партийное бюро или в заводской комитет, чтобы сообщить:

— Пришло письмо из Клайпеды. Литовские судоремонтники приглашают к себе. Просят рассказать, как добились сокращения сроков ремонта. Отказать нельзя. Собирайся в дорогу.

И он ехал в Клайпеду или к судоремонтникам своей республики. Внимательно присматривался, как организован труд в бригадах корпусников, высказывал свои мысли, говорил о работе бригады. И каждый раз возвращался обогащенный новым зарядом энергии, с новыми мыслями.

Каждую неделю приходили в бригаду представители разных предприятий поучиться у первой в республике бригады коммунистического труда. А в апреле Язепа снова пригласил к себе секретарь партийного бюро:

— Состоялось решение Ленинского райкома партии: провести у нас на заводе семинар руководителей бригад коммунистического труда, профсоюзных и партийных активистов предприятий. Вам с Сергеевым выступать придется.

Рассказать и Луриню и Сергееву было о чем. Их бригады отлично работали и выполняли свои производственные обязательства. Очень часто вместе проводили воскресные дни. То пойдут в театр или кино, то просто соберутся у кого-то дома за чашкой кофе. Как-то на одной из таких встреч жена Эглитиса Индулиса сказала Луриню:

— Сама мужа своего не узнаю... Каждый вечер за книгами сидит, по дому помогает.

Успехи пионеров движения за коммунистический труд определили выбор райкома партии — провести семинар именно на судоремонтном заводе.

Целый день провели гости на заводе. Ходили по цехам, разговаривали с рабочими и бригадирами, дотошно расспрашивали их, беседовали с партийными и профсоюзными активистами, знакомились с планами общественных организаций, с программой занятий в только что созданной на заводе школе коммунистического труда. Просмотрели все последние номера общезаводской стенной газеты. И пришли к единодушному выводу:

Нет, не случайно именно здесь родилась первая в республике бригада, решившая учиться, жить и работать по-коммунистически, не случайно из месяца в месяц растут ее производственные показатели! Не случайно и так быстро растет число ее последователей.

А потом речь пошла о других проблемах: по каким критериям следует определять, какой коллектив готов вступить в соревнование за высокое звание, а какой еще не созрел для участия в этом передовом движении современности. Через какой срок следует присваивать звание? Пожизненно или на определенное время? Как быть, если один из членов бригады, претендующей на звание коллектива коммунистического труда, не выполняет своих обещаний? Вопросы, вопросы, вопросы...

И полгода не прошло, как зародилось новое движение. По крупицам накапливался опыт. Практика то и дело загадывала загадки.

...С завода Язеп Луринь и Николай Сергеев в этот день вышли вместе.

— Мне сегодня что-то не по себе было, — признался товарищу Язеп. — Я себе как-то все проще представлял. А смотри, как дело повернулось.

— Назвался груздем, полезай в кузов, — только и сказал Николай.

У Луриня были основания для беспокойства. Работы становилось все больше и больше. Бригада в четыре человека справиться со всем объемом работы не могла. Начальник цеха прислал в помощь несколько молодых рабочих. Луринь думал: сколько времени им придется трудиться вместе? Считать их членами коллектива или временно командированными? Но ведь вот сегодня говорили о том, что одна из главных задач ударников коммунистического труда и тем более бригадиров — воспитывать людей. До сих пор в бригаде работали его сверстники, люди одной квалификации, а теперь неумелая молодежь. А какой он воспитатель? Своим примером далеко не на каждого воздействуешь. Значит, надо суметь человека в каких-то вещах убедить, доказать ему, почему так, а не иначе должен он относиться к своему делу, почему это плохо, а то хорошо. Хватит ли у него такого умения? Даже пока еще не умения, а способности овладеть этим умением?

...Позади осталась та семилетка, прошло еще пять лет, и эти мысли Язепа Луриня нашли какое-то завершение. Он высказал их в редакции газеты «Ригас Балес», куда его пригласили для разговора о воспитании рабочей молодежи.

— Мне хочется особо подчеркнуть, — сказал тогда Язеп, — что именно организация труда, порядок на предприятии оказывают самое сильное воздействие на молодых

рабочих. Но порой на заводах и фабриках не хватает должной организованности, деловитости. Надо строже бороться с нарушителями и пьяницами. Мы учим таких людей, но не всегда достаточно эффективно. У нас работает один парень. За нарушение трудовой дисциплины на него было наложено взыскание. Но он и глазом не моргнул. Значит, не так надо было его наказывать. Следовало подумать, воздействует ли на него такая мера.

И еще я хотел бы, чтобы о воспитании молодежи больше заботились мастера и бригадиры. Я думаю, что следовало бы повысить роль мастера в укреплении трудовой дисциплины. Беда в том, что мастер не всегда пользуется необходимым авторитетом. Мастерами должны работать высококвалифицированные специалисты, хорошие наставники. А часто они этим требованиям не соответствуют.

Но должны были пройти годы, прежде чем Язеп Луринь счел возможным рассуждать, советовать, анализировать. И все эти годы, воспитывая, он воспитывался сам, делясь своим опытом, заимствовал его у других, обучая, учился.

Росла причастность к большому делу. Острее волновали неполадки на заводе, они мешали работать в полную силу и его бригаде, и всему коллективу в целом.

Не успокаивали в общем-то неплохие показатели: план завод выполнял систематически из квартала в квартал, производительность труда тоже росла. Но какой ценой?

Теперь Луринь убедился, что действительно далеко не все зависит от администрации завода.

Коммунисты избрали Язепа Луриня делегатом на районную партийную конференцию, он твердо решил: будет выступать. Два вечера обдумывал свою речь. Показал членам партийного бюро; те поддержали: считай, что обращаешься от имени всей партийной организации.

И когда на партийной конференции предоставили слово делегату Язепу Луриню, он сказал:

— ...Действительно, годовой план по валовой продукции мы выполнили на месяц раньше срока. Но не ошибусь, если скажу: большинство членов нашего коллектива не удовлетворено результатами своего труда. Причин к этому много. И главная в том, что коллектив не знает своих задач на семилетку. А жить и работать без перспективы нельзя. От имени партийной организации завода я обращаюсь с просьбой к райкому партии: определить

устойчивый профиль завода, возможность полной плановой загрузки всех его служб.

Вскоре на завод приехали работники Управления рыбной промышленности республики и Латвийского совнархоза, те, кого критиковал Луринь на районной партийной конференции. Им захотелось лично познакомиться с ним. Разговор был самый короткий. Язеп извинился — очень срочная работа.

— Совсем другим представлял его себе, — сказал один из руководителей, — такой скромный, даже застенчивый, а палец в рот не клади.

Эта реплика каким-то образом стала известна на заводе. Нет нет, да при случае кто-нибудь повторит: «Нашему Язепу палец в рот не клади».

Может быть, именно за эту приверженность своему делу, своему коллективу, за подлинную высокую принципиальность и выдвинули коммунисты совсем еще молодого члена партии, скромного, застенчивого бригадира котельщиков Язепа Луриня делегатом XVII съезда Коммунистической партии Латвии.

Съезд открылся 17 февраля 1960 года.

Луринь внимательно слушал доклад, с нетерпением ожидая, когда же речь пойдет о той области промышленности, где трудится он со своей бригадой.

Во время перерыва Луринь приехал на завод. Его окружили товарищи. Ведь съездовские материалы газеты напечатают на следующий день... Луриня засыпали вопросами. Несколько раз пришлось прочитать специально записанные для этого слова из доклада. И, конечно же, всех очень интересовало, когда будет выступать он, Луринь.

Выступал он на второй день работы съезда. Говорил о том, что больше всего тревожило: о судьбе своего завода. Уже не один, а много раз приезжали к ним комиссии — ходили, смотрели, расспрашивали рабочих. Соглашались с тем, что дальше нельзя терпеть такую неразбериху с планом, обещали решить вопрос о профиле завода. Однако в основном все оставалось по-прежнему...

— Как же связать создавшееся положение с установкой, данной Двадцать первым съездом Коммунистической партии Советского Союза? — говорил, обращаясь к делегатам, Луринь. — Решения его мы хорошо знаем. Ведь в них ясно говорится, что такой рост производительности труда, который требуется для успешного выполнения семилетнего плана, невозможен без всемерной специа-

лизации всех предприятий при полном использовании их мощностей.

Ему аплодировали. Аплодировали и тогда, когда от имени своей бригады и всего заводского коллектива он заверил Центральный Комитет Коммунистической партии Латвии, что завод добьется того, чтобы быть в числе лучших предприятий республики по всем показателям.

Спустя восемь лет, в 1967 году, на торжественном митинге, посвященном 50-летию Советского государства, Луринь принимал на вечное хранение от представителей ЦК Компартии Латвии, Совета Министров и республиканского Совета профессиональных союзов Красное знамя, которым был награжден судоремонтный завод.

Весной 1960 года он выехал в Москву, на первое Всесоюзное совещание передовиков движения за коммунистический труд.

Накануне отъезда Язеп надолго задержался на заводе. Бригада работала на ремонте среднего рыболовецкого траулера. По плану закончить обшивку следовало к 10 июня. Но они обязались сдать траулер к первым числам. А вот теперь он уезжает. Беспокоило не то, что ребята могут снизить темпы, не справятся без него. Но ведь вместо четверых остается трое. Значит, на них ляжет та доля работы, которую должен был сделать он, Луринь. Когда брали обязательство, учитывали каждую минуту времени. За счет чего же можно будет теперь «покрыть» отсутствие, по существу, самого квалифицированного корпусника?

Когда говорил о своей тревоге за план с секретарем партбюро и председателем завкома, те успокаивали:

— Обстоятельства непредвиденные. Мы, конечно, учтем твое отсутствие. А в плановый срок бригада и без тебя уложится.

У Василия Иванова было на этот счет свое мнение. И Эглитис Индулис, и Владимир Зайцев его целиком поддерживали. А решили они так: тот час, который бригада посвящает подготовке рабочих мест к следующему дню, они будут работать, а чтобы подготовить фронт работ, придется им приходить на полчаса пораньше.

Еще раз все вместе осмотрели траулер. Луринь предупредил:

— Только не за счет качества. Задержку ремонта администрация нам простит, а рыбакам наш брак может стоить жизни.

В Москву вместе с Язепом Луринем ехали еще несколько посланцев Латвии. Среди них слесарь инструментального цеха завода ВЭФ Вольдемар Петрович Буш — талантливый рационализатор, инициатор движения «Семилетку — за пять лет» Альфред Клява.

Язеп немного робел: почему все-таки выбор пал на него? Буш и Клява — другое дело, каждый из них, по сути дела, внес серьезный вклад в общенародное дело. Первый усовершенствовал оборудование и помог тысячам рабочих повысить производительность труда. Второй своим призывом «Семилетку — в пять лет» сделал настоящую революцию в планировании. А мы...

Наконец Москва. В дневнике Луринь записал:

«25 мая прибыл в Москву. Наша делегация была потрясена: мы не ожидали, что нас так встретит столица. Играл оркестр, каждому вручили цветы. Автобус уже ждал, и нас повезли в гостиницу. После обеда на специальном автобусе поехали на сельскохозяйственную выставку. Вот это выставка! Впечатлений столько, что слова найти трудно. Допоздна гуляли по ночному городу».

Через день состоялось первое заседание слета. Язепу казалось, что со многими собравшимися здесь он уже давно знаком. Сразу узнал Валентину Гаганову, шахтеров Николая Мамая и Александра Кольчика.

Уже два года он внимательно следил за каждым их выступлением в печати. И вот они встретились. Он познакомился с зачинателями движения Кузьмой Севериновым, Олегом Топчием, Петром Лыгуном...

...На трибуну один за другим поднимались Владимир Станилевич, Михаил Ромашов, Акиф Джафаров. Чувство, будто все они давным-давно знакомы, крепло. Как же это здорово, что сегодня собрались они вместе здесь, в Кремле!

Язеп старался ничего не упустить: во-первых, надо как можно подробнее обо всем рассказать дома, в Риге, а главное — слет, даже такой торжественный, — это тоже школа.

В блокноте одна за другой появляются записи: «В движении участвуют более 5 миллионов (эта цифра называлась впервые), 40 тысяч коллективов уже завоевали право звания коммунистических».

И дальше самые интересные мысли и предложения из выступлений: «Не только самим быть впереди, но и дру-

гим коллективам помочь выйти в передовые», — это сказал Кузьма Северинов. А это Владимир Станилевич: «Надо воспитывать человека будущего из тех, кто работает в бригаде». Из выступления Валентины Гагановой записал: «Когда знаешь дело в совершенстве — и работа идет лучше».

Впечатления накапливались. Побывал на заводе имени Лихачева, на фабрике имени Свердлова. После этого появилась запись: «Всюду, где бы мы ни были, видели, какую заботу проявляют партия и правительство о нас, простых рабочих, о рядовых тружениках».

С трепетом входил в кабинет Ленина, в Мавзолей. «Спасибо, что сохранили все эти реликвии».

Летели насыщенные впечатлениями дни. 28 мая, на второй день работы совещания, стало известно, что Президиум Верховного Совета СССР издал Указ о присвоении 52 участникам совещания звания Героя Социалистического Труда. Две с половиной тысячи новаторов производства — передовики соревнования за коммунистический труд — награждены медалями «За доблестный труд» и «За трудовое отличие». Зал встретил это сообщение бурными аплодисментами. Луринь от души радовался за товарищей. А потом, когда был оглашен список Героев Труда, он просто не поверил своим ушам. Решил, что ослышался.

Среди 52 — Вольдемар Буш, Акиф Джафаров, Александр Кольчик и он, «бригадир котельщиков судоремонтного завода Управления рыбной промышленности Латвийского совнархоза Язеп Язепович Луринь». Его поздравляли, жали руки и даже... качали. А его мысли были дома, в Риге.

На следующий день в адрес призидиума совещания пришла телеграмма из Риги: «Коллектив завода с огромным вниманием, с чувством большой удовлетворенности следит за работой слета. Мы очень рады, что один из членов нашего заводского коллектива, Язеп Луринь, удостоен высокой правительственной награды — звания Героя Социалистического Труда. Награда ко многому обязывает, мобилизуя нас на борьбу за звание предприятия коммунистического труда».

А еще через день, 30 мая, вторая, уже на имя Язепа: «Сегодня закончили ремонт 4447. Поздравляем». И три подписи «Иванов, Зайцев, Эглитис».

И, наконец, еще одно поздравление. Из дома сообщили, что он стал отцом. Дочь решил назвать Светланой.

Первым на заводе о награждении Язепа Луриня узнал из газеты «Советская молодежь» секретарь партийного бюро. К обеденному перерыву в вестибюле уже висела «молния»: коллектив поздравлял Героя.

Профгрупорги приглашали рабочих на митинг. Первым выступил Василий Иванов:

— Завтра бригада Язепа Луриня на десять дней раньше срока сдаст из ремонта рыболовный траулер, — начал он.

Это сообщение бурно приветствовали. Кто-кто, а рабочие отлично понимали, какого напряжения стоило бригаде сдержать свое слово.

Потом выступил бригадир коллектива коммунистического труда Спицын, лучший фрезеровщик завода Грунтманис, начальник механического цеха Нодельман.

— Бригада Язепа Луриня, — говорили они, — стала для нас примером. Примером огромных возможностей коллектива, в котором каждый до конца осознал свой долг перед народом, Родиной.

Именинниками чувствовали себя не только товарищи Язепа по бригаде. Радостно было на сердце Федора Евдокимовича Панчука: ведь это он три года назад, в 1957 году, рекомендовал молодого рабочего Луриня на должность бригадира. И не ошибся. На всю страну прославился теперь Язеп.

Праздник пришел и в маленький крестьянский дом в деревне Речи. Весть о том, что сын старого Язепа Луриня — Язеп-младший — стал Героем Социалистического Труда, быстро разнеслась по всему Лудзенскому району. Десятки людей побывали у Луриней за день. Сердечно поздравляли, вместе радовались. И не было конца воспоминаниям:

— А помните, как Язеп решил дорогу камнями перегородить, чтобы немцы к нам не ездили?

— И как только силенок хватило такие валуны таскать! Ведь лет-то ему сколько было? Одиннадцать-двенадцать?

— Уж и не знаю, как он тогда жив остался, — вспо-

минал хозяин дома. — Староста не раз грозился его на тот свет отправить.

И как это часто бывает, когда человек достигнет большой жизненной высоты, всем казалось, что еще в то далекое время, когда малыш Язеп сразу после установления Советской власти в Латвии поступил в первый класс, все уже знали, что он далеко пойдет, многого добьется.

— Сызмальства трудолюбивым был.

— И товарищем хорошим.

— Со взрослыми всегда уважительно обходился.

И хотя Амалия Луринь одинаково горячо любила всех своих шестерых детей, ей уже тоже стало казаться, что Язеп изо всех них был какой-то особенный.

...Вспоминали и достоинства Луриня-младшего, подмеченные односельчанами, когда приезжал он в отпуск повидаться с родителями, побродить по лесам, где знал каждую тропинку, каждую полянку.

В 1962 году Язепа Луриня избрали депутатом рижского городского Совета. Теперь каждую неделю один вечер он принимал своих избирателей. Депутату приходилось заниматься самыми разными делами: кому-то помогать улучшить жилищные условия, кому-то трудоустроить сына — бросил паренек учиться, решил работать. И даже улаживать семейные неурядицы.

Доверие и уважение избирателей проявилось в том, что они трижды подряд выбирали Луриня своим депутатом.

Как и всегда, когда работы было особенно много, в бригаду вливались другие рабочие. Это была молодежь, только что поступившая на завод.

— Как тебе удается с ними справиться? — не раз спрашивали у Луриня другие бригадиры. — Или везет тебе, что не попадаются среди них разгильдяи и ленивцы, или самых лучших тебе отбирают?

Никто и не подозревал, что каждый раз, принимая в бригаду новичка, Луриню казалось, что все начинается сначала, будто нет за спиной ни опыта, ни умения. Ну что же — воспитание человека разве не творчество?

В 1963 году, когда в Москву съезжались на второе совещание участники движения за коммунистический труд, среди них опять был Язеп Луринь. Участники

II Всесоюзного совещания уже представляли 26-миллионную армию трудящихся, которые учились жить и работать по-коммунистически. В соревновании участвовали представители работников просвещения и здравоохранения, науки, культуры, торговли, бытового обслуживания...

В Ригу Луринь возвратился со второй правительственной наградой — медалью «За доблестный труд».

С 1964 года Язеп Язепович начал работать на другом участке — его бригада занимается изготовлением разного промыслового инвентаря для рыболовецких судов. Конечно, в то время ни руководство завода, ни тем более сам Луринь не предполагали, что через несколько лет, в девятой пятилетке промысловый инвентарь и техническое оборудование для рыбообрабатывающих предприятий станут основным видом продукции завода. И снова бригада Язепа Луриня окажется на переднем крае борьбы за выполнение государственного задания, Директив Коммунистической партии.

На новом, комфортабельном административном корпусе завода новая вывеска: «Рижский ордена «Знак Почета» опытный судомеханический завод». В цехах идет напряженная перестройка: поступает оборудование для изготовления новой продукции: закаточных машин, рыборазделочных механизмов, дифростеров для размораживания рыбы и другой техники, в которой так остро нуждаются береговые рыбообрабатывающие предприятия. Дизелисты, корпусники и судоремонтники других специальностей овладевают новыми профессиями. И каждый член коллектива знает слова, записанные в Директивах XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на девятую пятилетку: предприятиям рыбной промышленности предстоит повысить производительность своего труда на 30—34 процента. Добиться такого скачка они смогут лишь, получив современную технику для обработки уловов, а эту технику делают они, рижане...

Язеп Язепович тщательно готовился к разговору в бригаде о том, какие обязательства на девятую пятилетку под силу их маленькому коллективу. Как и всегда, сначала взвесил свои личные возможности. Теперь, когда завод получил твердый план, каждому можно было более или менее точно подсчитать, в чем выразится его вклад в скорейшее выполнение задания на пятилетку. Луринь достал из своего газетного архива материалы о почине

Альфреда Клявы. Внимательно перечитал статьи самого новатора и все, что о нем писалось. А уже потом взялся за карандаш, подсчитал, сколько времени ему требуется для выполнения годового задания. Получилось — последний квартал он уже может трудиться в счет следующего года. Значит, пятилетнее задание удастся сделать на 15 месяцев раньше? Здорово! Но не переоценил ли он своих возможностей? Позвал на помощь жену. Лидия Константиновна работает нормировщицей в этом же цехе. Еще раз все пересчитали вместе. Получилось, что задание на пятилетку Луринь сможет выполнить даже за три с половиной года.

Ну а бригада? Под его началом одна молодежь. Трое из шести скоро уйдут в армию, им на смену опять придет зеленая ребятня из профессионального училища. Сколько времени пройдет, пока каждый приобретет навыки, которые позволят ему не только выполнять, но и перевыполнять сменное задание? А за пятилетку еще раз сменится половина состава, ведь все выпускники училища — допризывники. И все-таки не может его бригада отставать от других, даже тех, где сложился и не меняется основной рабочий костяк. Пусть придется ему, бригадиру, еще больше времени отдавать и обучению, и воспитанию молодых рабочих.

На бригадном собрании единогласно решили: выполнить задание пятилетки за четыре с половиной года.

Когда в бригаду пришли Володя Иргенсон, Анатолий Савельев и Юрий Бакане, до конца первого года пятилетки оставалось четыре с небольшим месяца. По установившейся много лет назад традиции Луринь рассказал новичкам историю своей бригады, познакомил с обязательствами которые они взяли на себя. Ребята слушали внимательно, но Язеп Язепович по опыту знал: пока никаких чувств в ребячьих сердцах не пробудилось. Разве что гордость, что работают они вместе с Героем Социалистического Труда, ведь попросили же у бригадира разрешения посмотреть его золотую звездочку. А именно это и предстояло ему, бригадиру, добиться: изо дня в день приобщая подростков к труду, воспитывать у них ответственность, добросовестность, помогая познать чувство удовлетворенности от хорошо выполненного дела.

Деликатно, исподволь узнавал о семьях — оказалось, все трое живут без отцов: и кормят и воспитывают одни матери. Присмотрелся к характерам. Иргенсон застенчи-

вый, в нем есть и жадность к работе, и увлеченность. Но с такой же увлеченностью он готов принять участие в любой шалости товарищей. Впрочем, достаточно строгого взгляда бригадира, и Володя снова сосредоточен. Куда труднее с Толей Савельевым. Поймает на себе укоризненный взгляд — и будто не поймет, чем недоволен бригадир, продолжает свое: болтает или паясничает, чтобы рассмешить товарищей. Да и убеждения на него далеко не всегда действуют: он самоуверен, за словом в карман не полезет, на все готов ответ.

Больше всего огорчало Луриня полное равнодушие Савельева к работе: все из-под палки. Сколько раз говорил ему:

— Сам пока не понимаешь еще, какой радости себя лишаешь. Мать кормить тебя до твоей старости не будет. А работать без любви к делу — та же каторга. Полюбишь дело — будешь на работу как на праздник ходить...

Не один месяц прошел, прежде чем Язеп Язепович смог облегченно вздохнуть: лед тронулся, и в Савельеве что-то пробудилось: стал собраннее, спокойнее. Видно: старается не отстать от других. Может быть, сильнее всяких слов подействовало общецеховое собрание, на котором много хвалили бригаду за то, что перевыполнила она задание первого года пятилетки.

С осени 1971 года, после отчетно-выборного собрания, на котором Язепа Язеповича выбрали в заводское партийное бюро, число подопечных у него увеличилось во много раз. Луриню поручили шефствовать над заводской комсомольской организацией. Теперь он участвует во всех делах заводской молодежи. Приходит на собрания и заседания бюро, чаще сидит молча, слушает, чтобы потом что-то подсказать, посоветовать Николаю Червякову. Но о чем бы они ни говорили, член партийного бюро Язеп Язепович обязательно сведет разговор к человеку, к тому, как важно помочь раскрыться в труде каждой личности. Принцип, от которого никогда не отступает сам. В этом, наверное, и кроется сила коммуниста Язепа Луриня.

Валентина Гаганова

13 октября 1958 года, в тот самый день, когда рабочие депо Москва-Сортировочная вырабатывали заповеди бригад коммунистического труда, в тот же день Валентина Гаганова оставила передовую бригаду и перешла в отстававший коллектив цеха.

Встретили ее настороженно. Людмила Шибалова, прежний бригадир, смотрела на пришелицу исподлобья, скривив тонкие губы. Валентина знала, что накануне мать Люси прибегала в фабком и истерично кричала, что ее дочь незаслуженно обидели и что Людмила может с горя на себя и руки наложить. Были в бригаде и такие, которые прямо говорили:

— Ишь начальница заявилась! Покрутится, да и уберется к своим показательным.

Но вот все на местах, и работа началась. Поначалу все шло хорошо. Закончили первую шпулю прядильщицы Семенова и Борисова и отошли отдыхать к окну. К машинам подошли съемщицы — сняли продукцию. Теперь они отдыхали, а прядильщицы вернулись к станкам. Неплохо на первых порах шли дела у Нины Львовой. Она, правда, закончила позже, но пока нити не рвались. А у Альбины Ивановой явно не ладилось. Девушка металась

от станка к станку, едва-едва успевая завязывать обрывающиеся нити.

— Людмила, ты помогла бы Але, — сказала Гаганова. — Ведь ты же сейчас свободная.

Шибалова вызывающе посмотрела на нового бригадира:

— Это не мое дело. Моя забота пряжу снимать, вот это с меня и спрашивай!

Валентина поспешила к Ивановой: завязала одну, другую нить, опустила планку — первый съем. К станкам подошла Женя Панкова, произвела съем и, напевая, отошла к окну. А в это время что-то испортилось у Нины Львовой.

— Рая, помоги Нине, — на ходу бросила Гаганова, сама направляясь к машинам Борисовой, которая заканчивала уже вторую шпулю.

— Я съемщица, а не прядильщица, — услышала Валентина в ответ.

Больно сжалось сердце у Валентины, вспоминалась прежняя бригада, слаженная, как часовой механизм. Так и работали до перерыва: одни, как свободная минута, отдыхают у окна, другие суетятся, мешая друг другу, ссорятся. Альбина Иванова плакала.

«Трудно будет», — подумала Гаганова.

В обеденный перерыв, когда девушки ушли в столовую, Гаганова внимательно осмотрела машины. Как они запущены! Механизмы загрязнены, разлажены, много веретен кривых, иные совсем не действуют. Нет хозяйского глаза. Особенно никудышними оказались станки Али Ивановой.

«Со станками-то я справлюсь, — решила Гаганова, — завтра же поговорю с помощником мастера, а вот девчата?»

После перерыва работа протекала в том же темпе. Правда, Валентина теперь старалась работать за троих: и как прядильщица, и как съемщица, и как бригадир-планочница. Это сразу же заметили девушки и уже не так враждебно смотрели на нее. Аля же, не стесняясь, звала:

— Валентина, помоги, пожалуйста, опять нить оборвалась.

«Справлюсь, обязательно справлюсь», — решила Гаганова.

После смены состоялось заседание цехового комитета. Первый вопрос — «Сообщение бригадира-планоч-

ницы 1-го прядильного цеха тов. Гагановой В. И. о новом пути повышения производительности оборудования на отстающих участках». Валентина рассказывала о первом дне работы новой бригады:

— Сейчас нужно обеспечить бригаду сырьем и отрегулировать оборудование, и я думаю, что тогда бригада подтянется.

— Почин Гагановой, — сказал заведующий прядильной фабрикой Илья Георгиевич Трабер, — новый, хороший почин. Его следует широко распространять.

Легче стало на сердце у Валентины, но сомнения все же не покидали.

На следующий день в обеденный перерыв она разыскала помощника мастера и начала без вступлений:

— Если бригада отстающая, так к ней и торопиться не надо? Это же не машины, а гробы.

— Я же не отказываюсь, — ответил тот. — Девчата Шибаловой не следили за станками, запустили их.

— Давай вместе поправлять, — сказала Гаганова.

После смены Валентина предложила девчатам остаться. Без охоты откликнулись они на это предложение.

— Живем далеко, когда еще домой приедем.

— В магазин сходить надо.

— А я в кино собралась.

Но новый бригадир был непреклонен. Всем так всем оставаться.

— Работаем мы вместе уже два дня, — начала, волнуясь, Гаганова, — и теперь точно можно сказать, почему бригада отстает. Нет слаженности и взаимопомощи. Нельзя сказать, что вы не умеете правильно выполнять рабочие приемы или что вы бездельничаете. Как будто бы все трудятся так, как надо. Но делается все медленно, недружно, вроде бы каждый за себя.

Валентина остановилась, посмотрела на притихших девчат и продолжала:

— Отсюда и результаты: Борисова и Семенова меняют катушку с ровницей за 8—9 секунд, а Львова и Иванова — за 11—12. Всего 3 секунды — как будто бы ерунда. А на деле Борисова и Семенова наработали по 5 килограммов пряжи больше, чем их соседки. Конечно, они и денег больше заработали.

— Не все так складно и быстро могут.

Это сказала Нина Львова, а Альбина Иванова только руками всплеснула:

— Разве я когда-нибудь угонюсь за Лидой — ведь она же лучшая прядильщица.

А Гаганова между тем продолжала:

— В одиночку каждая из нас с заданием не справится. Надо всем вместе: съемщица помогает прядильщице, прядильщица — съемщице. Тогда каждая секунда будет на счету.

Валентина снова замолчала. Девушки выжидательно смотрели на нее.

— Да и с дисциплиной в бригаде неважно. На работу приходите тютелька в тютельку. А надо бы минут за десять-пятнадцать приходить, чтобы не спеша, на ходу принять смену. А станки какие у нас? Настоящие пуховые фабрики. Мы уже договорились с поммастера — починим, как положено, настроим машины, как пианино. Но станки больше не запускайте — они как дитя малое, за ними ухаживать надо.

Не так-то просто было побороть старые порядки в бригаде. Пожалуй, больше всех знала, как тяжело Гагановой на первых порах, Варвара Ивановна Базлова — секретарь партийного бюро фабрики. Старая коммунистка, чуткий, принципиальный человек, она сразу же увидела в почине Гагановой большое государственное дело. Еще тогда, когда Валентина пришла к ней вместе с секретарем комитета комсомола Зиной Максимовой посоветоваться по поводу перехода в новую бригаду, она сказала:

— Хорошее ты дело задумала. Но не забудь, Валя, что потеряешь на первых порах примерно треть своей зарплаты. Шибалова никогда больше шестидесяти рублей не получала. Как твои-то дела? Не будет ли трудно?

Валентина вспыхнула как порох. «Только тогда, — вспоминала она впоследствии, — мелькнула мысль о заработке — обо всем думала, а о заработке нет. Не отступлюсь от своей цели, — решила она, — а то как горько будет вспоминать потом эту минуту малодушия». И она твердо сказала Варваре Ивановне:

— Продержусь пока! Да и не век бригаде плестись в хвосте.

Варвара Ивановна покачала головой:

— Ты ведь отвечаешь теперь за всех членов бригады. Десять разных характеров, нравов. Надо к каждой подыскать ключик, каждой помочь, научить.

И Валентина учила. Она переходила от станка к стан-

ку и обучала девушек, как надо быстро, почти молниеносным движением присучивать оборвавшуюся нить, точно, без суеты снимать съем, чтобы машина не простаивала ни секунды, бережно относиться к так называемым отбросам производства — подбирать и сортировать обрывки ровницы, нити и хлопка. Гаганова добилась отличной наладки оборудования.

Пользуясь правами бригадира, она произвела перестановку людей в бригаде. Наиболее сильная прядильщица Людмила Борисова была поставлена к машинам, которые в то время работали хуже других. Гаганова была уверена, что с помощью помощника мастера Борисова наладит и эти машины. Лучшие станки были отданы самой отстающей прядильщице — Альбине Ивановой.

Одновременно была произведена перестановка съемщиц. Их всего в бригаде было шесть. На самую трудную работу были поставлены наиболее опытные работницы Панкова и Шибалова.

Гаганова, строгая и требовательная к себе, вырабатывала эти же качества у всех членов бригады. Новый бригадир не допускала опозданий даже на несколько минут. Радовало ее, что Альбина Иванова, которая жила дальше всех, в деревне Пашино, всегда вовремя вставала к станкам. На оправдания опоздавших:

— Проспала. Подруги не разбудили.

— Далеко живу...

Гаганова говорила:

— Не из Пашина ли шла? Так ведь Аля-то уже давно здесь.

Постепенно опоздания исчезли. Девушки стали приходить на работу раньше минут на десять-двадцать, чтобы, как учила Валентина, принять смену на ходу.

Незаметно, но настойчиво развивала Гаганова дружбу и товарищескую взаимопомощь в бригаде. Подсев как-то во время обеда к Лиде Семеновой — своей лучшей прядильщице, — она сказала:

— Лида, а почему бы тебе не взять шефство над Ниной Львовой? Ведь вы же землячки, вместе домой в Бологое в отпуск ездите. Нехорошо получается: ты — передовая, она — отстающая.

— Уж какая я передовая, — ответила Лида, — не отстаю разве что?

— Не скромничай, Лидочка! Помоги Нине, прошу тебя...

— Хорошо, — пообещала Лида.

В бригаде развернулось соревнование между съемщицами за самый быстрый и качественный съем продукции. Под руководством Гагановой съемщицы научились «разгонять съемы» так, чтобы ни одна из восьми прядильных машин не простаивала ни минуты. А Альбине Ивановой помогали все — чуть запарка, обрыв нити, кто свободен, подходит к ней: обучает, помогает. Аля довольна, больше не плачет.

Бригада менялась на глазах. Небрежность становилась чрезвычайным происшествием.

Однажды без уважительных причин не вышла на работу Людмила Шибалова, все еще болезненно переживавшая свою «отставку». Ответ ей пришлось держать перед всей бригадой. Особенно наседала некогда беспечная Женя Панкова:

— Ты нас не позорь. Прошло то время, когда нас на всех собраниях лихом поминали.

Но вот спокойно заговорила Валентина Гаганова:

— Понимаешь ли ты, Люся, что натворила? Кто за тебя работать должен? Ведь у бригады план. Мы, конечно, старались, но всю работу сделать не смогли. Тридцать килограммов пряжи недодали. Представляешь?..

Неприступную, самоуверенную Людмилу как будто подменили:

— Все ясно, девочки! Обещаю не подводить!

Так зарождалась коллективная ответственность за дело, рабочая спайка, дружба, товарищеская взаимопомощь.

В результате — общий успех. Уже в октябре бригада выполнила план на 113,9 процента, в ноябре — на 118,4 процента.

В ноябре Альбина Иванова догнала прядильщиц. Ее достижениям радовались все.

За работой новой бригады Валентины Гагановой следил весь коллектив цеха. Даже специальные «молнии» выпускались об успехах бригады. А Варвара Ивановна Базлова стремилась, чтобы почин Гагановой получил широкое распространение. Сотрудники многотиражки Вышневолоцкого текстильного комбината Уточкин и Плавинский, вспоминая то время, писали:

«В. И. Базлова, секретарь партбюро прядильного цеха, остановила нас однажды:

— Смотрите, братцы, не опоздайте!

— Куда? — не поняли мы.

— В первом прядильном дело интересное начинается: Гаганова в бригаду Люси Шибаловой перешла».

18 октября 1958 года в «Вышневолоцком текстильщике» была напечатана статья «Следуйте примеру Валентины Гагановой». «Слово коммуниста Гагановой, — писала многотиражка, — секретаря сменного комсомольского бюро — крепкое слово. Оно никогда не расходится с делом...» Далее в статье рассказывалось, что у Гагановой уже нашлись первые последователи — ее сменщица, руководитель комсомольско-молодежной бригады Тамара Андреева. В отстающие бригады перешли затем Зоя Данилова, Галина Нестерова, Анна Дементьева.

Страна готовилась к XXI съезду КПСС. Росло и ширилось новое патриотическое движение рабочего класса — соревнование за звание коллектива и ударника коммунистического труда. Передовые бригады брали на себя обязательства учиться, работать и жить по-коммунистически. Высокие обязательства по совету Базловой взяла и новая бригада Гагановой: решили получить все среднее или среднетехническое образование; выполнить семилетку в шесть лет, к концу 1959 года давать за 7 часов столько продукции, сколько раньше за 8 часов; вырабатывать пряжу без брака; до конца 1965 года ежегодно каждому члену бригады отработать по 10 часов на строительстве жилищного фонда; превратить бригаду в образцовую коммунистическую, с высокой производственной культурой и дисциплиной.

На первый взгляд, обыкновенное обязательство. Но выполнение каждого пункта требовало больших усилий. Плохо обстояли дела с учебой. В бригаде Гагановой, кроме Людмилы Борисовой, закончившей среднюю школу, никто не учился ни в школе, ни на курсах. Девушки плохо знали свои станки. Чуть какая поломка — звали ремонтников.

Когда заговорили об учебе, Женя Панкова по обычному грубовато высказала общее мнение:

— Мозги наши пока не в ту сторону направлены.

На нее неожиданно набросилась Люся Шибалова:

— Ты, Женя, не права. За всех не говори. У меня совершенно другое мнение — надо обязательно пойти учиться и в школу рабочей молодежи, и на технические курсы.

Спор решила Гаганова:

— Скажу по секрету, девчата, до чего же мне трудно будет сейчас начать учебу! Ведь я же за партой не сидела более десяти лет. Но раз всем, так всем! И давайте впишем пункт об учебе первым.

Приняв эти обязательства, бригада Гагановой поставила перед собой новые задачи — от достигнутых ею средних показателей перейти к самым высоким.

В январе 1959 года был подписан договор о социалистическом соревновании между бригадами Валентины Гагановой и Тамары Андреевой.

«Мы, — говорилось в договоре, — члены бригад инициатора движения В. Гагановой и ее последователя Т. Андреевой, решили начать соревнование между нашими бригадами за досрочное выполнение первого года семилетки...

Решили закончить годовое задание к 25 октября, дать сверх плана по 35 тонн пряжи каждой бригадой, добиться высоких показателей производительности оборудования; помочь бригадам Бровиной и Кирьяновой с таким расчетом, чтобы они имели такие же показатели, как и бригада Гагановой».

Как выросли, преобразились люди! Всего за несколько месяцев когда-то самая отстающая бригада выходила на передовые рубежи.

— Недолго же ты ходила в отстающих, — говорили Гагановой, поздравляя ее с успехом.

— Разве во мне дело? — отвечала Валентина. — Девчата попались хорошие.

В феврале 1959 года Валентину свалил жесточайший грипп. Пришлось лечь в больницу. Болела голова и еще больше сердце за бригаду. «Как-то там мои девчонки? — думала Валентина. — Справится ли Шибалова с бригадирскими обязанностями? А Женя Панкова? Не своевольничает ли опять?»

Валентина всегда спрашивала о своей бригаде у мужа, посещавшего ее в больнице почти каждый день.

— Говорят, у них все хорошо! — отвечал он. — Шибалова молодец, работает отлично, и девчата не отстают от нового бригадира.

Родилась Валентина Ивановна в самом начале 1932 года — 3 января — в деревне Цирибушеве Калининской области. Незадолго до этого прошла коллекти-

визация. Отец и мать Вали вступили в колхоз «Красный май».

Отец, Иван Иванович Гаганов, сын, внук и правнук русских крестьян, хорошо знал любую крестьянскую работу. Летом с зари до темна пропадал в поле, а зимой занимался столярным ремеслом или плел большие корзины для сена. В колхозе он руководил полеводческой бригадой: на косилке косил, на жнейке конной жал, лен возил, управлял молотилкой.

Незадолго до войны Иван Иванович переменил профессию — пошел работать на соседнюю железнодорожную станцию.

К труду Валя приобщилась рано. Она помогала матери по хозяйству, присматривала за маленькими сестренками. Валя всегда находила время, чтобы поиграть с ребятами, сходить по грибы, собрать на дальних болотах клюкву. За бойкий мальчишеский характер Валю любили и уважали сверстники, часто избирая ее своим вожаком в играх.

Но вот грянула война. Иван Гаганов ушел на фронт, осталось на руках у Зинаиды Васильевны пятеро детей: старшему двенадцать, младшему — около двух лет. Матери приходилось много работать в колхозе, на Валентину — вторую среди детей — легли основные заботы по дому: и печь истопить, и корову подоить, и за ребятами присмотреть.

Летом 1942 года на семью Гагановых обрушилось горе: пришла похоронная — «Красноармеец Иван Гаганов погиб смертью храбрых». Вот тогда Валя по-настоящему поняла, какое это страшное слово «война». Многие в Цирибушеве остались без отцов.

Когда-то богатая деревня приходила в упадок. Трудно было одним женщинам справляться с хозяйством. Никогда не забудет Валя, как мать вместе с другими колхозницами впрягалась в плуг и пахала черную сырую землю. Ребята, чем могли, помогали взрослым. В нелегком труде, среди горя и страданий закалялся характер Валентины Гагановой.

В 1946 году ее взяла к себе тетка, сестра отца, в Ковров. Здесь она поступила в ФЗО, получила специальность токаря и стала работать на Киркижском заводе. Домой она каждый месяц посылала деньги и с гордостью сообщала, что ей уже поручают обрабатывать сложные детали.

Быстро прошли полтора года. Но вот заболела мать. Вале пришлось уйти с завода и поехать в деревню. Когда Зинаида Васильевна поправилась, Валя объявила:

— Не могу без завода жить. Поеду в Вышний Волочек. Тут близко. Буду к вам в гости приезжать и деньги присылать.

Шестнадцатилетней девушкой пришла Валя Гаганова на Вышневолоцкий комбинат. «На фабрику, — рассказывала она потом, — меня взяли охотно. Старательно заполнила я учетную карточку. Быстро просмотрев ее, девушка выписала направление, пропуск, и я зашагала по огромному двору комбината. На другой день я была уже в цехе. Первые впечатления, которые произвела на меня фабрика, я не забуду всю жизнь».

Валентину определили в прядильный цех ученицей съемщицы. Цех был большой, просторный, светлый. Аккуратно рядами стояли сотни станков. От грохота машин, от обилия снующих людей, как потом признавалась Валентина, она буквально «ошалела». Мастер Антонина Михайловна Селезнева подвела Валю к грохочущей длинной машине, густо усаженной катушками белой пряжи, и сказала:

— Ну вот твое рабочее место, — а потом подозвала к себе пожилую работницу, добавила: — Принимай, Надежда Фроловна, пополнение.

Надежда Фроловна, или, как просто называли ее молодые работницы, тетя Надя, стала первой наставницей Вали по текстильному делу. Бригадир одной из лучших бригад, коммунистка, вступившая в партию в год рождения Вали, ударница и стахановка 30-х годов, Кузьмина с самых первых дней прививала Валентине любовь и уважение к труду.

Поначалу не все шло гладко. Сложная профессия осваивалась с трудом. Особенно тяжело было освоить присучку нити. Валя назубок выучила теорию, а на практике ничего не получалось. Десятки, сотни раз показывала Надежда Фроловна правильные приемы работы.

— Не спеши, — советовала она, — силой в нашем деле не возьмешь. С умом, Валя, работать надо. В текстильном деле играют роль секунды, беречь их поэтому следует.

Этот совет Гаганова всегда помнила. Во всех ее начинаниях борьба за секунды играла первостепенную роль.

Когда недели через две спросили у Надежды Froловны:

— Ну как там новенькая?

— Гаганова-то? Ничего. Шустрая, — ответила она.

А еще через месяца два уже про нее же говорила:

— Характерная, самостоятельная!

Освоив профессию съемщицы, Валентина стала присматриваться к новой, более сложной специальности — планочницы. Она научилась останавливать машину на съем и изучала особенности ее пуска после заправки. В конце 1949 года ее назначили бригадиром на новом, восьмом комплекте.

Теперь ее наставником стал Анатолий Васильевич Смирнов, в то время мастер смены, а потом начальник цеха. У него она научилась бережно и аккуратно относиться к машинам. Как-то, когда у молодого бригадира остановились сразу три станка, мастер сказал:

— Неужели вы не понимаете, что грязь — это бич в работе текстильщицы?

Он поднимал чистильные доски у остановившихся станков и показывал Гагановой обилие пуха в вытяжном аппарате. «Сначала я считала, — рассказывала потом Валентина Ивановна, — что главное, на что следует обращать внимание прядильщице, — это не уход за машинами, а присучка оборвавшихся нитей. Но я глубоко ошибалась, потому что обрыв нитей находится в прямой зависимости от количества пуха на оборудовании. Чем чище машина, тем спокойнее проходит на них процесс прядения, тем выше качество продукции прядильщиц».

За два года многому научилась Валентина, стала лучшей съемщицей, хорошим бригадиром. В 1950 году она вступила в комсомол. Ее тянуло в клуб, в кружки. С интересом слушала воспоминания старых работниц о Вышневолоцкой мануфактуре, принадлежавшей до революции миллионерам Рябушинским. Волновали рассказы ударников, стахановцев, новаторов.

В конце 1952 года на комбинате родилось ценное начинание. Прядильщица Галина Самбурова, анализируя свою работу и работу других, установила, что производительность работниц наивысшая в первые два часа после приема смены и значительно ниже в последующие часы. Это получалось не от того, что прядильщица уставала физически, а потому, что сильно возрастала обрыв-

ность нитей из-за большого обилия пуха на вытяжном аппарате.

После долгих поисков Галине Самбуровой с помощью инженера и нормировщика цеха удалось четко распределить операции, разработать график обслуживания машин. Суть его сводилась к тому, что прядильщица, выполняя основные операции, с каждым обходом машин выполняла операции и по уходу за оборудованием.

График, предложенный Самбуровой, был до виртуозности отшлифован, он создавал четкий, продуманный план маршрута прядильщицы. Галя Самбурова первая добилась самой высокой производительности — в смену она вместо 53 килограммов пряжи снимала по 61—62.

Применение ее предложения подняло производительность оборудования в целом по фабрике на 3,5 процента.

Валентина Гаганова быстро овладела методом Самбуровой. Новый график рабочего дня с успехом применялся в ее бригаде.

Октябрь 1955 года. В красном уголке идет комсомольское собрание. На повестке дня — итоги работы прядильного цеха за девять месяцев. Председательствует Валентина Гаганова. Она стучит карандашом по пустому графину.

— Тише! Чего раскричались? Слово имеет Зоя Данилова.

К столу подошла стройная кареглазая девушка, раньше она редко выступала.

— Многие здесь говорили, — начала она тихим голосом, — что мы плохо работаем, вернее, не одинаково: одни далеко убежали, другие на месте топчутся, а третьи в хвосте плетутся. Почему у нас есть отстающие да неумеющие? Потому что недружно работаем. Вот наша бригада и решила помочь сменщицам.

Зоя Данилова рассказала о том, как по совету партгрупорга цеха Анны Николаевны Захаровой ее девчата приняли решение помочь своим сменщицам из бригады Ларисы Лаушкиной ликвидировать отставание.

Метод бригады Даниловой заключался в том, что каждая работница трудилась со своей сменщицей, подмечая недостатки, помогала их устранять. Члены передовой бригады не только учили, передавая свой опыт, но и учились сами, перенимая все то хорошее, что имелось у отдельных работниц отстающего коллектива. Это было своеобразное соревнование передового коллектива с отстаю-

щим. Задача — подтянуть отстающих до уровня передовых.

За соревнованием следил весь цех. Уже через месяц выработка бригады Ларисы Лаушкиной выросла на 18 процентов и бригада стала одной из лучших на фабрике.

Коллективный метод передачи опыта нашел широкое распространение. Бригада Валентины Гагановой взяла «на буксир» коллектив Зинаиды Корчагиной, а потом бригаду Евдокии Вербовой. Оба коллектива вскоре стали передовыми.

В конце 1957 года на Вышневолоцком хлопчатобумажном комбинате отмечалась знаменательная дата — 100-летие предприятия.

Многие рабочие были награждены орденами и медалями. Валентина Гаганова получила медаль «За трудовую доблесть». Это была ее первая награда за труд.

1957 год был для Валентины Гагановой особенно примечательным еще в связи с одним важным событием: она была принята кандидатом в члены Коммунистической партии.

В 1958 году комсомольцы 1-го прядильного цеха выбрали Гаганову комсоргом. На плечи Валентины легла забота о всех цеховых комсомольско-молодежных бригадах. В цехе их было 37. Особенно отставал коллектив Людмилы Шибаловой, из месяца в месяц остававшейся на последнем месте. Никто из его членов не справлялся с технически обоснованными нормами. Бригаду Шибаловой систематически «прорабатывали» на комсомольских собраниях. Но это не помогало. «Как помочь отстающей бригаде?» — этот вопрос все больше волновал молодого комсорга.

Сначала Валентина Гаганова подумала об испытанном методе Зои Даниловой. Но вскоре поняла, что к бригаде Шибаловой этот способ не подойдет, — здесь не примут советов «чужаков», да и обучить их за короткое время не удастся. Постепенно рождалась мысль о переходе на постоянную работу в отстающую бригаду.

Колебаниям и сомнениям положил конец непредвиденный случай.

В самом начале октября на комитете комсомола обсуждались итоги выполнения сентябрьского задания. Как и прежде, больше всех ругали бригаду Шибаловой. Валентина Гаганова прямо заявила, что отстающая бригада

срывает работу всего коллектива цеха. И вдруг Валентина услышала:

— Тебе хорошо говорить, а попробуй встань на мое место и поработай с моими девчатами! — Это сказала Людмила Шибалова.

— Ну и встану, — в запальчивости ответила Гаганова.

И вот прошло четыре месяца, как Валентина Гаганова перешла в новую бригаду. Эксперимент явно удался. Бывшая самая отстающая бригада вышла из прорыва и вступила в соревнование за звание коллектива коммунистического труда.

15 марта 1959 года, когда Валентина выздоровела и возвратилась на работу, вся первая полоса «Калининской правды» была посвящена Вышневолоцкому комбинату. «Поддержим патриотический почин Валентины Гагановой!» — было набрано большими буквами. «Подтянем отстающих до уровня передовых!» Далее следовали статьи Анны Дементьевой, Галины Андреевой и Галины Нестеровой. С фотографии смотрели молодые, задорные лица, первые последовательницы Гагановой. «Мы собрались вместе, — писали они, — и решили обратиться к вам, передовикам производства, последовать замечательному примеру планочницы Валентины Гагановой, пойти в отстающие бригады, участки, звенья, на фермы и вывести их в число передовых».

2 апреля 1959 года о почине Гагановой сообщила передовая статья газеты «Правда». Ее поступок был квалифицирован, как пример коммунистического отношения к труду, глубокого понимания общественного долга.

О скромной текстильщице из Вышнего Волочка узнала вся страна. К Валентине стали приходить письма. «Ты молодец, Валя, — писали сельмашевцы из Бежицы, — мы следуем твоему примеру». Особенно много писем приходило от текстильщиц. Землячки Гагановой с текстильно-суконной фабрики писали:

«От души говорим мы тебе: «Спасибо, Валя!» Твой пример поможет нам не только добиться увеличения съема пряжи в цехе, но и поможет крепить дружбу и товарищескую взаимопомощь между прядильщицами, поможет нашей смене скорее добиться звания коллектива коммунистического труда».

Письма приходили со всех концов страны.

«Вы начали замечательное, прекрасное дело, — писали из далекого Душанбе, — у него большое будущее. Метод, предложенный вами, нам кажется самым действенным. Наши предприятия родственные. Вы вырабатываете хлопчатобумажные ткани, мы — шелковые. На нашем комбинате подхвачен ваш почин. Первые же дни работы дали положительные результаты».

К 1 Мая бригада Гагановой вышла в передовые. Этому предшествовала еще одна радость. За три дня до праздника в обеденный перерыв в цехе состоялось короткое собрание, на котором было объявлено, что Валентине Ивановне Гагановой присвоено звание ударника коммунистического труда. «Я не могу без волнения вспомнить теплые, сердечные слова рабочих, сказанные на этом собрании», — писала она в книге «Поможем отстающим догнать передовых».

Бригада Гагановой набирала новые темпы. Съемщицы научились производить съем за 1,7 — 2 минуты вместо 3—3,5, как это было раньше. В июне бригада работала в счет сентября. Начальник цеха Смирнов радовался: за июнь цеху было присуждено Красное знамя фабрики. Впереди шла смена Вериной, где работала бригада Гагановой.

— В цехе нет больше отстающих бригад, — говорил Анатолий Васильевич. — Такого положения никогда не было.

Летом произошли события, которые перевернули жизнь Валентины Гагановой. Минут за сорок до смены на квартиру Гагановой принесли записку. «Просьба срочно явиться в партком. Скобелев». Павел Павлович Скобелев, секретарь парткома комбината, человек очень деловой, занятый. Раз вызвал так срочно, значит какое-то чепе.

В парткоме Гаганову встретил Алексей Николаевич Матвеев, секретарь горкома партии.

— Готовься, Валентина, в Москву ехать. На Пленуме ЦК будешь выступать, — сказал он.

Увидев, как смутилась Гаганова, он добавил:

— Не робей. Вместе подумаем, о чем рассказать Центральному Комитету.

...Пленум открылся 24 июня 1959 года, и в первый же день Валентине предоставили слово. Вот как она об этом рассказывала в книге:

«Вдруг слышу, председательствующий объявляет:

— Приготовиться для выступления бригадиру — пря-

дильщице Вышневолоцкого комбината Валентине Гагановой.

Ну, честное же слово, успокоилась я было совсем, а тут... Руки похолодели, пот на лбу выступил, комкаю в руках платочек, стараюсь собрать мысли. Маршал Рокоссовский рядом со мной сидел. Признал он меня, видно, по моему волнению, говорит:

— Вы, значит, и есть Валя Гаганова?

Что предыдущий оратор говорил, ни слова не помню, не слышала. Об одном думала: как бы не растеряться, когда выйду».

Двадцать минут говорила Гаганова. О своих учителях, предшественниках, о Галине Самбуровой, Зое Даниловой, о том, что в бригаду Шибаловой перешла, так как хотела, чтобы всему цеху лучше стало.

— Нам удалось доказать, — говорила она, — что нет плохих машин, плохих бригад и участков. Плохо там, где плохо работают люди, где низка квалификация, где не организован как следует труд, где низок уровень трудовой дисциплины. Мне кажется, рабочие наши поняли, что отстающие могут стать передовыми, если сами этого захотят, если вовремя и хорошо им помогут более сильные товарищи.

Зал слушал внимательно. Это вдохновило, и тогда Гаганова стала рассказывать о том, что им мешало: о старом оборудовании, новых станках, но плохого качества, низких сортах хлопка.

— Нас не удовлетворяет работа хлопкоочистительных заводов. За прошлый год и пять месяцев этого года в полученном нами хлопке было сверх нормы 650 тонн сора, то есть более 40 вагонов. Это сильно затрудняет нашу работу и загружает железную дорогу. Мы просим сделать так, чтобы нам возили настоящий хлопок.

Зал аплодировал. Говорила Гаганова и о бытовых нуждах — детских садах, яслях. Ничего не забыла.

В перерыве к ней подходили люди, знакомились, поздравляли.

...8 июля 1959 года Валентине Гагановой было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Узнала она об этом в вагоне поезда, отправлявшегося в Ленинград, куда они вместе с заведующим прядильной фабрики Ильей Георгиевичем Трабером ехали на встречу с комсомольцами и рабочими прядильно-ниточного комбината имени Кирова. За несколько минут до отхода поезда к вагону под-

бежали начальник планового отдела Ольга Игнатьевна Юрченко и Тамара Михайловна Анисимова, начальник 2-го прядильного цеха.

— Указ только что по радио передали! Держись теперь, Валентина! Звание Героя нелегко оправдать! — сказала Тамара Михайловна.

Указ Президиума Верховного Совета Гаганова прочитала уже в Ленинграде.

Многие в то памятное лето 1959 года повторили поступок Гагановой: Николай Мамай, Александр Кольчик, Петр Усов, Григорий Яворский, Ангелина Лебедева. На 1 сентября 1959 года в стране было свыше 10 тысяч гагановцев.

А сама Гаганова? Ей часто приходилось выступать в то время, встречаться с разными людьми, делиться опытом В Москве, Ленинграде, Калинине она подробно рассказывала об организации работы в бригаде, борьбе с обрывностью, уходе за машинами. Бригада Гагановой вступила по вызову Николая Мамая в соревнование за досрочное выполнение семилетки.

А когда в августе уходила в декретный отпуск, она спокойно передала бригаду Людмиле Шибаловой. Люся стала хорошим бригадиром — требовательным, опытным, детально знала все операции производственного процесса. Девчата часто навещали Валентину и каждый раз приносили хорошие новости: Аля Иванова, когда-то самая отстающая в бригаде, стала одной из лучших прядильщиц, за семь месяцев бригада выполнила восемь месячных норм; с 1 сентября все пошли учиться, приняв решение к 1965 году всем получить среднее образование, а Галине Ефимовой и Людмиле Борисовой — высшее.

Девушки рассказывали Валентине, что они по воскресеньям ходят в туристские походы или ездят на водную станцию, вместе бывают в кино, библиотеке, и первая заводила у них Женя Панкова.

«А сегодня куда идем?» — каждый раз спрашивала она и тут же предлагала что-то интересное.

Чувство локтя, коллективизма становилось постоянной потребностью. Были в то время и другие заботы. К ней приходило много писем. Корреспонденция прибывала не только из Союза, но и от зарубежных друзей. Еще в августе она получила письмо от Ирмгард Рихтер — текстильщицы из города Циттау, близ Дрездена, которая, узнав о поступке Гагановой, оставила свою передовую бригаду и перешла в отстающий коллектив. Через месяц новая

бригада Рихтер полностью ликвидировала свою задолженность и впервые выполнила месячный план.

Письма приходили из Румынии, Венгрии, Болгарии. На письма, особенно на вызовы по социалистическому соревнованию, обычно отвечали всей бригадой. Даже в декретном отпуске Валентина продолжала жить заботами своего коллектива.

28 октября 1959 года бригаде Людмилы Шибаловой было присвоено звание коллектива коммунистического труда. В ту ночь у Валентины родился сын.

На комбинат Гаганова вернулась в марте 1960 года. Ей дали новую бригаду (бригадиром старой осталась Людмила Шибалова). Снова отличная работа, первые места в соревновании, поддержка почина «Личный вклад каждого рабочего в снижение себестоимости продукции», обязательство на 1960 год — выполнение норм выработки на 125 процентов.

Но сердце Валентины неспокойно. Рядом работает бригада Фокиной, показатели которой значительно хуже. И снова Гаганова в отстающей бригаде. За короткий срок — меньше чем за два месяца — ей удалось наладить работу в новом коллективе и вывести его в передовые. Еще 12 работниц научились отлично трудиться.

А у Валентины Ивановны уже новая мечта. «Есть у меня одна интересная мысль, — писала она в одной из своих статей, — которую думаю осуществить в недалеком будущем. Дело в том, что в нашем цехе имеется участок, на котором установлено новое, незнакомое нам оборудование. Не очень успешно пока идут дела в этой бригаде. Не в полную силу используется техника. Трудно приходится девчатам на этом участке. И я думаю в ближайшее время попросить перевести меня в эту бригаду. Может быть, опыт, который я накопила за 12 лет, поможет быстрее наладить работу на этом участке».

В начале мая Гаганова перешла на этот трудный участок. Новые станки были покорены. Если раньше бригада не выполняла технически обоснованные нормы, то с приходом нового бригадира выработка поднялась на 10 процентов, а производительность оборудования стала самой высокой в цехе.

С таким багажом Валентина Гаганова приехала на I Всесоюзное совещание передовиков соревнования бригад и ударников коммунистического труда, проходившее в Москве 27 — 30 мая 1960 года. К тому времени у нее

было более 32 тысяч последователей. Снова друзья, выступления, волнения. А между заседаниями — Лужники, новые кварталы Юго-Запада столицы, магазины: хотелось купить костюмчик для Сережи, гостинцы домой, исполнить наказы подружек. А вечером — театр, задушевные встречи с друзьями.

Как-то в номере у Валентины Ивановны собрались Николай Мамай, Александр Кольчик, Юлия Вечерова, Кузьма Северинов — все знатные рабочие, Герои Социалистического Труда. Зашла и Валентина Белова, землячка Гагановой, одна из лучших свинарок страны.

Допоздна засиделись гости. О многом говорили здесь: и о государственных делах, и о бригадных, и о домашних. Смотрела на своих друзей Валентина и думала (потом об этом она писала в своих воспоминаниях): «Взять хотя бы по черточке их завидного характера, хотя бы чуточку их умения в делах! К примеру, у Юлии Михайловны Вечеровой — ее редкую душевность, у Александра Арсентьевича Кольчика — напористость, смелость. У Николая Яковлевича Мамая — партийную принципиальность, прямоту. У Кузьмы Антиповича Северинова — жизнерадостность, веселье. У моей тезки Беловой — женственность и редкое трудолюбие».

В этом вся Валентина Гаганова. Она видит в людях хорошее, светлое, доброе, берет у каждого его звездочку и несет ее тем, кому надо помочь советом, делом, примером.

В октябре 1960 года Валентина Ивановна снова взяла новую бригаду. На этот раз ей захотелось помочь совсем молоденьким девчатам, недавним выпускницам школы ФЗУ.

Поначалу девочки побаивались своего нового бригадира — сама знаменитая Гаганова пришла к ним! Они больше помалкивали, робели, когда Валентина обращалась к ним, волновались, краснели, когда надо было что-либо узнать у бригадира.

Это сразу же заметила Валентина Ивановна.

— Условимся так, — сказала она. — Все, что не умеете делать, говорите мне откровенно, я всегда помогу.

— Спасибо вам, Валентина Ивановна, — ответила Галя Смирнова.

Гаганова вполголоса поправила ее:

— Называйте меня, девушки, просто Валя, как и в прежних моих бригадах меня звали.

Это было началом дружбы. А вскоре пришли и успехи: в декабре 1960 года бригада перевыполнила технически обоснованные нормы и повысила производительность труда. В январе 1961 года новой бригаде Гагановой было присвоено звание коллектива коммунистического труда. Это была четвертая бригада, которую она вывела из отстающих в передовые. Еще 11 девушек научились отлично работать.

А когда у Валентины серьезно заболел сынишка, девчата взяли все заботы о бригаде на себя, даже бригадирские обязанности выполняли по очереди. А сколько гостинцев они переносили маленькому Сереже — и апельсины, и яблоки, и всякие игрушки. Выздоровление Сережи было праздником для всей бригады.

В каждом новом коллективе Гагановой вводилось что-то свое, особенное. Вот и в этой бригаде решили для лучшего учета ежедневно вывешивать результаты труда каждой работницы (отмечать, сколько конкретно наработано каждой), а также завести журнал для записей «болезней» машин.

Эти нововведения очень помогали.

В 1961 году вся страна готовилась к XXII съезду партии.

Росло движение последователей Гагановой. Они были во всех республиках страны. В Грузии и Азербайджане, Литве и Латвии, Белоруссии и Молдавии, Украине и Узбекистане передовые рабочие переходили на отстающие участки и выводили их в передовые. Знатная шелкомотальщица Туркмении Герой Социалистического Труда Айсолтан Караджаева рассказывала:

«Я узнала о почине Гагановой еще весной 1959 года, но, по-честному сказать, перейти сразу в отстающую бригаду побаивалась. Вдруг не получится? Ведь звание у меня какое — Герой Социалистического Труда, а тут надо держать ответ не только за себя, но и за всю бригаду.

Окончательное решение я приняла после личного знакомства с Валентиной Ивановной. Надолго запомнилась мне наша встреча. Сильное впечатление произвела на меня Гаганова. Сразу видно — волевая женщина, настойчивая; я бы даже сказала, с крутым характером. Но в то же время — добрая, отзывчивая, ласковая, и, что самое главное, верит она в людей и тем самым вселяет и в них уверенность в свои силы. На мои опасения она сказала с хитринкой:

— Откровенно тебе скажу, Айсолтан, и я боялась. Ой как боялась! Но по тебе вижу — справишься. Бери новую бригаду, не бойся, а если что — напиши, сама к тебе приеду, помогу обязательно.

Валентина Ивановна улыбнулась и тепло, по-сестрински, обняла меня. Этой улыбки и добрых слов я никогда не забуду. Очень помогли мне и ее деловые советы: как лучше организовать работу в бригаде, распределить по местам работниц, наладить взаимопомощь, ухаживать за машинами, вести журнал дел бригады и все другое.

Первую бригаду в передовые я вывела в 1960 году, а потом еще дважды переходила на отстающие участки. И везде результаты были одни и те же: перевыполнение плановых заданий, рост производительности труда и, конечно, соответственно, увеличение заработной платы. И в этом огромная заслуга Валентины Ивановны Гагановой, которая вселила и в меня уверенность, и я передала ее своим девчатам в Ашхабаде».

На рубеже 50—60-х годов гагановское движение охватило все республики страны. В Грузии перешла в отставшую бригаду прядильщица Горийского хлопчатобумажного комбината Елена Гегелашвили. Через газету «Коммунист» она обратилась к Гагановой с просьбой поделиться опытом и начать переписку. Вскоре пришел ответ, в котором Валентина Ивановна рассказывала о своей бригаде, ее успехах. Тогда-то знатные рабочие республики Гегелашвили и Мачурлария (Тбилисский камвольно-суконный комбинат) обратились к трудящимся Грузии с призывом поддержать замечательный почин их русских товарищей.

На Украине почин Гагановой был сразу же поддержан не только текстильщиками, но и рабочими других отраслей производства. Яценко, Глущенко, Свердличенко — это ее последователи в машиностроительной промышленности.

Среди первых последователей Гагановой в Белоруссии были Селькин (завод «Гомсельмаш»), Чекель (Гродненский тонкосуконный комбинат), супруги Лебедь (Минский подшипниковый завод).

В Прибалтике одной из первых назвала себя сестрой Гагановой Галина Геронок. Об этой двадцатилетней комсомолке с рижского швейного комбината «Авангард» писали в то время многие газеты. А она сама говорила:

— И зачем так много пишут обо мне? Ведь я только повторила поступок Гагановой. Это ее слава, а не моя.

Варсик Гаспарян с Ереванской швейной фабрики писал в своем заявлении в связи с переходом в отстающую бригаду:

«Патриотический пример Валентины Гагановой меня безмерно воодушевил, прошу послать меня в бригаду № 4. Можете быть уверены, что с коллективом этой бригады все предпримем, чтобы сделать бригаду передовой».

Так развивалась солидарность и взаимопомощь в многонациональной рабочей советской семье. Почин Гагановой сыграл огромную роль в укреплении дружбы народов СССР, рожденной еще в первые годы Советской власти.

Вместе со всеми к XXII съезду готовилась и новая бригада Гагановой, ее 11 славных подруг: пять Галок (как их любовно звала Валентина) — Захарова, Александрова, Смирнова, Ефимова, Никитина, а также Ирина Цыганкова, Вера Шипкова, Татьяна Каева, Зоя Варламцева, Раиса Благова и Валентина Александрова. Каждая из девушек взяла обязательство к съезду, а в целом бригада обязалась дать сверх плана ко дню открытия партийного форума 5700 килограммов пряжи. Коллектив Гагановой вызвал на предсъездовское соревнование бригаду Мамая.

16 октября девушки провожали Валентину Ивановну на съезд. Она была избрана делегатом от Вышневолоцкой партийной организации. В день открытия съезда Валентина получила телеграмму:

«Москва. Кремль. Делегату съезда Гагановой Валентине Ивановне.

Дорогая Валентина Ивановна! Шлем тебе горячий привет и искренне желаем плодотворных успехов в работе съезда. Заверяем, что в твое отсутствие бригада не снизит взятых темпов. Ежесменно даем сверх плана 20—25 килограммов пряжи».

«Милые мои девочки, — думала Валентина, — молодые и красивые, упорные и веселые, как я люблю вас всех!»

На съезде Гаганова встретилась со своими старыми друзьями — Вечеровой, Мамаем, Кольчиком. Познакомилась со знатными колхозниками страны — Героями Социалистического Труда Долинюк и Гиталовым.

Особенно запомнилась ей встреча с Юрием Алексеевичем Гагариным.

И еще навсегда в памяти осталась волнующая, очень сердечная встреча с президентом Вьетнамской Демократической Республики Хо Ши Мином. Дядя Хо, как рассказывала потом Валентина Гаганова, крепко пожал ей руку и сказал по-русски:

— Как ваши дела, товарищ Гаганова? Как ваше здоровье?

— Спасибо, на здоровье не жалуюсь, дела идут хорошо.

Президент ласково улыбнулся, усадил Валентину рядом с собой, и они долго беседовали (Хо Ши Мин хорошо говорил по-русски) о советских и вьетнамских делах, прядении, распространении передового опыта.

— На память о нашем знакомстве, — сказал на прощанье Хо Ши Мин, — я хочу подарить вам вазу.

И он передал ей подарок. На вазе было написано: «В память о XXII съезде КПСС».

Валентина горячо поблагодарила президента и просила передать горячий привет вьетнамскому народу от вышневолоцких рабочих, а от себя лично и от своей бригады пожелала успеха намдиньским текстильщикам, среди которых было много ее последовательниц и с которыми бригада вела оживленную переписку.

23 октября Гаганова выступила на съезде. Начала с того, что ее бригада заверила делегатов съезда, что она и все трудящиеся Калининской области не пожалеют сил для выполнения решений XXII съезда КПСС.

— Некоторые могут сказать, — говорила она, — как же это вы, еще не зная решений, уже обещаете их выполнить? Мы обещаем потому, что всегда доверяли и доверяем нашей партии и твердо знаем — партия всегда принимает такие решения, которые полностью отвечают жизненным интересам и надеждам трудящихся.

Затем она рассказала о работе своей новой бригады, о том, что предсъездовское обязательство перевыполнено — вместо обещанных 5700 килограммов пряжи дано 7200 килограммов, говорила о соревновании с бригадой Николая Мамая.

— Николай Яковлевич со своими товарищами дает сверх плана уголь эшелонами, а мы, прядильщицы, сверхплановую продукцию исчисляем тоннами. И хотя труд у нас исчисляется по-разному, но цель у нас одна — дать больше продукции нашему народу, которому

нужны и сверхплановые эшелоны угля, и сверхплановые тонны пряжи.

Пусть нам порой нелегко. А как радостно трудиться во имя счастья советских людей, во имя коммунизма! Думается, что соревнование с бригадой товарища Мамая у нас продолжится, и мы, текстильщицы, не собираемся уступать первенства.

Валентина Гаганова рассказала также и о новых починах, рожденных в Вышнем Волочке: о бригаде Евгении Степановой, выступившей инициатором соревнования за достижение новых, более высоких темпов повышения производительности труда, и начинании Галины Пушкаревой, добровольно увеличившей себе норму выработки.

Речь Гагановой на съезде — это не только выступление бригадира-планочницы, это даже не речь знатного рабочего нашей страны, это речь государственного и партийного деятеля, заботящегося о всем советском народе, о процветании нашей Родины.

На XXII съезде Валентина Гаганова была избрана членом Центрального Комитета КПСС.

Перед отъездом из Москвы Николай Яковлевич Мамай зашел попрощаться с Гагановой:

— Ну что, Валентина Ивановна, возьмемся за работу засучив рукава? Передай прядильщицам из своей бригады: теперь уж мы посоревнуемся!

И соревнование продолжалось. Новая, четвертая бригада Гагановой набирала темпы: из месяца в месяц улучшалась работа, крепла дружба и взаимопомощь, а в результате — первое место в соревновании.

В 1962 году кандидатура Валентины Гагановой была выставлена от Вышневолоцкого избирательного округа в Верховный Совет. 18 марта рано утром вся бригада пришла к Валентине Ивановне. Кто-то взял трехлетнего Сережу на руки, кто-то подхватил под руку мужа Валентины Александра, а Валентину поставили в середку, и пошли все вместе, растянувшись широкой шеренгой, на избирательный участок. Весело прошло то воскресенье. А на другой день узнали: Валентина Гаганова избрана в Верховный Совет СССР. Ко многим обязанностям прибавилась еще одна — депутатская, почетная и в то же время ответственная.

Через полмесяца Валентина Ивановна была в Москве. Она приехала на пленум ЦК профсоюза текстильной и легкой промышленности, членом которого была избрана

еще в 1960 году. Тут-то и произошло первое знакомство автора этого очерка с Гагановой.

В то время она была уже знатным человеком страны: Героем Социалистического Труда, членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР. Некоторые мои коллеги и профсоюзные работники не советовали мне встречаться с Валентиной Ивановной.

— Времени у нее сейчас мало, не примет, — шутили одни.

— Она все время в разъездах, трудно застать, — предупреждали другие.

— Больше в президиумах сидит, чем работает в бригаде, — с явными намеками говорили третьи.

Сказать по-честному, такие разговоры пугали меня. Вдруг, действительно, слава испортила человека? Ведь и такие случаи бывали. Но все, что я знала о Валентине Ивановне, говорило о другом. Особенно запомнился мне очерк, помещенный год назад в «Калининской правде». Там был воспроизведен такой эпизод. Как-то Гаганова подошла к начальнику прядильного производства Киселеву и сказала:

— Михаил Алексеевич, прочтите вот это письмо, которое я недавно получила.

«Вы должны мне посоветовать, — писал адресат, подписавшийся: Бедан, — как стать знаменитым человеком. Я очень хочу, чтобы моя личность тоже была известна всему нашему народу, чтобы родные узнали, какого сына они вырастили».

Михаил Алексеевич сказал:

— Напишите ему, Валя, что рецепт есть один: труд, честный, творческий труд на благо Родине.

— А может, не писать? — сомневалась Гаганова.

— Ответить надо. Некоторые молодые люди наши дела представляют наивно. Их надо убеждать, воспитывать...

Я знала, что Гаганова приехала на пленум, и, войдя в зал заседаний, стала ее разыскивать. Она сидела в десятом ряду.

Потихоньку я подсела к Валентине Ивановне и стала незаметно ее рассматривать. Огромные голубые глаза, чуть вздернутый нос, красивые губы, румянец во всю щеку. Красивая. Волосы густые, золотистые, две толстые, большие косы были уложены на затылке. Такие волосы сейчас редко встретишь. На портретах Гаганова выгля-

дела значительно хуже. «Видимо, не фотогеничная», — с досадой подумала я. На ней была зеленая шерстяная кофточка, серая прямая юбка и черные туфли. Туалет дополняла маленькая изящная сумочка. «Со вкусом женщина», — уже с явным удовольствием отметила я.

Гаганова с большим вниманием слушала оратора. На трибуне Нефедова — председатель ЦК профсоюза. Вот она заговорила об успехах текстильщиц, о новых починах рабочих, и Гаганова вся засветилась, на лице заиграла добрая, очень приятная улыбка. А когда Нефедова перешла к недостаткам и трудностям, Валентина сразу же стала серьезной, даже нахмурилась немного. У нее было на редкость подвижное лицо, на нем сразу же отражались радость и печаль. Человек с таким лицом наверняка имеет такой же открытый и добрый характер.

В перерыве мы познакомились.

— Пойдемте вместе в буфет, — предложила я.

— Охотно, — согласилась Валентина Ивановна. — Только давайте возьмем с собой Юлю Вечерову. Мы с ней всегда вместе в Москве.

И вот мы сидим втроем за столиком, говорим буквально обо всем: о кинофильмах, спектаклях, книгах. Все новые и новые черты характера Гагановой раскрывались передо мной.

— Валентина Ивановна, а почему вы свою золотую звездочку не надели? — спросила я.

— Не хочется как-то особо выделяться перед людьми, обращать на себя внимание.

А потом мы заговорили о семейных делах.

— Валюша, вам не трудно управляться со всем своим хозяйством: сын, муж, учеба?

— Трудно, конечно, особенно с учебой. Ведь я семь классов еще в деревне окончила. Забыла многое, особенно математику, а в техникуме спрос большой, заниматься приходится много. По хозяйству же мне Саша помогает, золотой у меня муж. Поворчит: «Когда это кончится? Опять поздно пришла. Все собрания, работа». Но сердится он недолго. А сынишку люблю без памяти и очень скучаю, когда долго его не вижу. В общем-то, управляюсь со своим маленьким хозяйством. Юле куда как труднее, ведь у нее трое ребят.

— Ничего, и с тремя можно управиться, — спокойно говорит Юлия Михайловна, — главное — организовать, наладить все надо.

Да, такие женщины, как Гаганова, Вечерова и тысячи других, все успевают: они и любящие жены, и прекрасные матери, и хорошие хозяйки. А про работу и говорить нечего: и передовики, новаторы, общественники. Много забот у этих женщин.

В то время Гаганова работала над книгой. Еще в 1961 году издательство «Советская Россия» предложило ей написать автобиографическую повесть.

— Нам нужно, Валентина Ивановна, рассказать о вашем почине просто и доходчиво. Нужно показать, как рождаются герои в нашей стране, как ценятся труд и рабочий человек в социалистическом обществе. И никто лучше вас это сделать не сможет.

Такое предложение озадачило Гаганову. Правда, некоторый опыт у нее был. По горячим следам осенью 1959 года она написала две небольшие брошюры. Но это были маленькие работы, а тут надо было засесть за большую книгу. На это требовалось время, упорство и, конечно, талант.

— Не выйдет из меня литератора, — решительно заявила издателям Гаганова. — Да и времени совсем нет: работа, учеба, семья...

— Как же так, Валентина Ивановна, — настаивали представители издательства, — кто, как не вы, знает, какой огромный резонанс получили ваши брошюры. Хоть и стотысячным тиражом были изданы, а ни одной не осталось в магазинах. И не только у нас. Ваши первые работы были переведены в Болгарии и Чехословакии. Соглашайтесь, ну право же соглашайтесь.

И все-таки Гаганова отказывалась, отказывалась наотрез. И тогда «хитрые» издатели привели последний довод.

— Как же так получается, — сказали они, — сами вы всем помогаете, из бригады в бригаду переходите, а нам помочь отказываетесь. Давайте и в нашем деле организуем товарищескую взаимопомощь. Вы нам кое-что рассказываете, кое-что записываете, а дальше работаем вместе — редактируем ваш текст по-своему, по-журналистски.

И Гаганова согласилась. Так прибавились новые заботы. Приходилось вечерами после работы сидеть над текстом, вспоминая близкие и далекие годы.

Книга Гагановой «О самом дорогом» вышла из печати в 1963 году. С большим интересом встретили ее чита-

тели. Особенно захватывали страницы, посвященные войне, суровому детству и юности Вали. А как увлекательно рассказала Валентина Ивановна о своей поездке на Кубу в 1962 году!

Очень понравились Гагановой многолюдные, шумные, с диковинными растениями улицы Гаваны, а еще больше кубинцы: добродушные, веселые, увлекающиеся, порывистые. На Гаванском текстильном комбинате у ткацких станков стояли мужчины, а не женщины, как у нас. Беседа завязалась на рабочем языке. Валентина Ивановна встала к машине и без слов показывала, как у нас подматывают и завязывают нити.

А потом был митинг. Собралось множество народа. В руках у рабочих были винтовки, и они, поднимая их вверх, скандировали: «Патриа о муэрте» — «Родина или смерть!» Глядя на поднятые кулаки и винтовки, Валентина думала о том, что нет силы, способной уничтожить кубинскую революцию, вернуть в рабство людей, узнавших свободу.

Это первое впечатление от кубинцев сохранилось во время всего путешествия по острову Свободы. «Везде и всюду, — писала потом Гаганова, — мы ощущали эту преданность родине, сплоченность людей в едином трудовом братстве».

Рассказала Валентина Ивановна и об одном трогательном случае, происшедшем неподалеку от Сантьяго. Во время встречи с офицерами кубинской армии к ней подошел молодой офицер и пригласил в гости к своим друзьям.

— Вас там очень хотят видеть, — сказал он.

В доме, куда приехала Гаганова, в колыбельке лежала смуглая девочка четырех дней от роду. Переводчик сказал:

— В вашу честь, Валентина Ивановна, эту девочку назвали по-русски Валей.

Возвращаясь на Родину с Кубы, Гаганова думала о том, как безгранична и хороша наша земля, и на память ей пришли слова Юрия Алексеевича Гагарина: «Облетев Землю в корабле-спутнике, я увидел, как прекрасна наша планета. Люди, будем хранить и приумножать эту красоту, а не разрушать ее!»

А в мае 1962 года она выступила на конференции по всеобщему разоружению в Москве.

— Когда выезжаешь далеко за пределы своей стра-

ны, — говорила она, — когда слушаешь радио или читаешь газеты, видишь, что и в наше время находятся люди, которых не радует созидание, творчество на благо людей. Им не дороги ни веселый смех детей, ни светлые улыбки на лицах матерей, чистое солнечное небо над головой. Они вынашивают планы войны, тратят колоссальные средства на ее подготовку, направляют научную мысль на создание смертоносного термоядерного оружия. И в сердцах женщин не может быть покоя, пока жизни и миру на Земле угрожает опасность новой мировой войны.

Гаганова остановилась, перевела дыхание и продолжала:

— Мне самой было всего десять лет, когда в дом пришла страшная весть: отец погиб на фронте. Как сейчас помню глаза матери в ту минуту, глаза простой русской женщины, в которых слились и горе, и великий гнев, и сила, какой мы раньше не замечали. Нет, мы не злопамятны, но мы не забыли и никогда не забудем, сколько крови было пролито, чтобы человек сохранил свободу, достоинство, счастье.

Валентина Ивановна замолчала. Зал напряженно слушал. Было тихо-тихо, но вот снова раздался ее голос:

— Я мать, у меня растет сын. И я вместе со всеми говорю: мы не позволим, чтобы над нашими детьми заносили кровавый меч. Мы не потерпим никакой угрозы их счастью. Наш народ, наша страна могут с чистой совестью сказать: «Советский Союз делает все, чтобы уберечь мир от войны».

Долго не смолкали аплодисменты. Она сказала, о чем думали все собравшиеся в зале. Это был голос женщины и матери, рабочего и государственного деятеля.

Как выросла и возмужала Валентина Ивановна! Менее чем за четыре года из рядовой текстильщицы из небольшого русского городка она стала знатным человеком страны, популярной личностью, далеко известной за пределами своей Родины.

А каждодневная работа? Обычная будничная работа продолжалась, как и раньше. По-прежнему Гаганова работала в своей четвертой, когда-то отстающей бригаде. Бригада с честью несла звание коллектива коммунистического труда. Каждый старался работать так, чтобы рядом с ним не было отстающих. Взаимопомощь в труде стала правилом в бригаде.

Как-то произошел такой случай. В коллектив пришла новенькая, совсем еще девочка, только что из школы ФЗУ. Ей было трудно угнаться за опытными прядильщицами. Девушки помогали ей, но работа всей бригады в какой-то степени страдала от этого. И тогда новенькая сказала бригадиру:

— Снимайте меня с машины, не получается у меня, и себя и вас мучаю.

Конечно, спокойнее было бы перевести ее на более легкий участок. Но не такой был бригадир, не такая была бригада, чтоб испугаться трудностей.

— Из тебя выйдет прядильщица, — ответила Гаганова. — Не сниму с машины, ты способная девочка, подучим тебя.

Еще с большим упорством взялись девчата за обучение новенькой. И вот результат — через месяц она выполняла технически обоснованные нормы на 103 процента.

Таких бригад, как коллектив Гагановой, становилось все больше и больше. Более ста бригадиров прядильной фабрики перешли на отстающие участки, что дало сверхплановой продукции за 1962 год до 157 тонн пряжи. На прядильной фабрике не было отстающих бригад.

В 1963 году на Вышневолоцком комбинате родился новый почин, продолжающий дело, начатое Гагановой. Его инициатором выступил помощник мастера ткацкой фабрики Яков Григорьевич Кошелев. Суть нового почина сводилась к тому, чтобы вывести из прорыва ткацкую фабрику, которая в результате перехода ткачей на обслуживание 7 машин вместо 5 не справлялась с технически обоснованными нормами.

— Мы в ответе не только за свою работу, — говорил Кошелев, — но и за весь цех. Давайте попросим наших лучших ткачей перейти на другие участки, а на их место возьмем ткачей более низкой квалификации.

Сказано — сделано! Из передовой бригады ушло 6 самых лучших рабочих, а на их место взяли 4 работниц, систематически не выполнявших нормы, и 2 выпускниц школы ФЗУ. В течение 1—2 месяцев опытный мастер обучал новеньких высокому мастерству ткача. Все работницы стали выполнять технически обоснованные нормы от 100 до 110 процентов. Не меньшую пользу принесли высококвалифицированные ткачихи Кошелева, перешедшие работать на отстающие участки.

У передового помощника мастера нашлось много последователей. Уже в первом квартале 1963 года на ткацкой фабрике число работниц, не выполнявших норм выработки, сократилось более чем наполовину.

Вместе со всеми радовалась новому почину и Валентина Ивановна, о котором она рассказала на втором форуме ударников коммунистического труда, проходившем в Москве в апреле 1963 года.

26 апреля Гагановой предоставили слово. Она рассказывала о делах коллектива Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината, а о своей прядильной фабрике сказала:

— Я сегодня с радостью перед вами отчитываюсь: на нашей прядильной фабрике отстающих бригад не существует.

С гневом говорила о прогульщиках, лодырях, пьянстве. Особенно обрушилась на летунов, переходивших с предприятия на предприятие в поисках «длинного рубля».

— Товарищи, — говорила она, — мне хочется сказать несколько слов о тех горячих откликах, которые вызвал призыв героини-колхозницы Надежды Григорьевны Заглады «Дорожить честью хлебороба».

Не одни только хлеборобы задумались над вашими словами, дорогая Надежда Григорьевна. Многие рабочие и работницы подняли свой голос протеста против летунов, пьяниц, ловкачей, пытающихся жить за счет труда честных людей. Надо окружить летунов обстановкой самого сурового порицания. Пусть общественность строго спросит с них... Чего вы бегаете? Что не примоститесь к одному краю? Какие пироги ищете, а сами крошите общий каравай.

16 июня 1963 года Валентина Терешкова полетела в космос. Такая же текстильщица, как Гаганова, почти с той же биографией, как ее тезка, Терешкова стала первой в мире женщиной-космонавтом. Приятно было узнать, что ее любимой героиней была, как писала «Правда», «трудолюбивая и душевная Валентина Гаганова — бригадир прядильной фабрики из Вышнего Волочка. Симпатизировала она Гагановой, может, и потому, что была ее тезкой. Но главным, несомненно, было то, что Гаганова всю свою жизнь связала с текстильным производством и смело прокладывала новые пути в социалистическом соревновании».

Валентина Терешкова была одной из первых последовательниц Гагановой. Еще в 1959 году она на ярославском текстильном комбинате «Красный Перекоп», распространяла гагановское движение.

В 1966 году Валентина Ивановна Гаганова проводила своего Сережу в первый класс. С любовью рассматривала она первые буквы и слова сына, тщательно выведенные в его тетрадках. Прибавились новые заботы. Да и на работе произошли разительные перемены. Теперь Гаганова уже не бригадир-планочница, а мастер смены первого прядильного цеха, того самого цеха, куда она пришла в 1948 году шестнадцатилетней девушкой.

В 1966 году В. И. Гаганова была делегатом XXIII съезда КПСС. Ее вновь избрали в состав Центрального Комитета партии.

В год 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции смена Гагановой дала сверх плана 8,5 тонны пряжи. А затем началось соревнование к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Смена Гагановой приняла решение завершить пятилетний план к 3 ноября 1970 года.

1968 год. 28 марта Валентина по радио услыхала весть, которая совершенно потрясла ее. Трагическая гибель Юрия Алексеевича Гагарина, первого летчика-космонавта, была воспринята в каждой советской семье как утрата очень дорогого и близкого человека.

29 марта на территории Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината состоялся траурный митинг. Вот на трибуне член ЦК КПСС Герой Социалистического Труда мастер Гаганова. С трудом сдерживая слезы, она говорит:

— Ушел от нас Юрий Алексеевич Гагарин. Трудно, невозможно представить, что этого простого, обаятельного человека нет среди нас. Горе безвременной утраты сковало сердце каждого из текстильщиков: ведь его все хорошо запомнили, когда он приезжал в наш город и когда посетил наш комбинат. Я не раз встречалась с Юрием Алексеевичем Гагариным, и он навсегда запомнился мне, как человек с открытой русской душой, влюбленный в нашу бурную жизнь и готовый на любой подвиг во имя Родины.

28 марта 1969 года в Доме культуры комбината состоялся слет ударников и членов коллективов коммунистического труда. Участники слета при-

няли обращение ко всем текстильщикам Вышнего Волочка. «Коллектив нашего комбината, — говорилось в обращении, — следуя лучшим патриотическим примерам трудящихся страны, объявил 1969 год ленинским годом ударной работы. Целый ряд коллективов борется за право называться коллективом коммунистического труда ленинской пятилетки, лучшей бригады в выполнении юбилейных социалистических обязательств».

Смена Гагановой вместе с другими передовиками включилась в юбилейное соревнование. А 1 апреля 1970 года заводская многотиражка опубликовала имена лучших людей комбината, которые были награждены орденом Ленина. Их было всего десять, и среди них Валентина Ивановна Гаганова.

Март 1971 года. Кипит работа на Вышневолоцком комбинате. Впереди, как всегда, кадровые рабочие, передовики производства, новаторы: Гаганова, Кувшинова, Муравьева, Белоусова... «Стариков» пытается догнать молодежь. Но это трудно, очень трудно — нет опыта, навыков, настойчивости. И тогда комсомольцы бросают вызов: «В честь XXIV съезда партии дадим производительность труда передовиков!»

Но как? Каким путем достигнуть! Средство одно — обратиться за помощью к опытным рабочим.

И вот у Гагановой делегация. Это передовые комсорги: Вера Ивашкевич, Зоя Лаврентьева и Аня Хотеева.

— Валентина Ивановна, мы пришли к вам за производственными секретами, — говорит Анна Хотеева.

В бригаде Анны числится Надя Курченко[1]. Ежедневно мастер выписывает ее наряд. Но выполняют этот наряд другие: Надя погибла на посту. И тогда девушки решили зачислить ее навечно в бригаду и выполнять ее задание.

— Посоветуйте, как нам догнать опытных рабочих. И даже, — Аня смущенно улыбнулась, — перегнать их.

Аня замолчала, подумала немного и заговорила снова:

— Мы решили создать комсомольско-молодежные школы по изучению передовых приемов и методов работы. Школы эти пусть будут постоянно действующими.

---

[1] 15 октября 1970 года бортпроводница Надя Курченко самоотверженно вступила в схватку с бандитами, совершившими нападение на советский пассажирский самолет. Она пыталась преградить бандитам путь в кабину пилотов и была убита.

Просим вас, Валентина Ивановна, возглавить одну из таких школ.

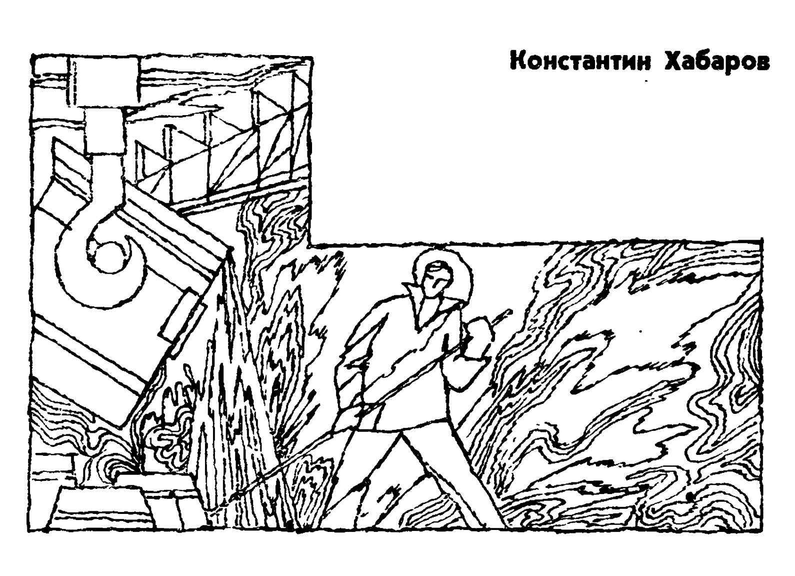
Гаганова внимательно слушала Аню. Ей понравилось новое интересное дело.

— Неплохо вы это задумали, девушки, — сказала она. — Думаю, ваш почин подхватят многие. Что же касается меня, я с удовольствием буду работать с вами.

Первые школы передового опыта начали действовать уже в дни работы XXIV съезда партии, и одну из них возглавила Гаганова. К августу 1971 года на Вышневолоцком комбинате работало 29 комсомольско-молодежных школ, в которых обучалось 500 молодых текстильщиц. 600 ветеранов и новаторов производства вели в них практические и теоретические занятия.

А через месяц Валентина Ивановна, назначенная к тому времени старшим инженером БРИЗа, вновь говорила со страниц печати. В многотиражке комбината в ответ на сентябрьское постановление ЦК КПСС о дальнейшем улучшении организации социалистического соревнования она писала: «Соревнование, если оно не формально, рождает энтузиазм, рождает творчество. Наши текстильщицы имели возможность не раз убедиться в этом на примерах замечательной работы Зои Патрикеевой, Галины Кувшиновой, Зои Даниловой и многих других, чьи почины, чей опыт находили широкое распространение...»

В день рождения Ленинского комсомола — 29 октября 1971 года — в Донецке встретились представители трудовых династий, чтобы обсудить задачи, поставленные XXIV съездом КПСС. Под алыми знаменами в торжественном марше шли те, кто строил социализм и теперь строит коммунистическое общество. Возглавляли эту необычную колонну: Алексей Стаханов, Александр Бусыгин, Мария Виноградова, Татьяна Федорова, Петр Кривонос. Рядом с ними теперь уже тоже ветераны труда, умножившие опыт старших поколений: Валентина Гаганова, Кузьма Северинов, Атамурат Худайназаров, Павел Чехорин, Василий Стебленко, Иван Стрельченко. А за ними уверенно шла рабочая молодежь — юноши и девушки самых различных профессий. Ныне, как и всегда, трудовая эстафета в надежных руках.

Константин Хабаров

Звезды гасли, терялись в утренней синеве, и темнота уползала в глубину леса, пряталась в мохнатой чащобе. Река дышала парной свежестью, сизая ее гладь вбирала в себя ясность безоблачного неба. А над дальним горизонтом занималась заря, возвещая о близком восходе солнца...

Человек сидел на краю обрыва.

Как хотелось перенести на бумагу все щедрое буйство рассветных красок, чтобы рисунок так же притягивал, волновал, как это чудо перед его глазами!.. Но снова, как много раз прежде, беспомощно замирала рука, не в состоянии передать живую картину. А разве способна память удержать такое обилие впечатлений!

И все-таки он не бросал работы — торопливо смешивал краски, искал нужные оттенки, наносил быстрые мазки. Дело ведь не в совершенстве, да и не предназначен этот этюд для строгого взгляда знатоков живописи. Ему просто нравится рисовать, и сам процесс погони за неуловимым доставляет огромное удовольствие. Пусть пошучивают товарищи, а он сейчас счастлив. И ему искренне жаль тех, кто не может понять, какая это радость.

За работой он не услышал шагов за спиной. Обер-

нулся лишь после шепота. Два деревенских паренька с удочками и консервной банкой в руках подошли и теперь разглядывали рисунок.

— А я знаю, кто вы, — вдруг сказал младший. — Вы на лодках приплыли, верно?

— Точно. Туристы мы, на байдарках путешествуем. Вон там, за излучиной, наши палатки.

— А вы откуда?

— Издалека. Есть такой город у нас на Урале — Магнитогорск. Слыхали, наверное?

— Нам в школе рассказывали, — сказал старший. — Там заводы очень большие.

— Правильно. И самый крупный из них — металлургический комбинат. Там мы все и работаем. Вот вырастете, приезжайте. Глядишь, станете доменщиками или сталеварами. А металл, ребята, всей нашей жизни основа... Ну, об этом вы еще не раз услышите. А сейчас бегите, не то весь клев прозеваете. Да и мне пора...

Он закрыл этюдник, убрал в папку рисунок: солнце уже поднялось. Леса и окрестности выглядели совсем иначе. А за новый набросок приниматься не стоит. Ему ведь тоже хочется забросить удочки, испытать рыбацкую удачу...

Отличный все-таки отпуск выдался у него нынче! Да разве сравнишь душный, приторный юг, истоптанный ленивыми курортниками, с этой лесной прелестью, с бодрой свежестью реки и чудесной усталостью после долгого перехода на веслах! И главное — отдыхает он вместе со своими ребятами, с которыми делит труд остальные одиннадцать месяцев в году. Без друзей ведь любая красота полиняет...

В то летнее утро 1958 года не думал магнитогорский доменщик Константин Хабаров, что пройдет всего несколько месяцев — и его товарищи одними из первых в стране поднимут знамя соревнования бригад коммунистического труда.

Биография уральского рабочего Константина Хабарова — это биография целого поколения, биография социалистической индустрии. Рассказ о нем — одновременно и рассказ о его современниках. И прежде всего рассказ о городе, где прошла его юность, сложился характер, где заслужил он свою славу. Рассказ о Магнитогорске.

...Есть города счастливой и неповторимой судьбы. У них небогатая родословная. Возникли они и окрепли на нашей памяти, каждый их шаг замечен и отмечен.

Магнитогорск стал легендой. Стал символом советской индустрии, дерзания, трудового энтузиазма, неукротимого движения вперед. Само слово «Магнитка» по праву занимает место рядом с такими рожденными революцией понятиями, как «пятилетка», «соревнование», «ударник». За первыми шагами юного города следил весь мир — одни с бессильной злобой, другие с восторгом. Вести об успехах строителей будущего гиганта советской металлургии воспринимались борцами за дело рабочего класса в странах капитала как сообщение о торжестве идей социализма, наполняли их сердца верой в неизбежную победу нового. Вот что писал о тех днях польский поэт Владислав Броневский:

Сидим вместе с Яном в тюрьме, в ратуше,
В тесной камере номер тринадцать.
Здесь нас держат три дня подряд уже.
До чего-то им надо дознаться...
Утро — серым комочком в горстке.
Ян вздыхает с улыбкой доброй:
«Знаешь, парень, в Магнитогорске
Нынче в строй вступают две домны».
Еле полз рассвет мутно-грязный —
За улитой ему не угнаться! —
А я думал: «Как здесь прекрасно,
В гнусной камере номер тринадцать!»
И — где Рим, где Крым, а где Польша,
Но полыхают в тюрьме этой польской,
Согревая душу все больше,
Домны Магнитогорска.

Стремительно, прямо-таки с кинематографической быстротой развивалась Магнитка, славное детище первой пятилетки. Вот сообщение из газеты 1926 года: «У горы Магнитной на Урале предположено строить завод-гигант». А в марте 1929 года пришли сюда первые строители. У подножия горы, где лежали веками несметные богатства, появились брезентовые палатки, землянки. Через несколько месяцев сюда были проложены рельсы, и прибыл первый поезд. А еще годом позже был заложен фундамент первой, уникальной по тем временам доменной печи.

Вся страна строила Магнитку. По призыву Коммунистической партии тысячи людей бросали обжитые места,

ехали навстречу трудностям и лишениям. У них не было опыта, не было техники, машин, и каждый мог предложить стройке лишь пару мозолистых рук. Но зато каждый видел перед собой высокую цель: отсталая Россия должна превратиться в могучую державу передовой индустрии. И комсомольцы 30-х годов совершали чудеса героизма, показывая темпы, каких не знала еще мировая практика.

Всего через полтора года после закладки фундамента первой домны Михаил Иванович Калинин зачитал делегатам XVII партийной конференции телеграмму, полученную из Магнитки: «1 февраля в 9 часов 30 минут вечера получен первый чугун магнитогорской домны № 1. Домна работает нормально. Обслуживающие механизмы работают исправно». Делегаты аплодировали стоя, долго и восторженно. Спустя четверть века с таким же радостным замиранием сердца выслушивали мы первые сообщения из космоса: «Все системы работают нормально...»

В музейных витринах и архивах, в пожелтевших подшивках газет хранится множество фактов тех удивительных дней. И с каждым годом кажутся они все невероятнее. Вдумаемся только: в 1929 году на стройке действовали одна камнедробилка и одна бетономешалка. Средний уровень грамотности рабочих был где-то между одним и двумя классами образования. А требовалось возвести сложнейший металлургический комплекс, научиться управлять тысячами «умных» механизмов. И ни на кого, кроме как на самих себя, надеяться не приходилось. В постановлении Центрального Комитета партии было записано: «Строительство Магнитогорского завода должно стать практической школой создания новых методов и форм социалистического труда, техники и подготовки кадров для дальнейшей индустриализации Союза».

Магнитка стала такой школой.

Воспоминания детства начинаются по-разному. Чаще всего жизненные впечатления берут начало от какого-то пустяка, будничной мелочи, невесть почему врезавшейся в память. Хлопья снега за окном, забавная игрушка, страшная сказка... И потом всякий раз, когда речь заходит о прошлом, всплывают перед глазами эти безразличные постороннему, но такие милые сердцу образы...

У Константина Хабарова первым ярким впечатлением детства был запах свежих сосновых досок. Белые, в курчавой пене стружек, они лежат на земле, и все кругом радуются. Затем к этой картине прибавляется другая: белые доски стали стеной, и их можно гладить, вдыхая все тот же восхитительный запах смолы. Наверное, не случайно запомнились эти детали: переезд из землянки в барак был в то время для магнитогорцев огромным событием.

Четыре года было Косте, когда его отец, воронежский крестьянин Филипп Хабаров, завербовался на строительство магнитогорского гиганта. Распродал немудреное свое хозяйство и всей семьей отправился в уральскую степь — за новой долей. Может, и не стоит искать в этом решительном поступке глубокие мотивы — в политике отец разбирался еще слабо, и хотелось ему прежде всего хорошей жизни если не для себя, так для детей. На большой стройке, полагал он, легче будет его мальчишкам выйти в люди. В газетах много писали о новом рабочем городе, а Филипп Хабаров был грамотным...

О патриотизме судят не по громким словам и красивым замыслам, а по практическим делам. И потому магнитогорец с 1930 года Константин Филиппович Хабаров по праву гордится своим отцом, чей труд в буквальном смысле слова заложен в основания домен комбината. Простым землекопом начинал отец работу на стройке. И хотя очень несладко приходилось на первых порах, все выдержал, не отступил перед трудностями и остался верен рабочему долгу до конца.

В удивительной, неповторимой атмосфере проходило детство маленького Кости. Все вокруг было, казалось, насыщено грозовым напряжением, и мелкие будничные заботы отступали, стирались перед масштабностью совершаемых ежедневно дел. «Стройка», «завод» — эти слова слышались в доме постоянно. И Костя даже не представлял иной жизни — без огромных котлованов, траншей, груд строительных материалов, без шумной таборной суеты. Он дышал воздухом созидания, незаметно для себя самого постигал самое важное — впитывал по каплям неуемную жажду творчества.

Основа характера человека формируется в раннем детстве. И когда позднее Хабаров задумывался о своей судьбе, то неизменно приходил к выводу, что другой она быть и не могла. Магнитка настолько властно подчинила

его себе, таким его воспитала, что изменить ей было невозможно. Это как первая любовь — на всю жизнь...

Завод он стал считать своим задолго до того, как впервые получил в руки заводской пропуск. Территория его в первые годы не огораживалась, и неугомонные мальчишки бегали всюду, где вздумается. Катались на шпалах по воде, заполнявшей котлованы, собирали цветной металлолом, взамен которого получали в палатках утильщиков воздушные шары и свистульки, шныряли среди рабочих, а иногда и помогали им. Только вот к домнам боялись подходить. Громадные печи казались страшными и враждебными — как сказочные чудовища, они дышали огнем и паром, неумолчно грохотали, и лучше было держаться от них подальше.

Иногда мальчишки взбирались и на Магнит-гору. Строго говоря, горы как таковой не было — рядом поднимались вершины Атач, Березовая, Дальняя, Узянка... Вместе взятые, они составляли уникальную кладовую магнитного железняка, которая и определила место нового города. Интересно было бродить по руднику. Здесь на каждом шагу лежали сизые глыбы, массивные и тяжелые. Гвозди или стальные проволочки прилипали к ним — не зря получила гора свое название! Ребята постарше рассказывали, что камни эти везут на завод, бросают в доменные печи, и там руда превращается в железо. Поэтому и пыхтят в забоях экскаваторы, громыхают взрывы, неутомимо бегают доверху нагруженные составы...

Если бы в то время даже опытным специалистам сказали, что не пройдет и полувека, как исполинская гора будет срыта до основания, переплавится в миллионы и миллионы тонн металла, никто не поверил бы в такой прогноз: чепуха, утопия! Первоначальные проекты определяли мощность магнитогорского завода весьма скромной. И сейчас можно только восхищаться дальновидной политикой партии, которая еще у колыбели Магнитки сумела правильно определить ее развитие на многие годы вперед. Четыре варианта проектных заданий были последовательно отвергнуты Центральным Комитетом ВКП(б), как заниженные, не отвечающие требованиям времени. А в феврале 1930 года ЦК партии принял решение: в Магнитогорске будет крупнейшее металлургическое предприятие мира.

В благодарной памяти магнитогорцев хранятся тысячи

примеров самоотверженности первостроителей, фактов массового трудового героизма. Вот лишь несколько из них — лаконичные, как телеграфное сообщение, и глубочайшие по своему смыслу:

Молодежная ударная бригада арматурщиков Редина 36 часов подряд работала в котловане домны, пока не выполнила задание.

Когда страну облетела весть о рекорде бетонщиков Кузнецкстроя, давших 324 замеса бетона за смену, комсомольская бригада Сагадеева на Магнитострое на следующий же день достигла 429. Вскоре сагадеевцы дошли до 840 замесов, но и этот рекорд перекрыла комсомольская бригада бетонщиков Галиуллина.

Во время объявленного городской парторганизацией 40-дневного штурма на строительстве домен люди работали сутками без отдыха и перевыполняли задания в два-три раза.

Несмотря на морозы, несмотря на полное отсутствие опыта, вопреки предостережениям зарубежных консультантов в январе 1932 года была пущена первая домна Магнитки.

Любой из этих фактов заслуживает яркого и подробного рассказа.

Он пришел домой необычно серьезный, как-то сразу повзрослевший — даже худенькая, совсем еще детская его фигурка стала солиднее. Долго не решался сказать родителям, потом собрался с духом, выпалил:

— А я сегодня в ремесленное училище записался!

Отец глянул на Костю так, словно впервые его увидел, покрутил головой: с виду-то малыш, а на тебе — уже сам определил будущую свою судьбу.

— И на кого же ты учиться надумал?

— На доменщика. Буду газовщиком.

— А знаешь, что это такое?

— Пока нет. Но другие же работают там... И я хочу.

Ему трудно было передать словами множество мыслей, ощущений, все то, что копилось в душе долгое время и привело к сегодняшнему выбору. Среди рабочих профессий на Магнитке считалась самой уважаемой такая, которая именуется «горячей». Человек, непосредственно имеющий дело с жидким или раскаленным металлом, для всех был героем. А мальчишкам он казался

полубогом, и любой из них в глубине души мечтал управлять огненными реками чугуна и стали. Вот почему едва предложили ребятам, заканчивающим семилетку, пойти учиться на металлургов, желающих нашлось немало. И Костя Хабаров подал заявление одним из первых...

Мать неожиданно всхлипнула, замахала руками:

— Да что же ты выдумал, бессовестный? Это на домне-то работать хочешь? Не пущу! Там сила медвежья нужна, а ты у нас такой хиленький... Одумайся, сынок!

— Мама, я же решил уже. Ничего страшного не будет, вот увидишь! А что маленький еще — так вырасту скоро...

— Правильно, сын, — поддержал отец. — Вырасти — дело нехитрое. Место в жизни найти куда труднее. И то, что рабочим стать решил, одобряю. А мать мы уговорим.

Конечно, они договорились. Так Костя сделал выбор — на всю жизнь. Теперь при каждом удобном случае он называл себя будущим металлургом.

Звучало это здорово, и приятно было ловить на себе завистливо-восхищенные взгляды ровесников. Но каждый из завтрашних доменщиков отчаянно трусил. Хоть и говорили им не раз, что не боги горшки обжигают, что при желании всего можно добиться, тревожные сомнения не покидали. А вдруг не под силу окажется мудреная наука? Вдруг не сумеют они управиться с огненной стихией?

До сих пор с благодарностью вспоминает Хабаров первого своего наставника Андрея Ивановича Борисевича. За плечами мастера был немалый стаж работы в доменном цехе, и печь для него стала как бы живым существом — с особым характером, с привычками и даже хитростью. «Узнать все эти повадки, — говорил он ученикам, — значит полностью подчинить себе технику». А свои секреты таить он не собирается — обучит всему, что сам знает.

На всю жизнь врезалось в память Хабарова первое посещение доменного цеха. Торжественно ему было и жутко: домны казались неимоверной высоты и страшенной силы даже издали, а рядом они прямо-таки давили, и человек начинал себя чувствовать по соседству с грозной техникой каким-то муравьем. И опять спасибо Андрею Ивановичу:

шуткой, взглядом, ласковым жестом он ободрял, не давал растеряться.

Сначала они осматривали цех со стороны. Мастер пояснял — это вот тракт шихтоподачи, это воздухонагреватели, или кауперы, это воздуховоды... С сущностью доменного процесса ремесленники уже знакомились в классе, бойко объясняли по схеме, как работает печь, но здесь, на месте, все казалось иным, незнакомым. И особенно неуютно почувствовали они себя внутри помещения, рядом с горячим телом домны.

— Сейчас в оба смотрите, — предупредил мастер. — Начнется выпуск чугуна...

Да это было незабываемое зрелище: по канавам с невероятной быстротой мчалась река кипящего металла, клубился багровый дым и тысячами летучих звезд рассыпались искры. А в огненном зареве стремительно, как на пожаре, метались горновые — фигуры их казались совсем черными.

Костя задал мастеру какой-то вопрос, но даже не расслышал своего голоса. А Андрей Иванович, добродушно посмеиваясь, потрепал его за плечо: не робей, мол, все будет в порядке!

После этого они не раз еще приходили в цех как экскурсанты. Постепенно перестали шарахаться от шальной искры, перестали бояться огня, и труд доменщиков стал раскрываться для них не только внешней своей стороной, но и содержанием. И все чаще спрашивали они мастера: а скоро ли и им позволят встать на рабочие места?

— Всякому овощу свое время, — отшучивался Андрей Иванович. — Вам сначала надо научиться правильно ходить по цеху...

— Ходить мы умеем, — хором возражали ученики.

— Как сказать! Вот моряка, к примеру, издали можно узнать по походке — вразвалочку.

— Так то моряка...

— И рабочая профессия накладывает на человека свой отпечаток. Горнового и такелажника тоже не сравнишь по походке. Я хочу, чтобы вы на всю жизнь к домне душой прикипели, поняли, что иного пути для вас быть не может. Наше дело легкомыслия не терпит. Уж коли начал ему служить — так надолго.

Андрей Иванович охотно вспоминал, как нелегко приходилось первым магнитогорским доменщикам, какой це-

ной доставалась им наука управления новой сложной техникой.

— Хотя домны на земле уже пять веков существуют, опытных специалистов в стране не хватало. Известно, какая промышленность была в царской России — и той иностранцы командовали. Пришлось и нам на первых порах обращаться за чужой помощью. Работали здесь американские консультанты. Инженеры они, конечно, знающие, да только мало от них было проку. Не верили в дело, которое затеяли большевики. Помню, один заокеанский гость, мистер Смит его звали, прямо заявлял: «Эти люди не умеют пользоваться безопасной бритвой, а мечтают о домнах. Смешно!» Зря смеялись господа иностранцы! Прошло немного времени — и распрощались мы с зарубежными инженерами. Без их услуг стали завод строить. И построили!

Но возвести домны было мало, рассказывал мастер, нужно было подготовить кадры металлургов. И вчерашние землекопы, бетонщики, плотники стали постигать трудное искусство металлургии. Учились в технических кружках, на курсах, причем зачастую одновременно осваивали азы школьной грамоты. Немногие мастера, приехавшие с южных и старых уральских заводов, щедро передавали свой опыт, но и для них часть оборудования была незнакомой. Особенно мудреными казались новые контрольно-измерительные приборы, регуляторы, различные автоматические устройства.

Медленно осваивалась новорожденная домна. На нелегком опыте убеждались магнитогорцы: первый чугун — это лишь первая победа в долгой, невиданной по масштабам борьбе. Для того чтобы огромная печь стала работать четко и безотказно. одного трудового энтузиазма мало. Нужен опыт, нужны знания. А этого как раз и недоставало начинающим металлургам Магнитки. Цех лихорадили неполадки, аварии. Уже через несколько дней после пуска замерз паропровод, прекратилась подача пара на колошник. Из-за этого в межконусном пространстве произошел взрыв — печь простояла почти трое суток. Еще через две недели случилась новая беда: при выпуске чугуна горновые растерялись, и жидкий металл залил железнодорожные пути. Снова простой... То и дело горели фурмы, их не успевали заменять.

— А взять историю с пушкой Брозиуса, — продолжал Борисевич. — Кстати, не забыли, что это за штука?

— Машина, которая закрывает летку после выпуска чугуна или шлака, — дружно отвечали ремесленники.

— Верно. Так вот, на Магнитке она была применена впервые в стране. Но обращаться с пушкой никто не умел как следует, и летку предпочитали закрывать вручную. Кое-кто из старых мастеров ополчился против новинки: она, дескать, только мешает, из-за нее приходится сбавлять дутье. И тут надо отдать должное молодым рабочим. Горновые Удовицкий, Герасимов — вы их всех знаете, они сейчас уже мастера — сумели освоить новинку, и пушка Брозиуса в их руках стала действовать быстро и безотказно.

Твердо запомнил эти уроки Константин Хабаров. И не только в шутку называл он впоследствии свое ремесленное училище рабочей академией. Большой смысл вкладывал в эти слова!

Жили ремесленники в общежитии, и дома Костя бывал только по выходным. Приходил возбужденный, радостный и сразу же начинал торопливо рассказывать, что узнал нового за неделю, что видел в цехе. Мать изумленно ахала, отец довольно кивал: ему нравилось, что сын любит выбранную профессию, рассуждает серьезно и убедительно, словно взрослый.

Свободное время Костя проводил по-разному. Иногда просто бегал с ребятами (в пятнадцать лет остаются еще мальчишечьи привычки!), иногда сидел за книгами. Но чаще всего рисовал. Он полюбил это занятие с первых классов и все больше увлекался им. В школе никто не мог лучше оформить стенную газету, написать лозунг. А когда открылся первый в городе Дворец пионеров, записался в изокружок. Втайне мечтал, что когда-нибудь сумеет стать настоящим художником. Правда, в последнее время эта мечта как-то потускнела: искусство металлургии привлекало сильнее.

В то памятное воскресное утро Костя собирался с друзьями на рыбалку. Приготовили заранее удочки, набили карманы хлебом, шумной гурьбой вышли на улицу. Не было только Николая, двоюродного брата. Ребята ворчали — договорились ехать вместе, а он подводит. И вдруг увидели: бежит Николай взволнованный, размахивает руками.

— Война началась!..

Известие это они восприняли с любопытством, но без особой тревоги — никто не мог представить, какая страшная пришла беда. Поговорили между собой и согласились, что фашистов разобьют в два счета, и потому не стали отказываться от рыбалки.

Вечером они вернулись с хорошим уловом, но никто из взрослых не обратил внимания на добычу. Люди были хмурые, озабоченные, и многие уже укладывали походные рюкзаки — синие повестки военкоматов пришли в сотни домов магнитогорцев.

В первый день войны, перечеркнувший тысячи надежд и судеб, невозможно было представить масштабы грядущих испытаний. И не знал Костя Хабаров, что скоро уйдет в армию отец, которому суждено ненамного пережить День Победы, что под Сталинградом сложит голову брат Василий, а под Курском — двоюродный брат Николай, что недосчитается он многих друзей и ровесников... Война ведь только начиналась.

Утром ремесленники пришли, как всегда, на занятия, встретились с мастером.

— Вот что, хлопцы, — сказал Андрей Иванович. — Вы на рабочие места торопились — так могу сказать, что пришло это время. Раньше, чем следовало, но тут уж ничего не попишешь. Многие доменщики уходят на фронт, и многие уйдут вслед за ними. А вам на смену становиться. И работать придется — как воевать. Если надо, то без сна и без отдыха. Чем больше будет металла, тем скорее врага одолеем.

Всех ремесленников раскрепили по сменам — для производственной стажировки. И сразу же они стали работать наравне со взрослыми. Каждый человек в цехе был на счету, и скидок на возраст здесь не делали. Да и в других цехах состав рабочих заметно изменился. Вставали к станкам и металлургическим агрегатам женщины, подростки. Но продукции надо было выпускать гораздо больше, чем до войны, — и для брони, и для снарядов, и для орудий требовалось очень много металла...

Однажды Костю вызвал к себе начальник цеха.

— Говорят, осмотрелся ты неплохо, — сказал он. — Пора и самостоятельно работать. Пойдешь на газопровод по пятому разряду. А командиром у тебя будет Василий Никанорович Потапкин. Знаешь такого?

Как же мог не знать Костя одного из самых уважаемых работников цеха? О старом доменщике Потапкине

много раз рассказывал своим питомцам Андрей Иванович, восхищался им.

Шел Потапкину уже шестьдесят шестой год, но выглядел он бодро, и неукротимой его энергии могли позавидовать молодые. С сомнением оглядел он щупленькую фигурку помощника, вздохнул, но тут же дружески улыбнулся.

— Слышал, что парень ты старательный. А это в нашей работе главное. Вот освоишься с делом, подрастешь на пару вершков, поставлю тебя помощником газовщика. А там, глядишь, и газовщиком станешь... Мы ведь тоже по ступенькам поднимались — мастерство не сразу приходит.

Везло Хабарову на хороших учителей! У Потапкина перенимал он не только технические знания и сноровку, но и многие черты характера — аккуратность в любом деле, бережливость, доброту к людям. Василий Никанорович не читал наставлений, но поступки его были красноречивей самых проникновенных слов.

Однажды заметил Костя, что по дороге в цех Потапкин собирает в карманы разные железки — то гайку поднимет с земли, то костыль. Удивился: зачем это?

— Лишняя сталь — лишний снаряд для фронта, — ответил мастер.

И с тех пор Костя тоже не мог равнодушно видеть, если где валяется без дела металл.

Нередко Василий Никанорович отзывал его в сторонку, совал в руки то яблоко, то пару вареных картофелин, то еще какую-нибудь снедь.

— Взял перекусить с собой, да, понимаешь, аппетита что-то нет. А ты молодой, тебе расти надо — ешь на здоровье!

Пожалуй, именно Потапкин сумел удержать его у домны. Не раз думал Костя уйти из цеха, отыскать работу полегче. Это ведь лишь издали труд доменщика выглядел красивым, а на самом деле оказался он изматывающе тяжелым, до кровавых мозолей, до чугунной тяжести во всем теле. Большинство операций приходилось выполнять вручную, а силенок не хватало. Иной раз по пять-семь человек висли подростки на цепь, чтобы открыть шибер горячего дутья, перекинуть клапаны. К тому же и после смены никогда не удавалось пойти на отдых: людей в цехе постоянно недоставало, и нередко даже ночевать приходилось на рабочих местах. И если бы не дружеская под-

держка старого мастера, кто знает, может, и сменил бы Хабаров профессию...

Но как бы ни было трудно Косте, виду он не показывал и никогда не хныкал. Не было случая, чтобы он не справился с заданием, и руководители цеха не раз ставили его в пример. Он только плечами пожимал: а как же иначе работать?

Как-то вечером он шел домой и встретил соседа, который работал на стройке. Кивнул ему, хотел идти дальше, но тот схватил за руку.

— Поздравляю, Костенька! Очень рад за тебя!

— А в чем дело?

— Как, ты еще не видел себя?

Оказывается, в центральной аллее комбината под лозунгом «Все для фронта, все для победы!» вывесили портреты передовиков. И среди лучших металлургов оказался он, Костя Хабаров, не закончивший еще ремесленное училище! Портрет красовался в аллее долго, и каждый раз, проходя мимо, Костя краснел, смущенно оглядывался. Об одном жалел: отец не видит.

К началу войны Магнитогорский комбинат выплавлял 11,5 процента всего советского чугуна. Но неизмеримо возросло значение Магнитки, когда фашистские полчища стали захватывать нашу землю и металлургия юга оказалась парализованной. От уральцев в первую очередь зависело обеспечение армии необходимым оружием, зависела судьба сражений. И молодой коллектив с честью выдержал суровое испытание.

Подсчитано, что каждый третий снаряд, выпущенный по врагу в годы войны, был изготовлен из магнитогорской стали. Тысячи танков были одеты в уральскую броню. Можно сказать без преувеличения, что Константин Хабаров и его товарищи стояли у самых истоков нашей победы, что между их нелегким трудом и торжественным салютом в честь разгрома врага — прямая и неразрывная связь.

В начале 1942 года Хабарова, которому не было еще и семнадцати лет, назначили газовщиком третьей доменной печи. Наверное, в мирное время такой быстрый рост был бы невозможен — на старых заводах доменщики годами дожидались возможности подняться на очередную рабочую ступеньку. А тут вчерашнему ремесленнику доверяется ответственнейший пост! Костя хорошо понимал,

что опыта у него совсем мало и до настоящего специалиста ему далеко, однако взялся за дело горячо. Уж очень хотелось ему оправдать доверие! И старшие товарищи ободряли — без их постоянной помощи вряд ли сумел бы он справиться.

Замечательные люди работали рядом с Хабаровым. Имена многих из них навсегда войдут в историю комбината. Безраздельно преданные Магнитке, они создали ее славу, ее огромный авторитет. Люди, которыми нельзя не восхищаться.

Вот, к примеру, Георгий Иванович Герасимов, в бригаде которого начинал работать Хабаров. Это он принимал участие в пуске всех до одной магнитогорских домен. О мастерстве его, о редкостном умении заставить работать исполинскую печь, как хорошие часы, на комбинате рассказывают из поколения в поколение. Почти полвека назад вышел Герасимов из родной деревни в самодельных лаптях на поиски счастья. И нашел его у подножья Магнит-горы, которая притянула на всю жизнь. Когда-то обучался Георгий Иванович у самого Ивана Коробова, патриарха русских доменщиков и основателя рабочей династии, и тот считал его достойным наследником. И сам Герасимов воспитал множество молодых рабочих. Одним из любимых учеников стал для него Хабаров — позднее старый мастер уверенно дал ему рекомендацию в партию.

Можно немало рассказывать и о других ветеранах цеха, на которых старался равняться Костя, — о Николае Ильиче Савичеве, Герое Социалистического Труда, об Алексее Леонтьевиче Шатилине, о бессменном парторге Петре Ивановиче Гоманкове... Каждый из них интересен по-своему, у каждого яркий и самобытный характер, и каждый заслуживает того, чтобы о нем были написаны книги. Но только, если и назовешь еще десятки фамилий, все равно коллективный портрет доменщиков будет неполным. Это как великолепный актерский ансамбль — кого ни выделяй из исполнителей, а конечный успех определяют все вместе. Герасимов частенько сравнивал свою профессию с профессией артиста.

— Без таланта в нашем деле ни на шаг, — повторял он, — вдохновение так же необходимо доменщику, как поэту или живописцу.

И кто знает, возможно, потому Хабаров и схватывал на лету нелегкую науку варить чугун, что были у него недюжинные способности художника. Кто знает...

Но никакой талант не заменит приходящего только с годами опыта. И не раз Костя совершал ошибки, попадал в трудные ситуации. Как-то едва не поплатился жизнью: во время аварии вырвало люк воздухонагревателя, и яростный поток раскаленного воздуха ударил по кауперной площадке, где находился Хабаров. Его несколько метров волочил горячий вихрь. К счастью, обошлось ожогами.

Неподалеку от домны, на которой работал Хабаров, началось строительство новой печи. Сооружалась она сказочно быстрыми темпами — для защиты Родины требовалось все больше металла. Уже в декабре 1942 года пятая по счету домна Магнитки дала первый чугун. Эту победу смело приравнивали к большому выигранному сражению — ведь печь была самой мощной в стране. В приветственном письме магнитогорцам от имени Верховного Главнокомандования говорилось: «...Вы на деле доказали прочность советского тыла и его способность не только обеспечивать нужды славной Красной Армии всеми видами вооружения и боеприпасов, но и в исключительно короткий срок создавать новые производственные мощности. В этом залог нашей победы над немецко-фашистскими захватчиками».

Очень хотелось Косте работать на новом агрегате. Но туда направили лишь самых опытных газовщиков. И тогда он решил доказать, что и на старой печи можно добиваться высоких результатов.

А вызов направили товарищам с новой печи: посмотрим, чья возьмет! Началась борьба, в которой не было побежденных, — вперед выходила то одна, то другая домна. А итогом трудового соперничества были новые тысячи тонн сверхпланового чугуна.

Партия и правительство высоко оценивали самоотверженность металлургов. Многие из них получили Государственные премии, были награждены орденами и медалями. И в числе отмеченных правительственными наградами оказался семнадцатилетний газовщик Костя Хабаров.

Он не поверил, когда впервые услышал об этом. Ему — «Знак Почета»? Да разве заслужил он такую честь? Но товарищи не шутили. И в Указе не было ошибки...

Накануне торжественного вручения награды Костя совсем было упал духом — не в чем показаться перед людьми: кроме застиранных рубашек да рабочей куртки, надеть нечего. Выручил двоюродный брат, дал свой хлопчатобумажный пиджак. И в этом неказистом пиджачке с

чужого плеча вышел Костя на сцену, под яркие лучи прожекторов. Он стоял, оглушенный, растерянный, — совсем подросток — и не слышал, что ему говорили. Опомнился, когда увидел на груди орден. В зале гремели аплодисменты, из президиума приветливо улыбался первый секретарь обкома партии; и не было в этот миг на земле человека счастливее, чем Костя Хабаров. Во всяком случае, так ему казалось.

Дома мать увидела награду, заплакала от радости. Потом деловито отцепила орден от пиджака, спрятала в сундук.

— Дороже этой вещи у нас ничего нет. Ох, сынок, не думала я и не гадала, что ты Героем станешь! Так порадовал — теперь и помирать не страшно!

Окончилась Отечественная война, миновал радостный День Победы. На местах недавних боев поднимались из пепла города, восстанавливались заводы, шахты, железные дороги, мосты... И для всего этого требовался металл. С каждым годом все больше и больше. Партия поставила перед металлургами страны задачу — в кратчайшие сроки резко увеличить выпуск чугуна, стали, проката.

Магнитогорцы понимали: на комбинате есть немалые внутренние резервы. Агрегаты работают далеко не в полную силу, и за счет более грамотной технологии можно заставить оборудование действовать с большей отдачей. Но одно дело понимать, и совсем другое — добиться заметных результатов. Чтобы покорилась техника, нужна высокая квалификация кадров, необходима подлинно научная организация труда. И потому первые послевоенные годы стали для Магнитки временем напряженных творческих поисков, временем больших перемен.

В 1946 году в доменный цех пришел новый руководитель — Александр Филиппович Борисов. Этот опытный инженер работал прежде в Кузнецке и в Магнитогорск приехал сразу на должность начальника цеха.

Борисов несколько дней ходил по цеху, присматривался к людям, к оборудованию и ни во что не вмешивался. И лишь после того, как понял сильные и слабые стороны производства, приступил к решительным действиям. Начал он с того, что предъявил новые требования к людям, работающим у домны, и прежде всего к мастерам.

Годами сложился порядок, при котором сменные мастера работали разобщенно, каждый сам по себе, и основное время у них отнимала организация производства. Между сменами издавна шла мелкая грызня из-за пустяков. Поглощенные повседневными хлопотами, люди не очень-то вдумывались в суть процессов, происходящих за броневыми стенами и огнеупорной кладкой — в недрах печи. «Наше дело чугун давать, а не рассуждать», — говорили иные старые мастера.

Борисов замахнулся именно на эти дурные традиции. Настойчиво учил он подчиненных самостоятельности. Заставлял думать, анализировать, искать причины неполадок. Требовал предельной слаженности, коллективизма. И еще — знаний.

Не прихотью нового начальника были эти требования. Сама жизнь властно заставляла менять установившиеся порядки. На домны приходило все более сложное оборудование, внедрялась автоматика, и уже недостаточно было одной интуиции, одного старого опыта, чтобы двигать производство вперед. Мало добиться, чтобы печь шла ровно, — надо получить от нее наибольшую отдачу при наименьших затратах. А такое удается не просто...

Александр Филиппович подчеркивал постоянно, что основной фигурой в цехе должен быть мастер печи — человек, который изо дня в день, из ночи в ночь, следит за работой домны. И он смело выдвигал на эту должность лучших рабочих — тех, у кого замечал искру творчества, жажду к знаниям. Однажды начальник цеха обратил внимание и на Константина Хабарова.

Поступил Борисов, как всегда, своеобразно: не спрашивая согласия, предложил:

— Ходите по печам, присматривайтесь. Изучайте литературу. Вот пока все.

Хабаров стал присматриваться. А через неделю встретил начальника цеха, взмолился:

— Не могу я так, позвольте вернуться на рабочее место!

— Нет, — жестко ответил Борисов. — Продолжайте наблюдать и старайтесь понять, почему печи ведут себя так, а не иначе. Что неясно — спрашивайте.

Неопределенное положение угнетало Хабарова, привыкшего к бурной, требовавшей постоянного физического напряжения работе. Он успел освоить профессию горнового, даже ухитрялся совмещать ее с обязанностями газовщика.

А тут почти безделье. Чтобы хоть как-то успокоить совесть, принялся штудировать техническую литературу, обращался к инженерам. И очень страшился предстоящего экзамена, который должен устроить ему Борисов. Что ни говори, а пробелы в образовании заполнить нелегко — с семилеткой за плечами в теории разобраться трудно.

Но вместо экзамена пришлось неожиданно ехать в командировку — на Кузнецкий металлургический комбинат, с которым соревновались магнитогорцы. Делегация уральцев направлялась туда для подведения итогов соревнования. А Хабаров получил особое задание: проанализировать работу сибирских домен.

Вернулся он, вооруженный графиками, таблицами, результатами наблюдений. Заметно волнуясь, докладывал Борисову свои соображения.

— Верно, — сказал начальник цеха. И, помолчав, заключил: — Будете работать мастером на первой печи. Отныне это ваше постоянное место.

Так вот и состоялось посвящение Хабарова в командиры производства. Буднично и просто.

Дела у молодого мастера пошли неплохо, и он уже стал подумывать, что освоил повадки домны не хуже своих учителей. Но вскоре произошел неприятный случай, который заставил отказаться от излишней самоуверенности.

Хабаров работал в ночную смену. Как обычно, обошел печь, заглядывал в фурмы, проследил за разливкой — все было в порядке. Потом направился в контрольно-измерительную будку, сел за наряды. Неожиданно дверь распахнулась, вбежал встревоженный горновой.

— Беда! — закричал он. — Печь продуло!

Хабаров бросился к домне. На небольшом участке кожуха зияла огненная пробоина, оттуда била струя пламени. Рабочий поливал из шланга прогоревшее место, но это не помогало.

Мастер распорядился снизить давление в печи, доставить к месту аварии кирпич и глину. Но ликвидировать прогар оказалось очень трудно, и печь простояла почти полтора часа. Чрезвычайное происшествие!

Наутро начальник цеха потребовал от Хабарова объяснений. Тот стал было оправдываться, но тут же понял, что виноват. Не сумел заранее оценить состояние печи, выявить опасное место и предотвратить аварию. Ведь если бы он вовремя проверил охлаждение, беды могло и не случиться.

Долго переживал Хабаров. Понял, что переоценивал свои знания и способности. Надо ему еще много и много учиться.

В 1948 году он поступил в школу мастеров и через два года закончил ее. Его дипломный проект по сложности не уступал работе выпускника металлургического техникума. Председателем государственной экзаменационной комиссии был Борисов — вопросы он задавал не только технические, но и по математике, истории. Хабаров не удивлялся. Он знал, что начальник цеха сам всесторонне образованный человек и того же требует от каждого своего подчиненного.

И сейчас еще восхищается нередко Константин Филиппович «борисовскими средами» — еженедельно мастера собирались вместе, и начальник цеха вел с ними долгие беседы. Речь шла об истории металлургии, о технических новинках, о политике. И каждая такая встреча оставляла глубокий след...

Разумеется, хорошие перемены, которые постепенно происходили в цехе — улучшение производственных показателей, заметный рост выплавки чугуна, ритмичность, — нельзя приписывать одной лишь энергии Борисова. Просто толковый руководитель смог найти верное направление, а действовал уже весь коллектив. Решающую роль в перестройке работы доменщиков сыграла партийная организация цеха. В частности, коммунисты предложили изменить систему социалистического соревнования. Если раньше соревновались между собой коллективы разных смен одной и той же домны, то теперь трудовое соперничество началось между коллективами печей. Новшество помогло установлению более тесных контактов между сменщиками, которые стали добиваться единообразия в работе печи, совместно договариваться об изменениях в технологии. А коллективная мысль всегда помогает успеху!

— Читали, ребята?

В руках у Хабарова свежий номер «Правды». 14 ноября 1958 года все газеты опубликовали «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959 — 1965 годы». Намеченные партией планы новой семилетки сразу приковали к себе внимание всех советских людей. А металлургов — в особенности: ведь значи-

тельное увеличение производства черных металлов было названо одной из важнейших задач семилетнего плана.

Да, о новости знают уже все. До прихода Константина Филипповича доменщики как раз и вели разговор о будущем. Каждый хорошо понимал, что рост выплавки чугуна более чем в полтора раза, как это предусмотрено контрольными цифрами, возможен лишь при самом активном участии магнитогорцев. И что им предстоит идти в первых рядах соревнования металлургов страны.

Товарищи Хабарова не переоценивали свои возможности. Доменный цех давно стал на комбинате своеобразной школой передовых методов труда, здесь рождались все новые и новые смелые начинания. По ряду важнейших показателей доменщики Магнитки вышли на первое место в мире. Есть, например, такая важная характеристика домны, как коэффициент использования полезного объема печи, именуемый сокращенно КИПО. Он показывает отношение полезного объема печи к суточной выплавке — иначе говоря, какое количество внутреннего пространства домны «выработало» одну тонну чугуна. На заре советской металлургии, в 1933 году, тонну чугуна выплавляли с 1,69 кубического метра объема доменной печи. В «Политехническом словаре», выпущенном в 1955 году, указывалось, что советские новаторы-доменщики достигли КИПО, равного 0,65 — 0,7, причем в Соединенных Штатах и некоторых других развитых капиталистических странах этот показатель значительно хуже. А в 1958 году на Магнитке КИПО составлял 0,592 — рекордную величину, лучшую в мире. По сравнению с первыми пятилетками те же самые печи стали давать почти втрое больше чугуна!

В цехе появились новшества. Работали при повышенном давлении газа, под колошником, применили офлюсованный агломерат, одноносковую разливку чугуна, восьмивыпусковый график... Наверное, не стоит забираться в дебри технологии и подробно объяснять суть этих методов. Достаточно сказать, что все они направлены на повышение полезной отдачи домен и в общей сложности помогают давать ежегодно десятки тысяч тонн сверхпланового металла

Седьмая доменная печь, на которой работал мастером Хабаров, держала в цехе первенство по всем показателям, и все лучшие качества, которыми славились доменщики, проявлялись здесь особенно ярко. Коллектив агрегата

давно был внутренне готов к тому, чтобы возглавить массовое движение. И вот это время пришло...

— Был я сейчас в парткоме, — рассказывал Константин Филиппович своим товарищам. — Интересное дело есть. Железнодорожники депо Москва-Сортировочная — помните, там в 1919 году провели первый коммунистический субботник, который Ленин назвал «великим почином», — разрабатывают сейчас новые обязательства, суть их коротко в следующем: учиться, работать и жить по-коммунистически. Думаю, и мы могли бы сказать свое слово...

Учиться жить по-коммунистически! Разве не об этом вели речь доменщики на партийных и рабочих собраниях, в дружеском кругу? Что же касается обязательств — о них уже не раз говорилось. Все давно продумано и взвешено.

18 ноября газета «Комсомольская правда» выглядела необычно. Через всю первую страницу шел крупный заголовок: «На производстве, в учении, в быту вести себя по-коммунистически». Ниже следовала надпись: «В Москве и Ленинграде, Магнитогорске и Баку, на Украине и в Белоруссии зажглись зарницы славного движения». После рассказа о начинании московских железнодорожников были напечатаны обязательства коллектива седьмой доменной печи Магнитогорского металлургического комбината. Подписали это письмо лучшие мастера и рабочие. И первой стояла подпись Константина Хабарова.

«Мы думаем, — заявляли доменщики, — что наступило такое время, когда каждый из нас должен по-новому взглянуть на свой труд, на всю свою жизнь, что *настало время поднять соревнование на новый, высший этап.*

Высокая коммунистическая дисциплина труда, безупречное поведение в быту, активная общественная работа — вот наша заповедь.

Мы пришли к единодушному мнению, что можем *дать до конца года сверх плана еще две с половиной тысячи тонн чугуна, сберечь государству полтора миллиона рублей. Решили получить среднее образование.* Во всех бригадах организуем техническую учебу. *Мы объявляем нашу домну ударным участком семилетки* и превратим ее в образец чистоты и культуры производства.

Мы верим, что вслед за нами на ударный коммунистический труд поднимутся десятки и сотни тысяч комсомольско-молодежных отрядов, бригад и участков».

На следующий день более подробные обязательства опубликовала городская газета «Магнитогорский рабочий». Четко, конкретно указывали доменщики свои рубежи: называли даже параметры, которые будут достигнуты через два года. В этом тоже сказался магнитогорский характер — не прятаться за общими фразами, которые потом трудно проверить, а указать совершенно определенные цели.

В сортопрокатном цехе Магнитогорского комбината первыми поддержали доменщиков рабочие смены Валентина Кривощекова.

Любопытен и такой эпизод. В праздничный день на седьмую домну заглянул один из руководителей завода. Во время беседы он задал неожиданный вопрос:

— Ну как, все сегодня трезвые?

Оживления сразу как не бывало. Только что рабочие непринужденно разговаривали, но лишь прозвучала эта фраза — нахмурились, стали молча расходиться.

— В чем дело, товарищи? — не понял инженер.

— Нехорошо получилось, — ответил пожилой газовщик. — Обидели вы нас. Разве можно про нашу бригаду такое подумать?

Пришлось руководителю извиняться — он никого не думал задеть, просто неудачно пошутил.

— На высокий гребень мы тогда поднялись, — вспоминает Хабаров. — Такая общая увлеченность была, такой энтузиазм — на работу словно на праздник шли. Это ощущение необычности будней сохранялось в коллективе долго. А точнее — на всю жизнь тот настрой запал нам в души.

Константину Филипповичу не пришлось самому выполнять обязательства, про которые писалось в газете. Это сделали вместо него товарищи. А ему неожиданно пришлось покинуть не только цех, но и страну. Хабаров получил важное задание: выехать в Индию на пуск Бхилайского металлургического завода, спроектированного и построенного при помощи Советского Союза. Там готовилась к задувке первая домна, и требовалось участие в этой ответственной операции лучших специалистов. В состав группы наших доменщиков был включен начальник доменного цеха Магнитки Иван Иванович Сагайдак. В качестве непременного условия он потребовал, чтобы

вместе с ним поехали квалифицированные рабочие и мастера, на которых он мог бы полностью положиться. Назвал и кандидатуры: Хабаров, Черкасов, газовщики Лобай и Фролов, электрик Ликучев, слесарь Воронин — все из его цеха. Согласие на поездку было получено, и в конце декабря 1958 года магнитогорцы направились в дальний путь.

Тверской купец Афанасий Никитин добирался «за три моря» несколько месяцев. Через пять веков его соотечественники сумели преодолеть расстояние между Москвой и Дели всего за несколько часов. Вылетели из заснеженной столицы — и очутились в тропиках. А в первый день нового года прибыли в конечный пункт своего маршрута — Бхилаи.

Что знал раньше Хабаров об Индии? Зачитывался в детстве книгой «Маугли», видел индийские фильмы, интересовался политическими событиями в этом государстве... Вот, пожалуй, и все. А о том, чтобы самому побывать в далекой и загадочной стране, никогда и не мечтал.

Пестрота необычных впечатлений вначале просто оглушила, и все окружающее казалось в первые часы нереальным, словно в запутанном сне. Калейдоскоп красок, мелькание множества лиц, непонятные крики, все новые и новые знакомства — порой это выходило за пределы восприятия. Такими же растерянными выглядели и товарищи Хабарова. И только знакомые силуэты мощной домны, которую им предстояло пробудить к жизни, вселяли уверенность.

Позднее, когда внешняя экзотика отступила на второй план, стали бросаться в глаза резкие контрасты Индии. Талантливый, трудолюбивый народ — и его крайняя бедность. Щедрая природа — и безысходная нужда. Роскошные дворцы — и жалкие самодельные лачуги. Сколько довелось магнитогорцам встретить такого, что вызывало у них гнев и недоумение, растерянность и ужас...

Ароматы ярких тропических цветов не могли заглушить плывущих со всех сторон тяжелых запахов нищеты, запахов гниения и отбросов. Изможденные полуголые люди бродили по улицам, валялись на тротуарах, и безнадежное отчаяние светилось в голодных глазах детей. Переводчик рассказывал, что в стране ежегодно умирают от голода сотни тысяч людей и миллионы хронически недоедают. Хабаров и раньше слышал об этом, но одно дело знать, и совсем другое — увидеть собственными глазами.

Ему ни разу не удавалось перекусить во время работы, хотя дел на заводе было по горло и поневоле приходилось захватывать из дома завтрак. Но только развернет он сверток с едой, как рядом словно из-под земли вырастают фигуры с торчащими ребрами. Встанут рядом и смотрят. Да разве полезет тут кусок в горло! Он раздавал все до крошки, худые руки бережно брали продукты, но никто не ел, уносили все с собой. Позднее он понял, что берут не для себя — детям.

На строительство завода из разных мест приехали тысячи крестьян в поисках хоть какого-то заработка. Рабочих рук было так много, что современная техника зачастую стояла без дела — администрация стройки считала, что выгоднее даже самые трудоемкие работы производить не механизмами, а вручную. Наши специалисты поначалу возмущались, но потом уже не спорили — понимали: голодные не могут лишиться куска хлеба.

И как отрадно было им видеть, что и здесь, среди ужасающей бедности и темноты, происходят хорошие изменения прежде всего благодаря помощи советских людей. Вчерашние неграмотные крестьяне превращались в рабочих, квалифицированных специалистов, учились управлять сложной техникой. Константин Филиппович сам обучил нескольких будущих доменщиков.

Особенно запомнился ему один из них — Раджар Сингх. Рослый, с огромной бородой и волосами до плеч, босой и в чалме, он сразу произвел внушительное впечатление. Был он бездомным, вместе с семьей ютился в самодельном шалаше. Очень тяжело давалась ему рабочая наука — ведь он даже расписаться не умел, ставил вместо подписи отпечаток пальца. Пять лет спустя, во время второго приезда в Индию, Хабаров снова встретился с ним. Сингх уже работал старшим горновым. Когда он увидел Константина Филипповича, то узнал его сразу и немедленно зазвал к себе в гости. Оказывается, у него есть уже своя комната, на полу коврик, в углу стоит холодильник. Жена и дети долго кланялись смущенному русскому гостю, повторяли, что ему они обязаны своим благополучием. И у самого Хабарова невольно заблестели глаза...

Дала чугун первая домна Бхилаи. Потом одна за другой были пущены и отлажены еще две печи. Когда советские консультанты убедились, что оборудование действует безотказно и что местные доменщики справляются

со своим делом, магнитогорцы вернулись на Родину. И не думал тогда Хабаров, что придется еще раз повторить эту поездку и что предстоит ему на индийской земле такой экзамен, какого не держал никогда в жизни.

В феврале 1965 года в его квартире раздался телефонный звонок. Константин Филиппович слушал, хмурился все сильнее.

— Что случилось? — встревожилась жена.

— Серьезное дело. В Индию опять придется лететь. Говорят, в Бхилаи авария — домну заморозили.

Анна Ивановна прекрасно понимала, что кроется за этими словами. Почти два десятка лет прожила она с мужем-доменщиком, разбиралась в его заботах, как в своих собственных. Верила в его талант и мастерство. Но тут по-настоящему испугалась. Речь ведь идет не о шуточном деле — об авторитете страны. Конечно, найдутся недоброжелатели, которые будут кричать, что советская техника плоха, что завод построен некачественно. И опровергнуть эти злобные выпады можно лишь одним путем: снова привести домну в действие. Только возможно ли такое? Говорят, в подобных случаях печь приходится взрывать...

Молча, сосредоточенно собирался Хабаров в неблизкий путь. Он тоже отлично знал, какую сложнейшую задачу предстоит ему решать. Заранее пытался представить причины аварии, перебирал в уме множество вариантов. Он был убежден, что беда могла случиться только из-за неправильной эксплуатации, по недосмотру. И раз печь в порядке — он обязан вернуть ей жизнь. Хотя, признаться, и не представлял еще, как это сделает.

На следующий же день Константин Филиппович вылетел в Москву, а оттуда — знакомой уже дорогой в Индию. Опять из зимы в вечное лето. Только на этот раз некогда было любоваться на природу: сразу поспешил на завод.

Мертвая домна представляла из себя страшное зрелище. Тысячи тонн расплавленного чугуна, шлака, кокса, руды, известняка застыли, превратились в крепчайший монолит. Более полутора тысяч кубометров сплошной скалы внутри печи! Инженеры из ФРГ, приглашенные дирекцией завода в качестве экспертов, вынесли безапелляционный приговор: выход может быть лишь

один — разобрать домну, а затем монтировать ее заново. На это понадобится не менее года. Другого пути нет.

Причину аварии удалось установить быстро: конечно, виной всему грубое нарушение технологии, и сама печь тут ни при чем. Но в газетах уже появились измышления о несостоятельности русского проекта, и враги советско-индийской дружбы не скрывали своего ликования. Дело дошло до дебатов в парламенте. И «оживление» домны стало уже вопросом не техники, а большой политики.

Вместе с Хабаровым прибыли в Бхилаи опытнейшие советские доменщики — Георгий Иванович Адарюков, Лев Яковлевич Левин, Константин Васильевич Заварихин. Все они прошли богатую практическую школу, каждому было уже под шестьдесят. Но ни один не встречался с подобным случаем, хоть и немало разных аварий устраняли на своем веку. И тем не менее двух мнений быть не могло — последствия катастрофы надо ликвидировать в самое ближайшее время. Но как?

— Есть у меня одна мысль, — сказал Хабаров товарищам. — Слышал я от одного из первых учителей, Василия Никаноровича Потапкина, как когда-то поступил Курако в схожей ситуации. И во время войны, когда мы начинали плавить специальный чугун для броневой стали, чуть было печь не застудили. До полной остановки не дошло, но отдельные районы прихватило, образовались внутри наплывы застывшего чугуна. Так мы их через фурмы кислородом прожигали. Может быть, и сейчас так попробуем?

Они сели за расчеты. Идея выглядела заманчиво, но казалась очень рискованной. Малейшая ошибка — и положение не поправишь уже никакими силами. Но это был тот именно другой путь, которого не увидели западные специалисты.

Подробности «спасательной операции» представляют чисто технический интерес, и нет надобности на них останавливаться. Скажем только, что гигантскую глыбу, застывшую внутри печи, растапливали постепенно, как льдину струйкой пара. А добраться к монолиту можно было единственной дорогой — через фурмы, устройства для вдувания в домну горячего воздуха, которые расположены в нижней части печи, по всему ее периметру.

В одну из фурм, как в амбразуру дота, ударила струя пламени кислородной горелки. Наконец удалось

выплавить в необъятной толще чудовищного слитка небольшое гнездо, объемом около двух кубометров. Затем направление атаки изменилось — был прорезан ход к соседней фурме. Огненная зона все время расширялась и на шестые сутки захватила участок чугунной летки — отверстия, через которое выпускается жидкий металл. Когда в ковш медленно, словно нехотя, поползла вязкая раскаленная масса, можно было уже не сомневаться — одержана победа! Печь сдалась, и все дальнейшее зависело от внимания и аккуратности аварийной команды.

Хабарову, как самому молодому из четверки, большей частью приходилось работать ночами. От нервного напряжения, от непомерной усталости темнело в глазах, тело сводили судороги, но ни разу не показал он, как ему тяжело. Наоборот, чем труднее было, тем увереннее старался выглядеть. И такая неукротимая энергия постоянно жила в его отнюдь не богатырском теле, что индийские рабочие, обычно сдержанные и невозмутимые, только ахали. «Человеком-вулканом» называли они Хабарова между собой, и это прозвище так за ним и осталось.

На двенадцатые сутки домна заработала в полную силу. Это казалось фантастическим, невероятным, но печь стала действовать, как и все другие. И словно праздник начался на заводе. Сотни людей приходили взглянуть на новое «русское чудо», и почести советским специалистам оказывались прямо-таки королевские. Им предложили запросить за свой труд любую сумму. Но от денег все дружно отказались. Попросили одно: если можно, пусть им покажут страну, лучшие ее достопримечательности. И началась их триумфальная поездка, которая продолжалась целый месяц. Встречали всюду доменщиков точно космонавтов, и даже не по себе становилось им от всеобщих знаков внимания. Одна мысль успокаивала — восторги эти прежде всего адресованы к Советской Родине. А они лишь ее рабочие полпреды...

Старшим мастером доменного цеха Константин Филиппович стал в 1961 году, вскоре после первого возвращения из-за границы. Прежде эта должность именовалась более звучно — обер-мастер, и ни в одном другом цехе такой не было. Доменщики словно подчеркивали, что у них работа не чета иным. И верно, на старых пе-

чах обером мог быть лишь человек огромной силы и железного здоровья — такая на него падала физическая нагрузка. Но со временем пришла на домны автоматика, появилась совершенная контрольно-измерительная аппаратура, были механизированы самые трудоемкие операции, и требования к командирам производства изменились. Старший мастер должен был теперь работать не столько руками, сколько головой.

Наверное, в будущем доменный процесс удастся автоматизировать полностью — управлять им станут электронно-вычислительные машины. Но пока главной фигурой у домны остается человек. Техника облегчила его труд, но не заменила его. А в чем-то задачи даже усложнились: современное производство требует все более глубоких знаний.

Неискушенному наблюдателю работа мастера доменного цеха может показаться спокойной и не особо сложной: ходит себе у печи, поглядывает на приборы и лишь изредка отдает короткие распоряжения. Разве много для этого надо способностей?

Оказывается, очень много. Мастер держит в памяти сотни разных факторов, следит за непрерывно изменяющимися параметрами, и решения его должны быть мгновенными и единственно верными. Печь, как укрощенный дикий скакун, послушна только до той поры, пока чувствует опытную руку. Стоит чуть ослабить внимание — и она собьется с хода, потеряет темп. Вот почему за сверхплановыми тоннами чугуна, за высокими экономическими показателями обязательно стоит вдохновенное мастерство. И твердые знания.

Когда доменщики седьмой печи только обсуждали обязательства коллектива коммунистического труда, пункт об обязательной учебе вызвал самые горячие споры. Некоторые рабочие полагали, что достаточно заниматься на курсах по повышению квалификации, а вот техникум или институт — уже лишняя роскошь. Во всяком случае, идти туда надо не каждому.

— Ну, получу я диплом, — рассуждал один горновой, — а дальше что? В начальники не собираюсь, а заработок все равно не прибавится... Так стоит ли терять силы и здоровье ни за что?

— Ошибаешься, — горячо возражали ему товарищи. — Человек живет не только работой. Чем образованней он, тем шире круг его интересов, полнее жизнь.

Но и на производстве скоро нечего будет делать без диплома — даже рядовому рабочему.

— В одном иностранном журнале, — заметил мастер Юрий Федулов, — я как-то прочел, что горновому достаточно знать четыре действия арифметики и уметь считать в пределах тысячи. У нас же специально такого будешь искать — не отыщешь. И не удивительно. При капитализме рабочий — простой придаток к машине, и чем меньше он станет рассуждать, тем для хозяина лучше. А в нашей стране каждый трудящийся должен не только владеть своей специальностью, но и четко знать общие закономерности производства. Скажем, газовщику надо глубоко разбираться во всей технологии доменного процесса, поскольку его действия на рабочем месте непосредственно влияют на ход печи. Но и горновой обязан понимать, почему печь идет в данный момент так, а не иначе. Короче говоря, каждый из нас одновременно и исполнитель, и творец...

Пожалуй, самым значительным результатом стала у доменщиков всеобщая тяга к учебе. И прежде они работали на совесть, отличались высокой производственной дисциплиной, и прежде дружным и сплоченным был у них коллектив. А вот учились далеко не все. Так что самой зримой переменой в их жизни, качественно новым скачком вперед оказался поход за знаниями. Лозунг «Даешь интеграл!», брошенный с трибуны комсомольского съезда мастером доменной печи Валентином Новиковым, точно определил для них программу действий на годы вперед.

О хороших начинаниях надо судить по конкретным результатам. Вот что рассказывает Константин Хабаров о тех, с кем он начинал новый этап соревнования, чьи подписи стояли под обращением, принятым осенью 1958 года:

— Выросли мои товарищи, ни один не остался на месте. Мастером работает бывший газовщик Иван Лобай, окончил техникум и стал мастером Виктор Родиков, кончил школу мастеров Михаил Жилин... Горновой Дмитрий Карпета, газовщик Владимир Дюкин тоже сейчас мастера. Вчерашние рабочие Иван Кубасов, Александр Бешкуров, Виктор Ташлинцев и другие получили дипломы инженеров, Юрий Федулов защитил кандидатскую диссертацию. Нет в цехе работника, который не повысил бы свое образование. Это. конечно, отразилось на

результатах работы коллектива. Движение за коммунистический труд вступило у нас в новую фазу...

О доменном цехе коммунистического труда написано уже немало. И порой авторы газетных очерков и корреспонденций искали приметы возросшего общественного самосознания во второстепенных, хотя и броских, деталях. Скажем, не без умиления описывали, как навещали рабочие своего заболевшего товарища, как устраивали совместные лыжные прогулки или выезды на рыбалку, как приходили в цех их жены и матери... Все это верно, и подобных примеров можно назвать множество. Но Хабаров считает, что смысл движения за коммунистический труд гораздо глубже и подлинный коллективизм в первую очередь проявляется не в часы досуга. И говоря о новой фазе, он имеет в виду ту поистине исследовательскую работу, которая ведется в цехе уже несколько лет. Ее лозунг — «Каждому агрегату — конкретный план технического прогресса!». Об этом начинании, тоже родившемся на седьмой доменной печи, следует рассказать подробнее.

Если разобраться в логике событий, нетрудно увидеть, что первоосновой очередного почина доменщиков послужил именно возросший уровень образования рабочих и мастеров. Прежде, когда люди просто исполняли свои обязанности добросовестно, умело, но все же не вдумываясь глубоко в суть своего труда, о каких-то творческих поисках на рабочих местах не могло быть и речи. Доменная печь, как не раз уже говорилось, — агрегат чрезвычайно сложный и капризный, и экспериментировать без достаточной подготовки на ней невозможно. Когда в годы войны нужда заставляла менять привычную технологию, итогом были подчас аварии, бессонные ночи, нечеловеческое напряжение.

И вот коллектив цеха пришел к выводу, что есть возможность заметно поднять производительность каждой печи, если последовательно осуществить целую серию технических и технологических новшеств. Для этого решено было составить широкий план экспериментальных работ для каждой домны в отдельности. На одной проверить, к чему приведет вдувание в печь мазута, на другой — как повлияет на ход печи изменение системы загрузки, на третьей — что даст снижение влаги в дутье. Это были первые, сравнительно несложные шаги, но и они поначалу вызывали опасение. Ведь может

и так случиться, что производительность домен снизится, люди потеряют в заработке, да и авторитет цеха может пострадать. Вот тут-то и проявились качества, рожденные в ходе соревнования за коммунистический труд. Поскольку итогом поисков могли стать тысячи дополнительных тонн металла, временные затруднения оправданы, заявили рабочие. И ни один не захотел остаться в стороне от общего дела.

Невозможно даже коротко рассказать о всех опытах, проведенных в цехе. Каждый из них по-своему интересен и важен — ведь положительные результаты немедленно становились общим достоянием, тотчас внедрялись в повседневную практику. Поэтому назовем лишь наиболее ценные исследования. На седьмой печи впервые в стране были проведены эксперименты по использованию нового вида сырья — офлюсованных окатышей. Даже опытные металлурги спорили, надо ли развивать в дальнейшем их производство, потому что при использовании этого сырья резко менялся технологический режим и ожидаемых результатов не получалось. Доменщики седьмой печи доказали, что окатыши — перспективная новинка, сумели провести плавки сначала при 50 процентах окатышей в шихте, а затем и при 100 процентах. На третьей печи был освоен режим высокотемпературного дутья, на шестой — методы получения низкосернистого чугуна. И не случайно технологическое бюро цеха, которое координировало и направляло эти и другие работы, на комбинате стали именовать шутливо-почтительно — МНИИД, что означало «малый научно-исследовательский институт доменщиков». Впрочем, не такой уж и малый — научной работой в цехе занимались сотни людей.

А теперь подведем некоторые итоги творческих поисков коллектива. За годы восьмой пятилетки производство чугуна в цехе увеличилось на 2 миллиона 224 тысячи тонн — более чем на 30 процентов. Коэффициент использования полезного объема печи доведен до 0,531. Производительность труда каждого работающего возросла на 882 тонны. Возможно, сухие эти цифры иному покажутся скучными и на фоне общих замечательных достижений народного хозяйства страны не такими уж выдающимися. Но надо заметить, что подобных результатов не знает ни одно металлургическое предприятие страны. И что человек, хоть немного сведущий в черной

металлургии, почтительно склонит голову перед этими показателями — показателями героического труда, творческого горения, высокой культуры производства. Когда вдумаешься в их сущность, то восхищаешься ничуть не меньше, чем космическими успехами. Ведь основа в том и другом случае общая — талант, умноженный на труд.

Тридцать лет миновало с той поры, когда Константин Хабаров впервые переступил порог доменного цеха. Три десятилетия подряд несет он нелегкую огненную вахту и глубоко убежден, что работа его одна из самых интересных и увлекательных в мире. И что творчества в ней ничуть не меньше, чем в любом виде искусства.

Это не суждение однобокого практика. Как и в юности, Хабаров страстно увлекается живописью, и, если бы можно было собрать вместе все его произведения, получилась бы целая картинная галерея. Да только не хранит он свои работы — щедро раздаривает друзьям и знакомым. И даже сам не может вспомнить, где сейчас лучшие его уральские пейзажи, индийские зарисовки, портреты. Наверное, и в этом «расточительстве» сказывается характер магнитогорца: прежде всего людям, себе потом...

Художники-профессионалы обычно тяготеют к определенному жанру. Один предпочитает многоплановую, монументальную живопись, другой — пейзажи, третий — портреты. Большинство картин Хабарова в чем-то сродни его основной специальности — охотнее всего изображает он восходы и закаты солнца, любит яркие, сочные краски. Кажется, что и в окружающей природе прежде всего ищет буйную красоту огня, великолепные контрасты света и тьмы, с которыми каждодневно встречается у себя в цехе. Но есть у него и еще одна любимая тема. За годы работы в цехе Константин Филиппович выпустил сотни «молний», боевых листков, стенных газет и сатирических плакатов. Это было его основным сначала комсомольским, а затем партийным поручением, и острые рисунки, неизменно бившие в цель, всегда оказывались хорошим подспорьем в воспитательной работе. И своей деятельностью художника-публициста Хабаров гордится, пожалуй, так же, как и производственными достижениями.

Но живопись, рисунки — это только для досуга. Ра-

бочие часы — а нередко немалое время и сверх того! — безраздельно отданы делу. Забот же у него прибавляется день ото дня...

Особенно насыщенным событиями стал для доменщиков 1970 год — завершающий год пятилетки, год ленинского юбилея. Если говорить коротко, прошел он под знаком борьбы за технический прогресс. Но такое определение слишком расплывчато, а магнитогорцы любят во всем строгую определенность. И потому стоит назвать хотя бы некоторые из новинок, к которым приложили руки Константин Хабаров и его друзья.

Одним из самых тяжелых с давних пор считался в доменном цехе участок горновых работ. Здесь все время приходится иметь дело с расплавленным металлом, и основные орудия труда у горновых всегда были лом, лопата да пудовая кувалда. На собственном опыте знает Константин Филиппович, каких физических усилий требует труд горнового, — рубаха каменеет от соленого пота, тело наливается свинцовой тяжестью... Поэтому механизацию горновых работ доменщики стали считать задачей номер один. Негоже в наш век автоматики орудовать дедовскими кувалдами, говорили в цехе. Коллективная мысль настойчиво искала новые решения.

Постепенно появились в цехе консольно-поворотные краны, гидрогрейферы, вибротрамбовка, мощные электропушки для закрывания леток. На смену ломам пришли пневматические устройства. Но самым интересным новшеством стала качающаяся ванна — очередное изобретение новаторов комбината. Горновому теперь не надо укладывать несколько длинных дорожек-желобов, по которым жидкий чугун бежит в ковши. Он просто поворачивает рукоятку контроллера, и поток металла меняет свое направление, начинает поступать в новый ковш. Чтобы перенять это оригинальное устройство, на Магнитку едут со всех металлургических заводов страны. Гостей буквально поражает, как преобразился труд у горна, как ловко управляются рабочие со сложной техникой.

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина основные работы по механизации трудоемких процессов в цехе были закончены. Доменщики по праву гордились таким подарком юбилею. Успешно завершилось и соревнование за право нести почетную юбилейную вахту. Массовое движение металлургов страны, начатое по призыву челябинского сталевара Ивана Панфиловского, вы-

лилось 22 апреля в подлинный апофеоз социалистического труда, смотр наших достижений. Лучшие из лучших встречали этот день у домен, мартенов, конверторов, прокатных станов, и запомнился он как одно из самых ярких событий нашего времени.

Рапортуя о выполнении своих юбилейных обязательств, доменщики называли и другие свои достижения: удалось перейти на десятиразовый выпуск чугуна из печи в сутки (лет пятнадцать назад металл выпускали по шесть раз), более совершенная технология позволила увеличить производительность агрегатов. В конце года были подведены окончательные итоги: всего за пятилетку коллектив цеха выпустил сверх плана свыше 400 тысяч тонн чугуна. И можно с уверенностью сказать, что не одну сотню тонн из этого количества следует отнести на личный счет старшего мастера Константина Хабарова.

В доменном процессе мастер выступает не только как организатор производства. От него в значительной мере зависит ход всего технологического процесса. И прежде всего — качество выплавляемого чугуна. Вот почему с таким волнением читал Константин Филиппович те строки Директив XXIV съезда КПСС, в которых говорилось о черной металлургии: «Считать основной задачей коренное улучшение качества металлопродукции...» Эти слова имеют к нему самое непосредственное отношение.

Всегда приятно, когда жизнь подтверждает правильность выбранного тобой направления. Но вдвойне радостно, когда ты сам прокладывал путь, по которому пойдут за тобой многие. Несколько слов в Директивах съезда партии о развитии производства железорудных окатышей радуют магнитогорских доменщиков как награда: ведь это они принимали непосредственное участие в освоении новинки. Значит, опыт, накопленный коллективом «родной» Хабарову седьмой печи, сослужит большую пользу.

Новую пятилетку коллектив доменного цеха начал, как и все прошлые, с большим размахом, с далеко идущими планами. Но Константину Филипповичу снова пришлось покидать товарищей. Летом 1971 года он в третий раз отправился в Индию. В Бхилаи надо пускать очередную домну, и вновь понадобилось удивительное мастерство русского умельца. Командировка предстоит

продолжительная, и потому вместе с Хабаровым поехали его жена и младший сын, названный в честь погибшего на войне брата Василием. Дочка Лариса осталась — она уже взрослая, работает.

Накануне отъезда Константин Филиппович с семьей долго ходил по улицам родного города. Перед долгой разлукой особенно остро, до боли в сердце, чувствовал он, как бесконечно дорог ему Магнитогорск, выросший вместе с ним, ставший частицей его самого. Город его юности, его славы, его рабочей гордости...

Широкие проспекты и зеленые кварталы нового Магнитогорска раскинулись на правом берегу реки Урал, по которой проходит незримая граница, разделяющая две части света. Большинство магнитогорцев, как и Хабаров, живет в Европе — и надо сказать, что по красоте, по добротности своих построек, по современному их облику металлургическая столица Урала не уступает иным европейским столицам. Единственная палатка сохранилась среди многоэтажных корпусов — да и та из железобетона. Ее поставили на пьедестал как памятник первостроителям города, среди которых были отцы и деды многих сегодняшних магнитогорцев.

А на левом берегу, в Азии, дышит в сотню труб металлургический гигант. На фоне вечернего неба четко рисуются силуэты десяти его домен, и немеркнущими зорями вспыхивают над ними огненные отблески плавок. «Металл идет», — с уважением говорят горожане.

Вырос город, разросся завод — стал крупнейшим в мире комбинатом. Вот только Магнитной горы больше нет. Несметные некогда богатства переплавлены более чем в 200 миллионов тонн стали, которая честно работает сегодня на коммунизм во всех уголках нашей необъятной страны. Но руда для домен продолжает поступать с других богатых месторождений, и не будет конца могучей жизни уральского гиганта...

Припоминается одно яркое суждение. Оно принадлежит другу Хабарова, почетному гражданину Магнитогорска поэту Борису Ручьеву. Когда его спросили, не следует ли на берегу Урала зажечь Вечный огонь в честь тех, кто строил Магнитку, кто год за годом умножал ее славу, он ответил:

— Они сами зажгли этот огонь. Он светит и греет, огонь Магнитки. Греет своим теплом всю страну. Другого не надо.

СОДЕРЖАНИЕ

НОВАТОРЫ. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1972.
Н72. 416 с., с илл («Жизнь замечательных людей». Серия биографий.) Вып. 12 (519)
На обороте тит. л сост. **Л. Рогачевская**

Кто не знает имени шахтера Алексея Стаханова или ткачихи Валентины Гагановой? Их знают не только в нашей стране, но и за рубежом.

Сборник «Новаторы» расскажет о пятнадцати знаменитых, прославленных представителях нашего рабочего класса. Среди героев этой книги будут сыны и дочери всех поколений — и тех, кто прославился в годы первых пятилеток, и тех, кто возглавил движение за коммунистический труд.

Авторы сборника — писатели, журналисты, ученые — рассказывают о героях труда на строго документальной основе.

$\frac{7-2}{336-71}$ 331

НОВАТОРЫ. Сборник

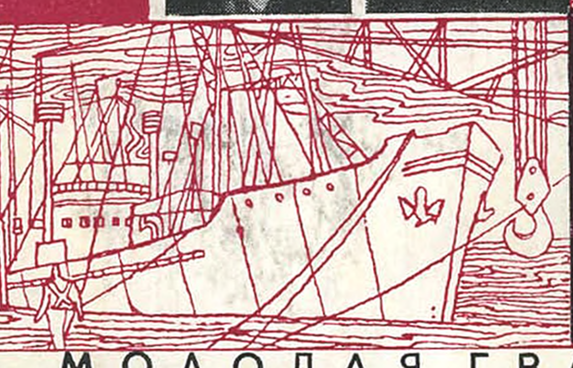
Редактор **Ю. Василькова**
Серийная обложка **Ю. Арндта**
Рисунок на обложке и заставки **Г. Пондопуло**
Художественный редактор **А. Степанова**
Технический редактор **А. Захарова**
Корректоры **А. Стрепихеева, К. Пипикова, А. Долидзе**

Сдано в набор 9/III 1972 г. Подписано к печати 24/X 1972 г. А11090. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Печ. л. 13 (усл. 21,84) + 24 вкл. Уч.-изд. л. 25,5. Тираж 100 000 экз. Заказ 390. Цена 1 р 12 к., в коленкоре с суперобложкой 1 р 26 к. Б. З. № 31, 1972 г., п. 23.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: Москва, А-30, Сущевская, 21.

НОВАТОРЫ

1 р. 12 к.

Сборник

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ